Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ПЛАНОВОЕ ХОЗЯЙСТВО.

Ежемесячный
политико-экономический журнал

ПОД РЕДАКЦИЕЙ

Р. Е. Вайсберга, Л. М. Гатовского, Э. И. Квиринга, Г. М. Кржижановского, А. Б. Маймина, А. С. Мендельсона, С. В. Минаева, А. И. Петрова, С. Г. Струмилина и С. В. Шахновской (отв. ред.)

1930

10-11

ОКТЯБРЬ — НОЯБРЬ

ИЗД. ГОСПЛАНА СССР МОСКВА

ПЛАНОВОЕ ХОЗЯЙСТВО

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ

Р. Е. Вайсберга, Л. М. Гатовского, Э. И. Квиринга, Г. М. Кржижановского, А. Б. Маймина, А. С. Мендельсона, С. В. Минаева, А. И. Петрова, С. Г. Струмилина и С. В. Шахновской (отв. ред.)

Отв. секретарь А. И. СТРИКИС

№ 10-11

октябрь-ноябрь

1930 г.

ПЛАНХОЗГИЗ
МОСКВА

СОДЕРЖАНИЕ

ОТДЕЛ I

Стр.

ЭКОНОМИКА и ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

Г. Кржижановский. Вредительство в энергетике 5
Р. Вайсберг. „Об'ективная" наука госплановских вредителей 27
М. Рагольский. О вредительской теории планирования Громана-Базарова 60
А. Ханковский. О вредительстве и оппортунизме в вопросах генерального планирования электрификации 98
Н. Сазонов. Нужна ревизия решений Всесоюзной топливной конференции и V теплотехнического с'езда 125
М. Смит, В. Хотимский, Б. Ястремский и др. Плановое вредительство и статистическая теория 139
Д. Рахман. О роли коллективного договора в выполнении промфинплана 169
З. Миндлин. Пути развития контрольных цифр народного хозяйства 187

ОТДЕЛ II

ПРОБЛЕМЫ МИРОВОГО ХОЗЯЙСТВА

С. Слуцкина. Третий период послевоенного краха капитализма 232
И. Боголепов. Лига наций и международные займы 259
В. Штейн. Иностранные капиталы в Азии 273

ОТДЕЛ III

ЭКОНОМИКА И ТЕХНИКА

Б. Кузнецов. Диалектика, естественные науки и техническая реконструкция . . . 295
А. Потяев. За электропахоту 318
И. Гершман. Проблема мелиорации болот и кормовой вопрос 324

ОТДЕЛ IV

ЭКОНОМИКА И СТАТИСТИКА

А. Боярский. О центрографии как „новой статистике" и о центрографах 334
Основные показатели народного хозяйства в особом квартале 341

ОТДЕЛ I

Экономика и экономическая политика

Г. Кржижановский

Вредительство в энергетике[1]

Товарищи, вчера наши газеты обошла следующая телеграмма из Харькова:

«Промышленность Донецкого бассейна испытывает острый недостаток в электроэнергии. В последнее время уделяется исключительное внимание обеспечению Донбасса электрической энергией. Но все строительство электростанций в Донбассе проходит недопустимо медленно.

В настоящее время первая и вторая очереди Штеровской электростанции дают только 32 тыс. киловатт, несмотря на то, что турбины могут давать 64 тыс. киловатт. Вторая очередь Штеровской электростанции, которая должна была быть пущена еще 1 июля 1930 г., до сих пор не действует. Турбины установлены, но с установкой котлов запаздывают на 6 месяцев, и вследствие этого турбины обречены на бездействие. Не лучше положение и со строительством третьей очереди Штеровки. Эта часть строительства также не будет закончена к сроку (1 апреля 1931 г.).

Строительство Зуевской электростанции остро нуждается в материалах и рабочей силе. Если в ближайшее время не будут приняты меры к снабжению стройматериалами, строительство будет сорвано. С оборудованием положение крайне тревожное. Повторится очевидно штеровская история: турбины установят, но их нельзя будет использовать из-за отсутствия котлов.

Строительство первой очереди электростанции Донсода закончено, однако пуск ее задерживается из-за аварии турбогенератора, который теперь ремонтируется. Для постройки второй очереди турбины и котлы начинают поступать, но электрооборудование не заказано Энергостроем до настоящего времени. Всесоюзное Электрооб'единение сообщает, что основное электрооборудование для электростанции будет готово не ранее 1932 г., а станция должна быть пущена к 1 августа 1931 г. Строительство испытывает большой недостаток в цементе, лесе, кирпиче, а также в рабочей силе.

В Каменском пуск первой очереди электростанции при заводе им. Дзержинского тоже по всей вероятности будет задержан не-

[1] Доклад на заседании секции техники Комакадемии 19/XI 1930 г.

своевременной доставкой котлов. Строительство стройматериалами необеспечено. Темпы работ неудовлетворительны.

В дискуссии на заседании президиума ВСНХ отмечалась крайняя неупорядоченность энергетического хозяйства Донбасса. Электростанции Донбасса беспризорны, за ними никто не смотрит. Хозяйственники относятся к энергохозяйству как к подсобному предприятию, и в результате этого в энергохозяйстве имеются тысячи неполадок, неувязок, перебоев. На заседании отмечалось, что потребители энергии новых электростанций не подготовлены к приему тока».

Если бы мы читали подобного рода сообщения, не зная нынешних вредительских документов, то пожалуй мы пришли бы к выводу, что перед нами обычная характеристика наших неполадок, нашей хозяйственной расхлябанности. Приходится констатировать, что у нас плановый режим хозяйства, охватывающий огромную страну, сильно прихрамывает еще в важнейшем энергетическом районе. Однако, вчитываясь в показания наших вредителей, мы видим, что перед нами не простая хозяйственная расхлябанность. Здесь налицо определенные ставки и достижения наших классовых врагов. Невольно вспоминаешь одно из многочисленных показаний Ларичева, предупреждающего, что, несмотря на вскрытие вредительских дел и вредительских организаций, потребуется еще весьма большая работа для того, чтобы изжить то зло, которое посеяно вредителями.

Разрешите, товарищи, не ограничиваться цитатами из тех показаний вредителей, которые находятся в настоящее время в наших руках, и ради экономии нашего времени прибегать к некоторой сводке показаний и к сокращенному изложению их. Должен признаться, что изучение этих документов — не легкое дело. Невольно охватывает при этом чувство отвращения. Однако это совершенно необходимо. Ведь недаром нынешние пленники пролетарской власти утверждают, что еще вчера мы были их пленниками. Рамзин горделиво заявляет, что он и его товарищи чувствовали почти неограниченную свободу планирования. Ларичев утверждает, что Госплан — штаб экономической политики — был превращен ими в штаб вредительской политики. Верно ли это? Во всяком случае несомненен тот факт, что в самой непосредственной близости к нам работали наши заклятые враги. Уже много лет тому назад я утверждал, что наша работа планирования отнюдь не просто кабинетное занятие, не просто смелая попытка, опираясь на научные истины и социализма, и целых серий точных наук, охватить экономику огромной страны и воплотить идеи плана в опыте миллионов трудящихся. Я утверждал, что для того, чтобы такое воплощение имело место, необходимо вести жестокую борьбу за план. Но, товарищи, я все же не думал, что придется работать в условиях такого прорыва нашего фронта. Вероятно, эту ошибку мою разделяло большинство хозяйственников. Факт остается фактом. Эти враги утверждают, что держали наш штаб в плену. Я утверждаю, что, несмотря на

прорывы нашего строительства, несмотря на наш урон в бою, забрать нас в плен врагам нашим оказалось не по плечу.

Цель моего доклада — проследить вместе с вами методы и приемы борьбы вредителей и сделать отсюда надлежащие выводы для борьбы в грядущем. А ведь никто из нас не сомневается, что перед нами еще суровый путь борьбы, суровый путь дальнейших испытаний.

Говоря о вредительстве в энергетике, на первый план приходится поставить показания двух лиц — Рамзина, который так прямо и пишет, что держал в своих руках общее руководство вредительством в энергетике, и Ларичева, его главного помощника, весьма не поскупившегося на свои показания.

Фигура Рамзина вероятно достаточно известна присутствующим. Он умел импонировать и диапозоном своих технических знаний и умелой защитой своих положений. Он играл немалую роль и в Государственной комиссии по электрификации.

Рамзин обрисовывает свою организацию, как организацию весьма конспиративно составленную. Она была образована по системе обособленных цепочных связей, приурочнных к определенным отраслям народного хозяйства. Эти цепочки не знали друг друга. Контакт происходил только через верховные звенья. Даже в одной и той же цепочке высшее звено не имело непосредственного контакта с звеньями периферии. По глазомеру Рамзина выходит, что центр состоял из 40—50 человек. Непосредственно к этому центру примыкало 400—500 человек. Если эти показания правильны, то выходит, что штаб вредителей по численности примерно соответствовал прежнему Госплану. Вчитываясь в показания, приходишь к выводу, что «цепочки» Рамзина отличались выдержанной дисциплиной.

Пару слов относительно тактической платформы вредителей. Она поражает своим фашистским цинизмом. В одном из своих показаний Рамзин признается в своей близости к фашизму. Тактика вредителей вместе с тем была умело приспособлена к действительности, диалектически из нее вытекала. Вот как характеризует Рамзин общую ситуацию: «Начавшийся после восстановительного периода успешный ход реконструкции страны, быстро растущее укрепление ее экономического состояния и соввласти делали совершенно безнадежными расчеты на контрреволюционный переворот внутренними силами, путем крестьянских или военных восстаний, а вместе с тем сильно уменьшали шансы на благоприятный результат интервенции, ибо параллельно с ростом экономической мощи Союза росла и его военная мощь, а следовательно и сопротивляемость интервенции. Поэтому центр изменил свою тактику и пришел к выводу о необходимости активного ускорения контрреволюционного переворота путем искусственного ухудшения экономической жизни Союза, т. е. стал на путь вредительства. Характер и методы последнего менялись в связи с общей ситуацией».

Рамзин по своему положению хорошо был знаком с важнейшими документами, характеризующими жизнь советского хозяйства. Он отдавал себе отчет, как мы видим, в жизнеспособности этого организма и пришел к определенному выводу, что только насильственная смерть может задушить ростки этого могучего организма.

В начале своей работы вредители напрягали усилия, чтобы всячески вовлечь нас в сторону минималистских установок. Но уже с 1928 г. сделан был радикальный поворот на максималистские ставки, что было связано с особой тактикой «омертвения капитала», вовлечения большевиков в грандиозное долговременное строительство, плоды которого, по расчетам вредителей, могли выпасть на долю лишь тех, кто сменит большевиков.

В одном месте он прямо показывает, что успех их тактики минималистских ставок превосходно иллюстрируется первой «куцей» пятилеткой Госплана. Выходит так, что мудрецы-вредители уже в 1926 г. знали о недостаточности тех темпов, которые намечались в первой пятилетке. Нет никаких сомнений, что специалистам-вредителям удавалось злостно скрывать от нас истинные масштабы наших технических ресурсов. Они тормозили наш под'ем как по металлу, так и по энергетике. Но нет никаких сомнений, что только в длительном опыте социалистического строительства возможно было узнать те действительные величины хозяйственных ускорений, которые до поры до времени еще никому не могли быть известны. И в частности можно показать, что как раз по линии электроэнергетики ставки первой пятилетки почти целиком вошли в пятилетку последующую и что главная наша беда не в том, что эти ставки малы, а в том, что и они до сих пор еще не реализуются в нашей строительной практике.

Во всяком случае следует признать, что недостаточное знание наших особых шансов социалистической реконструкции облегчало работу вредителей в сторону минимализма. Теперь они пишут, что, вступивши в прямые связи с интервентами, они порадели в сторону строительства «вабанк» ради пользы своих хозяев из парижского Торгпрома. Вот как пишет по этому поводу Рамзин:

«Наконец примерно в 1928 г. с появлением надежд на близость контрреволюционного переворота более широко применяется метод вредительства путем длительного омертвения капиталов, вкладываемых в строительство, т. е. вкладывание народных средств в сооружения с длительными строительными периодами или же в предприятия, которые по наличию других необходимых факторов можно использовать лишь в более далеком будущем и таким образом ненужных или бесполезных для данного момента. Такой метод омертвения капиталов и использования их с низкой эффективностью 1) отрывал капитальные средства, сокращал масштабы эффективного строительства и темп экономического развития страны, а 2) за счет сокращения удовлетворения текущих потребностей, благодаря отрыву средств на малоэффективное в данный момент строительство, увеличивал советское наследство для нового правительства, вызывая в то же время рост недовольства широких масс населения».

По-профессорски гладко, но не достаточно. Причина поворота тактики вредителей в фактической победе генеральной линии партии. Именно проведение этой генеральной линии обеспечило такие фактические темпы хозяйственного под'ема, что ставки на минимализм не могли рассчитывать ни на самомалейший успех. И Ларичев и Рамзин пишут, что уже с последнего топливного с'езда они стали защищать линию правильной технической политики. Кому шла на пользу эта правильная техническая политика? Ведь интервенция на их глазах откладывалась с 1928 на 1929, с 1929 на 1930 и с 1930 на 1931 гг. Уже шли разговоры о возможности отодвижки интервенции на дальнейшие сроки. А Рамзину и Ларичеву, как видим, приходилось защищать уже правильную техническую политику, которая в таких условиях уже целыми годами шла на пользу работы большевиков. Не все гладко выходит у г. профессора, когда он утверждает то, что он забрал своих противников в плен.

Итак, у вредителей были свои минималисты, свои максималисты и свои двурушники. Читая их показания, мы видим, как при проведении минималистских установок они рассчитывали на правооппортунистическое крыло коммунистов. Неверие в силы рабочего класса было конечно естественным мостом между вредителями и правооппортунистами. Максималистские ставки особо теплый прием могли встретить конечно в лагере «леваков». Однако по слабости этого крыла на особый успех рассчитывать не приходилось. В своих показаниях Рамзин признается, что тактика максимализма не могла проводиться с той последовательностью, с какой проводились минималистские установки. Говоря о подготовке к топливной конференции, он упоминает об одном собрании, на котором обсуждался вопрос о максимальном раздувании программы, но так, чтобы экономисты не разгадали[1]. Видите, какое державное презрение к техникам-коммунистам. Эти верхушки технической буржуазной интеллигенции могут допустить мысль, что марксисты могут быть еще туда-сюда экономистами, но они никак не могут примириться с мыслью, что и в области техники им приходится считаться с особыми приемами диалектического материализма. Крупный техник-коммунист для них совершенно невероятное событие. А между тем можно было бы прочесть целый специальный доклад на тему о «буржуазной технической мысли» проф. Рамзина и ему подобных.

---

[1] „В связи с предстоящей топливной конференцией и новыми директивами ЦК Промпартии, — пишет Рамзин, — обсуждались возможности максимальной цифры наметок топливного плана, которые бы не вызвали явных возражений и оспаривания со стороны экономистов".

Фигура Осадчего в свете его нынешних показаний выявляется как фигура типового двурушника. Этот самый Осадчий при своем недавнем возвращении из-за границы, узнавши от меня об аресте вредителей, с глубоким чувством заявил мне, что при таких условиях самая жизнь для него теряет свою ценность, не хочется-де жить на свете, когда так много кругом подлецов...

Пойдем однако по следам фактической работы вредителей и соответственно заданиям нашей темы сосредоточим свое внимание на вредительстве по линии топлива и по линии электрификации. Ведь эти два крыла — эксплоатация тепловой и эксплоатация электрической энергии — как раз составляют два основных крыла энергетики. Топливо — хлеб и промышленность. Читая документы, видишь, какие гигантские усилия прилагали вредители, чтобы лишить нас этого насущного хлеба. Пользуясь признаниями вредителей, мы можем прежде всего установить некоторые основные точки зрения на топливную политику. И Рамзин и Ларичев пишут, что они немало постарались для оттеснения местного топлива на задний план. Учитывая, что начало военных действий может парализовать работу нашего Донбасса, они отмечают громадное оборонное значение торфа, подмосковного угля и Кузбасса. Прав ли был однако Комитет по химизации в своих нападках на Госплан, защищавший необходимость дальнейшей усиленной работы и в Донецком бассейне и в Кузбассе, т. е. в направлении форсирования добычи топлива дальнего привоза? С какой бы осторожностью к нынешним показаниям Рамзина и К° мы не относились, учитывая их положение, мы должны считать, что вряд ли они станут ныне извращать в этих показаниях основные технические установки.

В показании Ларичева от 3/XI 1930 г. читаем: «Мероприятиями по развитию местных топлив должна была бы быть ослаблена зависимость этих районов от привозных топлив и созданы на местах топливные базы мобилизационного значения. Однако, даже при самых благоприятных условиях и максимальных размерах развития местных топлив, эти районы все-таки должны иметь привозное топливо, и без надежной и мощной транспортной связи с Донбассом и Кузбассом были бы как в нормальных условиях, так и в особенности в период военных действий поставлены в тяжелые условия топливоснабжения. Поэтому под флагом полемики о политике местных топлив велась особо чреватая своими последствиями вредительская деятельность транспортной группы, сводящаяся к тому, чтобы отвлечь внимание от вопросов усиления и развития транспортной связи между Донбассом и Кузбассом и основными промышленными центрами страны».

Исходя из таких соображений относительно роли нефти, донецкого и кузнецкого углей, и Рамзин и Ларичев подчеркивают важность правильного разрешения вопроса о транспортных связях в направлении от центра на Донбасс и от центра на Кузбасс. Это не мешает им

одновременно утверждать, что, раздувая принципиальный спор о сверхмагистрализации этих направлений, они мешали рационализации топливного дела. Нам, конечно, известно, как поисками лучшего, маневрированием различными вариантами умеют пользоваться вредители в своих классовых целях, но в этих показаниях Ларичева и Рамзина проглядывает и нечто другое. Весьма возможно, что с их точки зрения выходило, что большевики не в силах будут осуществить те великие сверхмагистрали и на юг и на восток, которые защищались еще в плане ГОЭЛРО. В те времена Рамзин был сторонником такой магистрализации, впервые защищавшейся его учителем проф. Гриневецким. Но и в те времена не все было благополучно у того же проф. Рамзина по части основных идей энергетики и, скажем, по оценке роли электрификации в судьбах топливного хозяйства. Он всегда перегибал палку в сторону самостийности топливного хозяйства, и в отчетах VIII с'езда электротехников товарищи могут найти справки относительно той борьбы, которую мне пришлось вести с ним в этом отношении. В профессорском лагере и до сих пор еще очень много лиц, относящихся с обывательским презрением к трактовке основных вопросов электроэнергетики.

Каким же образом тормозили вредители наши работы по утилизации местного топлива? Начнем с торфа. Рамзин утверждает, что кроме запоздания разведок и подготовки болот главная ставка была на торможение фрезерного способа. Он вместе с тем свидетельствует, что в пределах пятилетки надо было поставить ставку на добычу 30 млн. тонн, а не 15 млн. тонн. Как же дело обстоит в действительности? Отметим прежде всего, что наша нынешняя добыча торфа превосходит довоенную добычу (около 1,5 млн. тонн) примерно в пять раз. Общая наша отсталость по разведке естественных топливных ресурсов широко известна. Несомненно также, что если бы наши научно-исследовательские органы, в том числе и Теплотехнический институт, надлежащим образом поработали над проблемами получения и сжигания фрезерного торфа, дело это вероятно более заметно подвинулось бы вперед. Но фактически все же, как об этом вы можете получить справки в Торфяном институте, для того, чтобы фрезерный способ стал преобладающим, придется еще весьма много поработать. Еще в 1919 г. я утверждал, что торф будет иметь для нас то же значение, какое уголь имел для Англии. Пятерной под'ем торфодобычи по сравнению с довоенным уровнем явился в значительной степени результатом такой оценки значения торфа, но ставку на 30 млн. тонн добычи к концу пятилетки мы сделали не по указке Рамзина, а на последнем топливном с'езде, на котором мы к работникам по торфу и работникам по подмосковному углю шли самым широким образом навстречу, ограничивая ставки их топливной добычи предельными, по максимуму их фактических добывных возможностей, цифрами. Сложные химические методы обработки торфа и Рамзин и Ларичев в своих показаниях и

ныне считают вредительскими. Однако свое ограничение торфодобыча находит не там, где указывает Рамзин[1]. Дело в том, что нынешние методы механизации торфодобычи и сушки торфа требуют громадного количества рабочей силы. Дело в том, что торфяное оборудование наталкивается на лимиты по металлу и машиностроению, и в этих направлениях придется как раз нажать, чтобы довести торфодобычу до того уровня, который необходим для нашего центра и северо-запада и необходим, в особенности на случай военных осложнений. Следует ли отсюда, что то разложение, которое вносили и Рамзин и ему подобные в ряды работников по торфу, имеет малое значение? Конечно нет. Работа на нашем топливном фронте нуждается в великом энтузиазме и громадной сосредоточенности энергии, и вредители знали, какое зло они сеют.

В чем заключалось вредительство по подмосковному углю? По характеристике Рамзина выходит, что центр тяжести вредительства в данном случае в отвлечении от постановки элементарных задач добычи этого угля в максимальном количестве для топливных целей, в постановке сложных химических проблем. Несомненно, что главная трудность популяризации подмосковного угля — это умелые методы сжигания его и подготовка потребителей. Припомните, что еще немногие годы тому назад наши железные дороги наотрез отказывались принимать этот уголь и что вообще широким потребителям его можно было навязывать только насильно. Вскрыть угледобычу подмосковного угля можно было только практикой больших электростанций на этом угле, по какой дороге мы и пошли. Торможение развития Каширской электростанции и в частности та волокита, которую создавал Рамзин в работах Теплотехнического института по применению правильных методов сжигания этого угля в пылевидном состоянии, конечно наносили тяжелые удары по развертыванию Подмосковного бассейна. Конечно все это свидетельствует не только о наших ошибках, но и о слабости наших кадров. Но все это необходимо учитывать, считаясь со всей ситуацией прошлых лет, которая позволяла не только вредительски попридерживать угледобычу Подмосковного бассейна, но и вырвать 655 тыс. тонн нефти из бронированных ее запасов и вредительски пустить эту нефть в оборот, мешая менее благородным видам топлива, которая позволяла раздувать в 1925 г. заминку по сбыту кузнецкого угля, сокращая работу Прокопьевских копей и допуская сдачу Киселевских копей Кузнецкого бассейна английским концессионерам. За всем тем следует признать, что Рамзину и компании удавалось втирать нам очки как раз при трактовке тех достижений по сжиганию подмосковного угля, которыми будто бы был силен Теплотехнический институт в своей помощи работе Каширской станции.

[1] Это между прочим иллюстрация ограниченности кругозора господ вредителей.

Однако особо разительными успехами по линии вредительства могут вероятно похвастаться вредители-нефтяники. Еще совсем в недавнее время мы считали наше нефтяное хозяйство особо передовым, представляли его себе каким-то положительным оазисом по сдвигам технической реконструкции. Разве не факт, что электрификация нефтяных районов была почти 100-процентная? Факт. Разве не факт, что старозаветный тартальный способ был заменен насосным в сравнительно быстрый срок и что об'единенная работа нефтяных скважин по сравнению с прошлым, представляла огромный шаг вперед по технической и экономической эффективности? Уже в 1926/27 хозяйственном году нефтедобыча перевалила за довоенную черту и шла вперед в таких темпах, которые были неведомы нашему нефтяному прошлому. И тем не менее оказывается, что здесь-то и было самое поганое вредительское гнездо, представлявшее мощную организацию от своего верховного научно-технического совета до низовых производственных ячеек включительно. Приходится признать, что именно здесь вредители организационно оказывались особенно сильными и нанесли стране особо существенный вред. Ларичев в своих показаниях утверждает, что они как бы представляли государство в государстве и что целый ряд лет издевательски относились к самым плановым наметкам, нагло устраиваясь по-своему.

«Именно в нефтяной промышленности — пишет Ларичев в своем показании от 23-24 июня 1930 г. — наиболее трудно было добиться составления планов вообще и тем более их выполнения.

Специалисты-нефтяники, в руках которых было сосредоточено руководство всеми важнейшими отраслями нефтяного дела, особенно московские работники, представляли из себя весьма сплоченную группу, не допускавшую проникновения в их среду нежелательных им элементов.

Они имели очень сильное влияние на руководителей нефтяных трестов и ВСНХ... Они по существу не считались ни с какими утверждениями планов и практически держали в своих руках направление всего нефтяного хозяйства».

Позвольте отметить кстати, что в первые годы восстановительного периода значение наших планов было весьма относительно. Плановый охват хозяйства долгие годы реализовался только по частям. Разрыв между планом и исполнением никого не удивлял, настолько это было обычным явлением. Но как раз в эти годы весь упор вредителей, как об этом мы читаем в их показаниях, был направлен в сторону оперативных действий. А когда от оперативных действий они перешли к тактике планового вредительства, они сами же должны были признаться, что им быстро пришлось столкнуться с огромным противодействием партии. По показаниям Ларичева видно, что вредительству в области нефти помогало одно специфическое обстоятельство. Всем вам известно, как быстро растут наши потребности и как каждый год при составлении контрольных цифр происходит

урезка назначений по так называемым «бюджетным соображениям». В таких случаях работники оперативного ведомства не особенно заботятся о таких рентабельных отраслях, как, скажем, нефтяное хозяйство. Гораздо выгоднее закрепить назначение на более слабый пункт программы, а там-де — в последней инстанции «ошибки» ставок для таких выгодных отраслей, как нефть, все равно ликвиднут. В своих показаниях Ларичев обрисовывает перед нами, какие выгоды создавались для вредителей при такой системе действий. Первоначальные заявки с мест в ВСНХ предварительно смело урезывались. Поэтому они между прочим всегда поступали и в чрезмерно раздутом виде. Затем начинались поправки и поправки к поправкам. Создавалась такая неразбериха цифр, которая как раз и была нужна вредителям. Немало этому помогала и сложность нефтяного хозяйства. Здесь переплетаются в единое целое и вопросы предварительных разведок, и об'ем программы бурения, и вопросы добычи, и вопросы переработки, и специфические вопросы транспорта нефти, и сложные вопросы ее складского хозяйства. Точно так же можно было морочить голову якобы борьбой против хищнических методов добычи и использования нефти: смотрите-де, как вредительствовали в этом направлении англичане в Америке. Прибавьте сюда, что геология нефти представляет не только науку, но и некоторое искусство. Причем и среди геологов оказалось немало вредителей. Вся эта шайка уже давно была в контакте с Нобелями и Детердингами, этими опытными мастерами борьбы в стиле специфических приемов загнивающего капитализма.

Ныне Рамзин обстоятельно повествует, как и каким скопом они обрабатывали ответственных советских работников, поясняя, что «основные директивные линии сводились здесь к замедлению нефтеразведок, нефтедобычи и бурения, к задержке развития крекинга, к замедлению развития нефтеналивного флота и к задержке подготовки к транспорту и использованию парафинистого мазута» Он подчеркивал, что злостно была выдвинута установка «на бензиновые тракторы с применением крекинг-бензина или крекинг-керосина вместо радикальной ставки на тяжелое нефтетопливо, и получили согласие и поддержку... Как следствие этой установки получилась необходимость явно неосуществимой и невыгодной постройки более 100 крекингов и расширения нефтедобычи до 42 млн. тонн, с громадными... капитальными затратами — более 500 млн. руб., и при больших ежегодных перерасходах тоже около 500 млн. руб. в год» (показание от 29/XI 1930 г.).

Нефтяная цепочка была особенно солидно организована. Но когда Рамзин утверждает, что им удавалось «обработать» и академика Губкина, т. е. человека, в этой области обладающего большим именем, то это следует понимать лишь в том смысле, что господам-вредителям удавалось оттирать т. Губкина от таких позиций в работе, на которые он имел полное право рассчитывать.

Ныне Рамзин утверждает, что по ставкам нефтяной пятилетки наглядно виден переход от минимализма к максимализму, от 22 млн. тонн к 42 млн. тонн годичной добычи. Он не знает, что в настоящее время вместо ставки в 42 млн. тонн намечена ставка в 46 млн. тонн — на этот раз уже вне всяких директив со стороны рамзинской компании. Он подчеркивает, что 42 млн. ставка — фикция, а недавная экспертиза большого коллектива нынешних работников по нефти авторитетно поддерживала ставку в 46 млн. тонн. В чем же тут дело? Легко показать, что «максимализм» в области нефтяного хозяйства и быстрая смена вышеотмеченных наметок нефтедобычи — прямой результат того революционного переворота, который на наших глазах совершается в области сельского хозяйства. Если к этому техническому и социальному перевороту решающего значения прибавить наши потребности в области авто и авио и вообще по всей линии применения двигателей внутреннего сгорания, то причина смены нефтяных вех становится совершенно ясной. Причина — в наличности того нового ускорения по всему хозяйственному фронту, которое предвидел Владимир Ильич и о котором он говорил, что масштабы его «нам даже и не снятся». Эти масштабы не могли сниться даже таким колоссам, как Владимир Ильич, и их будто бы провидел такой пигмей, как Рамзин. Конечно это не так. «Они думают двигать — они сами движимы».

Вот когда Рамзин показывает, что нам давали ложные геологические справки и по району Эмбы, и по Баку, и по Грозному, — тут ему и книги в руки. Но уже докладывая пятилетку на с'езде, я отмечал эти недуги по отсталости геологических разведок в области топливных ресурсов и частью в области нефти. Теперь повидимому и американские эксперты не оспаривают, что потенциально мы обладаем богатейшими в мире нефтяными недрами. Мы повысили ставку с 5 млн. тонн нефтедобычи из новых районов до нормы свыше 15 млн. тонн. Реализация этой ставки — прямая производная от возможности нашего большевистского нажима в этом направлении. Не мешает подчеркнуть, что по показаниям Ларичева и Рамзина дальнейшее развитие постройки нефтепроводов является неотложным делом. Нефтепровод на Москву является по их мнению сомнительным, продуктпроводы следует сооружать после некоторых опытов в этом направлении. Искривление направления нефтепроводов на Батум и на Туапсе вместо Поти и Новороссийска злонамеренно достигнуто вредителями. Но всякий знающий историю вопроса должен будет признать, что самую идею строительства нефтепроводов приходилось отстаивать с бою и в частности при большом противодействии вредительских групп НКПС и НКФина.

Не останавливаясь на других разрывах в области нефтяного хозяйства, как например на разрывах между размерами нефтедобычи и нефтепереработки, и отметив довольно-таки противоречивые показа-

ния Рамзина о наших ставках на крекинг-процесс, охарактеризуем вкратце работу вредителей в области угледобычи.

Роль Донецкого бассейна и основы технической политики в Донбассе довольно широко развиты еще в плане ГОЭЛРО. В то время Рамзин повидимому еще не был изменником, и разрабатывая эти вопросы, я пользовался и его работами, и работами всей группы теплотехников, примыкавших в свое время к проф. Киршу, который заблаговременно умер до своей вероятной измены. В свете нынешних показаний вредителей мы можем прежде всего утверждать, что основы технической политики в Донбассе были намечены еще тогда совершенно правильно. Колоссальная роль электрификации в деле под'ема Донбасса быть может нуждалась в еще большем подчеркивании. Вредители по углю — Рамзин и Ларичев — ведут свою работу преемственно еще от Рабиновича и Федоровича. Следует подчеркнуть, что успешности этой работы весьма помогал разрыв между работой оперативной и работой планирования, наличность «средостения», как выражается Ларичев, между Госпланом и ВСНХ. В одном из своих показаний он прямо так и пишет, что вот-де дело доходило до того, что в ВСНХ издавались приказы, чтобы в стены Госплана поступали материалы не непосредственно от производственных центров, а уже после предварительной обработки их Топливным управлением. Таким образом, если это Топливное управление оказывалось в руках вредителей, то работа Госплана являлась уже парализованной. Это показание Ларичева чрезвычайно важно, потому что оно свидетельствует о невозможности рационализировать работу планирования, сосредоточивая внимание на работе одного Госплана СССР и не охватывая всей системы планирования, долженствующей представлять централизованное целое. Отсюда уже один шаг до того основного положения по рационализации энергетики, по которому наличность единого и мощного энергоцентра является основной и решающей предпосылкой. Я невольно вспоминаю при этом свой совместный провал с т. Куйбышевым при выступлении на эту тему в одном специальном заседании президиума ВСНХ — мы, конечно, не отдавали себе тогда отчета, что против нас действовали сплоченные силы вредителей.

Вредитель Чарновский показывает, что после шахтинского процесса вредителям главный упор пришлось сделать не на топливо, а на металл. Не так это выходит по тому подробному жизнеописанию Донбасса, которое дает Ларичев. Здесь целый ряд последовательных этапов. Дело началось с неправильной разбивки Донецких шахт на категорию действующих и консервированных. Правильность этой разбивки могли установить только такие знатоки фактического положения вещей, какими были Рабинович и Федорович, а они-то уже конечно постарались обрекать на консервацию то, что как раз было наиболее жизнеспособно.

Затем следовал довольно длительный срок, когда наши планы были сами по себе, а подлинная производственная и строительная деятельность — сама по себе. Этот разрыв между планом и оперативной деятельностью Ларичев прослеживает и устанавливает и на позднейшее время. В 1925/26 г., говорит он, был составлен первый перспективный план донецкой угледобычи, и если бы он был выполнен, то в значительной мере предотвратил бы ту напряженность на топливном фронте, какую мы испытываем в настоящее время. План имел в виду сооружение 30 новых крупнейших шахт и специальную программу по реконструкции старых шахт. И та и другая программы были преуменьшены. Истинные добывные возможности Донбасса были скрыты от нас. Но как обстояло дело и с этой программой? Уже в следующем году в программе крупного шахтного строительства вместо 30 шахт стояло только уже 24. Затем постепенно это число снижалось до 17 и наконец, до 13 шахт, да и эти 13 шахт оказались весьма плохо обоснованными и по предварительным геологическим разведкам, и по проектам, и по всей организации строительства на местах. Фактический ход строительства был настолько затруднен, что сжатие программы весьма легко было аргументировать самыми разнообразными «об'ективными причинами». Оперативная ненадежность механизма была настолько велика, что Ларичев мог позволить себе роскошь прямых нападок на ВСНХ за забвение крупного шахтного строительства, отделываясь в постановлениях высших инстанций такого рода поправками, которые оставляли воз на месте. Теперь задним числом нам превосходно видно, как жестоко приходится расплачиваться за все и всяческие элементы бюрократизации планирования и как непростительна доверчивость даже по отношению, казалось, к старым и испытанным работникам. Но маскировка была превосходной. Рамзин пишет, что вредители нарочно устраивали дискуссии, внешне разбиваясь якобы на враждебные фракции[1]. Они могли себе позволить эту роскошь, потому что располагали большинством научно-технических советов. Невольно вспоминаю при этом о своих попытках доказать неправильность установок на длительные четырех-, пятилетние сроки крупного шахтного строительства. Исходя из общих соображений относительно сдвигов и потенций современной техники, я настаивал на том, что такое строительство следует ограничить максимум тремя годами, но каждый раз возражали эксперты-специалисты. Получалось действительно как бы положение порочного круга. Вот как об этом пишет Рамзин, снабжая свое показание подзаголовком: «Сокрытие вредительства».

«Прежде всего члены промпартии... усиленно доказывали им, что отдельные факты нельзя приписать вредительству, а надо об'яс-

[1] В показании от 29/IX 1930 г. Рамзин пишет, что ЦК промпартии «не предпринимал решительных мер против междуусоби ы... полагая что публичные дискуссии членов организации будут лучше способствовать маскировке активных работников».

нить техническими ошибками, неизбежными в деловом деле, или даже доказывали полную целесообразность деланного.

Указания ОГПУ отдельным хозяйственникам на обнаруженные факты вредительского или подозрительного характера обычно передавались хозяйственниками на отзыв и экспертизу своим инженерам, которые или состояли членами промпартии и потому покрывали вредителей или же делали то же самое из чувства корпоративной «этики». Таким образом создавался заколдованный круг, препятствующий обнаружению вредительства, так как экспертами по вредительским действиям промпартии являлись обычно ее же члены».

И все же я думаю, что такими показаниями лидеры вредителей как бы стараются «набить себе цену» и преувеличивают те возможности, которыми они располагали.

Не надо забывать, что минимализм ставок являлся завуалированным самими особенностями, особенностями наших хозяйственных темпов.

Пятилетка, утвержденная С'ездом советов, намечала для Донбасса такое строительство в течение пяти лет, которое соответствует сорока довоенным годам. Это восьмерное ускорение во времени оказалось минималистским, но сама необычность этого ускорения — вот что мешало нам опережать мыслью действительность, и вредителям только удавалось здесь использовать положение.

Ныне Рамзин и К° с торжеством отмечают, что фактически наша нынешняя топливная пятилетка почти в два раза превосходит ставки оптимального варианта пятилетки. Пусть будет так. Мы никогда не были фетишистами количественных ставок. Мы всегда стояли за перевыполнение наших планов. Но если Рамзин думает таким образом показать, что наша пятилетка, столь отставшая в своем энергетическом разрезе, являлась орудием «промпартии», то почему же с такой опаской смотрят на эту «вредительскую» пятилетку наши классовые враги? Позвольте не верить нынешним заверениям лидеров вредителей, что уже в 1927 г. они смогли полностью предвосхитить те правильные ставки наших планов, которые мы намечаем в 1930 г. Свежо предание, а верится с трудом.

Не следует забывать также, что при оценке количественных ставок плана, охватывающего на ряд лет сложнейшие величины народного хозяйства в его целом, количественные ставки такого плана нельзя отрывать от качественных ставок, от охвата глубокого и целостного, от замысла социалистической реконструкции хозяйства в целом. Мы охотно согласимся с тем, что учиться такому планированию нам придется еще целыми годами, что решающей величиной здесь будет сам опыт миллионов

трудящихся, но итти в учебу к Рамзину и К° в этом деле нам не приходилось и не придется.

Вопрос о работе Донецкого бассейна в настоящее время широко освещен работой комиссии т. Молотова. Создание нового механизированного социалистического Донбасса связано с вопросом энергетики в двух направлениях: механизация угледобычи есть прежде всего прямая производная электрификации Донбасса, — это во-первых; во-вторых — она находится в прямой зависимости от характера организации живого труда. Ныне в Донбасс направлены большие кадры комсомольцев. Было бы чрезвычайно важно, чтобы комсомольцы с своей стороны помогли поскорее покончить с сезонным характером работы в Донбассе. В энергетическом сердце нашей индустриализации надо изгнать пережитки прежней деревни. Ровная кривая угледобычи Донбасса — один из важнейших показателей нормального состояния нашего индустриального под'ема.

И Рамзин и Ларичев — в особенности — свидетельствуют, какими вредительскими являлись установки в Донбассе на мелкие и средние шахты. Здесь беда не только в малой эффективности работы такими шахтами, главная беда в том, что таким путем отвлекалось внимание от решающих позиций крупного шахтного нового строительства. Решительный курс на последнее означает решительный курс и на своевременные геологические разведки, и на широкую механизацию, и на мощное электроснабжение, и на под'ем квалификаций рабочей армии. Здесь своеобразное единство, которое могло бы быть хорошо подкреплено и целой серией работ научно-исследовательского характера. Конечно огромную роль мог бы здесь сыграть Теплотехнический институт. Нам очевидно не удалось овладеть работой этого учреждения. Но попытки были. Вот что по этому поводу пишет Ларичев:

«Неоднократно в моем присутствии Г. М. Кржижановский... указывал Рамзину на необходимость создать из Теплотехнического института государственную организацию с широкими задачами и масштабом работ, а не проводить «деляческую» политику. Но эти указания Рамзин отводил разного рода «практическими» соображениями, а по существу эта «деляческая» политика была следствием вредительского направления деятельности Теплотехнического института. После подобных разговоров Рамзин высказывал опасения, что Г. М. Кржижановский может раскусить проводимую им политику, и принимался усиленно афишировать какую-нибудь из работ Теплотехнического института как его «достижение», отвлекая внимание от общего направления работ Института».

Такого мощного по оборудованию теплотехнического центра, каким является Теплотехнический институт, нет и за границей. О невозможности организовать такой центр при условии частного хозяйства распространяться не приходится. Тем более досадно, что это мощное орудие не пущено во всю. Но возражая в свое время против «коммерческой» постановки дела в работе Института, я допускал, что

до поры-до времени, при нашей организационной расхлябанности можно было с этим мириться. Здесь очевидно большая ошибка.

Вторая ошибка — неумение создать мощный союз энергетиков на основах слияния электротехнического и теплотехнического крыльев энергетики. Дело остановилось на полдороге. Двурушник Осадчий в своих показаниях ныне обрисовывает свою причастность к диверсионистской деятельности и поясняет, как механизм централизованности помогал вредителям. Централизованное начало, пронизывающее естественным образом всю электроэнегетику, вредители использовывали во вред социалистическому строительству. Если «диспетчеры» электроэнергетики будут их орудием, они могут наносить из одного центра колоссальные удары. Но от этого никуда не уйдешь. Все построение социализма основано на центростремительных силах. Осадчий ошибается, если думает, что союз электротехников и теплотехников шел по его вредительской линии. Вот что пишет по этому поводу Ларичев:

«Должен отметить, что Рамзин с целью обеспечить руководящее влияние вредительской организации Теплотехнического института на направление работ в области теплотехники и избежать постороннего контроля упорно отказывался и отклонял предложения об об'единении работ Теплотехнического и Электротехнического с'ездов и их бюро. На этом особенно настаивал Г. М. Кржижановский... и лишь под его давлением был создан Всесоюзный энергетический комитет (ВЭК), избранный на последнем об'единенном с'езде теплотехников и электротехников. Но поскольку в его состав вошли те же лица, члены вредительской организации, работа ВЭК'а не была развернута в нужном направлении» (показания Ларичева от 23 сентября 1930 г.).

В виду важности этого вопроса мы вернемся еще к нему в конце доклада.

Наше централизованное социалистическое хозяйство мы строим на базе электроэнергетики. Казалось бы, что ленинский план электрификации создавал нам здесь особо прочную позицию. Нынешние показания вредителей свидетельствуют, что именно в виду важности этой базы фактически здесь все позиции приходилось брать с бою, в особенности в период социалистической реконструкции, в период после 1927 г. Приходится признать, что наша главная беда в том, что мы недооценили те сдвиги, которые должны были сделать сами в себе, в своей настороженности, в своей оценке как общей ситуации, так и работников при наступлении этого переломного момента. Каким образом вредителям удалось нанести глубочайший удар именно в этом деле, которое мы старались защитить всеми своими силами? Именно на вышеотмеченной базе, именно в том направлении, теми методами, которые Рамзин удачно характеризует, как «методы насыщения противоречий действительности до предела».

Весь фарватор восстановительного процесса по своим стихийным устремлениям был против плановой электрификации. Отстаивая ставки этой электрификации, приходилось наталкиваться на громадное сопротивление. Электрификация и экономическое районирование фактически были не в чести у таких лидеров этого времени, какими являлись тт. Каменев и Сокольников. Это несмотря на то, что план электрификации всеми признавался ленинским планом, как об этом пишет теперь и вредитель Горев. Пишет черным по белому:

«Вредительская работа в области плана.

Начиная с 1923 г. доля средств, отпускавшихся по бюджету на электрификацию, не отвечала важности этой отрасли хозяйства и об'ему работ, необходимых для того, чтобы сделать электрификацию ведущим звеном всего плана народного хозяйства, как это требовалось наивысшими достижениями техники современной индустриализации. Эта вредительская диспропорция проводилась из года в год в комиссиях по контрольным цифрам ВСНХ и Госплана, инспирировавшихся работавшими в них вредительскими элементами» (показание от 20 октября 1930 г.).

И далее устанавливает:

«Таким образом совокупными усилиями вредительских элементов Донугля и плановых органов ленинский план электрификации Донбасса был сорван: из этого плана в ежегодные планы просочилась только Штеровская станция. Однако и эта станция строилась вредительским темпом, что и привело к кризису в электроснабжении Донбасса. Проводившиеся под давлением недостатка энергии поправки к плану — развитие мощности рудничных станций (Донсода и другие) — шли по линии генеральной установки бывших владельцев на развитие собственных рудничных станций».

Проследив назначение фактических ассигнований на дело электрификации из года в год, посмотрев кадры, мы можем легко убедиться, как много препятствий стояло на пути. Отсюда некоторая привычка считаться с неполадками в области электрификации, как с естественными результатами всестороннего сопротивления инерции восстановительного процесса. А дело было, оказывается, не только в этом. Дело было в прямой и подлой измене таких лиц, какими являлись, с одной стороны, Горев, бывший в свое время работником Петроградского комитета партии, и Осадчий — обвинитель по шахтинскому процессу — с другой. Цепочка была создана на славу: прочное гнездо в Госплане, в ЦЭС, в Главэлектро, в Техническом управлении ВСНХ, в Электроимпорте. Вредители доходили до такой наглости, что оборудование для одной станции делили между десятками фирм, чем автоматически предрешалась явная некомплектность такого оборудования. И все это увенчивалось специальной диверсионистской организацией. Рамзин с академической уравновешенностью вещает о том, что одна из линий вредительства в энергетике — растягивание строительства станций во времени и высокая их стоимость. Вместо 300 руб. стоимо-

сти за установленный киловатт — 400—500 руб., вместо постройки в годичный-полуторогодичный срок — постройка в 3-4 года. Вместо стандарта европейского на с'ем пара с единицы поверхности паровых котлов и такого же стандарта кубатуры зданий электростанций — наши доморощенные нормы. Как будто бы честным техникам и экономистам, работавшим в области энергетики, не были известны эти стандарты, а были известны только рамзинской компании. Как будто бы из года в год не велась борьба за упорядочение нашего крупного строительства, за резкое снижение строительных индексов. Наша беда заключалась в том, что мы приписывали и дефекты строительства и дефекты стандартизации естественной слабости наших кадров, естественным трудностям грандиозного строительства в совершенно необычайной организационной и социальной обстановке. Лазутчики вражеского стана ловко использовали эту обстановку, «насыщая ее противоречиями до отказа».

Ныне Горев и работник ВСНХ Каменецкий обстоятельно рассказывают нам, каким образом им удавалось срывать электрификацию Урала, Донбасса, московского и ленинградского центров. Не приходится распространяться об особом оборонном значении Урала и о роли его электрификации. Как же это вышло, что оказалось возможным временно снять Кизеловскую станцию из рубрики районных станций и задержать на год строительство Челябинской станции, как об этом свидетельствует тот же Горев. Первоначальная ячейка Кизеловской станции — не что иное, как прежняя Ораниенбаумская станция, своевременно эвакуированная на Урал. Технической экспертизой была установлена чрезвычайная дефектность гражданских сооружений этой станции для ее дальнейшего расширения с небольшой первичной мощности — всего в 6.000 квт. Имея в виду удесятерение этой мощности, мы как бы делали ставку на «прикупку коровы к подойнику». Одновременно на Урале, как и в горнопромышленном юге, со значительным опережением шло развитие больших фабрично-заводских электростанций. Ссылаясь на это, Гореву не трудно было убедить нас в необходимости поисков другого места для новой районной централи в этой части Урала, так как, по общему правилу, переделка старья не редко обходится дороже, чем новое строительство. Также не трудно было раскритиковать первоначальный технический проект Челябинской станции. Ведь мы все еще так далеки от стандарта в этом деле. Все это лишний раз показывает, как трудно вскрывать в технике нити вредительства, когда опытные специалисты жонглируют поисками лучших вариантов, да еще тщательно замаскировывая свое вредительство искусственными дискуссиями. Вспоминаю, — и уральские работники это могут подтвердить, — что волокита с Челябинской станцией была сравнительно быстро разгадана нами, и ныне Гореву приходится все же признаться, что как раз эта станция является одной из немногих, имеющих возможность сравнительно не запоздать со сроками своего строительства.

Что помогало вредительству по электростроительству в Донецком бассейне? Какие факты устанавливаются нынешними показаниями вредителей? Оказывается, что Бело-калитвенская станция была снята с постройки вследствие ложных показаний геологов. Затяжка работы Штеровской станции осуществлялась большим коллективом работников центра и Украины по самым разнообразным линиям. Тут и затяжка с проектами, и отчаянная канитель с проработкой вопросов, связанных с сжиганием антрацитового штыба, и неправильные заказы за границей как аппаратов по сжиганию пылевидного топлива, так и агрегатов котельной и машинной аппаратуры. Гришанская и Лисичанская станции, намеченные еще по плану ГОЭЛРО, были сняты вообще под предлогом новых ставок в энергетике. В самом деле в перспективе мы себе представляем работу государственных электрических сетей опирающейся не только на районные электроцентрали, так сказать, чистого назначения, но и на всевозможные электропромышленные комбинаты. Идея эта совершенно правильна, но опираясь на нее, вредители могли ловко проводить строительство обособленных станций на шахтах, рудниках и заводах, лишь внешним образом прикрываясь производственным комбинированием этих станций. А заказчикам из Торгпрома это было конечно на руку — укреплялось их частное хозяйство. Вот как пишет по поводу работ в Донбассе Горев:

«В отношении Донбасса мною лично проводились в президиуме Госплана и комиссии т. Рыкова нижеследующие вредительские установки:

а) Ограничение мощности Штеровской станции 110 тыс. квт путем заказа для ее третьей очереди 2 турбин по 22 тыс. квт, а не по 44 тыс. квт, как это было принято президиумом Госплана и СТО. Это предложение мотивировалось недостачей конденсационной воды в реке Миус и неправильной оценкой потребности и мощности прочих станций.

б) Установка против приступа к постройке Зуевской станции в 1928/29 г., мотивированная возможностью снабжения Донбасса от Днепра в начале 1932 г. Против этой установки в комиссии т. Рыкова зимой 1928/29 г. было принято постановление о немедленном приступе к постройке Зуевской станции» (показание от 20 октября 1930 г.).

Вредителям удалось значительно затормозить проведение ленинского плана электрификации. Здесь можно было бы показать, каким образом как раз по этой линии приходила им на помощь правооппортунистическая установка, всегда скептически оценивавшая позиции плановой электрификации. Для нашей цели однако достаточно лишь приведенных справок, тем более, что серьезность положения с электроснабжением в решающих индустриальных центрах — общеизвестный факт.

Как же в последнем счете мы расцениваем наше нынешнее положение? Достигли ли своей цели вредители? Удалось ли им сорвать план ГОЭЛРО? Приведу вам для этой цели те справки, которые полу-

чены мною от нынешнего председателя секции по электрификации Госплана т. Вагранского. По плану ГОЭЛРО намечалось сооружение в 10-летний срок, начиная с 1921 г., районных станций на общую установленную мощность 1½ млн. квт. На худой конец предвиделось, что постройка этих станций может затянуться на 15 лет. Действующих электростанций общего пользования в 1921 г. было около 250 тыс. установленных квт. Итак общая мощность районных электростанций в лучшем случае должна была бы быть по этому плану в 1931 г. размером 1.750 тыс. квт. Количественные ставки намечались в плане ГОЭЛРО лишь ориентировочно. Округляя расчет этого плана, мы можем сказать, что по нему примерно к концу 1931 г. установленная мощность электростанций должна была составить около 2 млн. квт. На самом деле на 1 января 1931 г. она будет около 1.300 тыс. квт. Как раз в 1930 г. мы сделали особенно крупный шаг вперед в этом строительстве, присоединив свыше 350 тыс. квт новой мощности, хотя и недовыполнив всей программы. На будущий год мы рассчитываем более чем удвоить этот годичный прирост. В таком случае уже в будущем году мы значительно перевыполним план ГОЭЛРО. И тем не менее по темпам мы отстаем: наша индустриализация опережает нашу электрификацию. Желательные для вредителей разрывы между подразделениями промышленности — налицо. Но радоваться им не придется. При прочих равных условиях соединенная мощность электростанций общего пользования и фабрично-заводских станций, вновь пускаемых в оборот нашего хозяйства, в 1931 г. должна составить свыше 1 млн. квт. Это, товарищи, уже размер мощности, соответствующий масштабам электростроительства наиболее передовой индустриальной страны — САСШ. Вопреки вредительским прорывам фронта нашей энергетики — такой решающий итог нашей предшествующей работы на этом фронте. Какой штаб мог подготовить этот итог — вредительский или пролетарский? Я утверждаю — пролетарский.

Вредители рассчитывали, что 1930 г. будет наиболее кризисным. В виду особого значения дефицитов по электроснабжению их надо пристально изучать. По предварительным подсчетам эти дефициты таковы (в расчете на максимум 1931 г.): по Москве — 81 тыс. квт, по Ленинграду — 46 тыс. квт, по Приднепровью — 44 тыс. квт, по Уралу — 26 тыс. квт, по Сталинграду — 14 тыс. квт, по Баку — 8 тыс. квт.

Насколько верны эти подсчеты? Здесь прежде всего следует отметить, что мы еще совершенно не на высоте ни по рационализации выработки электрической энергии, ни по рационализации ее потребления. Позволительно сомневаться и в том, что все крупные фабрично-заводские станции, находящиеся в непосредственной близости с районными электроцентралями, уже об'единены в единый электрический котел. Огромные потери электрических сетей, частота аварий в них — все это говорит за то, что перед нами новые возможности экономии. Наши электростанции, вопреки расхлябанности нашего энергохозяйства, по числу часов использования установленных мощностей являются наиболее передовыми. В частности введение непрерывной производственной работы покончило у нас с провалами праздничных дней и выравняло нагрузку наших электрических станций в совершенно небывалых в мировой практике размерах. Однако главные завоевания в рационализации потребления электрической энергии еще впереди. Эти завоевания между прочим связаны и с нашей работой в области теплофикации. Вредители вели отчаянную борьбу против теплофикации. Это им удавалось тем в большей мере, что в наших решающих об'единениях, в МОГЭС и в Электротоке, были свои вредительские гнезда. Тов. Танер-Таннен-баум может доложить о бедах теплофикации с особой подробностью. Однако и здесь вредителям приходится признаться, что бороться против установок на теплофикацию они не могли: они сводили свою борьбу к борьбе против сроков и масштабов теплофикации. На последнем с'езде по теплофикации я бросал представителям МОГЭС прямые обвинения в заторможении московской теплофикации, но я себе об'яснял позицию некоторых работников МОГЭС закорузлой установкой на чистую электротехнику. Век живи — век учись.

Вот, товарищи, в кратких чертах общая характеристика вредительских линий по энергетике.

Вы, товарищи, видели, как вредители использовали те разрывы в нашем плановом хозяйстве, которые были ему присущи по общим условиям нашего строительства. Вы видели, как они использовали разрывы между планом и выполнением плана, между работой плановых органов и оперативных органов, как они противопоставляли слабости наших собственных кадров свои сплоченные силы. Вредительству в области энергетики способствовал прежде всего рассыпной фронт самой энергетики. Можно показать, что вредители вели многолетнюю борьбу против единого и цельного здания энергетики. В этой борьбе они опирались не только на инерцию восстановительного процесса, но на правооппортунистические элементы, всегда недооценивавшие значение энергетики. А между тем еще в 1919 г. в своей брошюре «Основные задачи электрификации России» я писал по этому вопросу нижеследующее:

«Необходимо сделать немедленные шаги по под'ему профессионального электротехнического образования.

Распыление профессионального союза электротехников в профсоюзе металлистов явно не целесообразно. Перед союзом электротехников — свои громадные задачи, свое обширное поле действий. Надо втянуть в этот пролетарский союз и квалифицированных электротехников-специалистов. Деятельное сотрудничество с пролетариатом не замедлит сказаться надлежащим сдвигом в их психологии. Но даже и при самом бережном обращении с нашими немногими специалистами-электротехниками в дальнейших обширных электротехнических работах нам вероятно не обойтись без того или иного контакта с лучшими мировыми авторитетами в области этой науки...

Наши техники до сих пор еще не перестают оглядываться в сторону частной инициативы и спасительных начал капиталистической конференции... Жребий брошен; мы — за баррикадами, в разгаре неслыханной борьбы за наше, за мировое право раз навсегда покончить с эксплоатацией человека человеком...

Карманным интересам рыцарей наживы, слепой игре стихий на капиталистическом рынке, системе выжимания пота из миллионов трудящихся, хищническому попранию интересов грядущих поколений, трагической капитуляции науки перед биржей — пролетариат должен и сумеет противопоставить всепроникающий разумный план об'единенного хозяйства народа, правильную и систематическую экономию в расход живых сил, заботливый уход за достоянием природных сокровищ, действенное проведение разума науки в жизнь. И в этой гигантской работе он не преминет решительно опереться на наиболее эффективное орудие XX века — электрическую энергию».

Спустя 11 лет я не нахожу нужным внести сюда какие-либо поправки. Я убежден, что именно в этом направлении пойдет наше дальнейшее энергостроительство. В эффективности своих планов вредители просчитались. Будущее за нас, а не за них. Мы как раз на новом этапе и по линии планирования и по линии электрификации. Время кабинетных работ по планированию миновало. Растут огромные силы нового пролетарского актива. Развертывается в небывалых формах социалистическая организация труда, крепнет социалистическое соревнование, развивается встречный промфинплан, переплетается работа городских и деревенских активов, словом поднимается огромная рать в миллоны голов действительных организаторов социалистического производства. На почве планового режима хозяйства создаются небывалые предпосылки и для всего нашего энергетического строительства и в частности для всей электроэнергетики. Теперь уже всему миру ясно, что мы перевыполняем нашу пятилетку, что она является, вопреки усилиям вредителей, нашей грозной силой.

Товарищи, раскрытие вредительского заговора показывает нам, как с нами боролись отравленным оружием испытанные кадры техников. Но вопреки их усилиям в нашем хозяйственном строительстве нам удалось завершить этап несомненно исторического значения. Так велики те исторические силы, которые стоят за нас.

Я вспоминаю, товарищи, как накануне перехода от военной полосы революции к мирной передышке Владимир Ильич расценивал достижения прошлого. Он говорил, что наши победы на военном фронте таковы, что уже нет в мире таких сил, которые могли бы вычеркнуть их со скрижалей истории, что в них мы имеем уже нечто неот'емлемое.

Какие бы прорывы на фронте нашего хозяйства не были совершены усилиями вредителей, вопреки им проделанная положительная работа настолько велика, что в свою очередь представляет наше неот'емлемое завоевание. Нет такой вражеской рати, которая могла бы стереть со скрижалей истории и эти завоевания.

„Об'ективная" наука госплановских вредителей [1]

Цена научной совести

Вокруг планирования, как и вокруг всего нашего хозяйственного строительства, идет о ж е с т о ч е н н а я к л а с с о в а я б о р ь б а. Ошибочно и глубоко оппортунистично представление о планировании, как о каком-то безмятежном рисовании схем, диаграмм, предначертании планов, которые осуществляются в «мирном» бесклассовом обществе. Кто так представляет дело планирования, тот либо сам ничего не понимает, либо сознательно старается отвлечь внимание партии и рабочего класса, усыпить их бдительность на всем фронте социалистического строительства, укрепляя тем самым позиции наших врагов.

Это совершенно бесспорное положение может оспариваться только скрытыми и открытыми оппортунистами внутри партии и родственными им по духу буржуазными экономистами, суб'ективно или об'ективно творящими в советской стране дело мировой и «отечественной» буржуазии. Но теперь, после раскрытия ряда вредительских шаек, особенно после обнаружения вредительства в планировании, даже самые безнадежные люди должны понять, что планирование сделалось ареной классовой борьбы. В своих классовых интересах вредители в порядке «очковтирательства» толковали и толкуют о том, что никакой классовой борьбы и никакого вредительства будто и не существует. В своих же классовых интересах они пытались захватить (а на отдельных участках даже захватили было) ряд научно-технических и практических позиций, тщетно пытаясь протянуть кое-где руки и к политической власти. Огромную роль при этом играла их спекуляция «наукой».

Года три тому назад на одном чрезвычайно бурном заседании малого президиума Госплана, где стоял вопрос об организации работ по контрольным цифрам и где особенно был заострен вопрос об организации работ по методологии планирования, вредитель Громан заявил, что если не будут приняты его предложения об организационной работе, то его «научная совесть» (это его собственные слова) не позволит ему отвечать за достаточно правильную работу. Характерно при этом, что, ссылаясь неизменно на свою «научную совесть» и по

[1]) Доклад, прочитанный в Комакадемии 4 ноября 1930 г. Часть доклада напечатана в „Большевике" № 19-20. Доклад сделан до процесса над так назыв. „промпартией", и поэтому в нем не учтен и не использован материал о процессе.

ряду других вопросов, он всегда подчеркивал, что она, мол, ведет его всегда к определенным, «совершенно об'ективным» и абсолютно непреложным теоретическим и организационным выводам, против которых могут выступать только безнадежные профаны.

Окруженный в Госплане и в ЦСУ камарильей своих статистиков, занимавших самые различные положения по вредительской и по советской лестнице, Громан пытался производить на окружающих такое впечатление, будто из арифмометров и линеек, которые находятся у него в руках и в руках его друзей, всегда рождаются та истина и та руководящая экономико-политическая идея, которые необходимы пролетариату и советской власти на данный отрезок времени при данном состоянии кон'юнктуры. Из тех же арифмометров и статистических таблиц с железной необходимостью должны вытекать, по его мнению, и те директивы, те целевые установки, которые должны быть приняты в народнохозяйственном плане.

Словом, нет бога кроме арифмометра, и Громан — пророк его!

Спекуляция «об'ективной наукой» была характерна не только для Громана: в нем этот вид вредительской деятельности получил только наиболее концентрированное выражение. Такого рода «деятельностью» занимались все или почти все вредители. Они делали вид, будто их совершенно не интересуют политические вопросы; от них можно было часто услышать, что они якобы являются глашатаями «сверхклассовой» истины, обладателями которой они выступают в силу своих специальных, коммунистам недоступных знаний.

Вредители установили грандиозную торговлю «оптом и в розницу» своей так называемой «наукой». Часть вредителей, не ограничиваясь высокими окладами в советских учреждениях, получала за свою «науку», вернее за умелое пользование ею, вознаграждение от белоэмигрантов и от заграничных капиталистов и империалистов (см. опубликованные показания вредителей рабочего снабжения).

Под видом методологии вредители рисовали дело планирования в «аполитичном» свете, выдвигая ту мысль, что, мол, планирование — это дело узко специальное и что безразлично, кто этим занимается — коммунист или беспартийный. Не надо особенно доказывать, что были такие коммунисты, которые все эти заявления и уверения буржуазных специалистов принимали за чистую монету и иногда дословно повторяли то, что они говорили.

Но здесь необходимо с самого начала подчеркнуть, что нельзя себе представлять дело таким образом, будто вредители не получали в плановой работе никакого отпора, никакого противодействия. Весь плановый фронт за последние годы представлял из себя поприще, на котором происходила отчаянная борьба между коммунистами и скрытыми вредителями. В дальнейшем постараемся показать вредительские идеи в ряде выступлений буржуазных экономистов. Но надо особенно

подчеркнуть, что эти вредительские идеи вращались в сфере классовой борьбы. Было конечно величайшим заблуждением думать, что вредители действовали в этаком совершенно свободном от классовой борьбы пространстве. Так как они выражали интересы буржуазии, то госплановские заседания не редко превращались в арену политико-экономических побоищ. Схватки бывали острые. Словом была диалектика борьбы и логика борьбы с постепенным нарастанием роли коммунистов-экономистов, которые на первой стадии были все-таки очень слабы, с постепенным оттеснением от плановой работы буржуазных специалистов, подчеркиваю — буржуазных специалистов-экономистов, но не инженеров и техников. На этом фронте мы были неизмеримо слабее.

Из госплановских вредителей вызывают особый интерес, если их можно так назвать, вредители-синтетики, т. е. те, которые работали над наиболее общими синтетическими, политико-экономическими вопросами: над кон'юнктурой, контрольными цифрами, пятилетним и генеральным планами. Мы имеем в виду, главным образом, громановско-базаровскую группу.

Вредители-синтетики, работавшие над контрольными цифрами, генеральным планом и отчасти над пятилеткой, по существу давали философию двух вредительских групп — промышленной и сельскохозяйственной, философию «промышленной партии» и кондратьевцев. Их «об'ективная» наука была органически связана с конкретной вредительской деятельностью Пальчинского, Рамзина, Ларичева, Кондратьева, Дояренко и т. д. Подобно тому, как Госплан призван синтезировать и обобщать на научной основе работу ведомств, госплановские вредители пытались как бы дать научное обоснование той подрывной работе, которую проводили вредители, работавшие как в Госплане, так и в ряде наших учреждений, в отдельных отраслях народного хозяйства. Если Рамзин и Пальчинский, Калинников и Хренников старались планировать важнейшие отрасли нашей промышленности так, чтобы вести к задержке их развитие, чтобы создавать диспропорции, разрывы и провалы в промышленности, готовя страну к интервенции, то группы Громана и Базарова старались дать такое об'яснение народнохозяйственных процессов и подсказывать такую общую экономическую политику, которая, задерживая развитие народного хозяйства на чрезвычайно низком уровне, должна была создавать разрывы и диспропорции в масштабе всего народного хозяйства, в масштабе, как любил выражаться Громан, единого хозяйственного целого и в конечном счете поставить пролетарскую диктатуру перед всеобщей катастрофой. Они это делали под видом борьбы с диспропорциями, поднимая шум по поводу малейших затруднений, выступая в роли якобы борцов с затруднениями и диспропорциями.

Крупную роль играли вредители-промышленники, которые организовали так называемую «промышленную партию», работавшие в интересах военной интервенции против СССР. Они занимались как

оперативной, так и плановой работой в отдельных отраслях промышленности и в промышленности в целом. В плановой работе они сплошь и рядом прибегали к ложной экспертизе, прикрываясь «научной совестью», которая на деле оказалась совестью куртизанок мирового капитала. Для них были возможны все средства — буржуазная демократия на словах и фашистский монархический переворот на деле.

Что же касается громанской школы, то она питалась идеологическими соками промышленных и сельскохозяйственных вредителей. А все вместе выражали политику и экономические интересы кулака и нэпманов внутри страны, белых эмигрантов и империалистов за пределами СССР.

В период наибольшего расцвета своей вредительской деятельности Громан и Базаров были по существу своей идеологии на поводу у обеих групп, а больше всего у контрреволюционной организации, так называемой «промпартии».

Кондратьевская группа ориентировалась непосредственно на крепнущего кулака в деревне и прокладывала пути к власти капиталистов и помещиков. Те разногласия, которые были между громановской и кондратьевской группами накануне их ликвидации, являются столь незначительными и столь быстро изживались, что они существенного значения не имеют.

Они мечтали о свержении советской власти, о ликвидации «режима диктатуры пролетариата» и о восстановлении буржуазно-демократической республики. Сходились в основном и на том, что помогали «промпартии» готовить интервенцию. Обе группировки особенно тесно сближались друг с другом по вопросам экономической политики.

Обе группировки — громановская и кондратьевская — контактировали свои политические действия со своей теоретической и практической работой. Они пытались проводить политику кулаков в советских органах через правых коммунистов, стараясь убедить по ряду важнейших вопросов коммунистов в необходимости повернуть экономическую политику страны на путь капитализма или на путь, подготовляющий капиталистическое развитие. Они «доказывали» неизбежность желательной им политики. Этой цели должны были служить так называемые бесстрастные факты об'ективной действительности, неумолимые цифры громанско-кондратьевской кон'юнктуры.

Кон'юнктура на службе у политики

Больше всего вредители-синтетики закрепились в области кон'юнктурных наблюдений.

Кон'юнктура! Это не обычная советская работа, это своего рода греческая пифия, которая каждый месяц, каждый квартал «слепо» изрекает свои слова в отдельных учреждениях, в отдельных ведомствах, по отдельным отраслям народного хозяйства, а потом восходит в Госплан и в Совнарком и устами Громана рисует якобы научно-об'ективно и беспристрастно действительность. Так они «делали» кон'юнктуру в течение нескольких лет.

Так в одном из своих выступлений в 1924 г. Громан без всяких обиняков заявлял, что он при помощи кон'юнктуры пытается подсказать определенное решение советскому правительству.

«Наша задача здесь, в Кон'юнктурном совете, — говорил он на одном из заседаний последнего, — заключается не в том, чтобы намечать всю систему мероприятий, все методы нашего планирования и регулирования. Мы должны об'яснять хозяйственные процессы, но в числе факторов этого об'яснения вынуждены выдвигать как факторы нашу экономическую политику, наши методы планирования и регулирования».

Громан скрывается под удобной для него ширмой. Понимая совершенно правильно нашу экономическую политику как фактор, воздействующий на народное хозяйство, он истолковывает ее неправильно, обстреливает ее с позиции буржуазного понимания нашего народнохозяйственного развития. Громан, как видим, перебрасывает мост от кон'юнктуры к экономической политике и искусно переходит от якобы «об'ективных» кон'юнктурных наблюдений к критике политики партии и советской власти.

Но если у Громана нехватает смелости говорить о политических выводах, то Кондратьев делает легкую, едва заметную попытку перебросить мост между экономикой и политикой. При обсуждении одного доклада Громана, в котором он фактически выступал против всей нашей экономической политики и пытался на ряде диаграмм показать, что мы идем чуть ли не к хозяйственной катастрофе, Кондратьев заявил, что он с Громаном вполне согласен, и бросил при этом одну фразу, которая должна была пройти незаметно для людей непосвященных, но которую должны были понять их друзья — вредители. Он заявил, что согласен со всеми положениями Громана, «все это, говорит он, отразилось на ваших диаграммах. Конечно возможно мыслить это со всеми вытекающими отсюда последствиями». Ясно, что речь идет о последствиях политических.

На словах и без слов, в кон'юнктурных обобщениях и без них вредители говорили советской власти: «Вот затруднения, вот растущие узкие места, вот безвыходное положение, которое становится все более угрожающим, все ухудшающимся. Выход один — спуститься на тормозах и без тормозов, развязать экономическую стихию, ослабить экономические рычаги пролетарской диктатуры». Они говорили об ослаблении экономических рычагов пролетарской диктатуры, понимая, что за ними неизбежно должны последовать и рычаги политические.

Совершенно бесспорно, что по линии кон'юнктурной работы громановская школа имела в той или иной форме своих ставленников, своих доверенных и проверенных лиц во многих местах. Нужды нет, если не во все периоды вредительской деятельности они имели оформ-

ленные нелегальные организации. Достаточно было иметь проверенных по старым меньшевистским, эсеровским и кадетским связям людей в советском аппарате для того, чтобы они творили кон'юнктурные обзоры по образу и подобию своему, в духе их собственных социально-политических установок и устремлений.

Поступавшие в Госплан кон'юнктурные материалы, особенно по сельскому хозяйству и по финансам, были уже до того в достаточной степени пронизаны громановско-кондратьевским духом и ждали только своего окончательного оформления в Кон'юнктурном совете, возглавляемом Громаном.

Так работал вредитель Громан, который с первого дня Октябрьской революции был и оставался непримиримым врагом советской власти. Слывший крупнейшим знатоком кон'юнктуры и опиравшийся только на строго «научные» данные, проф. Громан позволял себе иногда довольно грубые фальсификации. Так например, применяя неверный метод счета, он на одном заседании президиума Госплана сообщил, что долгосрочное кредитование промышленности выросло за один только квартал на 87%. Умысел Громана ясен: он хотел показать, что мы взяли непосильные темпы индустриализации. Однако выступивший на этом же заседании т. Струмилин показал, что долгосрочный кредит для промышленности вырос вовсе не на 87%, а только на 27%.

Само собой разумеется, что никакой марксистской методологии громановцы в кон'юнктурных работах не признавали. Англо-американская школа властвовала безраздельно над умами «советских» кон'юнктурщиков.

Как Громан строил кон'юнктуру? В качестве примера укажем на то, как он построил своей доклад «О декабрьской (1927 г.) и квартальной (I квартал 1927/28 г.) кон'юнктуре» на заседании Кон'юнктурного совета 27 января 1928 г.

В этом докладе нет ни слова о промышленности, об энергетике, об индустриализации, о развитии социалистических форм в деревне, о капитальном строительстве, если не считать указания на то, что главным бедствием для народного хозяйства является, мол, то, что «капитальные работы... бурно переливаются сверх программы» и что «вливались миллиарды на строительство». Весь же доклад построен под углом зрения пресловутого рыночного равновесия и почти целиком базируется на огульном обобщении наиболее отрицательных явлений. При этом одна часть народного хозяйства, в е д у щ а я, выбрасывается за борт (или о ней говорится кое-что только отрицательное, что, мол, слишком много денег тратится), и берется только проблема равновесия между городом и деревней, между спросом и предложением, причем равновесие — в специфически громановском понимании.

Совершенно недвусмысленно Громан выступает в этом докладе также и против проводимого партией режима экономии и за интересы кулака — «крепкого мужика». «Если, — говорит он, — будут применяться репрессивные меры (мы тогда начали вводить «чрезвычайные меры». Р. В.) вроде досрочного изыскания налогов и ряда других очень тяжелых процессов, то это заставит крепкого крестьянина пойти на такое хозяйство, от которого уже не будут этого требовать». Конкретно эта мысль означала, что крепкий крестьянин, кулак, начнет снижать свое производство, начнет сам разрушать свои производительные силы для того, чтобы он не фигурировал в качестве кулака, для того, чтобы от него ничего не требовали. Громан и Кондратьев вообще как раз в этот период усиленно запугивали нас тем, что будет сокращение посевов и в кулацких и в середняцких хозяйствах, что та политика, которую ведет партия, совершенно подрывает производительные силы деревни. Они пытались запугивать партию тем, что кулацкие хозяйства будут на основе нашей политики ограничения кулачества сокращать свое производство.

Что касается партии, то она не только пошла на политику ограничения кулачества, но перешла к ликвидации кулачества как класса на основе сплошной коллективизации, отметая то, что предлагали Громан и Кондратьев, а вслед за ними правые оппортунисты внутри партии.

Партия вводила в тот период страну в полосу развернутой социалистической реконструкции. Экономическая жизнь страны характеризовалась огромными успехами индустриализации и стояла у преддверия сплошной коллективизации. Перед лицом этих процессов кулак и городская буржуазия начали оказывать политике партии отчаянное сопротивление. Кулак об'явил знаменитую «хлебную забастовку», а партия ответила ему «чрезвычайными мерами». Партия мобилизовала бедняцкие и середняцкие массы для широкого колхозного строительства. Партия развернула среди рабочего класса широкую самокритику как метод противодействия мелкобуржуазным кулацким влияниям на советский и профсоюзный аппарат. А громановцы и кондратьевцы, прячась за бюрократической скорлупой отдельных звеньев нашего аппарата, взяли на себя функции непосредственных выразителей кулацких интересов и старались политически оформить кулацкие воззрения.

Слушая громановские обзоры кон'юнктуры, слушая его оруженосца, крайне недалекого, но весьма покорного и услужливого проф. Первушина, слушая кон'юнктурные доклады Кондратьева, Кафенгауза, выступления Альберта Вайнштейна, Юровского и других из этой компании, у многих должна была возникнуть мысль: «и как это еще советская власть держится». Впрочем спасение заключалось в том, что действительность расходилась — и чем дальше, тем очевиднее и резче — с дутой, фальшивой, шарлатанской кон'юнктурой, которую сочиняло громанское отродье. И недаром один коммунист после такого, создающего чрезвычайно тяжелое впечатление доклада Громова напомнил то, что сказал Лев Толстой по поводу мистических произведений Андреева: «он пугает меня, а мне не страшно».

У Громана же всегда хватало наглости выставлять себя в качестве страдальца за интересы советской экономики и советской власти. В этом отношении любопытен следующий факт. В 1928 г. он выступал с крайне реакционной, буквально контрреволюционной речью по поводу кон'юнктуры. Он обрисовал состояние нашей кон'юнктуры, ее перспективы в исключительно мрачных красках. Когда ему после этого было указано на совершенно недопустимую несуразицу его доклада и на то, что его выводы никак не вяжутся с действительностью, он ответил примерно следующее: «Я, как обозреватель кон'юнктуры, обязан указывать отрицательные явления и сигнализировать опасности. Вот и в «Бронепозде» имеется китаец, который в тот момент, когда приближается неприятельский броневик, ложится на рельсы для того, чтобы спасти партизанские отряды. В вопросах советской кон'юнктуры роль китайца выпадает на меня».

Монополизировав одно время работу по кон'юнктуре, овладев статистическими работами как в Центральном статистическом управлении, так и в Госплане СССР, Громан использовывал этот аппарат для того, чтобы рисовать советскую действительность в совершенно превратном свете, для того, чтобы представлять в темных красках все, что у нас есть, и этим показать безуспешность социалистического строительства, провал коммунистических идей, близость краха советской власти. Этим самым он хотел толкать нас на уступки классовым врагам, пытаясь подсказывать необходимость открыть клапаны капиталистическому развитию.

Через кон'юнктурные наблюдения, через якобы сами собою напрашивающиеся выводы громановцы и кондратьевцы стучались в двери партии со своими предложениями, со своими буржуазными идеями. Но партия даже тогда, когда она еще не считала их вредителями, всегда и неизменно отбрасывала прочь их буржуазные идеи. Они могли влиять на отдельных неустойчивых коммунистов, на отдельные части советского аппарата, но никакого успеха не имели их попытки изменить политику партии. Здесь они всегда и неизменно наталкивались на большевистскую решимость, на ленинскую непреклонность, на стальную волю партии, строящую социализм и беспощадно отбрасывающую в сторону всех тех, кто тормозит дело революции и кто ему сопротивляется.

Вредительский генеральный план

Вредители вели самую решительную борьбу против высоких темпов развития социалистического хозяйства. Достаточно известны минималистские установки, которые они давали, выступая по вопросам контрольных цифр, по вопросам годовых планов и пятилетнего плана. Но очень мало известна работа по генеральному плану, которая возглавлялась ряд лет буржуазным профессором Осадчим. Те проектировки, которые комиссия Осадчего давала по генеральному плану, рассчитанному на 15 лет, были даже в тот период столь смехотворны

и находились в столь вопиющем противоречии с действительными темпами социалистического строительства, что ни одна из прикидок генерального плана не получила утверждения.

В основе генерального плана лежала совершенно неправильная методология. Никаких задач по строительству социализма, а тем более окончательному построению социалистического общества генплан Осадчего не ставил перед собою. Никаких предпосылок марксистско-ленинского понимания экономики там не было. Генеральный план формально исходил из целевого задания и как бы щеголял своей «революционностью».

В чем же заключалось это задание? Оно заключалось в том, чтобы через 15 лет удвоить народный доход на душу населения. Не говоря уже о том, что количественно это задание вредительски-хвостистское, не говоря уже о том, что с того времени мы за пять лет, в условиях пока очень тяжелых, успели уже выполнить почти половину этого задания (так народный доход на душу населения вырос на 46%), надо указать, что методологически этот подход совершенно неверен. Ведь народный доход является производным от таких факторов, как производительные силы и производственные отношения. Ясно, что в качестве стержневого задания его брать нельзя.

Здесь уместно вспомнить об одном «большом дне» в Госплане, когда проф. Осадчий докладывал проект генерального плана (непринятый). Он начал с удвоения народного дохода, с того, что для этого должно вырасти городское население на столько-то, в деревне на столько-то, поэтому придется построить столько-то жилищ, надо будет иметь столько-то обуви, столько-то одежды; так много времени употребил на эту сторону дела, что ни до какой энергетики, ни до какого металла, ни до каких ведущих отраслей нашего народного хозяйства он уже не дошел.

Надо помнить, что генеральный план составлен был Осадчим и его друзьями на 15 лет вперед: с 1925/26 г. по 1940/41 г. Генеральный план составлялся по пятилеткам, и вот, если взять одни только проектировки по таким решающим отраслям, как металл и машиностроение, то обнаружится, что уже в настоящее время, по истечении 1929/30 г., мы перевыполнили те задания, которые ставились перед народным хозяйством. По черной металлургии комиссия Осадчего намечала прирост в течение первых 5 лет на 120%, в течение второго пятилетия — на 60%, третьего пятилетия — на 37%. В этом проекте между прочим заверстана знаменитая потухающая кривая, базаровская идея потухающей кривой, в силу которой наше народное хозяйство из пятилетия в пятилетие и из года в год должно снижать темпы своего развития. Сколько же мы выполнили в действительности по черной металлургии за истекшее пятилетие? Оказывается, она за одно только пятилетие составила 191,4% по отношению к 1925/26 г. вместо 120% прироста, запроектированного Осадчим. По крупному машиностроению комиссия Осадчего проектировала по пятилеткам прирост

в 50 и 60%. В действительности же уже в настоящее время — в 1930 г.—общее машиностроение увеличилось на 245% по отношению к 1925/26 г. По прочим отраслям металлопромышленности генеральный план, составленный Осадчим и его единомышленниками, шел по линии той же потухающей кривой, предполагая для первого пятилетия 140% прироста, для второго — 60%, а для третьего — 35%. Что сказала действительность? В настоящее время эти отрасли металлопромышленности составляют уже 436,4% по отношению к 1925/26 г.

Соответственно этим проектировкам намечались темпы и по другим отраслям промышленного производства и по сельскохозяйственной продукции. Черепашьим темпам производства соответствовали и темпы грузооборота. Весь грузооборот всех дорог нашей страны должен был по предположению генерального плана возрасти в 1941 г. до 190 млн. тонн (11.400 млн. пудов). В действительности же уже в 1929/30 г. один только грузооборот железных дорог составляет 241 млн. тонн, т. е. по грузообороту мы имеем за пятилетие перевыполнение того, что они проектировали на 15 лет вперед.

Вредительская теория советского хозяйства

Но, товарищи, вы не думайте, что эти цифры брались только с потолка. С потолка кое-что бралось, но вредители пытались подводить под них некую философскую базу, философское экономическое обоснование. Конечно тут привлекались и довоенные данные, и сравнение с капиталистическими странами, и все прочее. На этих статистических данных мы не будем останавливаться. Отметим только, что эти малые темпы вредители пытались обосновывать как раз особенностями реконструктивного периода. Они давали своего рода теорию советского хозяйства, или по крайней мере теорию восстановления и реконструкции. В основу этой теории они положили совершенно неправильную предпосылку, которую без стеснения выдвигали во всех своих статьях, во всех своих выступлениях, на ответственных заседаниях и в Госплане и в других учреждениях. При этом вредители поддерживали друг друга наперебой.

В чем заключается эта особая философия? Она заключается в том, что пролетариат, взявший в свои руки власть, способен только разрушать производительные силы страны и может существовать только за счет основного капитала, унаследованного им от прошлого капиталистического строя. Они заявляли, что восстановительный период тем и характеризуется, что мы только восстанавливаем тот основной капитал, который лежит мертвым грузом, который ждет своей активизации. Но с исчерпанием этого основного капитала кончаются и возможности нашего дальнейшего развития. Такую мысль пропагандировали представители буржуазной идеологии в наших учреждениях, упорно внедряя ее в советские умы. Ею пленялись иногда и отдельные коммунисты. В качестве образца такого понимания нашего народного хозяйства укажем на выступление в Госплане Авилова (по

докладу Громана о динамике и кон'юнктуре народного хозяйства за первую половину 1923/24 г.). Авилов заявил следующее:

«Теперь, когда мы вошли в норму и достигли значительных результатов, говорить о том, что и дальше пойдем тем же быстрым темпом, не приходится. И в этом основное различие кон'юнктуры прошлого и нынешнего годов»[1]. Тот же Авилов на том же заседании дает убийственную характеристику нашей промышленности: «Промышленность, — говорит он, — делается похожей на хилого ребенка, которого постоянно нужно кормить искусственными средствами. Промышленность оказывается в роковом тупике»[2].

Более развернуто выражает эту мысль Громов, совершенно недвусмысленно заявляя при этом, что он пытается дать целую систему взглядов, так сказать, философию нашей экономики и экономической политики: «Я, — говорит он в заключительном слове по докладу о современном состоянии народного хозяйства советских республик, — в своем докладе пытался свести концы с концами, дать систему, доказать, что мы жили путем расходования основного и оборотного капиталов, указать диспропорцию между промышленностью и падением добычи сырья, понижением потребления крестьянством и прекращением производства им сырья. Я считаю, что в деревне нет сырья для поднятия промышленности, и это будет продолжаться ряд лет. Крестьянство будет работать на себя, а не на рынок. Моя формула такова — без помощи извне мы не справимся»[3]. Начиная с 1922 г., Громан и его друзья пытались усиленно вколачивать коммунистам и беспартийным мысль, что мы жили и живем только за счет расходования основного и оборотного капитала, не создавая никаких новых ценностей, пожирая все то, что унаследовано рабочими от буржуазии. Вся наша история за последние годы, все действительно об'ективные данные, все статистические данные, которые Громан и его друзья пытались фальсифицировать, всячески преуменьшая наши успехи и достижения, все говорит об исключительной абсурдности такого положения, о том, что они никакой почвы под собой не имеют. Однако в годы восстановительного периода, когда положение было действительно исключительно тяжелым, когда творческие силы рабочего класса еще не могли выявиться в таких огромных размерах, в каких они выявились в период реконструкции, когда по целому ряду отраслей народного хозяйства мы действительно были далеко позади даже довоенного уровня, Громан связывал эти свои идеи с представлением о необходимости и неизбежности перерождения нэпа в систему капиталистическую. Он вместе с другими вредителями старался создать какую-то специальную «идеологию реставрации».

---

[1] Заседание Экон.-стат. секции Госплана СССР от 24/IV 1924 г. Архив Госплана, Эконом.-стат. секция, дело № 79, лист 162. Разрядка наша. *Р. З.*

[2] Там же, стр. 163.

[3] Заседание президиума Госплана от 23 декабря 1922 г.

Исключительно неуклюже выступает против высоких темпов такой вредитель, как Гартван, который заявляет при обсуждении пятилетнего плана в 1929 г. следующее: «Высшее правительство и все народное хозяйство ждут от нас рабочего хозяйственного плана. А мы в своем стремлении осуществить эту задачу выступаем с планом, который с точки зрения металла например является совершенно бесхозяйственным. Почему? Да потому главным образом, что он предусматривает такое форсирование хозяйства металлопромышленности, которого ни одно хозяйство никогда не допустило бы»... О каком таком «бесхозяйственном» плане идет речь? Спор шел тогда в Госплане по вопросу о том, можно ли предусматривать в пятилетке 8 или 10 млн. тонн чугуна. А вредители Гартван и Таубе доказывали, что выше 6 млн. тонн чугуна ни за что нельзя проектировать, обнаруживая между прочим не только страшную политическую реакционность, но исключительную отсталость в вопросах техники и последних достижений науки за границей. Как известно, мы будем иметь к концу той же пятилетки, о которой тогда шла речь, не 6 и не 10 млн. тонн, а 17. Как пришлось уже отмечать в другом месте, госплановские и ВСНХ'овские вредители хотели украсть у рабочего класса 10 млн. тонн чугуна и ограбить социализм на несколько лет развития. Недаром вредитель Калинников говорил, что пятилетка потребует не меньше 10 лет для своего осуществления.

Громановские коэфициенты

В последние годы, когда вредители видели, что партия идет по пути высоких темпов, отметая их и всех тех, кто в силу своей правооппортунистической ограниченности об'ективно поддерживает их внутри партии, они стали прикрываться как бы «чистотой» идеи индустриализации и коллективизации. Например один из тех, которые всегда гордо называли себя представителями громановской школы, статистик Вишневский выступал против увеличения программы тракторизации, пытаясь доказать, что при меньшем количестве тракторов будет возможность получить относительно большие результаты и что высокие темпы могут нарушить чистоту идеи тракторизации.

«Если мы будем иметь 50 тысяч тракторов, то мы можем надеяться, что мы доведем нагрузку каждого трактора до 70 дес. и следовательно обработаем 3,5 млн. дес., но если будем иметь 100 тыс. тракторов, то можно поручиться, что нагрузка будет не больше 55 дес. на трактор, и от 100 тыс. тракторов мы будем иметь не 7,5 млн., а 5,5 млн. дес. вспашки, т. е. увеличение только на 2 млн. десятин при большой возможности компрометировать идею тракторизации сельского хозяйства».

Совершенствуя и углубляя свою вредительскую философию, Громан впоследствии пытался создать теорию о том, что над нашим народным хозяйством должны довлеть те отношения и те пропорции, которые существовали до войны. Правда, в 1924—1926 гг., когда он особенно энергично развивал эти свои взгляды, у него нехватало смелости говорить о том, что мы должны вернуться к тем же производственным отношениям в экономике, которые существовали до революции. Но он выводил якобы исключительно об'ективные, беспристрастные эмпирические закономерности, в силу которых у нас всегда и неизменно будут сохраняться те ценностные отношения между товарной продукцией промышленности и товарной продукцией сельского хозяйства, которые существовали в 1913 г.

Громан рассуждал примерно так: если принять за 100% всю ценность товарной массы, поступающей на рынок от промышленности и от сельского хозяйства вместе взятых, то ценность товарной массы промышленности составит 63%, а сельского хозяйства 37%. Так, говорил он, было в 1913 г., такое положение имеется в 1925 г. и так будет в дальнейшем во все последующие годы. Громан с исключительным упорством всегда и неизменно отстаивал эти свои идеи, приобревшие печальную известность «пропорции 63 : 37». Ему удалось включить их одно время и в контрольные цифры.

Он не говорил при этом, что, восстанавливая старые довоенные пропорции между социалистической промышленностью и частным сельским хозяйством, мы должны итти к восстановлению в стране довоенных классовых отношений, но этот вывод логически вытекает из его «коэфициентов». В 1924—1926 гг., когда Громан развивал эти свои идеи, он был еще достаточно осторожен, чтобы этого не делать. Однако за него это делали другие. Та же комиссия Осадчего по генеральному плану, о которой мы говорили выше, руководствуясь громановской пропорцией 63 : 37, устанавливала рост товарной продукции обобществленного и частного секторов примерно так: 240 и 180%, т. е. комиссия считала, что за 15 лет частное хозяйство должно настолько усилиться в нашей стране, что оно даст прирост товарной продукции на целых 180%. Таким образом Громан предсказывал якобы об'ективные тенденции, а друзья его немедленно делали из них экономические и политические выводы.

Представители капитализма — Осадчий и Громан, — засевшие в Госплане, превращали таким образом «науку» в орудие классовой борьбы, заведомо планируя социалистическое строительство на возврат к капитализму.

Строя план на 15 лет вперед, комиссия Осадчего закрывала глаза на то, что уже тогда, в 1927 г., происходило сокращение не только относительных, но и абсолютных размеров частной промышленности. Они считали, что и через 15 лет она еще будет существовать и увеличится с 390 млн. руб. (в довоенных ценах) до 990 млн. руб., т. е. на 254%.

С проектировками комиссии Осадчего вполне гармонировали и приобревшие печальную известность проектировки проф. Огановского по генеральному плану сельского хозяйства, которые не были приняты ни Госпланом, ни партией. В этих проектировках Огановский исходил из того, что тенденция стихийного развития мелкого крестьян-

ского хозяйства и сохранения индивидуальных форм хозяйствования в деревне является тенденцией извечной и что даже через 15 лет количество крестьянских хозяйств будет расти и достигнет 35 млн. Историей планирования не выяснено, добавлял ли мракобес Огановский к 35 млн. еще какие-нибудь десятые, сотые и тысячные доли, но во всяком случае эта цифра, как и все другие, преподносилась с серьезным видом людей, которые огромным и упорным трудом добывают из тайников науки «священный огонь» для нашей грешной земли.

В этом же духе работал для генерального плана и контрреволюционер Альберт Вайнштейн, который вычислял урожайность по черепашьим темпам, игнорируя всякую реконструкцию сельского хозяйства, влияние на урожайность его коренных социально-технических изменений.

«Мы полагаем, — писал Вайнштейн, — принять в качестве ежегодной нормы прирост урожайности в 0,8-0,9 пуда в год, что дает 1,6-1,8% в год с небольшим понижением этого процента в конце периода. Этот прирост на 60—80% превышает средний довоенный прирост и дает общее увеличение планового урожая за 15 лет в 12 — 13,5 пуд., или около 25%. По нашему мнению указанный процент является скорее максимальным, нежели минимальным»[1].

Стоит ли после того огромного роста, который дала наша промышленность за последние годы, после того колоссального исторического перелома, который всю абсурдность в деервне в сторонурэшжбзации, доказывать всю абсурдность того, что сочиняли Громаны, и того, что у него списывал Осадчий и другие. Считая излишним тратить на это время, можно отослать интересующихся к имеющейся по этому вопросу литературе[2]. Необходимо только отметить, что Громан был неправ не только с точки зрения экономико-политической, но и с точки зрения статистических вычислений. Как показал беспартийный работник Госплана СССР т. Персиц, Громан, выводя свои эмпирические закономерности, явно жульничал. Так например он исключал из расчета часть обращающихся в деревне промтоваров, дабы уменьшить удельный вес промышленности, считал сельскохозяйственную продукцию по повышенным ценам, а промышленную по пониженным и т. д.

Единый фронт вредителей, работавших довольно единодушно в области кон'юнктуры, пытался использовать свои позиции в советских учреждениях, как мы видели, также и в составлении планов. Им было на-руку то обстоятельство, что коммунистическая прослойка в плановых ячейках ведомств и в Госплане была в прошлые годы крайне незначительной и еще не была в состоянии уследить за всеми сторо-

[1] Доклад в комиссии генплана от 17/XII 1926 г. Дело № 69 ком. генплана, лист 116.

[2] Статья Вайсберга в „Правде", полемика между Громаном и Вайсбергом в „Экономической жизни", статьи Громана, Миндлина в „Плановом хозяйстве".

нами плановых проектировок. Как на один из таких примеров можно указать на «материалы к пятилетнему плану на 1926/27 и 1930/31 гг.», в которых пятилетний план промышленности составлял проф. Калинников, сельского хозяйства — Вишневский и т. д. Беда заключалась в том, что работавшая тогда комиссия по перспективному планированию была столь слаба по своему партийному составу, что она не была в состоянии достаточно глубоко вникнуть в представляемые материалы и корректировать их с необходимой тщательностью. «Материалы» эти были опубликованы в разгар борьбы троцкистско-зиновьевской оппозиции против партии. Оппозиция не преминула спекульнуть на этих «материалах», пытаясь обвинить партию в хвостизме и прочих смертных грехах. Оппозиция, превратившаяся тогда в явно контрреволюционное течение, и на сей раз села в глубокую политическую лужу, так как партия не только не приняла этих «материалов», но на XV с'езде дала совершенно иные директивы по составлению пятилетнего плана, директивы, послужившие началом для развернутой социалистической реконструкции и для решительного социалистического наступления.

За концессии, против индустриализации

Под видом «беспартийной» методологии планирования и под видом организационных вопросов вредители давали свой буржуазно-классовый ответ на все кардинальные проблемы нашего развития.

Они отвечали даже на такой «аполитичный» вопрос, как наше международное положение. На заседании, на котором никто от Громана ответа на этот вопрос не требовал, на заседании, на котором обсуждались организационные вопросы построения плановой системы и проблем районирования, вредитель Громан дал по этому вопросу совершенно ясный ответ. В 1922 г. он заявил следующее:

«Когда мы теперь ставим вопрос о районировании, нам надо подходить к этому вопросу не с той точки зрения, что у нас плох транспорт и распались районы. Вопрос надо ставить так, чтобы определить, как надо управлять, чтобы хозяйственная жизнь России шла вперед и чтобы она представляла максимум цельности. Все доводы защитников районов очень интересны, и И. Г. Александров и К. Д. Егоров, защищая районирование, подчеркивают ценность районов, забывая в это время про цельность целого — про цельность РСФСР. Я считаю, что каждый район в чрезвычайной мере зависим от центра, и если например ослабить связь Донбасса или Азнефти с центром, то это плохо отразится прежде всего на Донбассе и Азнефти. Я согласен с тем, что сейчас нет особого русского народного хозяйства, а есть чисто мировое хозяйство, и что только ориентируясь на мировое хозяйство и можно жить. И. Г. Александров упомянул, что каждый район имеет свой баланс и имеет связь с другими районами и с мировым хозяйством. Каким образом районы могут иметь непосредственную связь с мировым хозяйством, этого я себе не представляю. Ясно, что части и

центр всего народного хозяйства всегда стоят в противоречии друг с другом, и то, что выгодно центру, то невыгодно районам»[1].

Мы нарочно привели эту длинную цитату без всяких сокращений, так как на ней можно проиллюстрировать специфические методы тех советских вредителей, которые больше других приспосабливались к нашей обстановке. Они высказывают не только неправильные, но и правильные мысли. Например в данном случае Громан выступает поборником единого хозяйства в противовес сепаратистским тенденциям отдельных районов. Вообще было бы наивно думать, что вредитель только тем и занимается, что развивает вредительские идеи. Это столь же примитивно, как рисовать себе социал-фашиста обязательно с фашистским знаком на лбу, стоящим на коленях перед капиталистом.

Вредитель и особенно вредитель от планирования воспринимает в порядке социальной «мимикрии» также и советские идеи и иногда развивает их. Эта сторона дела многих ослепляет и подкупает, не давая им возможности сразу разглядеть буржуазно-вредительскую сущность. Вместе с тем они разрешают вопросы извращенно и в корне неправильно. В приведенной выше цитате Громан с высокого дерева плюет на такие очередные хозяйственные вопросы, как восстановление разрушенного гражданской и империалистической войной транспорта, как хозяйственное строительство районов и т. д. Он защищает единое хозяйственное строительство ,вещи.«ьцплкд цплкдз тжбшря п единое народное хозяйство, но не с точки зрения социалистического строительства и даже не с точки зрения простого «буржуазного» восстановления разрушенных производительных сил, а только под углом зрения мирового капиталистического хозяйства. Громан не знает и знать не хочет особых, ни одной стране в мире не свойственных интересов нашей страны, страны пролетарской диктатуры, строящей социализм в империалистическом окружении, идущей своим социалистическим путем. Ему тесно в социалистическом государстве, его влечет к себе «нормальный» капиталистический строй, он заявляет, что только ориентируясь на мировое хозяйство можно жить.

Может быть это случайность? Но оказывается, что соратник Громана — Базаров — никак не может разрешить «надклассовые» вопросы методологии планирования, также не касаясь этого вопроса даже в 1928 г. В докладе, посвященном методологии планирования, который был составлен Базаровым для президиума Госплана и который был встречен в штыки рядом коммунистов и не был принят Госпланом, в этом докладе Базаров пишет следующее:

«Идея международного разделения труда, — говорит он, — идея международного районирования общественных производительных сил в мировом масштабе обязательна для генерального плана не в меньшей степени, чем принцип национального районирования в СССР».

[1] Протокол № 58 заседания президиума Госплана 20 апреля 1922 г.

Базаров ставит знак равенства между нашими районами внутри СССР и капиталистическими странами. Для него СССР — только «район» в мировой капиталистической системе. Он при этом говорит, что единственно, что можно себе, так сказать, позволить — это строить железные дороги с учетом задач национальной обороны. Но ведь любое буржуазное государство, не имеющее тех специфических особенностей, которые имеет СССР, и не ставящее перед собой специальной задачи построения социализма на занимаемой им территории, любое такое государство очевидно и, как всем известно, очень основательно интересуется не только самообороной, но и империалистическим наступлением. Базаров совершенно не видит или не хочет видеть специфического отличия СССР, как страны, строящей социализм.

Исходя из разделения труда в мировом масштабе, придавая этому разделению труда и в экономическом и в политическом отношениях такое же значение, как разделению труда внутри страны на территории отдельных республик и районов, Базаровым выдвигается любопытная, хотя и не отличающаяся особой глубиной концепция. Он считает, что в силу наличия передовых капиталистических стран, которые имеют у себя достаточно мощную индустрию, которые располагают рядом отраслей, отстающих в СССР, в которых ряд других отраслей шагнул гораздо дальше, чем у нас, в силу наличия такого ряда стран, нет никакой надобности развивать у нас в СССР отстающие отрасли промышленности. Базаров поэтому полагает, что мы должны заниматься только производством таких товаров, которые имеют достаточно широкий массовый спрос, а все остальное следует ввозить из-за границы или сдавать в концессии. У него в основном ориентация на производство предметов широкого потребления, которые действительно имеют наиболее массовый спрос.

Что же это — индустриализация страны с «ситцевого» конца? То, что предлагали еще некоторые коммунисты во время XIV с'езда партии? С внешней стороны — нет, потому что Базаров выступал (он выступал в 1928 г.) после того, как эта концепция была довольно основательно раскритикована и отвергнута партией. Здесь ему нужна некоторая маскировка, и эту маскировку он находит очень легко. Базаров предлагает в данном случае, как весьма модную, идею рационализации. Он выдвигает во главу угла принцип рационализации и подчиняет этому принципу всю нашу строительную политику. Базаров заявляет, что мы должны развивать только такие отрасли промышленности, которые поддаются основательно рационализации, а рационализация возможна только там, где имеется массовое производство, а массовое производство возможно там, где имеется массовый спрос. Базаров пишет по этому поводу буквально следующее:

«Рационализация в этой последней и самой эффективной ее форме осуществима только при гигантской массовости производства. Вот почему массовость есть тот основной критерий, которым должна определяться очередность наших реконструктивных

начинаний. В первую очередь должны быть реконструированы отрасли, производящие предметы широкого потребления и те виды средств производства, потребности в которых уже теперь носят достаточно массовый характер. Во всех прочих отраслях следует предпочесть, пока они не приобрели достаточно широкой базы внутри СССР, закупки необходимых продуктов за границей или предоставление концессий иностранным капиталистам»[1].

Таким образом Базаров подчиняет основную линию партии, линию индустриализации лозунгу второстепенному, лозунгу рационализации. Конечно никто из нас против рационализации не спорит, ее мы стараемся всемерно проводить, но это одна из подчиненных идей в нашем строительстве, а Базаров ставит ее во главу угла, выдвигает в качестве основного принципа; индустриализацию же, развитие тяжелой индустрии, необходимые для социалистического строительства пропорции между отдельными отраслями промышленности — все это он подчиняет идее рационализации.

Базаров, как известно, считал себя 100%-ным марксистом, правда — не ортодоксом; он щеголял тем, что он когда-то был большевиком, и во всяком случае он старался выглядеть в советских условиях человеком первосортным. И вот интересно, что этот самый «марксист» Базаров очень рьяно выступает в защиту кулачества, считая, что «мы обязаны для индивидуального хозяйства обеспечить условия существования гораздо более прочные и гораздо более крепкие, чем было до войны». Он за крупные индивидуальные хозяйства в большей степени, чем это давала политика буржуазная. Конечно Базарову невдомек, что рост благосостояния деревни теснейшим образом связан как раз с ограничением и ликвидацией кулачества, с развитием социалистических форм, с ростом коллективизации и с ростом нашей индустрии. А против индустриализации, как мы видели раньше, Базаров выступал довольно четко.

Итак громановские выступления по организационно-плановым вопросам 1922 г. и базаровская «сверхнаучная и сверхклассовая» методология 1928 г. являются ничем иным, как обоснованием практических действий политической платформы вредителей-кондратьевцев. В данном случае конечно нам совершенно не нужно заниматься вопросом о том, кто из них раньше сказал «э» — меньшевики Громан и Базаров, с одной стороны, или кондратьевцы, — с другой, а важно только то, что идеологическое «родство душ» вело их к деловому контакту и контрреволюционному содружеству между собой и с «промпартией».

Это же «родство душ» делало их идейными союзниками правых в их борьбе против партии.

Как мы видели, и у Громана и у Базарова была ставка на усиление нашей зависимости от заграницы. Практически эту работу весьма усердно проводила в ряде отраслей народного хозяйства «промпартия». В то время как коммунистическая партия с успехом борется за освобождение от иностранной экономической зависимости, Громан, Базаров и Кондратьев развивают идеи о необходимости усиления этой зависимости, а их единомышленники, орудовавшие в оперативных органах, всячески срывали наши строительные начинания, практически подкрепляя базаровско-кондратьевскую контрреволюционную идеологию и «методологию». Излишне говорить, что ни в какой форме, ни в какой степени эти громановско-базаровские концепции на политику партии не повлияли и повлиять не могли.

[1] „Плановое хозяйство" № 2, 1928 г., стр. 38.

И Громан, и Базаров, и прочие другие, которые шли за ними, делались все более открытыми нашими врагами по мере усиления классовой борьбы в стране. В той борьбе, которая развертывается внутри страны и в которой вредители активно стоят на враждебной нам стороне баррикады, они пытались в своих выступлениях совершенно недвусмысленно оправдывать кулака против советской власти. Поэтому в свете вредительских действий особый интерес приобретают такие заявления, которые Громан в свое время делал и которые даже кое-кому из коммунистов казались тогда невинными.

«Государство, — говорит он, — было вынуждено прибегнуть к экстренным мерам, нарушающим нормальный ход хозяйственной жизни, потому что мы имеем минимум хлебозаготовок и хлебоснабжения».

И далее: «мы приняли такие меры, которые нарушают нормальный ход хозяйственной жизни, а при ненормальном ходе и кон'юнктурные прогнозы не могут быть обоснованными»[1].

Это Громан говорил по поводу чрезвычайных мер, которые мы начали практиковать в 1927/28 г. Судя по тем словам, которые мы привели, он внешне как будто согласен, что государство было вынуждено прибегнуть к этим мерам, но за вычетом этой словесности Громан заявляет, с другой стороны, нечто более существенное, а именно,— что как раз эти формы нарушают весь нормальный ход хозяйственной жизни. При этом он ни слова не говорит о сопротивлении кулачества, о той хлебной забастовке, которую кулак устроил нам в период хлебозаготовительной кампании, и о том, насколько капиталистические силы страны действительно нарушают и пытаются разрушить нормальный ход социалистического строительства. Все это для Громана несущественно, так как нормальной он считает не политику коммунистической партии и советского государства, а капиталистический «ход» экономики.

Поразительное недомыслие проявляет Громан тогда, когда он подходит к вопросу о росте удельного веса государства и кооперации на частном рынке и в частности по тому же вопросу о хлебозаготовках.

«Товарищи, — говорит он, — я думаю, что мы присутствуем при очень большом вопросе исторической важности. Мы помимо воли и

[1] Заседание президиума Госплана 10/III 1927 г. Архив Госплана. Дело №1 1927 г., стр. 105.

сознания установили хлебную монополию, мимо воли и сознания у нас течет, примерно 10 месяцев, процесс дезорганизации хлебного рынка, оказавший уже громадное влияние на условия посева наших технических культур, так как изменился эквивалент не в пользу посева сырья. И вот мы ставим теперь вопрос: как все это случилось? Позвольте напомнить наши подходы к плану этого года. Мы не предполагали, что мы сделаем хлебную монополию. Я помню свое выступление, в котором говорил, что в Советской России, при советском строе государство должно быть хозяином на рынке, но для того, чтобы быть хозяином на рынке, достаточно иметь 51% снабжения. И уже только на глупость можно набавить, и мы набавили до 75% на наше неумение организовать и регулировать. И вот мы доходим до 91%».

Как защитник интересов индивидуального крестьянского хозяйства и в первую очередь кулачества, как защитник свободной частной торговли против государства и кооперации, Громан внешне прикидывается сторонником роста удельного веса государства и кооперации на рынке, но пытается применить здесь известные нормы капиталистических акционерных обществ, предлагая нам ограничиться 51% хлебозаготовок. Громан ставит знак равенства между нашими связями с деревней и между пакетами акционерных обществ или считает, что можно найти таких дураков, которые вообразят, что нам достаточно иметь 51% хлебных пакетов для того, чтобы быть хозяевами на рынке, и для того, чтобы строить социализм. Представляя отживающую и разлагающуюся буржуазию, Громан вынужден договариваться до явных глупостей. Классовая идеология сильнее индивидуального ума, изворотливости и умения.

В то время как Громан, Юровский, Базаров, Кондратьев старались тащить наше народное хозяйство к капитализму, партия подымала нашу хозяйственную систему своими методами планирования на более высокую реконструктивную ступень. План завозов промтоваров при тех огромных недостатках, которыми он страдал и теперь еще страдает, представляет из себя с нашей точки зрения все же одну из форм роста нашей плановости и укрепления социалистического влияния в деревне. Восставая против этого, Громан и его друзья оказываются совершенно беспомощными привести хотя сколько-нибудь членораздельные экономические доводы и истошным голосом кричат против квитанций о сдаче хлеба, грозят финансовым крахом торговли и на этом основании пытаются отказаться от формулировки каких-либо перспектив. Это, так сказать, своего рода «легкий саботаж», который они уже пытались проявить по отношению к нашей плановой работе, чувствуя, что их уже довольно основательно отстраняют от работы. Вскоре после такого выступления Громан и его единомышленники действительно были отстранены от плановой работы.

Не лишне между прочим в этой связи указать на следующее. В белогвардейской социал-демократической и просто буржуазной печати проскальзывают теперь, в связи с опубликованием материалов о вредительстве, такие заявления, что Громан и Кондратьев являются «творцами», «отцами» пятилетки. Надо сказать, что это чепуха несусветная. И Громан и Кондратьев выступали против всех пятилетних планов всего народного хозяйства в целом. В Госплане Громан работал над кон'юнктурой и над контрольными цифрами. Известно, что Кондратьев участвовал в составлении первой с.-х. пятилетки Наркомзема, т. е. по пятилетке одной отрасли народного хозяйства. Но если взять все пятилетние планы народного хозяйства в целом, которые составлялись в Госплане, то и Громан и Кондратьев всегда выступали против них; они выступали даже против той пятилетки, которая отличалась наиболее мизерными проектировками. По существу же они не принимали участия в составлении ни одной сводной пятилетки.

Однако их работа над другими вопросами была в достаточной степени вредительской.

План и стихия

Если попытаться свести к чему-то единому, обобщающему методологические установки Громана, Базарова и Кондратьева и ряда более мелких приспешников буржуазных профессоров, то можно сказать, что в центре у них стоял вопрос о плане и стихии.

Вредители, отвечая на политические вопросы, по-своему подгоняли к своим ответам и свои установки, так называемую «чистую» методологию по вопросу о плане и предвидении.

Мы знаем основное положение Маркса, по которому капиталистическое общество таит в своих недрах тенденции капиталистического развития. Но это положение ни для Громана, ни для Кондратьева не существует. Они игнорируют также и то обстоятельство, что при диктатуре пролетариата в СССР в период переходный от капитализма к социализму имеются об'ективные тенденции, которые ведут по направлению к социализму. Они вместе с тем совершенно превратно понимают активную роль рабочего класса и коммунистической партии. Игнорируя те об'ективные силы, тот об'ективный ход истории, который ведет нашу страну по направлению к социализму, они закрывают глаза и на ту обостренную классовую борьбу, с которой связано социалистическое строительство, якобы забывая о бешеном сопротивлении тех самых остатков капитализма, идеологами которых являются они же — Громан, Базаров, Кондратьев, Юровский и др. У них получается наоборот. Все то, что об'ективно, все то, что существует в действительности, должно, по их мнению, итти против социализма и против диктатуры пролетариата. Социалистическое строительство они рассматривают исключительно как продукт злой, суб'ективной воли советского государства, воли пролетариата, идущей в разрез с

об'ективной действительностью, с ходом исторического развития. Отсюда — на одной стороне находится, по их мнению, экономическая стихия, рыночные отношения, капиталистические тенденции, а на другой стороне — социалистические элементы страны. Первое — это «действительность», второе—«суб'ективизм» и коммунистическая воля.

Вся «наука» планирования имела у вредителей целью укрепление капиталистических элементов настолько, чтобы направить экономику и политику страны на путь буржуазной реставрации. Профессор Юровский например мирился и то с крайней натяжкой с теми формами нэпа, которые сложились до 1926 г. А проф. Громан сочинил теорию «об эмпирических закономерностях», которая должна была доказать, что над нашей экономикой всегда и неизменно довлели, довлеют и будут довлеть довоенные экономические отношения.

Громановско-богдановское „равновесие" и базаровская „троица"

Из других вопросов «беспартийной методологии» интересно остановиться на вопросе о преимуществах советской и капиталистической систем. Горе-теоретиком по этому вопросу выступал Базаров. Не долго думая, он решает вопрос в пользу капитализма с буквально ребяческой мотивировкой. Признавая на словах преимущества советской системы, Базаров считает однако, что плановые организации советской страны обходятся значительно дороже, нежели содержание капиталистических паразитов в буржуазных странах [1].

С этим теснейшим образом увязывается его совершенно бездоказательная теория о потухающей кривой, в силу которой наши темпы развития должны все время двигаться по убывающей кривой.

Правда, все данные о фактическом ходе выполнения наших промышленных планов говорят об обратном. Но Базарову до этого мало дела. Он выводит свою теорию из запутанных математических формул, когда ему надо обосновывать положение о потухающей кривой, и не дает себе никакого труда для доказательства чего бы то ни было, когда он говорит о преимуществах капиталистической системы хозяйствования перед социалистической. Философские корни базаровского планирования уходят в богдановщину, сторонником которой Базаров всегда открыто признавал себя. Базаров и Громан пытаются навязать планированию «регулятивную» идею механистического равновесия, в силу которого наши задачи должны сводиться только к сохранению тех соотношений, тех пропорций, которые даны в народном хозяйстве, ни малейшим образом на нарушая их. «Равновесие, — говорит Громан, — есть высший постулат, всякое нарушение которого немедленно приводит к кризису и заставляет исправлять допущенные отступления от его требований» [2].

[1] См. Базаров в „Эконом. обозрении" за 1928 г., стр. 58—59.
[2] См. статью Громана в „Плановом хозяйстве" 1925 г.

Так писал Громан в 1925 г. Однако, по мере роста марксистско-ленинского влияния коммунистов в области планирования, по мере разоблачения всего убожества теории равновесия, Громан и Базаров начинают замалчивать эту идею, выдвигая вместо нее другое общее положение. Мы имеем в виду приобревшую некоторую известность триединую формулу Базарова, выражающуюся в следующем: «Триединый постулат оптимального сочетания роста производительных сил, благосостояния трудящихся и процессов обобществления составляет телеологический стержень плана» [1].

Формула выявляет, с одной стороны, вынужденную установку на обобществление, на социалистическое строительство, а с другой стороны, она использует остающиеся щели в плановой работе для того, чтобы протащить реакционные вредительские установки. В этой формуле обращает на себя внимание то, что на последнем месте стоит вопрос о развитии социализма, о росте социалистических форм, а на первом месте поставлены интересы развития производительных сил и роста потребления трудящихся. Базаров, как и все его единомышленники, исходя из той неправильной предпосылки, что в советских условиях имеется постоянный антагонизм между производительными силами и интересами потребления и социалистическими формами развития, должен ответить на вопрос о том, кому из них принадлежит ведущая роль, и он на этот вопрос дает ответ. «Развитие производительных сил, — говорит он, — есть ведущее звено» [2]. Кровная общность Базарова и правых бросается здесь в глаза. Однако, если правые стараются замолчать классовые вопросы, то Базаров в своей формуле прямо ставит вопрос и о производительных силах, и о социалистических отношениях, и о потреблении трудящихся и отвечает, что ведущая роль должна принадлежать производительным силам. Триединая формула Базарова, как и другие формулировки Громана и Базарова, неоднократно проникала в некоторые документы по планированию, конечно не без борьбы, происходившей в Госплане. Так например в комиссии по контрольным цифрам примерно в 1927 г. при обсуждении методологии составления контрольных цифр коммунисты категорическим образом возражали против триединой формулы Базарова, предлагали исключить ее или сильно изменить базаровскую формулировку. Однако комиссии не стоило большого труда «побить» этих коммунистов не какими-либо доводами, а попросту голосами сидевших в комиссии вредителей Громана, Базарова, Зейлингера, Гухмана, Шуба и др. и голосами некоторых коммунистов, которые не шибко разбирались в политической вредности базаровской троицы.

[1] В. А. Базаров. «Основные принципы построения перспективного плана». Тезисы, представленные в центральную комиссию перспективного планирования Госплана СССР 5 января 1928 г. Дело № 8, стр. 61.
[2] «Плановое хозяйство» 1928 г., № 8, стр. 43.

Реконструкция как фактор безработицы

Базаров всегда и неизменно рисовал наше положение в самых мрачных тонах. В 1924 г. он заявляет следующее: «Тут выяснились два взгляда на положение вещей — оптимистический и пессимистический. Мне кажется, прежде всего не надо смешивать изменения кон'юнктурного порядка и изменения более глубокие. Пессимисты более правы»[1].

Базаров не ограничивается общими декларациями, но мажет советские ворота дегтем при каждом удобном и неудобном случае. Особенно любопытны его рассуждения по вопросу о труде и безработице, в которых он слыл, так сказать, незаменимым специалистом. Этот вопрос он трактовал с точки зрения философии реконструктивной эпохи. По его представлению реконструкция народного хозяйства может только ухудшить положение с безработицей и с так называемым аграрным перенаселением.

«В самом деле, — пишет он, — мы еще по-настоящему не приступили к процессу реконструкции; натуральное хозяйство и различные промыслы, носящие характер скрытой формы безработицы, не ликвидируются, а наоборот поощряются у нас крайней дороговизной и недостаточностью промышленных продуктов широкого потребления. И тем не менее уже в настоящее время мы вынуждены непроизводительно расходовать огромные суммы на поддерживание избыточного населения в порядке, так сказать, социальной благотворительности. В нынешнем году будет затрачено около 120 млн. руб. на денежные пособия безработным, десятки миллионов на трудовую помощь им же; большие, но трудно учитываемые средства пойдут на разные виды помощи крестьянской бедноте. Что же будет в разгар реконструкции, когда масса дешевой промышленной продукции хлынет в деревню, освобождая рабочее время миллионов людей? Так как советский строй, оставаясь самим собой, не может ни предоставить их собственной участи, ни «ликвидировать» их методами раннего капитализма, то не останется никакого иного выхода, как затрачивать на помощь избыточному населению уже не сотню миллионов, а миллиарды рублей. Другими словами, для лечения социальных последствий реконструкции пришлось бы расходовать все большую и большую долю тех ресурсов, которые необходимы для самой реконструкции. Если бы мы встали на этот путь, то реконструкция должна была бы весьма быстро замереть, создав глубокий кризис, — не кризис хозяйственной «кон'юнктуры», а кризис всей системы планового хозяйства»[2].

Итак по Базарову период реконструкции отличается не сокращением, а ростом безработицы. При составлении пятилетнего плана ряду коммунистов стоило огромных усилий добиться вопреки Базарову и его сторонникам такой проектировки рабочей силы, которая

[1] Заседание экном.-стат. секции Госплана от 28 апреля 1924 г.
[2] „Плановое хозяйство" № 2, 1928 г., стр. 45.

сводит к концу пятилетия безработицу только примерно до 400 тыс. В действительности же оказалось, что у нас уже второй год пятилетки ликвидирует безработицу. Общеизвестны те постановления партии и правительства, которые недавно вынесены по этому вопросу. Здесь однако важен общий взгляд на реконструкцию. По Базарову выходит, что период реконструкции может принести только бедствия народному хозяйству.

Страшен Базаров, но милостива советская действительность. Все факты идут против него. Приведенные выше слова взяты нами из напечатанной статьи Базарова, которую ему пришлось тщательно отделывать, приспосабливать и разбавлять немножко розовой водичкой до появления ее в печати, но даже в этой статье Базаров делает недвусмысленный намек на необходимость изменения всей системы советского строя, говоря о том, что, «оставаясь самим собой», советский строй не в состоянии справиться с таким явлением, как безработица. Там же он прямо пишет о крахе всего планового хозяйства, о кризисе всей системы.

Богдановская философия—орудие вредителей и правых

Эти взгляды связывались с мыслью о том, что вся наша система представляет собой какой-то болезненный организм. Идя по стопам таких вредителей, как Юровский, Базаров еще в 1924 г. говорил, что «кон'юнктурные колебания свидетельствуют о коренной болезни, которую надо лечить радикальными средствами»[1].

В чем эти радикальные средства? На это дали позже развернутый ответ такие вредители, как Кондратьев, Рамзин, Каратыгин, Пальчинский: возврат к капитализму, интервенция, буржуазная демократия, развертывание подрывной работы, а кое-кто додумался и до террористических актов.

Механистическая методология Богданова и т. Бухарина служит при этом незаменимым оружием в руках вредителей от планирования. Кстати о богдановской методологии.

В тех дискуссиях, которые имели место по ряду вопросов политической экономии, по вопросам экономической политики, партия вынуждена была часто вскрывать богдановскую методологию, показывать людям, что они бессознательно базируются на этой методологии, когда они на словах от нее открещиваются. Громан и Базаров в этом отношении нашу задачу облегчают, потому что тут не надо ничего вскрывать. Они сами, в частности Громан, заявляют себя сторонниками Богданова. В этом отношении приведем следующую цитату из выступления Громана, относящегося к 1922 г.:

«Образовались группы: пессимистов и оптимистов, каждая из которых с горячим убеждением строит то светлые, то мрачные прогнозы. Но если руководствоваться концепцией народного хозяйства,

[1] Дело № 1 (17). Стенограмма 1927 г. План завоза промтоваров. Президиум Госплана 11/I 1927 г.

данной А. А. Богдановым, т. е. идеей целостности народного хозяйства, цепной связи его элементов и решающим значением закона минимума, то мы должны признать наиболее вероятным такой прогноз: при продолжающемся улучшении организации хозяйственных процессов процесс истощения будет продолжаться, стабилизация рубля недостижима и реальный хозяйственный расчет невозможен. Чудес в хозяйственной жизни не бывает. Силою мысли и воли нельзя заместить недостаток материальных элементов хозяйственной жизни. Приток извне средств производства и даже некоторых предметов потребления необходим. Отсюда неизбежен вывод, что мы должны влиться возможно полнее в мировое хозяйство»[1].

Итак через философию Богданова к капитуляции перед мировым капиталом.

«Моя формула, — заявляет Громан, — такова: без помощи извне мы не справимся» (1922 г.).

Громан, меньшевик-богдановец, считал себя марксистом. Спекулируя Марксом, он заявляет: «я считаю, что примат принадлежит производству». И тут же он старается использовать Маркса против нашей политики индустриализации. Извращая Маркса и наговорив кучу нелепиц насчет того, что у нас товар совершенно свободно обменивается на товар и что мы должны равняться по законам рынка, Громан заявляет, что мы имеем «такое соотношение между промышленными и с.-х. товарами, при котором обмена не происходит. И у меня, — продолжает Громан, — такое впечатление, что производится то, что не нужно, и не производится того, что нужно. Такой разрыв между промышленностью и рынком, который я вам обрисую в моих кон'юнктурных докладах, он отвечает на ваш вопрос. Одно обусловлено другим: насчет пропорциональности и соответствия частей мы хромаем больше, чем любое капиталистическое общество. Этот крик о соразмерности в развитии различных сторон народного хозяйства и будет услышан вами в моем докладе».

В чем дело? А дело в том, что партия проводила энергичный курс на индустриализацию, усиливала в соответствии с этим темп развития тяжелой индустрии. Громану конечно это не нравится и он заявляет, что производится то, что не нужно, и не производится того, что нужно. Это — старые песни, которые мы много раз слышали, которые не устают напевать правые оппортунисты, песни, ничего общего не имеющие с генеральной линией партии и направленные против нее. И почти что предвосхищая «Заметки экономиста», Громан поучает, что «капитальное строительство во всех отраслях должно иметь в начале года материальное покрытие».

Мы позволяем себе спросить проф. Громана и, скажем, т. Бухарина: почему например строительные материалы не могут нами производиться в середине того года, на который составляются контрольные цифры, и в течение того же года использоваться? На эти вопросы они конечно никакого ответа не дадут. Опираясь на ту же богдановскую методологию, перенесенную в область социалистического планирования, Громан апеллировал к об'ективной философии «генетики» и «телеологии». Он писал:

[1] Архив Госплана СССР. Дело № 48 (1922 г.). Президиум Госплана. Лист 358-359.

«Синтез генетической и телеологической точек зрения при примате первой требует формулировки исходного положения, характеристики развития, строения и достигнутого уровня планируемого народнохозяйственного целого. Примат генетической точки зрения, — заявляет далее Громан, — обязателен для нас и в генплане»[1].

В тезисах, выставленных тогда против Громана, мы указывали, что декларирование, подчеркивание примата генетической точки зрения над телеологической является совершенно неприемлемым для нашего перспективного планирования. Наш генезис — «Рассея» с татарским игом и трехсотлетием «дома» Романовых, с запоздалым вступлением на путь капиталистического развития, телеология — развернутое коммунистическое общество. «Телеология» может быть превращена в действительность только путем последовательного изменения действительности...

«Конечно, поскольку свобода есть только осознанная необходимость, постольку и генплан и все позднейшие планы никакой абсолютной свободы не дают. Но суть заключается в том, что роль осознанной необходимости все больше и больше усиливается».

В 1925—1927 гг., когда громановская группа особенно активно работала над контрольными цифрами, она и пыталась, исходя из кон'юнктурных затруднений, ориентировать планирование на так называемые «лимиты» (богдановский закон минимума) по решающим отраслям народного хозяйства, т. е. на ограниченные возможности, вместо того, чтобы в духе коммунистической партии ставить вопрос о преодолении и расширении «лимитов», вместо того, чтобы ориентировать планирование на боевые темпы, на смелые проектировки и большие строительные задачи.

Пытаясь всячески отвергнуть целевые ставки пролетариата в планировании, пытаясь подчинить контрольные цифры кон'юнктурным затруднениям, громановская школа своими «лимитами» в свое время дала фактически тот самый лозунг равнения на узкие места, который впоследствии послужил коньком для правых внутри партии. Громановское крохоборчество многих ослепляло в силу целого ряда обстоятельств, между прочим и потому, что на ряду с ним тогда, в 1924—1926 гг., работала кондратьевская группа, которая отстаивала еще более медленные темпы и еще более робкие шаги. Им удавалось брать на удочку ряд беспартийных и настроенных правооппортунистически коммунистов. Надо прямо сказать, что в контрольные цифры первых лет Громану и Базарову уда-

[1] Материалы к заседанию Методбюро 5/I 1928 г., стр. 11.

лось в завуалированном виде включить некоторые свои идеи. Это одна из тех причин, по которым контрольные цифры оказывались тогда такими, что партия не могла принять их как план действия. Не зная о вредительских действиях в планировании, ленинская партия всегда обладала тем здоровым большевистским чутьем, которое диктовало ей необходимость отвергнуть контрольные цифры, как обладающие шуйцей и десницей, как несоответствующие полностью задачам пролетариата на данной стадии его борьбы за социализм. Только примерно с 1928 г. партия начинает утверждать контрольные цифры, и то внося в них существенные поправки в сторону увеличения. У вредителя Громана однако всегда и неизменно хватало, мягко выражаясь, смелости для того, чтобы упорно навязывать свои практические предложения, свои директивы и мероприятия. Случалось неоднократно, что при обсуждении в середине контрольного года того или иного затруднения, того или иного срыва в планировании Громан заявлял, что виной всему является мол то, что правительство не проводит тех мероприятий, которые он, Громан, предлагал Госплану при составлении контрольных цифр. Он говорил при этом, что контрольные цифры могут быть осуществлены только при проведении определенных, им предлагающихся мероприятий. Но поскольку эти мероприятия не принимались, поскольку они в большинстве случаев отвергались, Громан пытался валить с больной головы на здоровую, стремясь всячески реализовать свою практическую программу, свои экономические указания.

Так например, принимая мысль Базарова и Юровского о том, что наше народное хозяйство представляет собой болезненный организм, Громан об'являет всякие наши новые мероприятия, всякие формы усиления плановости актом отчаяния. Например по поводу тех же планов завоза промтоваров он заявляет следующее: «меня воротит от всего этого плана завоза в теперешнее время... Планы завоза никоим образом не могут стать системой органического планирования народного хозяйства и в частности товарооборота. Такая грубая вещь может быть принята только с отчаяния, когда нужно было во что бы то ни стало обеспечить прежде всего хлопок и т. д.».

Громан приходит в ужас от усиления плановости, от усиления руководящей роли пролетариата в отношении к сельскому хозяйству. Он начинает отчаиваться в возможности мирно, «по-сменовеховски» поставить нашу страну на капиталистические рельсы развития. Собственное бессилие он принимает за наше бессилие и об'являет нашу политику политикой отчаяния.

Госплановские вредители все больше и больше старались маскировать свои истинные взгляды и нередко переходили на эзоповщину. Однажды Громан так прямо и заявил, что он, собственно говоря, не прочь был бы развить целый ряд взглядов, но в силу политических обстоятельств он не может это сделать. На заседании экономико-статистической секции от 28 апреля 1924 г. Громан, отвечая одному оратору, упрекавшему его в том, что он обошел молчанием некоторые вопросы, заявил буквально следующее: «извините, это чрезвычайно расширенные темы, это значит говорить об исторических судьбах нашего государства, и если бы я говорил, то мне вероятно предложили бы воздержаться».

Приходится пожалеть, что Громан, своевременно облекшись в эзоповскую тогу, не дал возможности всем разглядеть его доподлинную сущность. Вредители планирования и в политических и в философско-методологических вопросах смыкаются с правым уклоном. Однако и то, что говорил Громан, характеризовало его как идеолога капитализма, как врага советского строительства даже в то время, когда коммунисты не считали его вредителем. Так например, выступая в 1929 г. против Громана, я имел возможность на основании одних только печатных работ Громана охарактеризовать его следующим образом: «но на какие бы ухищрения не пустился Громан и его единомышленники, им не удастся замазать тот факт, что его теория как в практическом отношении, так и во всех других отношениях является в настоящее время самой реакционной, самой отсталой, самой предательской, самой враждебной для планового хозяйства, для коммунизма, для рабочего класса и его задач»[1].

Теперь, после того как обнаружилось вредительство Громана и его единомышленников, эта характеристика остается сугубо верной.

Не останавливаясь на ряде других моментов, характеризующих вредительскую идеологию буржуазных плановиков, поскольку нет возможности исчерпать этот вопрос в одном докладе, следует только подчеркнуть, что вредительские теории находили свою опору в вредительской практике. Излюбленным положением Базарова, которое не постеснялся позаимствовать у него кое-кто из правых коммунистов, являлось то, что в советских условиях спрос трудящихся масс, их потребительские интересы растут столь быстро, что никакое предложение за ними угнаться не может. Так вещал теоретик Базаров. А вредители-практики, как бы стремясь застраховать теорию Базарова в области снабжения текстильной промышленности, сельского хозяйства и т. д., старались сократить в максимальной степени наши потребительские ресурсы для того, чтобы действительно сделать невозможным удовлетворение спроса трудящихся масс. Конечно они действовали так не из-за прекрасных глаз Базарова и не из любви к его теории. Допускаем, что те вредители, которые портили консервы, семена и т. д., могли не иметь никакого представления о базаровском учении. Это однако об'ективно ни в коем случае не уменьшает значения, которое имеет общность практических и теоретических выступлений вредителей, находящихся на различных полосах и боровшихся против нас тем орудием, которое каждый из них имел в своих руках.

[1] См. «Плановое хозяйство» 1930 г., № 1, стр. 23.

Базаров защищает планирование от... большевиков

Вредители в разное время по-разному ставили вопросы планирования. Сопротивление вредителей стало особенно сильно с переходом к реконструктивному периоду. Классовые враги, почуяв, что наступает период их окончательной ликвидации, стали мобилизовывать все свои силы для защиты своих классовых интересов и для подрыва советской власти. В этот период они особенно выступают против чрезвычайных мер, против якобы воскрешения методов военного коммунизма, против усиления плановости. Было однако время, когда кое-кто из них выступал за усиление плановости, за централизацию, за плановый «порядок». Но это было тогда, когда они противопоставляли «порядок» и «план» революции. Это было как раз тогда, когда коммунистическая партия ставила в центре своего внимания не плановую работу над народным хозяйством, а штурм капитализма и борьбу за захват власти в стране. Тот же Базаров, который в 1928 г. развивает по существу антиплановую теорию, становится в позу горячего защитника плановости летом 1917 г. Он выдвигал тогда этот вопрос в связи с вопросами о государственном аппарате. Именно тогда, когда государственный аппарат был в руках буржуазии и ее агентов, когда пролетариат боролся за овладение этим аппаратом, ставя себе целью его разрушение для построения государственного аппарата пролетарской диктатуры и для введения планового хозяйства, именно в это время Базаров выступал в защиту тоже «бесклассовой», «аполитичной» плановости. С точки зрения «плановости» Базаров возражал против замены буржуазно-государственного аппарата пролетарским и высказался за реформирование его. На этот счет у Ленина имеются замечательные строки. Отметив, что к вопросу о государственном аппарате относится также вопрос о централизме, «поднятый особенно энергично и особенно неудачно» Базаровым в № 138 «Новой жизни» от 27/IX (ст. «Большевики и проблема власти), Ленин писал:

«... Базаров рассуждает так: «Советы не являются аппаратом, приспособленным ко всем областям государственной жизни», ибо семимесячный опыт-де доказал десятки и сотни документальных данных, имеющихся в экономическом отделе Петербургского исполнительного комитета», подтвердил, что советы, хотя во многих местах фактически и пользовались «всей полнотой власти, но не могли достигнуть в области борьбы с разрухой сколько-нибудь удовлетворительных результатов». Необходим аппарат, «расчлененный по отраслям производства, строго централизованный в пределах каждой отрасли и подчиненный общегосударственному центру». «Дело идет» — изволите видеть — «не о замене старого аппарата, а лишь о реформировании его... сколько бы большевики не издевались над людьми с планом»...

Все эти рассуждения Базарова поразительно беспомощны, как осколок рассуждений буржуазии, отражение ее классовой точки зрения».

Тов. Ленину приходилось тогда терпеливо раз'яснять, что никакой полнотой власти советы в России не располагали и не располагают и что грубейшая ошибка Базарова заключается в том, что он трактует государство и плановость как понятия внеклассовые. Таков был Базаров в 1917 году; тогда он выступал «за план», а при советской власти он, будучи призван на помощь плановому хозяйству, оказался в ряду тех, которые защищают стихию от плана, против социалистической организации производительных сил.

Когда Базаров в 1917 г. выступал якобы борцом за план против большевиков, Ленин отвечал ему:

«Мы смеемся, смеялись и будем смеяться не над «централизмом» и не над «планами», а над реформизмом. Ибо реформизм ваш смешон сугубо после опыта коалиции. А говорить: «Не замена аппарата, а реформирование», значит быть реформистом, значит становиться не революционером, а реформистским демократом. Реформизм есть не что иное, как уступки правящего класса, а не свержение его, уступки его при сохранении власти за ними».

В той же статье 1917 г. тов. Ленин констатирует, что «добрый Базаров об'ективно играет роль подголоска капиталистов».

Прошло 13 лет, и революция за эти годы многих многому научила. Но господа Базаровы и Громаны не только ничему не научились, но пошли вспять, все больше и больше скатываясь в сторону буржуазии. Многие их этой компании сделались не только об'ективно подголосками, но и вполне сознательными агентами ее, тесно смыкая себя, свою науку и свою научную совесть с теми, которые работают на благо мирового капитала не только за страх, но и за деньги.

Вместо заключения

Пользуясь крайним недостатком квалифицированных сил для строительства социализма, пользуясь условиями первого периода революции, когда пролетариат вынужден обращаться к буржуазным специалистам за помощью, меньшевики, эсеры, кадеты и просто черносотенцы с дипломами и без таковых, ученые, полуученые и лжеученые пытались эксплоатировать советскую власть в интересах буржуазии. Они пошли на всякие меры от прямых форм разрушения производительных сил и материальных ценностей вплоть до создания особых теорий, которые могли бы сыграть роль своего рода квази-научного опиума для советской общественности.

Одним из условий, которое облегчало работу вредителей на всех фронтах, является та атмосфера «нейтральности», которая существовала среди специалистов. Давно сказано и доказано, что золотой середины в политических вопросах и в классовой борьбе не бывает и быть не может. Нейтрализм среди специалистов оказался на руку вредительской деятельности и вредительским организациям. Та же корпоративность, та же семейственность, то же кумовство, тот же принцип — «рука руку моет», которые наблюдаются во многих случаях среди спе-

циалистов-техников, нашли себе место и среди экономистов-плановиков. Огромные возможности, которые были в их руках, как у ответственных работников советского аппарата, они без зазрения совести использовывали для формирования своих кадров, для разработки своих вредительских теорий, для контрреволюционных действий. Вредители пытались широко развернуть свою работу, но никакой опоры ни среди рабочих, ни среди крестьян они не нашли и найти не могут. Они остаются ничтожной изолированной кучкой буржуазных интеллигентов, охвостьем капиталистического строя, которые тщетно пытались воскресить то, что обречено историей на окончательную гибель.

Внутрипартийные разногласия использовались вредителями вовсю. Они старались пролезть во всякую политическую пробоину, кем бы она ни создавалась — правыми или «левыми». В их программу практических действий входила активная поддержка правых.

Вредители слишком ничтожны и беспомощны, чтобы повернуть колесо истории, приостановить победоносное шествие пролетариата к социализму. Но они были достаточно сильны для того, чтобы на отдельных участках советского строительства наносить нам существенный вред.

Следует с сожалением констатировать, что планирование является у нас одним из самых запущенных участков. До сих пор оно еще не вполне вышло из стадии кустарщины и не сделалось наукой, между тем нам необходимо дозарезу научное планирование, вооруженное марксистско-ленинским пониманием общественных явлений и использующее все новейшие достижения науки и техники.

Содержание планирования, его методы и формы — это дело партийное в первую очередь. Оно будет поставлено на должную высоту только на основе глубоко партийного понимания и изучения вопросов планирования.

Партия дала решительный отпор буржуазно-вредительским элементам в области планирования и их правооппортунистическим отголоскам внутри партии.

Партия производит и тот перелом во всей плановой работе, который поставит всю эту работу на уровень, соответствующий задачам нашей великой эпохи.

Из того вреда, который принесли советской власти вредители, коммунисты должны в первую очередь сделать все необходимые выводы для своей собственной работы. Точно так же, как коммунист не в праве относиться с презрением к буржуазным специалистам, считая, что он все знает и все может сделать, нельзя относиться и с излишним доверием к работе представителей чужого класса, которые находятся в наших учреждениях. Строить социализм чужими руками — это дело чрезвычайно сложное, чреватое многими опасностями, требующее исключительной гибкости и умения. Используя буржуазных специалистов, коммунисты должны вместе с тем у них учиться, овладевать их знаниями и руководить ими. Контроль не формальный, но по существу, контроль, вникающий во все стороны вопроса, является абсолютно обязательным для практической работы коммунистов.

«Здоровое коммунистическое недоверие» по отношению к буржуазным специалистам, умение проверять их работу, тщательный контроль над ними являются абсолютно обязательными условиями для руководства коммунистов хозяйственным и культурным строительством. Широкое развертывание самокритики, вовлечение самих рабочих масс в дело строительства социализма, направление их внимания на те звенья работы, с которыми они непосредственно сталкиваются, — это первостепенная задача в деле преодоления вредительства, в деле создания таких условий, которые делают его невозможным. Такая новая форма мобилизации масс на социалистическое строительство, как встречный промфинплан, сразу ставит под общественный массовый контроль работу всех хозяйственников, всех плановиков.

Расправляясь самым беспощадным образом с вредителями, советская власть вместе с тем создает наиболее благоприятные условия для работы честных специалистов, для тех, которые действительно хотят строить социализм и которые всерьез становятся по нашу сторону баррикады и готовы вместе с пролетариатом, засучив рукава, двигать вперед историю человечества. Этим специалистам, ряды которых все больше и больше растут, тем, которые в своей повседневной работе перемалываются, перевариваются в пролетарском соку и готовы слиться в единую семью с рабочим классом, — этим специалистам, ликвидирующим позорную нейтральность, становящимся в ряды красных бойцов за коммунистическое общество, советская власть и коммунистическая партия будут оказывать всемерное содействие в их трудной и благодарной работе.

На ряду с этим мы должны форсированным темпом готовить кадры красных специалистов. Задача эта может считаться осознанной в смысле подготовки кадров техников и инженеров из рабочих и коммунистов. Исключительно важной однако является и подготовка экономистов, подготовка плановых работников, владеющих марксистско-ленинским методом, умеющих ставить и разрешать вопросы так, как того требует социалистическое строительство, как того требует партия. Планирование является делом совершенно новым. Здесь все от начала до конца должно быть создано нашими собственными силами. Пролетариату не у кого учиться в вопросах планирования.

По мере роста планового хозяйства, по мере все большего и большего приближения нашего хозяйства к социализму, потребность в экономистах и плановиках-ленинцах становится особенно настоятельной. Новые молодые кадры должны будут выполнить огромную работу по оперативному планированию и особенно важную работу по поднятию планирования на высшую ступень, по выведению его из стадии кустарничества, по созданию действительно марксистско-ленинской науки планирования.

М. Рагольский

О вредительской теории планирования Громана—Базарова [1]

Раскрытие контрреволюционных организаций «Промпартии», ТКП («Трудовой крестьянской партии») и меньшевистской группы Громана и суд над «Промпартией» воочию показали наличие единого фронта от Пуанкаре до социал-фашистов за границей и от монархистов из «Промпартии» до меньшевистской группы Громана — Суханова внутри СССР.

Этот единый фронт контрреволюции мы имели после Октябрьского переворота в период гражданской войны — в виде Самарского правительства из кадетов, эсеров и меньшевиков, в виде поддержки меньшевиками правительства Деникина и т. д.

Этот единый фронт мы имели в 1921 г. во время Кронштадтского мятежа, в котором меньшевики и эсеры играли весьма активную роль и который они всеми силами стремились поддерживать.

Наконец и сейчас мы находим тот же единый фронт от Пальчинского — Рамзина до Базарова, который находится в тесной связи и выполняет директивы единого фронта Пуанкаре — Торгпром — Милюков — Абрамовича. Оправдались слова Энгельса о том, что в момент и на другой день пролетарской революции пролетариат будет иметь против себя всю реакционную массу, об'единившуюся вокруг лозунга чистой демократии (см. Письмо к Бебелю 11 декабря 1884 г.). Эту единую реакционную массу мы действительно имели и в 1918 и в 1921 гг. В последние годы, потеряв всякую надежду совершить контрреволюционный переворот внутренними силами, единый фронт возложил все надежды на интервенцию и вступил в полное ее распоряжение. Единый фронт сошелся на лозунге всемерной поддержки интервенции, победа которой означала бы длительный период военной диктатуры и белого террора.

Внутри единого лагеря врагов пролетарского государства наметилось полное разделение труда. Одна часть этого лагеря, «Промпартия», проводила вредительство, готовила диверсионные акты, помогала подготовке интервенции. Другая группа — Кондратьева — Юровского — готовила контрреволюционные кадры из кулачества для содействия интервентам изнутри и вредительствовала в области сельского хозяйства и финансов. Наконец, третья группа — меньшевистская группа Громана и К° — имела задачей «выполнить социальный заказ — предательски обмануть рабочие массы нашей страны в отношении истинных намерений этой кучки разбойников» (см. «Правда» от 3 декабря 1930 г.). Относительно этой группы Громан показал так:

[1] В основу статьи положена стенограмма выступления в Ин-те эконом. исслед. Госплана 29/1930 г.

«Эта контрреволюционная организация, внешне прикрытая научным авторитетом «школы Громана», составилась в большинстве из моих единомышленников-меньшевиков, работавших и привлеченных к работе в Госплан и ЦСУ СССР, а именно: Базарова (богдановец), Вишневского (быв. социалист), Шуба (меньшевик), Пистрак (меньшевик), Гухман (меньшевик), Бройман (меньшевик), Зелингер (меньшевик) и др.». Члены этой группы играли значительную роль в Госплане, имели отношение к плановой работе и положили немало «трудов» для того, чтобы своими теориями и установками оказать влияние на ход плановой работы в нужном им направлении. Особенно выделялись в этой группе в смысле «теоретиков»-экономистов Громан и Базаров. Остальные были у них подручными.

Одной из специальных задач этой группы было подвести теоретическую базу под буржуазную и вредительскую практику единого контрреволюционного фронта, доказать, что наше хозяйство идет к капитализму, что оно неспособно тягаться с капитализмом, а главное, что спасение только в уступках капиталистическим элементам и в спуске на тормозах к старому.

«В своей борьбе за политический переворот и свержение большевиков, — заявил тот же Громан, — организация ставила основную ставку на кулацкую верхушку села — единственный политически и хозяйственно-активный слой».

Разоблачая вредительские установки и теории Громана—Базарова, нельзя ни на минуту забывать, что в их лице мы имеем не просто «ошибающихся» теоретиков, а идеологов единого контрреволюционного фронта, сознательных выразителей интересов буржуазии.

Перед нами апологеты капитализма, буржуазные экономисты, пытающиеся обмануть пролетариат под личиной сторонников Маркса. Особенно тонкий обман и извращение Маркса мы находим у Базарова, — именно поэтому его установки являются более опасными и заслуживают большего внимания. Разоблачение этих меньшевистских теорий важно еще и потому, что ряд положений в их теориях и теориях представителей правого оппортунизма являются общими. Как увидим ниже, не только правый оппортунизм — эта главная опасность в партии на данном этапе, но и «левые» оппортунисты имеют много общего с установками Базарова и Громана. Удивительного в этом нет ничего, ибо всякие уклоны от марксово-ленинской линии в политике и теории ведут в меньшевистское болото.

Прежде чем заняться подробно Базаровым, остановлюсь на позиции Громана. Следует иметь в виду, что принципиальной разницы между установками обоих меньшевиков мы не обнаруживаем. Оба они исходят из одинаковой и при этом буржуазной теории совет-

ского хозяйства. Громан и Базаров не видят и не признают в нашей экономике социалистического уклада. Этот уклад фигурирует у них в форме гос.-капиталистического уклада. Громан находит в нашей системе следующие социальные формы: «государственный капитализм, частный капитализм, мелкое товарное производство и кооперативное хозяйство» [1]. Громан и Базаров вместе с тем не признают и не исходят в своих теоретических построениях из наличия у нас диктатуры пролетариата.

Из этого понимания экономической структуры нашего общества вытекает в основном и непризнание нашего хозяйственного строительства как строительства социалистического и отождествление нашей экономики с экономикой капиталистической и отрицание нашего движения к социализму. Наоборот, Громан и Базаров утверждают и исходят из того, что мы неизбежно и неотвратимо катимся назад, к капитализму. Это свое кредо они подчас пытаются завуалировать, но шила в мешке не утаишь, и всякий, ознакомившись с их работами, легко обнаружит это. Можно сказать, что Громан в своих теоретических концепциях исходит из нашего советского хозяйства, как одной из форм капиталистического хозяйства. И это об'единяет его с Юровским. Громановская «теория» эмпирических закономерностей несомненно методологически базируется на том, что он не признает диктатуры пролетариата, что он рассматривает нашу страну как страну, движущуюся назад к капитализму. То же проявляется и в его теории восстановительного процесса.

Основной характеристикой народного хозяйства СССР Громан считает «то, что после годов разрушения мы вступили в период восстановления». «Восстановительный процесс начался с того, что стали работать больше и больше, в том, что элементы производства и потребления стали концентрироваться в соответствующие моменты в соответствующих местах. Мы растем в меру утилизации оставшихся от прежнего общества материальных и человеческих производительных сил» (там же, стр. 102).

Итак основное — это то, что снова начали работать. На каких началах, при каких производственных отношениях, — а ведь если эти отношения изменились, то изменились и закономерности, — это Громан скрывает. Своеобразие советской системы им не признается. Каковы же закономерности этого восстановительного периода? Основной закон Громан видит в постулате равновесия, «Равновесие, хотя бы и подвижное, хозяйственного организма страны есть высший постулат, всякое нарушение которого немедленно приводит к кризису и заставляет исправлять допущенные отступления от его требований...» (там же).

[1] См. „О некоторых закономерностях" и т. д. „Плановое хозяйство" 1925 г., № 1, стр. 103.

«Основным критерием оценки динамики хозяйственных процессов должен быть принцип приближения к равновесию, т. е. к соразмерности развития различных взаимно обусловливающих друг друга элементов народного хозяйства. Всякое нарушение этого принципа со стороны об'ективных условий или же вследствие несоответствия плановых мероприятий принципу соразмерности и пропорциональности в развитии отдельных сторон народного хозяйства немедленно отражается самым отрицательным образом на общем ходе хозяйственного развития» (там же, стр. 103).

Итак равновесие — вот основной закон нашей экономики. Не движение к социализму, не вытеснение капитализма, не социалистическое переустройство — коллективизация сельского хозяйства, а равновесие — топтание на месте, сохранение той же структуры нашей экономики, а фактически усиление элементов капитализма — вот основная черта нашей экономики. Именно в нем, в равновесии, а не в новой экономической структуре, не в движении к социализму, «критерий оценки». Было бы излишним доказывать, что равновесие есть лишь момент в движении, что пропорциональное распределение труда при столь дорогом Громану капитализме осуществляется лишь через неосуществление, что сама пропорциональность весьма относительна, что пропорции в наших условиях в основном формируются планом, т. е. нами и т. д. Важно не это. Важно иметь в виду, что теория равновесия была выдвинута Громаном совершенно сознательно, имея целью доказать невозможность резких сдвигов в нашей экономике и губительность их. В самом деле. О каком равновесии говорит Громан? Он говорит о равновесии на основе довоенных пропорций. Весь смысл восстановительного периода по Громану и сводится к восстановлению довоенного положения в отдельных отраслях производства и довоенных между ними соотношений; революция вывела народное хозяйство из равновесия; в итоге восстановительного процесса должно снова установиться равновесие на довоенном уровне, причем отрасли, более отставшие, должны быстрее двигаться к восстановлению довоенного уровня, а менее отставшие — медленнее.

В введении к контрольным цифрам на 1925/26 г. Громан так формулирует эту закономерность: «Восстановительный процесс захватывает данную отрасль тем раньше, чем более настоятельна потребность, ею удовлетворяемая и при прочих равных условиях восстановление идет тем быстрее, чем сильнее была дезорганизация в период хозяйственной разрухи» (К. Ц. на 1925/26 г. Введение). Из этого тезиса вытекал вывод, что темп роста производства в восстановительный период должен замедляться по мере приближения к довоенному уровню. Эту теорию затухающей кривой по мере приближения к довоенному размеру производства Громан подкреплял своей так называемой теорией «эмпирических закономерностей». Теория «эмпирических закономерностей» тесно связана с громановской теорией равновесия. Основным законом всякого общества является по Громану (как

и по Богданову) закон равновесия; наша экономика не признается Громаном как экономика переходного между капитализмом и коммунизмом периода. Следовательно, должно установиться равновесие на довоенном уровне и довоенного типа; Громан и выдвинул положение, что мы идем к довоенному соотношению с. х. и промышленности, к довоенному удельному весу зарплаты в продукции, одним словом, к довоенным пропорциям в народном хозяйстве. Он настолько «верит» в этот закон, что кладет его в основу об'яснения цен.

«Вся ценность с.-х. и промышленных товаров, отнесенная к их общей сумме, выразилась в величинах, близких к довоенным» — вот великая мысль, «на которую натолкнулся» ученик Громана Гухман и которую пытается доказать Громан.

В 1913 г. товарная продукция сельского хозяйства относилась к промпродукции как 37 : 63. В 1921/22 г. это отношение равнялось в довоенных ценах 51 и 49. Но рынок несколько смягчил это отношение, повысив с.-х. цены и понизив промышленные, что дало отношение 52 : 48.

В 1922/23 г. соотношение товарных масс с. х. и пром. составило в довоенных ценах 57 : 43, а в червонных ценах 41 : 59. В 1923/24 г. соотношение составило в довоенных ценах 51 : 49, а в червонных 38 : 62. И, наконец, 1924/25 г. привел при соотношении товарных масс в довоенных ценах 45 : 55 к соотношению в червонных ценах 37 : 63. Итак тютелька в тютельку достигнуто довоенное соотношение товарных масс. Теперь ничего не стоит предусмотреть движение с.-х. и промцен, ибо сумма цен с.-х. товаров и сумма цен промышленных товаров должны относиться как 37 и 63, каковы бы ни были их массы в натуре. Блестящее открытие, подтверждающее торжество извечных законов экономики, экономики довоенной, капиталистической, их же не прейдеши! Мы идем к довоенному соотношению товарных масс с.-х. и промышленности, довоенному отношению зарплаты к продукции и т. д. Одним словом, диктатура пролетариата, пролетарская национализация промышленности, политика социалистической индустриализации и т. д. — все это несущественно, в основном все осталось попрежнему и идет к старому!

Трудно представить себе более грубую концепцию, чем эта теория Громана. Эта концепция совершенно враждебна марксизму, который требует вскрытия специфичности данной экономической структуры, который критерием экономического анализа принимает своеобразие экономической структуры общества.

Только ограниченный горизонт буржуазного экономиста и вредителя мог создать такую с позволения сказать теорию. Можно было заранее утверждать, что громановские эмпирические закономерности не имеют ничего общего с действительным движением нашей экономики. Стоило в качестве иллюстрации взять таблицу Громана (далеко не свободную от произвола) и продолжить ее на несколько лет дальше, чтобы выяснилось, что, как и следовало ожидать, установленные богом, природой и Громаном 63% и 37% отношение промышленнной и с.-х. продукции нисколько не оправдалось. Следующие годы, начиная с 1925/26 г., дали падение удельного веса с.-х. продукции и рост удельного веса промышленной продукции (см. таблицу на стр. 66).

По теории Громана с.-х. цены должны повышаться в той мере, в какой уменьшался удельный вес с.-х. продукции, а промышленные цены должны бы падать в той мере, в какой повышалась бы доля промышленной продукции в общей продукции сельского хозяйства и промышленности. При курсе на индустриализацию это означало бы перманентное повышение с.-х. цен.

Скрытый смысл теории Громана и состоял в обосновании неизбежности непрерывного роста с.-х. цен в результате неизбежного и непреодолимого относительного роста промышленности. Такой непрерывный рост цен был на руку кулаку и в ущерб индустриализации.

Следует иметь в виду, что насквозь буржуазная теория Громана была положена им в основу планирования. Не признавая в нашей экономике принципиально новой, качественно особой экономической структуры, Громан заявил, что план в основном может быть только предвидением, но не директивой, и тем самым попытался скрыть активную преобразующую роль плана пролетарского государства.

Говоря о принципах и методах планирования, Громан выставил такой основной тезис: «Телеологическая и генетическая точка зрения должны быть органически связаны, и примат принадлежит генетической точке зрения» [1].

«Генетический метод» планирования вытекает у Громана из его закона эмпирических закономерностей, из отождествления нашей экономики с экономикой капиталистической.

Так как генетическое развитие понимается Громаном лишь как развитие стихийное, независящее от плана, то этот тезис и означал примат в плане за ориентировкой на стихийные тенденции развития. А из этой установки на предвидение стихийного развития вытекал излюбленный Громаном метод экстраполяции динамики прошлых лет на годы будущие.

Исходя из своей теории эмпирических закономерностей, Громан пытался п р е д в и д е т ь (отнюдь не планировать) движение цен.

Для 1925/26 г. Громан намечал рост с.-х. цен с 76% довоенного до 86%, и снижение промцен с 123% до 111%, тогда удержалось бы соотношение с.-х. и пром-товарной массы как 37 : 63.

На самом деле, с.-х. цены в 1925/26 г. составляли 102,3% от 1924/25 г., а пропорции сдвинулись от 37 : 63 к 33 : 67.

Величина зарплаты по теории Громана должна бы планироваться, исходя из довоенного веса зарплаты в продукции и т. д.

[1] Там же, стр. 99.

«Некоторые закономерности», эмпирически обнаруженные Громаном и реальная действительность[1]

(в млн. рублей)

Годы	Товарная часть продукции						Удельный вес					
	Сельское хозяйство (включ: лесное хозяйство, рыболов., охоту и внутридеревенск. оборот)			Промышленность крупная и мелкая			По довоенным ценам		По ценам 1926/27 г.		По ценам соотв. лет	
	В довоенных ценах	В ценах 1926/27 г.	В ценах соответ. лет	В довоенных ценах	В ценах 1926/27 г.	В ценах соотв. лет	Сельское хозяйство	Промышленность	Сельское хозяйство	Промышленность	Сельское хозяйство	Промышленность
1913	4.030	—	6.100	7.010	—	10.610	36,5	63,5	—	—	36,5	63,5
1921/22	1.740	—	2.020	1 710	—	1.880	50,4	49,6	—	—	51,8	48,2
1922 23	2.520	—	2.080	1.910	—	2.990	56,9	43,1	—	—	41,0	59,0
1923/24	2.7 0	—	3.350	2.840	—	5.490	48,8	51,2	—	—	37,9	62,1
19 4/25	2.820	—	3.690	3.700	—	6.220	43,3	56,7	—	—	37,2	62,8
1925/26	—	5.396	5 495	—	10.904	11.2 7	—	—	33,1	66,9	32,8	67,2
1926 27	—	5.760	5.760	—	12.715	12.715	—	—	31,2	68,8	31,2	68,8
1927/28	—	6.027	6.214	—	15.072	14.495	—	—	2 ,8	71,2	30,2	69,8
1928/29	—	6.596	7.426	—	17.894	17.335	—	—	27,6	72,4	30,7	69,3
1929 30 (план	—	7.005	7.721	—	22.460	21 142	—	—	23,8	76,2	26,8	73,2
1929/30 (выполн.) . . .	—	6.8 4	8.479	—	21.534	20.439	—	—	24,1	75,9	29,3	70,7
1930/31 (план)	—	7.681	10.681	—	32.125	30.146	—	—	19,3	80,7	26,1	73,9

[1] Товарная часть продукции, включая 1924/25 г., из статьи В. Г. Громана „О некоторых закономерностях, эмпирически обнаруживаемых в нашем народном хозяйстве", „Плановое хозяйство" № 1 за 19 5 г., стр. 108. Товарная часть за 1925—1927 гг. и план на 1929/30 г. из контрольных цифр народного хозяйства на 1929/30 г. Товарная часть продукции промышленности за 1927/28 — 1930/31 гг. взята из материалов по разработке контрольных цифр на 1930/31 хоз. год. Товарная часть земледелия (по отчуждению на внедеревенский рынок), рыболовство, охота и лесное хозяйство из тех же материалов. Внутрикрестьянский оборот за 1 27/28 — 1929/30 гг. по контрольным цифрам на 1929/30 г., за 1930/31 г. — в ценах соответствующих лет — по исчислению ЭСС Госплана и в ценах 1926/27 г. — по этому исчислению с переводом по индексу отчуждения на внедеревенский рынок.

Таблица составлена сотрудником ИЭИ тов. О. Шафрановой.

Экстраполяция имеющейся динамики на будущее является важной принадлежностью громановской методологии планирования: имеется такое-то соотношение денежной массы и товаров в таком году; причем денежная масса обгоняла на столько-то процентов прирост товарной массы. Этот процент обгона денежной массою товарной планируется и на следующий год — такова «бесхитростная мудрость» этого метода планирования, который при всей своей «простоте» может оказаться и довольно таки вредительским. Что количество переходит в качество, что развитие идет вовсе не постепенно, а через скачки, что качественные изменения означают и новые закономерности, новые отношения, новую сущность (хотя бы и при прежней форме) — все это, конечно, методом экстраполяции не ухватывается.

Теория Громана насквозь механистична и метафизична. Она ставит своей целью дать свою, меньшевистскую установку и во что бы то ни стало задержать успешный процесс социалистического строительства.

Ни шагу дальше, не тронь буржуазию и кулака — таковы смысл и цель его теории равновесия. Задержать, снизить темпы, поднять цены на хлеб, уменьшить накопление в промышленности, не повышать зарплаты — таковы смысл и цель его теории эмпирических закономерностей. Я не касаюсь здесь вредительских установок Громана в его кон'юнктурной и др. работе, где он не останавливался перед извращением фактов для достижения своих целей. (Об этом см. статью т. Вайсберга в этом номере). Но ясно, что в теории Громана мы имеем вредительскую теорию, пытающуюся скрыть сущность нашей экономики, как экономики периода диктатуры пролетариата, скрыть наши преимущества и возможности, затормозить наше продвижение к социализму, облегчить проведение вредительских мероприятий и наконец пытающуюся идеологически вооружить своих сторонников и воздействовать идеологически на известные круги специалистов, еще пребывающих в политическом болоте.

Переходя от Громана к Базарову, напомню, что принципиальные их установки не отличаются друг от друга и что отличие их теорий друг от друга гораздо меньше, чем некоторые думают. Базаров является таким же буржуазным реставратором, как и Громан. Разница разве лишь в том, что Базаров тоньше извращает марксизм, чаще цитирует Маркса, весьма часто цитирует и ссылается в методологических вопросах на т. Бухарина и преподносит нам насквозь буржуазную теорию под более густой вуалью, чем Громан. В то время как Громан «рубит с плеча», преподнося нам явно буржуазные установки, Базаров делает то же, но скрытнее.

Базаров в своей теории продолжает дело, так неудачно начатое Громаном. Громановская теория восстановительного процесса явно провалилась; темпы развития вовсе не упали, а наоборот повышались; довоенные пропорции вовсе не восстановились, а столь желанное равновесие с неизменным соотношением секторов не устанавливалось.

Базаров пытается об'яснить эту неудачу Громана и дать свое об'яснение восстановительному процессу. В своей работе «Капиталистические циклы и восстановительный процесс хозяйства СССР» Базаров ставит своей задачей определение «того уровня равновесия, к которому стихийно стремится наше возрождающееся хозяйство. В какой мере имеем мы «восстановительный» процесс в точном смысле этого слова, т. е. приближение к довоенным размерам, формам, соотношениям и в какой мере... сказываются соц.-экономические новообразования...» [1].

Каков же ответ Базарова на этот вопрос?

«Точное восстановление довоенного уровня и довоенных соотношений представляется очень мало вероятным». И вот почему.

«Как мы видели, восстановление нарушенного равновесия на неизменном уровне свойственно только механически уравновешенным системам. Системы подвижного равновесия, к которым относится народное хозяйство, вообще говоря, к старому уровню не возвращаются, ибо самый механизм отклонения их от наличного уровня создает новые условия равновесия» (стр. 97). При этом оказывается, что «равновесие общественного хозяйства по своей формальной структуре аналогично химическому процессу обменного разложения...» Базаров побивает рекорд механического понимания общественных явлений!

Каковы же однако эти новые условия «равновесия»? Базаров понимает, что одних ссылок на «систему подвижного равновесия, аналогичную химическому процессу обменного разложения» недостаточно. «Те новые общественные отношения, которые установились после октября 1917 г., радикально изменили экономическое положение рабочей силы как в городе, так и в деревне и сделали восстановление довоенного уровня и типа хозяйственного равновесия неосуществимым» (стр. 98).

Основной результат этого изменения положения рабочей силы Базаров видит в замене тенденции к перепроизводству тенденцией к недопроизводству.

«Если над старым миром Дамокловым мечом нависает кризис перепроизводства, то горизонты советского хозяйства то и дело омрачаются угрозой товарного голода, кризиса недопроизводства».

«... Основная «диспропорция», мешающая нашему хозяйству достигнуть подвижного равновесия на довоенном, или близком к довоенному уровню, заключается именно в этом перманентном отставании общественной продукции от общественного спроса...» [2].

Итак, «равновесие» не могло быть установлено на «близком к довоенному уровню» именно потому, что вследствие изменения положения рабочего класса (повидимому вследствие диктатуры пролетариата,

[1] В. Базаров. «Капиталистические циклы и восстановительный процесс хозяйства СССР», стр. 97.
[2] Там же, стр. 99.

о которой буржуазные реставраторы не любят говорить) у нас перманентно продукция отстает от спроса.

Без всяких доказательств Базаров утверждает, что нашей экономике присуща тенденция к недопроизводству.

«... Тенденция к относительному недопроизводству должна быть признана столь же характерной для нашей социальной структуры, как тенденция к перепроизводству капитализма» [1].

Чтобы «пришить» нашей экономике перманентный кризис недопроизводства, Базаров «пришивает» капитализму перманентный кризис перепроизводства на манер Сисмонди-Родбертуса.

Из положений Базарова нельзя также не делать вывода о том, что кризисы в нашей экономике вытекают из господствующего положения рабочего класса в нашей стране.

Выходит так, что, пока будет существовать диктатура пролетариата, нам не избавиться от товарного голода, так же как капитализм не может избавиться от кризисов перепроизводства.

Такое утверждение является контрреволюционной клеветой на нашу экономику. Базаров пытается скрыть действительные причины товарного голода, как одной из трудностей нашего роста, которая преодолевается по мере самого нашего продвижения вперед.

Ясно, например, что такие факторы товарного голода, как отсталость сельского хозяйства при преобладании в нем мелких и мельчайших хозяйств, слабость с.-х. сырьевой базы, низкая товарность сельского хозяйства преодолеваются по мере коллективизации. Это относится и к другим его факторам.

Базаров пытается скрыть, что товарный голод, как и другие трудности роста, обостряются, а во многих случаях и создаются сопротивлением кулачества, вредительством спецов, экономической блокадой и т. д. Наконец, он пытается скрыть, что социалистическая индустриализация и социалистическая переделка деревни при развернутом наступлении на капиталистические элементы уменьшают и ликвидируют трудности роста. Одним словом, Базаров пытается скрыть, что наша экономика через подавление сопротивления враждебных классов и преодоление трудностей движется к полной победе социалистических отношений производства.

Следует иметь в виду, что Базаров не только не признает ведущей роли социалистического сектора, но по существу вообще не признает наличия этого сектора в нашей экономике. Социалистический сектор у него фигурирует под названием госкапитализма.

Базаров определяет советское общество как «симбиоз различных социально-экономических формаций» [2], «как сосуществование... многих различных социально-экономических формаций».

Эта теория «симбиоза» мало чем отличается от тех теорий, которые рассматривают нашу экономику как «взаимодействие укладов»,

[1] В. Базаров. «Капиталистические циклы» и т. д., стр. 99.
[2] Там же, стр. 25.

«систему разделения труда» и т. п. Сказать, что наша экономика есть «симбиоз», «сожительство» укладов — это ничего не сказать, или сказать лишь об одном моменте, скрыв основное, сущность. Что в нашей экономике есть взаимодействующие уклады, это несомненно. Но еще Гегель указал на невозможность ограничиться признанием взаимодействия и на необходимость определения основы существования и изменения взаимодействующих факторов.

Что же является определяющим, движущим в нашей экономике? Определяющим, решающим фактором является диктатура пролетариата и ее экономическая база — социалистический сектор в нашей экономике. Когда мы говорим, что в нашем социальном строе не заложены с необходимостью основания раскола рабочих и крестьян, что мы имеем «все необходимое для построения социалистического общества» (Ленин), мы этим самым и даем ответ на вопрос о единстве нашей системы.

Это единство осуществляется через правильную политику пролетариата, через ожесточенную классовую борьбу, через укрепление ведущей роли социалистического города в отношении мелкокрестьянской деревни, через насаждение в деревне крупного социалистического хозяйства в виде совхозов и колхозов как базы социализма, могущих «повести за собой во главе с социалистическим городом основные массы крестьянства» (И. Сталин).

Это не просто «единство, хотя и противоречивое» (Н. Бухарин), а единство, в котором развитие идет по формуле «кто кого?», единство с меняющимся в процессе развития содержанием (например ликвидация на определенном этапе кулачества как класса на основе сплошной коллективизации). Единство нашей экономики таким образом состоит в том, что при диктатуре пролетариата, при правильной политике пролетарского государства развитие ее происходит по пути движения к социализму.

Теория «симбиоза» Базарова имела в виду весьма прикладную задачу — доказать, что капитализм является извечно необходимым «органическим» элементом нашей системы и что нажимать на него нельзя, ибо это нарушит «равновесие» и «мирное сожительство» укладов. Вместе с Громаном Базаров был ревностным защитником теории «равновесия секторов».

Базаров вынужден был признать, что предсказание Громана о неизбежности затухания темпов развития промышленности по мере приближения к окончанию восстановительного периода не оправдалось. Вместо падения восстановительный период дал увеличение темпов роста промпродукции.

Прирост промышленной продукции составлял (в процентах):

Годы	Проценты
1921/22	40
1922/23	31
1923/24	30
1924/25	60

«Корень заблуждения, — заявляет Базаров, — заключался в недооценке глубоких перемен, внесенных военнореволюционной эпохой в организацию и социально-экономическое положение рабочей силы»[1].

Эти перемены Базаров видит в падении производительности труда в годы разрухи и в расшатывании трудовой дисциплины. Т. к. первые шаги восстановления трудовой дисциплины были особенно трудны, то и темпы первых лет нэпа были слабыми. По мере того, как восстанавливалась трудовая дисциплина, темп стал ускоряться пропорционально достигнутым успехам, пока не оказало своего замедляющего действия приближение к уровню предельного использования наличного оборудования фабрик и заводов»[2].

Перед нами 2 утверждения Базарова: 1) Перемены в социально-экономической обстановке состояли в расшатывании трудовой дисциплины; ее восстановление было источником ускорения темпов восстановительного периода. 2) Теория потухающей кривой верна не для восстановительного периода, а для периода, следующего за ним. Задачей Базарова является во что бы то ни стало доказать, что мы с окончанием восстановительного периода будем иметь неминуемо затухающую кривую развития. Доказательству этого положения призвана служить 1) базаровская теория капиталистических кризисов и цикла, которую он переносит целиком на нашу экономику, 2) отрицание преимуществ нашей системы. Мы остановимся сейчас на первой аргументации Базарова.

Базаров пытается доказать, что наша система также подвержена циклическому развитию и кризисам, как и капиталистическая.

Базаров исходит из своей теории кризисов, заключающейся в том, что падение производительности труда, которое имеется на верхушке под'ема, неизбежно ведет к кризису, и только под'ем производительности труда, который мы имеем при депрессии, приводит к новому под'ему. Эту концепцию, которая неверна и для капитализма, ибо циклическая форма движения роста производительности труда есть не причина, а следствие циклического развития капиталистического производства, эту теорию, которая неверна и для капитализма, Базаров преподносит для нашей экономики.

Базаров об'являет восстановительный период «большим циклом», состоящим из двух подциклов, двух «малых циклов». Первый подцикл—с 1920/21 по 1923/24 г. (перелом июль—декабрь 1923 г.). Второй подцикл — с начала 1924 г. по 1925/26 г. В начале восстановительного периода мы имели под'ем, причем «динамика восстановительного процесса по формальной структуре своей аналогична «автокаталической реакции» (!), а также динамике капиталистической промышленности в тот период, когда эта последняя переходит от депрессии к оживлению при посредстве технической реконструкции, повышающей произ-

[1] В. Базаров. «Капиталистические циклы» и т. д., стр. 102.
[2] Там же.

водительность труда»[1]. Но за этим под'емом должна последовать депрессия. Дело у Базарова идет не только об аналогии с капитализмом, а об отождествлении с капитализмом. Что это так, видно из того, что Базаров прямо заявляет:

«В том и другом случае (т. е. у нас и при капитализме. М. Р.) движение должно носить не равномерно затухающий, а циклический характер»... (стр. 102). Различие лишь в том, что вследствие отличия нашей государственной системы кредита от капиталистической, мы не будем иметь острого кризиса.

Причину цикличности Базаров для нашей экономики, как и для капитализма, видит в динамике производительности труда: повышение зарплаты в 1921/22 г. вызвало рост производительности труда, а с ним и под'ем в 1922/23 г., сменившийся кризисом и депрессией; однако условия денежного обращения тормозили калькуляцию и правильную организацию производства; с начала 1924 г. положение изменилось, и мы имеем новое оживление и под'ем, которые во второй половине 1925/26 г. должны смениться кризисом или депрессией.

Является излишним вдаваться в подробную критику этой концепции Базарова, достаточно отметить, что кризис 1923 г. был вызван вовсе не падением производительности труда, а неправильной политикой цен нашей промышленности, ножницами, наличием падающей валюты. Самое циклическое движение роста производительности труда является выдумкой Базарова. Чтобы создать циклическую кривую, Базаров применяет поистине чудеса статистической эквилибристики. Путем «обработки» кривых роста производительности он пытается добиться циклической кривой, хотя одного взгляда на «необработанную» кривую роста производительности труда достаточно, чтобы убедиться, что она вовсе не имеет циклического характера.

Основой циклического движения капиталистического производства является по существу сам капиталистический кризис, являющийся «исходным пунктом для новых крупных вложений капитала» (Маркс).

На определенном этапе развития капиталистического производства противоречие между общественным характером производства и частным характером присвоения приводит на основе создаваемой падением нормы прибыли тенденции к безудержному размаху производства при ограниченной, хотя и растущей, покупательной силе широких масс — к такому обострению противоречия производства и платежеспособного спроса, что наступает кризис сбыта и кризис производства.

Что касается длительности циклов и периодичности кризисов, то они увязываются у Маркса с особыми условиями обращения и восстановления основного капитала. Как известно, основной капитал, участвуя в создании потребительской стоимости целиком, входит в стои-

[1] В. Базаров. «Капиталистические циклы» и т. д., стр. 102.

мость товара частями. Авансированный капитал должен проделать известный цикл оборотов, пока не возместится стоимость основного капитала. Поэтому, — «в той самой мере, как с развитием капиталистического способа производства, растет размер стоимости и продолжительность существования вкладываемого основного капитала, жизнь промышленности и промышленного капитала в каждой особой отрасли вложения развивается в многолетнюю жизнь, — скажем, средним счетом в десятилетнюю жизнь» (Маркс). «В этом охватывающем целый ряд лет цикле взаимно связанных между собой оборотов, в котором капитал прикреплен своей основной составной частью, дана материальная основа периодических кризисов, причем предприятие последовательно переживает периоды ослабления средней деятельности стремительного размаха, кризиса; хотя периоды, когда вкладывается капитал, весьма различны и далеко не совпадают друг с другом, тем не менее кризис всегда является исходным пунктом для крупных новых вложений капитала; следовательно, рассматривая дело с точки зрения всего общества, он в большей или меньшей степени дает новую материальную основу для следующего цикла оборотов» (Маркс). Имеющие место вслед за кризисом обесценение капитала, снижение зарплаты, реконструкция производства и снижение себестоимости делают снова достаточно прибыльным производство; технические усовершенствования с целью приспособиться к низкому уровню цен ускоряют моральную амортизацию и приводят к крупным новым вложениям капитала. Создаваемое этим оживление переходит при цепной связи отраслей производства в под'ем, под'ем в стремительный размах, а последний кончается кризисом — и порочный кругооборот возобновляется.

Чтобы доказать циклическое развитие нашей экономики, надо доказать неизбежность всеобщего кризиса перепроизводства в ней. А этого-то как раз доказать и нельзя, ибо нет налицо тех условий, которые ведут к кризису.

Не просто наличие товарного хозяйства, а господство капиталистического хозяйства — вот что делает кризисы неизбежными. Этого не видит например и тов. Бухарин, который указывает, что в нашей экономике «могут быть «кризисы», вытекающие из относительной анархичности, т. е. относительной беспланости хозяйства переходного периода», имеющей «своей основой существование мелких хозяйств, форм рыночной связи, т. е. значительных элементов стихийности»[1].

Тов. Бухарин смешивает вопрос о всеобщем кризисе с вопросом о частичных диспропорциях. Раз у нас не господствует капитал, то нет почвы для капиталистического типа кризиса и для циклического движения.

[1] Н. Бухарин. Заметки экономиста, стр. 16.

Частичные диспропорции возможны — это диспропорции не просто рыночного порядка, диспропорции, не просто вытекающие из неумения планировать (возможны и такие), а диспропорции, вытекающие из трудностей роста, из сопротивления враждебных классов в том числе.

Не останавливаясь более подробно на этой проблеме, отметим, что мы имеем полную возможность бескризисного развития при правильной политике нашей партии. Конечно эта возможность должна быть нами превращена в действительность: на каждом этапе это предполагает определенную политику, определенные действия, особые усилия и напряжение воли, борьбу с враждебными классами.

Самые трудности и частичные диспропорции в том числе, неизбежные в процессе социалистического строя, являются трудностями, сопровождающими наше быстрое продвижение вперед. Это отнюдь не трудности упадка, которые переживают страны капитализма, вовлеченные в мировой экономический кризис (САСШ, Германия, Франция и т. д.).

Эти трудности роста преодолеваются нами отнюдь не через сокращение производства, снижение зарплаты и т. п. Наши трудности, «как трудности продвижения вперед..., сами содержат в себе возможность их преодоления..., сами дают нам базу для их преодоления» (И. Сталин). Подавляя сопротивление враждебных классов, организуя «наступление на капиталистические элементы по всему фронту» и изолируя оппортунистические, колеблющиеся элементы в рядах авангарда, мы преодолеваем на современном этапе трудности.

Мы видим, какое особое, специфическое значение имеет политика в преодолении трудностей и диспропорций, в обеспечении бескризисного развития нашей экономики.

Перейдем сейчас к теории планирования Базарова. Здесь мы находим несколько этапов, причем на всех этих этапах эта теория является одинаково неверной и вредительской. Разница лишь в том, что Базаров, приспосабливаясь к новым обстоятельствам, видоизменяет и свою теорию.

Первый этап—1924 г. В своей работе «К методологии перспективного планирования» Базаров исходит из того, что «...в условиях переживаемой нами эпохи распределение продуктов должно осуществляться не в непосредственном плановом порядке, а при помощи «вольного» товарного рынка». Но если рынок является «распределителем» — какова же роль планирования? Эта роль планирования весьма скромна. Планирование призвано лишь устранить те «деформации» и изменения, которые внесли в нашу экономику империалистическая и гражданская война.

Если бы наше народное хозяйство, — утверждает Базаров, — представляло из себя полнокровный, пропорционально сложенный организм с упроченными традициями здорового развития (организм конечно капиталистический — с традициями капиталистическими. М. Р.), то перспективное планирование было бы излишним и можно было бы довольствоваться учетом кон'юнктуры и выравниванием случайных отклонений.

«Но беда в том, — так и заявляет Базаров, — что каждая отрасль нашей современной экономики нуждается в радикальном переустройстве... Эпоха империалистических и гражданских войн произвела такие грандиозные деформации в системе нашего народного хозяйства, создала такие диспропорции между отдельными частями, что кон'юнктурные показатели сами по себе ничего не дают для выявления общих линий экономической политики... потребна рассчитанная на длительный период восстановительная программа» (стр. 5). Однако не просто «восстановление, а реконструкция народного хозяйства является нашей плановой задачей» (там же).

Базаров не решается высказаться прямо за восстановление довоенных отношений, но реконструкция у него настолько куцая, что фактически получается именно восстановление.

«... В планировании этих внутренних сдвигов необходимо ограничиться минимумом, устраняющим наиболее бьющие в глаза аномалии в структуре и технике современного производства. План должен дать не вдохновляющую широкую картину возможных или желательных достижений, а точный чертеж и строгий учет тех об'ективно необходимых ближайших преобразований, без которых здоровое развитие народного хозяйства немыслимо» (стр. 6). Только такой план Базаров считает деловым.

Итак план должен лишь устранить аномалии, бьющие в глаза.

Что реконструкция должна быть социалистической, что она должна революционизировать экономические отношения и технику — об этом Базаров не только молчит, но он прямо выступает против такого плана реконструкции.

Каковы те методы построения перспективного плана, которые намечает Базаров? «...На первый взгляд наиболее трезвым и надежным подходом была бы экстраполяция тех тенденций к оздоровлению, которые уже фактически определились в динамике нашего народного хозяйства за последние годы». Такой «чисто генетический путь», примененный Трансплановом при выработке перспективного плана на 1923/24—1924—1928 гг., не дал однако удовлетворительных результатов.

Жизнь сломала всякие математические экстраполяции. Базаров поэтому вынужден признать, что «экстраполяция коэфициентов, выведенных из наблюдения хозяйственного развития двух-трех последних, в высокой степени анормальных лет, не может послужить фундаментом для построения перспективной программы нашего хозяйственного возрождения».

Базаров однако не собирается вовсе отказаться от метода экстраполяции динамики последних лет на планируемые годы. Он считает, что этот метод планирования не подходит лишь для государственного хозяйства. Здесь должен действовать не «генетический» принцип, а «телеологический». «План восстановления и реконструкции той части национального производства, которая находится в непосредственном заведывании государства, должен строиться не генетически, а телеологически: не путем проэцирования в будущее фактической динамики настоящего, а путем целевого построения таких преобразований в современной промышленности, при осуществлении которых ее фактическая динамика впервые сможет стать выражением тенденций здорового и прочного развития» (там же).

Иначе обстоит дело с планированием сельскохозяйственной продукции. «Здесь государство не является хозяином и может лишь косвенно стимулировать те или другие естественно-намечающиеся тенденции мерами экономической политики. Уже по одному этому целевая конструкция была бы в данном случае лишена всякого практического значения. Перспектива сельскохозяйственного развития может быть построена лишь генетически: и несмотря на колоссальные трудности, зависящие от недостатка надежного статистического материала, выявление фактических тенденций развития в крестьянском хозяйстве, гораздо менее промышленности деформированном войной и революцией, сможет дать достаточно надежные коэфициенты и во всяком случае представляет единственный путь к уяснению перспектив этой количественно-доминирующей отрасли национального производства... Построенная таким способом схема возрожденного сельскохозяйственного производства должна учесть не только общие размеры этого последнего, но и степень его «товарности», а вместе с тем и емкость крестьянского рынка по отношению к продуктам городской промышленности. Следовательно, генетически выведенный перспективный план сельскохозяйственной продукции явится тем фундаментом, к которому должны быть приноровлены телеологически конструируемые перспективные планы отдельных отраслей промышленности».

Если вдуматься в эти положения, то придем к выводу, что фактически Базаров предлагал ориентироваться в планировании на стихийные тенденции крестьянского хозяйства, представленного самому себе. Базаров считал, что мы можем лишь «косвенно стимулировать те или другие естественно намечающиеся тенденции» этого хозяйства. К этим тенденциям должен приспосабливаться план государственной промышленности. Такая установка совершенно смазывает ведущую и преобразующую роль социалистической промышленности по отношению к сельскому хозяйству, роль, предполагающую насаждение в деревне совхозов и колхозов. Ориентировка на стихийные тенденции крестьянского хозяйства, предоставленного самому себе, есть ориентировка на капиталистический путь развития. «Генетически выведенный перспективный план с.-х. продукции» означал бы просто экстраполяцию выявившихся капиталистических тенденций на ближайшие «планируемые» годы. План таким образом превращается в предвидение стихийных тенденций развития сельского хозяйства, к которым приноравливаются промышленные планы.

Такое положение буржуазные реставраторы называли «приматом генетики над телеологией». Особенно носился с этим приматом Громан, который приписывал себе честь изобретения этой «величайшей истины».

Еще в 1928 г. Громан держался за эту «истину», заявляя:

«Мне пришлось при обсуждении методологии перспективного планирования в Госплане дать эту формулу (генетической точки зрения. М. Р.); я продолжаю на ней стоять... Примат всегда принадлежит генетической точке зрения... Скачка из царства необходимости в царство свободы мы еще не произвели» [1].

Чтобы крепче смотивировать это положение о господстве «генетики», Громан ссылается в доказательство его на то, что мы еще не овладели такой стихией, как погода, осадки и т. п. (см. там же).

«Мы можем дать такую формулу: в меру овладения нами силами природы мощь нашего сознательного воздействия на надстройку производственных отношений будет все более и более развиваться и усиливаться. В той мере, в которой это хозяйство будет подчинено силам природы, которыми мы не овладели, в той мере оно будет расти и развиваться стихийно» [2].

Другими словами, нам предстоит оставаться рабами общественных отношений, развиваться стихийно, пока мы не овладеем силами природы, пока не сумеем творить дождь по желанию, предупреждать землетрясения, извержения вулканов и т. п. Вот до какой чепухи договорился меньшевистский мракобес и вредитель! Что процесс овладевания силами природы как раз с громадной мощью развернется с победой социализма, что социалистическая переделка производственных отношений в деревне делает сельское хозяйство все более независимым от случайностей погоды — об этом социал-вредитель предпочитает умалчивать.

Противопоставляя «телеологически» составленный план государственной промышленности «генетическому» развитию сельского хозяйства, вредители пытались противоставить наши планы как нереальные, надуманные, — закономерному и стихийному, независимо от плана развивающемуся народному хозяйству. Народнохозяйственный план рассматривался вредителями по-кантиански, как суб'ективное долженствование, вне связи с об'ективным развитием.

Проблему нового соотношения стремлений людей и классов и необходимости в нашей экономике, в отличие от капита-

[1] «Плановое хозяйство» 1928 г., № 6, стр. 159.
[2] Там же, стр. 161.

листической, вредители подменяли противоставлением «телеологии» и «генетики», сыпали песок в глаза, стремясь скрыть особенности нашей экономики как экономики, движущейся к коммунизму.

Несомненно, что в отношении к природе применение понятия цели неправильно, ибо оно приводит «к бессмысленной попытке навязывать природе сознательную и намеренную деятельность» [1].

Об'яснять известное состояние производительных сил и обусловливаемых ими производственных отношений волей людей и теми целями, которые ими преследуются, также нельзя.

Но «...история делается людьми; стало быть человеческие стремления не могут не быть фактором исторического движения. Но история делается людьми так, а не иначе, вследствие известной необходимости. Раз дана эта необходимость, то даны, как ее следствие, и те стремления людей, которые являются неизбежным фактором общественного развития. Стремления людей не исключают необходимости, а сами определяются ею. Значит и противоставление их необходимости есть большой грех логики» [2]. И дальше Плеханов отмечает: «Когда данный класс, стремясь к своему освобождению, совершает общественный переворот, он поступает при этом целесообразно и во всяком случае его деятельность является причиной этого переворота. Но эта деятельность со всеми теми стремлениями, которые ее вызвали, сама есть следствие известного хода экономического развития и потому сама определяется необходимостью».

В этих замечаниях Плеханова весьма важно обратить внимание на то место, где он рассматривает целесообразную деятельность класса как причину общественного переворота. Деятельность пролетариата, завоевавшего политическую власть, национализировавшего промышленность и землю, проводящего социалистическую переделку мелкокрестьянского хозяйства, беспощадно борющегося с враждебными классами и тенденциями, приводит к победе социалистического строя. Эта деятельность сама определяется необходимостью, ходом исторического развития, которое подготовило материальные предпосылки социализма, а в лице пролетариата, руководимого коммунистической партией, могильщика капитализма и строителя коммунизма. Вот эту деятельность пролетариата, как причину общественного переворота, пытались и пытаются скрыть социал-вредители, меньшевики, которые представляют исторический процесс фаталистически, которые пытаются уверить, что социализм мирно, этак лет через сто — двести, врастет в «буржуазное свинство».

Громан пытается во что бы то ни стало доказать, что наша экономика не отличается принципиально от капиталистической, что развитие в ней совершается так же стихийно, за спиной производителей

[1] Ф. Энгельс. «Анти-Дюринг», стр. 29, изд. 1922 г.
[2] Г. Плеханов. «Основные вопросы марксизма», стр. 97.

и т. д. Но одно дело капиталистическое общество, другое дело общество переходное к коммунизму. В капиталистическом обществе действительно имеется неразрешимое противоречие между целями, которые себе ставят капиталисты, и ходом исторического процесса; хотя воля капиталистов детерминирована условиями капиталистического производства, однако результат получается вовсе не тот, который ожидался (например кризисы).

«Каждое общество, покоящееся на товарном производстве, имеет ту особенность, что в нем производители теряют власть над своими собственными общественными отношениями... Господствует анархия общественного производства». Законы товарного производства проявляются «без участия производителей и помимо их воли, как слепо действующие законы, присущие форме производства. Продукт господствует над производителями» [1].

Уже при капитализме иначе обстоит дело с теми целями, которые ставит себе пролетариат как класс для себя. Эти цели обусловлены необходимостью, и в то же время эти цели — свержение господства капитала и установление диктатуры пролетариата — совпадают с тенденциями исторического развития, подготовившего материальные предпосылки нового строя и могильщика капитализма — в лице революционного пролетариата.

С переходом к социализму конфликт, противоречие между волей, сознанием и намерениями отдельных людей и законами общественного развития сменяется все большим и большим соответствием между ними.

В отличие от капитализма социализм представляет «общественный строй, в котором не будет уже никаких классовых различий, в котором впервые можно будет говорить о действительной человеческой свободе, о существовании в гармонии с познанными законами природы».

«Вместе с переходом средств производства в руки всего общества устранится товарное производство и вместе с тем господство продукта над производителями. Анархия внутри общественного производства заменяется планомерной сознательной организацией. Борьба за личное существование прекратится. Только тогда выделится окончательно человек, в точном смысле этого слова, из животного царства, перейдет из зоологических условий существования в действительно человеческие. Все условия жизни, созданные людьми и угнетавшие до сих пор человека, сами подчинятся тогда людям и их контролю, и они впервые явятся сознательными, действительными господами природы, т. к. будут господами в своем собственном соединенном обществе; законы их собственной общественной деятельности, которые до сих пор противопоставлялись им как им чуждые и потому господ-

[1] Фр. Энгельс. «Анти-Дюринг», стр. 152, изд. 1922 г.

ствовавшие над ними, будут применяться людьми с полным пониманием дела и согласно с их собственными интересами. Подчинение общественной организации, которое ими до сих пор как бы навязывалось природой и историей, станет теперь их собственным свободным делом. Об'ективные и чуждые им силы, царившие до сих пор в истории, попадут под контроль самих людей.

Только тогда люди будут сами вполне сознательно творить свою историю, и приводимые ими в движение исторические факторы станут все в большей и большей мере давать желанные для них результаты. Это будет прыжком человечества из царства необходимости в царство свободы» [1].

Царство свободы однако отнюдь не означает отрицание необходимости или неограниченную ни законами природы, ни законами общества индетермированную волю. И при коммунизме производство будет представлять материальную основу всех прочих видов деятельности человека. Необходимость, об'ективная закономерность остается в силе и при коммунизме, остается в силе положение, что «необходимость природы есть первичное, а воля и сознание человека — вторичное» (Ленин). Но «свобода есть познанная необходимость». Громадная разница будет состоять в том, что человеческое общество будет при социализме «вполне сознательно творить свою историю», в громадной степени увеличивая власть над законами природы. Цель, которую будет себе ставить человечество, будет сознательно исходить из учета этих законов общества и природы.

«Законы их собственной общественной деятельности, которые до сих пор противоставлялись им, как им чуждые и потому господствовавшие над ними, будут применяться людьми с полным пониманием дела и согласно их собственным интересам» (Энгельс).

Переходный период представляет период революционного превращения капиталистического общества в коммунистическое, и по мере этого переустройства анархии внутри общественного производства сменяется планомерной сознательной организацией общественного производства. Поскольку развитие планового хозяйства есть процесс все большего «познания необходимости», постольку, так же как и правильно понятая свобода, и план не может противоставляться необходимости, об'ективной закономерности.

Совершенно ясно, что наше движение к полной победе социализма является закономерным: оно предполагает диктатуру пролетариата, национализацию важнейших средств производства, правильную политику пролетариата, ожесточенную классовую борьбу с буржуазией, оно предполагает социалистическую индустриализацию, насаждение совхозов и колхозов и ликвидацию кулачества на определенном этапе и т. д. Но этот процесс совершается вовсе не стихийно, вне воли и намерения пролетариата. Пролетариат, организованный как политическая власть, ставит себе определенные цели, формулирует их в плане и достигает его осуществления, опираясь на материальные предпосылки, на познание законов общественного развития, и что особенно важно, опираясь на революционную активность пролетариата. Этот последний момент, творческая, строительная роль пролетариата в процессе выполнения плана, тщательно игнорировалась вредителями, так же как не учитывалась и правыми оппортунистами.

[1] «Анти-Дюринг», стр. 159.

Итак, движение к социализму нашей экономики совершается через план, опосредствуется планом, как совершенно необходимым моментом этого движения.

Поскольку революционная деятельность пролетариата, овладевшего политической властью и важнейшими средствами производства, является причиной общественного переворота, причиной переустройства общественных отношений и поскольку эта деятельность — строительство социализма — находит свое выражение в плане пролетарского государства, мы можем говорить о ведущей роли плана в нашей экономике.

Выставив в 1924 г. тезис о примате стихии, Базаров развивал это положение и в дальнейшем, с той разницей, что в 1926 г. он «обогатил» методологию планирования теорией затухания темпов.

В статье, помещенной в «Плановом хозяйстве» в 1926 г., Базаров заявляет: «Основная задача перспективного планирования приводит к необходимости сочетать генетический и телеологический методы на почве отыскания оптимального пути развития» [1].

Первый вопрос Базаровым «разрешается очень просто». Телеологическому методу отводится «поле» государственного, а генетическому принципу — сельское хозяйство.

«Сельское хозяйство, раздробленное на 20 слишком млн. мелких самостоятельных единиц и в своей товарной продукции ориентирующееся в значительной мере на экспорт, является той областью, где генетическое исследование играет преобладающую роль» (там же). Знакомая мелодия повторяется в 1926 г.

Что касается оптимальности плана, то сюда Базаров относит 3 момента. «Во-первых, движение народного хозяйства... должно протекать плавно, без перебоев...». Во-вторых, «народное хозяйство... в любой точке перехода должно представлять собой стройное органическое целое — максимально устойчивую систему подвижного равновесия. Это второе требование — требование соразмерности и внутренней согласованности отдельных элементов реконструктивного процесса». И наконец, «третья предпосылка оптимума требует, чтобы при соблюдении первой и второй предпосылок путь к цели, намеченной генеральным планом, был избран кратчайший. Здесь возникает, следовательно, проблема «темпа»... Преимущества, которые в этом отношении присущи плановому хозяйству по сравнению с хозяйством

[1] «Плановое хозяйство» 1926 г., № 7, стр. 10.

капиталистическим, бесспорны и сводятся к возможности более рационального использования той доли народного дохода, которая затрачивается на реконструкцию. Но относительные размеры этой доли в нашем плановом хозяйстве на теперешней ступени его развития отнюдь не больше, а скорее даже меньше, чем в капиталистическом хозяйстве, находящемся на том же уровне развития производительных сил. Как бы мы ни старались сжимать потребительский спрос широких масс населения в течение тяжелого переходного периода ближайших лет, мы в этом отношении ни в коем случае не сможем достигнуть норм капиталистического общества. С другой стороны, наши аппараты планового управления хозяйством требуют относительно больших издержек. Отчасти в этом сказывается просто наша неумелость и неопытность; но в известной степени относительная дороговизна аппарата является неизбежным последствием низкого уровня производительных сил и культуры. Сложнейшая и широко разветвленная плановая работа при капитализме отсутствует, отсутствуют, следовательно, и соответственные издержки управления, а та экономия, какая могла бы быть достигнута на почве концентрации и рационализации функций планового аппарата, ограничена очень скромными рамками на теперешнем низком уровне нашего хозяйственного развития» (там же).

Так как зарплата у нас имеет тенденцию роста, так как благосостояние крестьянства выше и, наконец, так как плановая система и госаппарат «требуют относительно больших издержек», то поэтому, — утверждает Базаров, — источники роста у нас меньше, чем при капитализме. Что рабочий класс работает у нас на себя, что социалистическая перестройка мелкого хозяйства открывает огромные перспективы роста производительных сил в сельском хозяйстве, что плановая система устраняет громадные непроизводительные издержки капитализма — все эти преимущества нашей системы превращены Базаровым в наши недостатки.

Но по Базарову мы не только не в состоянии взять высоких темпов, мы обречены на потухающие темпы.

«Мы подходим к исчерпанию восстановительного процесса без достаточной подготовки к грядущему периоду реконструкции, вследствие чего в начальные годы реконструкционного процесса мы неизбежно должны пережить значительное замедление темпов народнохозяйственного роста. В самом деле, мы должны немедленно тратить большие средства на реконструкцию, а результаты этой последней скажутся на росте производительных сил лишь через несколько лет, когда вновь выстроенные предприятия начнут одно за другим вступать в работу. Замедление темпа роста будет, очевидно, тем значительнее, чем большую долю производительно затрачиваемого накопления будем мы направлять в новое строительство и чем меньше средств останется у нас на подновление и частичное переоборудование существующих устарелых предприятий. С точки зрения рациональных принципов реконструкции устарелые предприятия должны лишь доработывать свой срок и не заслуживают значительных капитальных вложений, ибо небольшое увеличение об'ема и еще того меньший рост уровня производительных сил покупается здесь дорогой ценой относительно очень крупных затрат. Но избежать таких «нерациональных» затрат мы, очевидно, не сможем. В самом деле, если бы мы решили производить только такие капитальные вложения, которые представляются рациональными в свете генерального плана, то нам пришлось бы все вкладываемые в производство накопления загнать в новые строительные работы, ограничив расходы на поддержание действующих предприятий рамками так называемого «текущего ремонта». В результате, на ближайший период, пока новые предприятия еще только строятся, мы получили бы уже не ослабление темпа роста, а полную стационарность физического об'ема продукции и падение средней производительности промышленного труда при резком повышении фонда заработной платы за счет кадров пролетариата, вовлеченных в строительство»[1].

И отсюда практический вывод: «Такая политика, очевидно, в корне нарушила бы требование «соразмерности частей» народнохозяйственного целого и привела бы к острому кризису и катастрофическому срыву всех наших плановых предначертаний. Для смягчения трудностей переходного периода необходимо на ряду с новым строительством, развертываемым в строгом соответствии с планом генеральной реконструкции, тратить очень большие средства на предприятия заведомо плохие, лишь бы добиться немедленного, хотя бы и сравнительно умеренного повышения их производительности» (там же).

Таким образом теорию затухающих кривых Базаров пытается обосновывать на двух предпосылках. Во-первых, на том, что он отрицает преимущества нашей системы по сравнению с капиталистической. Во-вторых, Базаров указывает, что переход от восстановительного к реконструктивному периоду потребует колоссальных затрат, и нам придется и капиталы и рабочую силу загонять на новые предприятия, которые дадут продукцию лишь через 5-6 лет. Если мы будем форсировать строительство новых заводов, то нам грозит стационарность в росте развития нашей продукции, мало того, — нам грозит кризис, катастрофа и т. д. Чем меньше мы будем строить новых предприятий, и чем больше будем расширять старые предприятия — тем меньше будет темп затухания, — таков вывод, который делает Базаров.

В своей теории затухающей кривой Базаров наворотил столько путаницы, что распутать этот вопрос представляется делом довольно канительным. Прежде всего неправильно утверждение Базарова о том, что развернутое капитальное строительство неизбежно связано с стационарностью об'ема продукции или снижением темпов ее роста. Размеры капитального строительства связаны в большой мере с размерами общественного прибавочного продукта (хотя на строитель-

[1] «Плановое хозяйство» 1926 г., № 7, стр. 18.

ство новых предприятий можно пускать часть валовой продукции, покрывающей амортизацию старых, дорабатываемых предприятий). Рост капитального строительства требует роста прибавочного продукта, а следовательно и всей продукции. Чтобы строить, нужно иметь продукцию. Стройка новых предприятий требует направления огромных количеств средств производства для новостроек и средств потребления для строителей. Нельзя строить Днепрострой, Магнитогорский завод и т. п. без огромного роста производства металла, цемента и т. п.

Растущее капитальное строительство означает, что ежегодно все большая масса металла, цемента, кирпича направляется на строительство новых предприятий. Направляемые на постройку материалы не «участвуют» в производстве продукции в данном году. Это верно. В этом отношении имеется разница между строительными материалами и оборудованием, которое быстро по поступлении на новое предприятие вступает в дело. Однако можно себе представить быстро растущую ежегодно массу прибавочного продукта и растущую массу средств, направленных на строительство. Если удельный вес накопляемой части прибавочного продукта растет — а это мы несомненно имеем, — то это становится тем более возможным».

Поскольку с рынка берутся средства производства и средства потребления для строительства новых предприятий, которые дадут продукцию лишь после окончания их стройки, может создаться напряжение в смысле соотношения спроса и предложения, однако вовсе необязателен кризис. Так же как и другие трудности нашего социалистического строительства эти трудности сами дают нам базу для их преодоления. Рост производительности труда, социалистическое соревнование, трудовой героизм пролетариата приводят к росту общественного прибавочного продукта, к ускорению строительства, а это позволяет больше производить и больше строить.

В своей теории затухающей кривой Базаров придает большое значение динамике производительности труда. Он предвидит ее неизбежное падение: если мы во избежание полного затухания темпа будем расширять старые предприятия, то получим падение производительности труда. Если будем усиленно направлять средства на новое строительство, опять получим «падение средней производительности промышленного труда». Одним словом куда ни кинь, везде клин. Почему однако строительство новых предприятий влечет падение производительности труда — этого простому, «неискушенному» уму так и не понять... Но неверно, что и расширение старых предприятий должно обязательно вызывать такой результат. О громадных неиспользованных резервах, неиспользованных весьма часто сознательно вредителями — об этом Базаров предпочитает молчать.

И реконструкция старых предприятий, проведенная не вредительски, и стройка новых предприятий — все это может и должно сопровождаться ростом производительности труда. А рост производительности труда есть большой источник ускорения темпов: он увеличивает прибавочный продукт (при одновременном росте зарплаты), увеличивает массу предметов и средств труда, расширяет поле труда и т. д.

Теория затухающей кривой неверна, ибо она исходит из оценки нашей экономики, как экономики капиталистической, ибо она скрывает преимущества нашей системы, преимущества, все более растущие по мере приближения к социализму.

Что социалистический переворот открыл огромный простор развитию производительных сил, что отпали те препятствия, которые ставил капитализм применению машин, применению данных науки в земледелии, проведению сплошной электрификации, что выпал целый паразитический потребляющий класс помещиков и рантье, что с каждым шагом продвижения к социализму уменьшаются издержки обращения, что созданы новые стимулы к труду — все это отрицается теорией затухающей кривой. Эта теория укрывает, что прибавочный продукт в наших условиях может итти и идет в огромной своей части на расширение производства, она скрывает и тот весьма важный момент, который ярко отмечен тов. Сталиным на XVI с'езде, что самый процесс обобществления нашего хозяйства есть источник роста наших темпов. В это нужно вдуматься. По мере того, как мы обобществляем наше хозяйство, мы приобщаем его все более широким массивом к преимуществам социализма, мы получаем все больший массив социалистических производительных сил, и тем самым мы не только не должны иметь затухающую кривую, но у нас тем больше оснований для роста темпов капитальных вложений и продукции.

«Рост обобществленного сектора означает прежде всего сокращение эксплоататорских элементов города и деревни, падение их удельного веса в народном хозяйстве... При росте обобществленного сектора часть народного дохода, шедшая до сих пор для кормления эксплоататорских классов и их челяди, должна остаться отныне в самом производстве, на расширение производства, на постройку новых фабрик и заводов, на улучшение быта трудящихся»...[1].

Переход к реконструктивному периоду открывает новые возможности и новые резервы для повышения темпов развития.

«... Перестройка технической базы промышленности и сельского хозяйства при социалистической организации производства открывает такие возможности ускорения темпов, о которых не может мечтать ни одна капиталистическая страна» (там же).

Теория затухающей кривой была весьма важна для единого контрреволюционного фронта — она отвечала прямым задачам вредителей — задачам задержать во что бы то ни стало успешное и быстрое развитие социалистического сектора нашей экономики. По мнению Базарова наше развитие в восстановительный период шло по «плавной эсообразной кривой», а раз так, то нужно планировать,

[1] И. Сталин и Л. Каганович. Отчет ЦК XVI с'езду ВКП(б).

исходя из математического анализа этой кривой, кривой затухающей. Математической логике «эсообразной кривой» пролетариат противопоставил диалектическую логику социалистического строительства. Вопреки пророчествам Базарова реконструктивный период не дал снижения темпов. Прирост продукции госпромышленности составил: в 1926/27 г. — 19,7%; в 1927/28 г. — 26,3%; в 1928/29 г. — 24,3%, в 1929/30 г. — 25%.

И в то же время росли по «подымающейся большевистской кривой» (И. Сталин) капитальные вложения; по государственной промышленности они составили: в 1926/27 г.—1.065 млн. руб., в 1927/28 г.—1.304 млн. руб.; в 1928/29 г. — 1.819 млн. руб.; в 1929/30 г. — около 3,0 млрд. руб.

Как известно, потухающая кривая получила свое выражение во вредительском проекте генерального плана комиссии проф. Осадчего. Например по черной металлургии Осадчий намечал рост в течение первой пятилетки — с 1925/26 г. и по 1930/31 г. на 120%, вторая пятилетка должна была дать прирост на 60%, и третья пятилетка — прирост на 37%. На самом деле первая пятилетка дала прирост по металлургии в 191%, по отношению к 1925/26 г. Эта проектировка Осадчего однако не была утверждена Госпланом.

Так же, как и теория потухающей кривой, провалилась блистательно и теория «примата» стихии над планом. Социалистическая индустрия совершенно явно выявила свою ведущую роль, подтягивая к своему развитию и переделывая отстающее в своем росте сельское хозяйство. Приходилось отказываться от ряда явно неверных положений, пытаясь протащить новые установки, не менее однако вредительские. В 1928 г. Базаров выступает снова по вопросу о методологии планирования[1]. Момент был весьма важен — стоял вопрос об установках пятилетнего плана.

«Всякий перспективный план народного хозяйства... генеральный, пятилетний или контрольные цифры должен представлять собою синтез директивы и прогноза, т. е. должен иметь определенную целевую установку и генетическое научное обоснование ее осуществимости... Телеология и генетика — не конкурирующие между собой антагонисты, а диалектически связанные друг с другом моменты единого органически целого». Таким образом Базаров отказывается от прежних утверждений, но лишь для того, чтобы протащить буржуазно-реставраторские установки в пятилетний план.

Какова должна быть основная установка пятилетнего плана?

«Триединый постулат оптимального сочетания роста производительных сил, благосостояния трудящихся и процесса обобществления составляет телеологический стержень плана»[2].

[1] В. Базаров. Принципы построения перспективных планов. «Плановое хозяйство», 1928 г., № 2.

[2] Там же, стр. 61.

Было бы наивно думать, что даже и формула, где обобществление стоит на последнем месте, отражает действительные убеждения Базарова. Базаров маскируется. Что его выводит из «равновесия» — это пункт «о скорейшем приближении к социализму», который хотя и на третьем месте, но стоял в установке Центр. комиссии перспективного планирования. Именно этот пункт неприемлем для Базарова, как и для всех буржуазных реставраторов. Именно эту часть установки он и подвергает обстрелу. Открыто выступать против нее он не решается — это бы его выдало с головой. Базарову приходится маневрировать — он обнаруживает антагонизмы, противоречия в самой установке.

Такой основной антагонизм он видит между задачей быстрого темпа роста производительных сил и задачей скорейшего приближения к социализму. «В течение короткого срока может оказаться целесообразным по тем или другим внеэкономическим соображениям вовлечь в сферу обобществленного хозяйства такие отрасли, которые для этого еще не созрели, в которых обобществление на данной ступени их развития не стимулирует, а стесняет рост производительности труда. Но в рамках длительного периода такая политика ни при каких условиях не может быть целесообразной, ибо превратить на 5—10—15 лет общественную организацию из формы хозяйственного развития в его «оковы», хотя бы для отдельных отраслей труда, значило бы дискредитировать самый принцип обобществления, подготовлять в будущем частичное поражение и отступление социализации тем вернее, чем настойчивее проводится в настоящем ее нерациональное применение» (Базаров, там же, стр. 42).

Базаров прозрачно намекает на то, что установка на скорейшее приближение к социализму приведет к поражению. По существу Базаров исходит из того, что рост социалистического сектора означает создание оков для развития производительных сил, что социалистическое переустройство мелкого хозяйства задержит рост производительных сил.

Не торопиться с обобществлением, не торопиться с вытеснением капиталистического хозяйства — таков лозунг Базарова.

Признав на словах отсутствие в рамках пятилетнего и генерального плана «противоборства между развитием производительных сил... и процессов социализации» (не признавать этого никак нельзя человеку, облачающемуся в костюм марксиста), Базаров на деле противоставляет быстрое развитие производительных сил быстрому развитию социалистических отношений как несовместимые на данном этапе вещи.

«Возможно такое стечение обстоятельств, при котором требуется на некоторое время замедлить количественный рост зарплаты или социализации и, так сказать, закрепиться на достигнутых позициях именно для того, чтобы расчистить путь для дальнейшего интенсивного роста производительных сил» (Базаров, там же).

Буржуазные реставраторы «люди дела»: они готовы признать на словах что хочешь, лишь бы на деле з а д е р ж а т ь т е м п вытеснения капиталистических элементов.

«Развитие производительных сил есть ведущее звено» — заявляет Базаров. Именно эту установку он считает правильной для пятилетки. Такая струвистская установка является контрреволюционной. Она ведет к победе капитализма. Развитие производительных сил в наших условиях может проходить в рамках или социалистических производственных отношений или капиталистических. Если я говорю — просто развитие производительных сил, если я не веду ожесточенной классовой борьбы за быстрый рост социалистического сектора, за ограничение капиталистических элементов, а на определенном этапе за ликвидацию кулачества и т. д., то неминуема победа капиталистического пути развития производительных сил. На это и били буржуазные реставраторы, этому они по мере сил и знаний содействовали, скрывая, что ведущим в нашей экономике является именно социалистический сектор, быстрый рост которого означает бурное развитие производительных сил в социалистической форме.

Итак, первой установкой пятилетки по Базарову должно быть — не торопиться с вытеснением капиталистических элементов. Базаров, собственно, рассчитывает на р о с т этих элементов. Этому должен будет содействовать переход патриархально-крестьянского хозяйства на рельсы товарного хозяйства.

«... Одной из первейших и важнейших проблем перспективного плана является п л а н о м е р н а я ликвидация патриархально-натурального хозяйства и наиболее отсталых видов простого товарного производства» [1].

Денатурализация патриархального хозяйства дело не плохое, но важно, в какую сторону будет расти это хозяйство. Если не обеспечить быстрых темпов развития социалистической промышленности, если не насаждать колхозов и совхозов, предоставив это хозяйство самому себе, то развитие его должно пойти по пути капиталистической диференциации. Базаров, правда, уверяет, что если проводить денатурализацию планомерно, то капиталистический сектор не усилится, но эта «планомерность», как сейчас увидим у Базарова, такова, что она как раз ведет к усилению капиталистического сектора.

Вопрос о денатурализации патриархального хозяйства поставлен Базаровым собственно с другими целями. Втягивание в общественное разделение труда патриархального хозяйства вовлекает в общественный оборот его многомиллионные рабочие силы. Капиталистическое развитие должно будет усилить в деревне относительное перенаселение. Реконструкция нашего государственного хозяйства

[1] «Плановое хозяйство» 1928 г., № 2 стр. 44.

должна по мнению Базарова усилить скрытое перенаселение и безработицу.

Если мы в 1928 г. выплачивали 120 млн. руб. безработным, то «что же будет в разгар реконструкции, когда масса дешевой промышленной продукции хлынет в деревню, освобождая рабочее время миллионов людей» (Базаров). Потребуются миллиарды рублей на пособия, которые будут с'едать все большую часть средств, необходимую для самой реконструкции. Итак реконструкция усилит безработицу, безработица с'ест огромные средства, значит средств для реконструкции очень мало и их нужно наиболее эффективно использовать. Таков вывод, к которому приходит Базаров. Каковой же должна быть политика реконструкции?

«Союз ССР — страна очень бедная капиталами. Там, где развитие производительных сил предполагает значительное возрастание основного капитала, мы не в состоянии вести реконструктивные работы достаточно быстрым темпом». Итак не всякое капитальное строительство нам по плечу. «Основной руководящей идеей нашей индустриализации должно быть поэтому достижение возможно большей эффективности — и в смысле физического об'ема продукции, и в смысле производительности труда, и в смысле вовлечения в производство новых кадров рабочей силы — при возможно меньших затратах на капитальное строительство». Эффективность капитального строительства вещь прекрасная (и по поводу ее реставраторы немало сыпали песку в глаза). Но как ее осуществить?

«Возможностей достижения эффективности — заявляет Базаров — имеется две — рационализация и электрификация. Но рационализация «осуществима только при гигантской массовости производства. Вот почему массовость есть тот основной критерий, которым должна определяться о ч е р е д н о с т ь наших реконструктивных начинаний». Но о каком массовом производстве идет речь? Может быть о массовом производстве тракторов, дизелей и т. п.? Нет, Базаров имеет в виду массовость у ж е п р о и з в о д и м ы х у нас до реконструкции товаров. Отсюда следует и вредительский вывод:

«В первую очередь должны быть реконструированы отрасли, производящие предметы широкого потребления и те виды средств производства, потребность в которых уже теперь носит достаточно массовый характер. Во всех прочих отраслях следует предпочесть, пока они не приобрели достаточно широкой базы внутри СССР, закупку необходимых продуктов за границей или предоставление концессий иностранным капиталистам».

Таким образом в итоге своих «ученых» рассуждений Базаров пришел к такому капитальному строительству, к такой реконструкции, которая вовсе не означала бы индустриализации СССР. Критерий массовости понадобился Базарову именно для того, чтобы отложить действительную индустриализацию СССР в дальний ящик.

В самом деле, если послушать Базарова, мы должны были производить основное капитальное строительство в текстильной, в пищевой промышленности, а вовсе не строить собственной химической, машиностроительной промышленности, тракторных и комбайнных заводов и т. п.

Хорошенькую индустриализацию преподносили вредители! Расчет их был таков, что при такой «индустриализации» СССР будет попадать все в большую экономическую зависимость от капиталистического мира, а в случае интервенции не будет обороноспособным. Достаточно известно, какую огромную роль играет металлообрабатывающая и химическая промышленность во время войны.

Базаров, сознавая всю подозрительность его теории, пытается замести следы такими рассуждениями, что именно его схема обеспечивает максимально быстрый темп развития промышленности, а поэтому она дает максимально быстрое освобождение от заграничной зависимости. Под нажимом отдельных работников Госплана Базаров вынужден был согласиться на исключение из этой схемы в отношении строительства «отдельных военных предприятий», работающих на оборону. Но что обороноспособность зависит не от наличия отдельных предприятий, а от наличия мощной тяжелой индустрии, это Базаров в своей статье скрыл.

К арсеналу базаровской методологии планирования относятся кроме «телеологии» и «генетики» так называемые «регулятивные идеи». О них Базаров говорит следующее: «В нашей плановой работе мы часто пользуемся постулатами, которые представляют собою... рецепты, содержание которых, само по себе, не входит в целевые задания плана, но логически вытекает из этих последних при о п р е д е л е н н ы х о б ъ е к т и в н ы х п р е д п о с ы л к а х. Таковы, например, нижеследующие указания: «продукция средств производства должна расти быстрее продукции предметов широкого потребления», индексы цен на промышленные и сельскохозяйственные товары должны сближаться и т. д. Такие у с л о в н ы е директивы, правильные лишь при определенных предпосылках, я буду называть «регулятивными идеями» (имеется в виду тот смысл, который придавала этому термину кантианская философия, противоставляя «регулятивное» «конститутивному» (Базаров открыто выявляет свою кантианскую методологию. От Маркса к Канту — таков лозунг меньшевиков!) [1].

К «регулятивным идеям», у с л о в н ы м д и р е к т и в а м, рецептам, необоснованным научно, Базаров относит таким образом индустриализацию СССР и такие установки, которые Базаров называет директивными неравенствами: «темп роста производительных сил в СССР должен быть больше, чем в капиталистических странах», «промышленная продукция должна расти быстрее сельскохозяйственной» и пр.

[1] „Плановое хозяйство" 1928 г.

Социалистическая индустриализация СССР, проблема догнать и перегнать — все эти важнейшие установки нашей политики Базаров об'являет у с л о в н ы м и директивами, не могущими быть обоснованными научно, не вытекающими из об'ективной необходимости. Эти директивы «почтенны», но не всегда выполнимы. «...Директивные неравенства нельзя рассматривать как рецепты, пригодные на каждый день и час. Могут быть такие периоды, на протяжении которых в силу некоторых специфических условий общая тенденция отчетливо не проявляется и не может проявиться без нарушения системы народнохозяйственного равновесия... Нельзя ни на минуту забывать, что регулятивные идеи, как бы ни были они почтенны, в их общей формулировке, реально осуществимы лишь при наличности определенных условий, которых иногда может и не быть» (там же, стр. 63).

Итак индустриализация дело почтенное, но можно «иногда» ее н е проводить в жизнь. В плохо прикрытой форме Базаров стремится подать руку правой оппозиции, которая также как раз в это время предлагала замедлить темпы индустриализации (Бухарин. «Заметки экономиста»), проводить индустриализацию с ситцевого конца (Угланов).

Наконец важнейшим элементом вредительской теории планирования является так называемый постулат равновесия. К этому постулату «синтетики»-вредители сводили даже всю методологию планирования.

Громановские рассуждения на эту тему мы привели выше.

Кондратьевец Огановский писал: «изюминкой при построении плана является принцип равновесия».

Наконец Базаров указывал, что «постулат» бескризисного воспроизводства предопределяет м е т о д о л о г и ю перспективного планирования [1].

Бескризисное развитие — дело не плохое. Базаров, однако, понимал под таким развитием развитие, лишенное всяких диспропорций.

«Бескризисным народнохозяйственное развитие можно назвать лишь в том случае, если оно не только в конечном пункте, запроектированном пятилеткой, но и на всех промежуточных ступенях представляет собой систему динамического равновесия, чуждую сколько-нибудь резких «диспропорций» (там же). Итак Базаров требовал, чтобы в л ю б о й м о м е н т наша экономика представляла систему равновесия. Только такое положение он признавал бескризисным. Несомненно, что требование равновесия в устах вредителей было лицемерным, ибо они делали все для создания кризиса. Но в то же время лозунг равновесия был политическим лозунгом, он был равносилен требованию застыть на данном пункте, не вытеснять капиталистические элементы, не ломать установившихся пропорций и т. д.

[1] См. «Плановое хозяйство», 1928 г., № 2, стр. 55.

В этом политический смысл лозунга равновесия, который усиленно выдвигали буржуазные реставраторы: Юровский, Громан, Базаров и др.

Постулат равновесия, хотя бы и «подвижного», означал, что должно существовать равновесие секторов, что исключены структурные сдвиги в нашей экономике, а такая вещь как ликвидация целого класса (напр. кулачества) грозит полным крахом нашей системы. А при таком «равновесии секторов» вредители надеялись, что будут расти капиталистические элементы, что в конце концов приведет к перерождению нашей экономики, к гибели Советской власти.

При изучении вредительских теорий планирования не может не броситься в глаза родство, а часто и полное совпадение этих теорий с теорией правых оппортунистов, а также с многими установками троцкистов. Что касается последних, то в вопросе о темпах мы имеем составленную под руководством троцкистов, при благосклонном» участии меньшевиков из ВСНХ пятилетку с потухающими темпами развития (пятилетка ОСВОК). Мы могли бы сослаться и на совпадение теории Троцкого о том, что мы находимся под контролем мирового рынка с высказываниями по этому вопросу Громана и др.

Лозунг Базарова о максимальной связи с мировым рынком и об импорте средств производства вместо их собственного производства мало чем отличается от теории тт. Сокольникова и Шанина.

Мы имеем общность установок правых оппортунистов и буржуазных реставраторов на равновесие, на более медленные темпы развития, на развитие производительных сил, хотя бы кулацких (яркий пример — Фрумкин, заявивший, что нам безразлично от кого получить хлеб — от кулака или колхоза) и т. д. В общности многих теоретических положений буржуазных реставраторов и правых и «левых» оппортунистов нет ничего удивительного, если учесть, что уклоны от ленинской линии в политике обычно сопровождаются и обосновываются какой-либо метафизической теорией, далекой от марксово-ленинской диалектики. Никогда не следует упускать из виду эту связь теории и практики. Правый уклон, эта главная опасность в партии на современном этапе, став об'ективно выразителем интересов кулачества, дает не мало образцов такой смычки с буржуазными реставраторами.

В качестве иллюстрации этой смычки я остановлюсь на двух моментах, имеющих отношение к теории планирования. Начну с вопроса о равновесии.

В вопросе о равновесии мы имеем значительное родство теоретических, особенно методологических установок т. Бухарина и богдановца Базарова. В «Заметках экономиста» т. Бухарин указывал, что «по сути дела... задача выработки народнохозяйственного плана состоит в том, чтобы «наметить условия подвижного экономического равновесия»[1]. Выходит, что основное в плане — это наметка условий подвижного равновесия. На какой классовой основе, какого

[1] Н. Бухарин. Заметки экономиста, стр. 14.

типа «равновесие», возможно ли такое «равновесие», не есть ли весьма относительное равновесие при наличии известных диспропорций — путь движения, — об этом т. Бухарин не задумывается. Нас не должно вводить в заблуждение слово «подвижное». «Подвижное равновесие» это равновесие, которое предлагают и Громан и Базаров, и, как нам раз'ясняют, это есть такое равновесие, которое, будучи нарушено, восстанавливается на другом уровне, но при той же структуре системы. Эта установка на равновесие, как мы видели, вовсе не случайна. Она характеризует стремление гибнущих в процессе революционного строительства классов удержаться, хотя бы на время.

Установка правых на равновесие вела к теории равновесия секторов нашего народного хозяйства, теории мирного сотрудничества классов, теории врастания капиталистических элементов в социализм. «Эта теория, — говорит т. Сталин, — имеет об'ективно своей целью отстоять позиции индивидуального крестьянского хозяйства, вооружить кулацкие элементы «новым» теоретическим оружием в их борьбе с колхозами и дискредитировать позиции колхозов».

Теоретически эта установка исходит из метафизической теории, признающей основным законом природы и общества равновесие (А. Богданов).

На самом деле не покой, не равновесие, а движение характеризуют как природу, так и общество.

«Движение есть форма существования материи. Никогда и нигде не было и не могло быть материи без движения... Всякий покой, всякое равновесие только относительны, имеют смысл по отношению к той или другой определенной форме движения»[1].

По отношению к обществу т. Бухарин создал теорию, согласно которой существует извечный «закон трудовых затрат», закон равновесия, который при капитализме имеет форму стоимости, а в переходном обществе скидывает это свое греховное белье и выступает в чем мать родила. Тов. Бухарин исходит из равновесия, как основного закона капиталистического общества. «Закон ценности — говорит он — есть закон равновесия товарного производства». На самом деле закон стоимости есть закон движения капитализма. Равновесие есть лишь случайный момент в движении капиталистического общества. Тов. Бухарин не понял смысла указания Ленина о том, что «законы капитализма, открытые Марксом..., изображают лишь идеал капитализма, но отнюдь не его действительность[2], что закон стоимости осуществляется «путем неосуществления».

Эти указания Ленина говорят, конечно, не о фиктивности закона стоимости, а о его диалектическом характере, о том, что он управляет движением капитализма.

Что критерием плана является продвижение к полной победе социализма, проблема «кто кого», социалистическая индустриализация

[1] Ф. Энгельс. „Анти-Дюринг".
[2] Н. Ленин. Собрание сочинений, т. II, стр. 498 (1-е изд.).

и социалистическая реконструкция сельского хозяйства — это как раз и смазывается сведением планирования к достижению равновесия.

Этот извечный закон равновесия, «закон трудовых затрат», т. Бухарин и хочет положить в основу планирования. Или равновесие или кризис, так ставил вопрос Громан и Базаров, так получается и у т. Бухарина. На самом деле наше движение к социализму совершается через ломку старых отношений, через установление пролетариатом новых отношений и пропорций, через частичные диспропорции.

Вся суть нашей экономики именно в том, что мы перестраиваем ее — расширяем отношения социалистические, ограничиваем хозяйство капиталистическое, а на известном этапе ликвидируем его (напр. ликвидация кулачества как класса на основе сплошной коллективизации), коллективизируем хозяйство бедняка и середняка и т. д. Суть не в равновесии, а в революционном переустройстве.

Это переустройство не может происходить так, что мы гладко, чинно, как поезд подходит на немецкой дороге к станции, переходим от одного состояния полного равновесия к другому, оно неизбежно сопровождается трудностями, частичными диспропорциями. Причем эти диспропорции в основном создаются вовсе не неумением планировать, как утверждал т. Бухарин, а отчаянным сопротивлением отживающих классов (вредительство буржуазной интеллигенции, сопротивление кулачества и т. д.), а также нерешительностью, неверием в силы пролетариата, неумением по-большевистски преодолевать диспропорции у правых и «левых» оппортунистов.

С установкой на равновесие тесно связана установка правых на «узкие места». В своих «Заметках экономиста» т. Бухарин указывал, что «если нет кирпича и не может быть в данном сезоне его произведено» по техническим условиям больше определенной величины, то нельзя сочинять программы строительства, превышающие этот предел»..., ибо из «будущих» кирпичей нельзя строить «настоящие фабрики даже по «Бем-Баверку». Диалектика жизни однако такова, что так как истина конкретна, то эта общая плоская истина о «кирпичах настоящего», как лимите капитального строительства, оказалась ложной (эта общая истина на деле совпала с установками буржуазных реставраторов на снижение темпов); и именно потому, что т. Бухарин подошел к вопросу метафизически, поверхностно, а не подошел к вопросу как революционер, который не только созерцает, а творит, изменяет мир.

В процессе социалистического строительства пролетариат имеет огромные возможности увеличения прибавочного продукта, повышения производительности труда, лучшего использования материалов, перераспределения средств и т. д. Социалистическое соревнование и встречный промфинплан показали ярко, какими огромными резервами и возможностями располагает пролетариат.

Тов. Бухарин приводил в доказательство чрезмерных непосильных темпов дефицит в 232 млн. шт. кирпичей (8,7% всей потребности),

намечавшийся на 1928/29 г. неким Барским. Выходило так, что пролетариат со всеми его огромными возможностями должен отступить перед этим дефицитом, не пытаясь активно его преодолеть. Между тем дополнительное ассигнование какого-нибудь десятка миллионов руб., поднятие производительности труда на заводах или даже некоторое облегчение типа построек (больший контроль за строительством, где было не мало вредительства) — все это активно преодолевало трудности.

Тов. Бухарин не заметил одного из многих противоречий, в которое он впал в своих «Заметках»: на стр. 48 он приводил цифру о нехватке 20% строительного металла и патетически спрашивал — «как же строить при таком дефиците?» На стр. 53 он же указывал, что «у нас расходуется в 1½—2 раза больше металла, чем необходимо». Казалось бы ясным, что дефицит с металлом является относительным и что, не говоря уж о возможностях увеличения производства металла, имеются возможности изжития дефицита путем рационализации самого строительства. Однако напуганные высокими темпами и трудностями правые предлагали отступить, подбодряя тем самым вредителей в их подрывной работе. И тут мы подходим к одному из вопросов, на котором спекулировали Громаны — Базаровы. Это — сведение планирования к составлению балансов. Установка плана — это равновесие, а «выявить наличность или отсутствие равновесия можно только при помощи построения баланса» — писал Базаров. «Поэтому, — делал он вывод, — балансовый метод является основным методом построения перспективного плана» [1].

В унисон с этим т. Бухарин утверждал, что «народнохозяйственный план все больше и больше приближается к балансу всего народного хозяйства» и что стоит нам сбалансировать основные элементы народного хозяйства, как мы добьемся возможно более благоприятного хода общественного воспроизводства (см. «Заметки экономиста»).

Несомненно, что балансовый метод имеет крупное значение в планировании. Однако было бы совершенно неверно сводить к этому методу планирование. Баланс есть лишь момент в планировании. Разговоры вредителей о балансе были сплошным лицемерием, поскольку они делали все для разрушения этих балансов, с другой стороны, они пытались напугать нас отсутствием абсолютных балансов, дабы заставить нас сжать темпы капитального строительства.

Правые оппортунисты брали на веру и поддерживали «балансовую теорию» плана. Вместо того, чтобы активно по-революционному планировать баланс, они, исходя из теории равновесия, теории узких мест, брали установку на абсолютное балансирование плана.

Что сам баланс не сваливается с неба, как манна небесная, а есть результат классовой борьбы, активности, инициативности, трудового героизма — это затушевывалось правыми.

[1] «Плановое хозяйство», 1928 г., № 2, стр. 55-56.

«Для нас пятилетний план — говорил т. Сталин на XVI с'езде ВКП(б) — как и всякий план есть лишь план, принятый в порядке первого приближения, который надо уточнять, изменять и совершенствовать на основании опыта мест, на основании исполнения плана. Никакой пятилетний план не может учесть всех тех возможностей, которые таятся в недрах нашего строя и которые открываются лишь в ходе работы, в ходе осуществления плана на фабрике, заводе, в колхозе, в совхозе, в районе и т. д. Только бюрократы могут думать, что плановая работа заканчивается составлением плана. Составление плана есть лишь начало планирования. Настоящее плановое руководство развертывается лишь после составления плана, после проверки на местах, в ходе осуществления, исправления и уточнения плана» (И. Сталин. Политотчет XVI с'езду, стр. 67).

Итак, план есть не просто сумма таблиц. Это есть директива, примерный расчет, план мобилизации революционной активности пролетариата и в то же время процесс борьбы за эту мобилизацию, процесс проверки плана на опыте, процесс планирования на ходу воспроизводственного процесса.

Эту активную сторону планирования скрывали вредители, ибо это было невыгодно международной буржуазии. Этого не видели и правые оппортунисты, а также и право-«левые» двурушники; напуганные трудностями роста они так и не заметили растущей активности рабочего класса, который через соцсоревнование, через встречный промфинплан героически преодолевает препятствия, в том числе препятствия, созданные вредителями, и опрокидывает все надежды вредителей и международной буржуазии.

Нельзя забывать, что речь идет вовсе не только о смычке правых оппортунистов с буржуазными реставраторами в теории. Такую смычку мы имели об'ективно и в практике вредителей и оппортунистов. Поскольку правые оппортунисты были за торможение темпов индустриализации, особенно по линии тяжелой промышленности, они становились фактическими союзниками «промпартии» и других контрреволюционных организаций.

«Отрицательное отношение правых оппортунистов к быстрым темпам экономического развития страны, их теория потухающей кривой классовой борьбы и врастания капиталистических элементов в социализм, слепое доверие к буржуазным специалистам, наплевательское отношение к задаче создания пролетарских кадров специалистов... — все это, вместе взятое, сделало правых оппортунистов надежной опорой вредителей в советском и хозяйственном аппарате, передаточным механизмом, при посредстве которого вредительские планы вопреки партии, вопреки классовой бдительности рабочих получали иногда частичное осуществление, в особенности в области планирования» («Правда» от 2 декабря 1930 г.). Над этими глубоко верными положениями «Правды» должны задуматься каждый партиец, каждый рабочий и в первую очередь работники плановых органов. Недостаточно разоблачить буржуазные установки Кондратьевых, Громанов, Базаровых. Необходимо вскрыть всю вредительскую практику во всех ее направлениях, необходимо помнить в то же время, что без разоблачения и изоляции оппортунистических элементов, без борьбы с примиренцами к ним нельзя успешно вести социалистическое наступление по всему фронту.

Подытоживая вышесказанное о вредительской теории планирования Громана и Базарова, мы находим: перед нами буржуазные экономисты, не имеющие ничего общего с марксизмом. Поскольку они облачаются в тогу марксистов, они представляют просто волков в овечьей шкуре. Все их теоретические рассуждения и положения связаны в один узел — капиталистический подход к нашей экономике и активное содействие буржуазии в деле возврата капиталистического режима.

Специальной задачей Громанов, Базаровых и Сухановых было обмануть пролетариат в отношении истинных намерений заправил контрреволюционного блока Рамзиных и К°.

Они лезли из кожи, чтобы своими теориями завуалировать деятельность контрреволюционных вредителей. Они старались давать «советы», которые, если бы они оказались принятыми, вели бы к реставрации капитализма. Эти «советы» нередко встречали сочувствие у правых и «левых» оппортунистов, отражающих влияние мелкой буржуазии на пролетариат. Партия в целом давала решительный отпор этим буржуазным реставраторам еще до разоблачения их как прямых участников единого контрреволюционного вредительского блока.

Стремления вредителей благодаря доблестной работе ОГПУ потерпели жалкое фиаско.

А. Ханковский

О вредительстве и оппортунизме в вопросах генерального планирования электрификации

Усилиями пролетарской диктатуры вредительская гидра отрезана и посажена на «государственный паек», а частично эти герои прошлого уже предстали перед революционным судом и получили заслуженное наказание. Однако этим отнюдь не кончается, а лишь начинается работа по ликвидации вредительства и его пагубнейших последствий для всего народного хозяйства СССР. Необходимо повести всестороннюю углубленно-исследовательскую работу по изучению вредительства во всех его извилинах и каналах для того, чтобы отсюда извлечь надлежащие уроки. С этой точки зрения интереснейшим об'ектом является наше электрохозяйство и в частности наша электрификация. Именно это важнейшее с народнохозяйственной точки зрения звено вредители удосужили своим пристальнейшим вниманием. Здесь распространялась деятельность самых «ученейших» деятелей контрреволюционной вредительской «промпартии», их столпов и в частности их главного столпа — самого Рамзина.

Мы хотим остановиться на манипуляциях вредителей в вопросах генерального планирования, но предварительно необходимо сделать два замечания. Во-первых, самый элементарный и беглый анализ вредительской деятельности уже свидетельствует, что здесь мы встречаемся отнюдь не с фактами приватного и локального порядка, а с явлениями глубочайшей классовой борьбы, где враг буквально на каждом конкретном своем шаге исходит из своих сугубо классовых интересов. Теперь, после признания Рамзина и других, это положение не требует особых доказательств. Этими доказательствами являются факты вредительства и характер вредительской деятельности, что не трудно уловить при марксистском классовом анализе вредительских программ. В этом анализе мы вместе с тем, что необходимо подчеркнуть, находим полное подтверждение правильности генеральной линии партии и полное банкротство установок правых оппортунистов на врастание кулака и нэпмана в социализм, на классовый мир, на полный самотек тихой и мирной эволюции в деле нашего развития и социалистического преобразования нашей экономики. Вредительские акты в вопросах электрификации носят на себе сугубую печать классовой линии групп *новой и старой* буржуазии, не говоря уже о том, что вредительство в целом является методом, орудием и программой классовой борьбы буржуазии против социализма, в борьбе за

власть. В этой сугубо классовой сущности вредительства не трудно убедиться при анализе содержания и методов вредительства. Во-вторых, при анализе вредительства в области электрификации мы можем с несомненной ясностью установить тот факт, что вредительство и оппортунизм прямым образом смыкаются и что правые оппортунисты, независимо от их воли, в кардинальных вопросах социалистического строительства, в частности в вопросах темпа нашего развития, об'ективно шли заодно, рука об руку с классово-враждебной линией вредителей, занимали положение рупора буржуазии в рядах партии и служили проводниками буржуазно-вредительских идей. И совершенно не случайно, что буржуазно-вредительская шайка считала правых своим орудием. Совершенно не меняют дела факты, что в общих вопросах партийной политики подобные коммунисты, так сказать, официально голосуют за генеральную линию партии. От того, что вредительско-оппортунистические идеи протаскиваются с помощью партийного «аллилуя», от этого наносимый вред социалистическому движению не становится меньше. Именно поэтому мы должны беспощадно разоблачать оппортунизм как агентуру вредительства, оппортунизм и вредительство в их взаимной связи, ибо этим самым мы положим путь к дальнейшим успехам партии в области социалистического строительства и поможем тем товарищам, которые притупили свое партийное чутье, оторвались от партийного коллектива и тем самым об'ективно оказались игрушками в руках контрреволюционных сил. И наконец, в-третьих, мы *должны переоценить все ценности* в тех вопросах технико-экономической политики, где вредители имели прямое или косвенное влияние на решение тех или иных проблем. Это в особенности относится к проблемам энергетики, электрификации.

Рамзин, Горев, Осадчий и компания, «кураторы» промпартии над работой по электрификации нашей страны, принимали активнейшее участие в наших хозяйственных и плановых органах со дня их зарождения. В частности всем известно их активное участие в нашем планировании со времени работы ГОЭЛРО, в самом ГОЭЛРО, а впоследствии в Госплане и ВСНХ. Поэтому естественно возникает вопрос о линии поведения этих господ, об их позиции в кардинальнейших вопросах технико-экономической политики и в частности в работе комиссии ГОЭЛРО. Период работы ГОЭЛРО и период утверждения плана ГОЭЛРО (1920/21 г.) относятся к той полосе борьбы социализма и капитализма, когда последний в открытой классовой схватке потерпел жесточайший урон, когда силы внутренней контрреволюции, действовавшие при активнейшей поддержке международных капиталистических интервентов, все же оказались раздавленными силами пролетарской диктатуры. Поэтому нам думается, что участие буржуазных спецов в нашем строительстве, в ГОЭЛРО связано с моментом спада контрреволюционной волны, когда более умные представители международной и внутренней контрреволюции, под влиянием об'ективной

исторически сложившейся ситуации группировали свои силы и меняли свои ориентации в сторону самотечной теории ликвидации советской власти, в надежде на наше перерождение, а впоследствии в надежде на то, что через правый «буфер» в нашей партии советская власть постепенно спустится на тормозах к порядкам хваленой буржуазной демократии, что в переводе на русский язык означало бы восстановление буржуазно-помещичьих порядков довоенной России. В этой связи не мешает вспомнить ставку самых «передовых» слоев международной буржуазии, выразившуюся в повороте британского и мирового империализма и его тактике, проводившейся Ллойд-Джорджем на Генуэзской конференции. И внутренняя, и внешняя (сменовеховство), и мировая буржуазия нас стала тогда признавать де факто, перенося свои главные ставки на то, что мы сами мирно переродимся, но, разумеется, при их «мирном» содействии. Если нет полного основания утверждать, что вредительство Рамзиных и компании началось с первого дня их деятельности в советских органах, то во всяком случае было бы нелепо думать, что вредители из этой шайки контрреволюционных негодяев были сознательными участниками социалистического строительства в первые годы их деятельности. Нам представляется, что вредительские кадры в тот период, т. е. на первых порах их «положительной» деятельности при советской власти, занимали позиции *враждебного, а в лучшем случае пассивного нейтралитета*. Если такое утверждение будет не вполне правильным по отношению ко всей массе технической интеллигенции, то это будет безусловно верным по отношению к подавляющей части спецовской верхушки, которая всеми нитями и всеми своими фибрами связана с буржуазной верхушкой и буржуазным прошлым довоенной России. Их активизация (1927 г.), переход к решительным формам борьбы против советской власти начался в тот момент, когда для них делалось ясным, что надежды на перерождение советской власти терпят полный крах. Привлечение значительного кадра спецов указывает на то, что в связи с успехами социалистического строительства, в связи с решительными мероприятиями советской власти и партии по выкорчевыванию остатков капитализма верхушечные слои старых спецов стали твердо самоопределяться в сторону буржуазной реставрации. Такой классовый анализ вредителей, а он единственно правильный, обязывает нас проследить путь вредителей с их исходных позиций. Что же касается проблем технико-экономической реконструкции, то мы должны изучение вредительства начать с выяснения их позиций в ГОЭЛРО. Такой путь может облегчить нам задачу, ибо здесь сохранится определенная преемственность.

План ГОЭЛРО является первым генеральным планом Советского Союза, составленным под общим руководством Ленина. И план ГОЭЛРО и все наши последующие планы имеют своим исходным пунктом коренную перестройку нашего хозяйства не по-старому, а на новых социалистических началах, на основе новейшей техники, общим

выражением которой является *всесторонняя электрификация всех производственных процессов*. Именно поэтому электрификация сделалась решающим стержнем всех наших планов, и никто иной, как Ленин, бросил лозунг, что «коммунизм — это советская власть плюс электрификация всей страны». Самую яркую защиту этих положений мы находим в плане ГОЭЛРО, который исходит из установок, развитых в многочисленных выступлениях Ленина. План ГОЭЛРО является социально-экономической и технической наметкой победившего пролетариата, где самым решающим и ведущим звеном является электрификация как высшая индустриально-техническая нить. В своих тезисах к III конгрессу Коминтерна Ленин на этот счет говорил: «*Единственной материальной основой социализма может быть крупная машинная промышленность, способная реорганизовать и земледелие. Но этим общим положением нельзя ограничиться. Его необходимо конкретизировать. Соответствующая уровню новейшей техники и способная реорганизовать земледелие крупная промышленность есть электрификация всей страны*»[1].

Эти положения неумолимо вытекают из логики современного развития производительных сил, из уровня техники и путей технического развития. Вот почему малейшее отклонение от этого пути, от кого бы оно не исходило, есть (об'ективно или суб'ективно) не что иное, как попытка классового врага дезорганизовать наши ряды, есть попытка стащить нас с основной дороги. Однако именно по этому генеральному пункту ленинского плана ГОЭЛРО (вредитель Горев вынужден признать, что план ГОЭЛРО является именно ленинским планом) были основные разногласия в самой ГОЭЛРО, и противником электрификационной концепции плана — и отнюдь не случайно — был никто иной, как вредитель Рамзин.

Известно, что валовая продукция нашей промышленности в 1920 г. составляла всего лишь 17% от довоенного уровня[2]. В особенно печальном положении оказалось тогда наше топливное хозяйство, которое и в довоенное время и в военный период было хронически узким местом русской экономики. В 1916 г. в общем топливном балансе доля каменного угля составляла 36%, а дров — 51%. К 1920 г. структура топливного баланса катастрофически ухудшилась. Доля каменного угля в общем топливном балансе снизилась до 8,5%, а доля дров наоборот возросла до 85%. Душевое потребление топлива в довоенной России было в 7 раз меньше, чем в Англии и Америке, а промышленно-душевое потребление даже в 20 раз ниже указанных стран. В числе потребителей топлива удельный вес промышленности в 1916 г. составлял 34%, а в 1920 г. — 15,5% против 70—80% в передовых капи-

[1] Ленин, т. VIII, ч. I, стр. 316.
[2] См. В. Сарабьянов. «Экономика и экономическая политика СССР».

талистических странах (Германия, Англия, Сев. Америка). Такова неприглядная картина нашего прошлого. Какой же вывод делал из этого положения Рамзин? Какой рецепт он рекомендовал нам для выхода из хозяйственного кризиса в целях быстрой и коренной реорганизации нашего хозяйства на новых началах? В противовес ленинским установкам, которые в комисси ГОЭЛРО и в самом плане в развернутом виде защищались т. Кржижановским, Рамзин противопоставил курс на развитие топливоснабжения, курс на развертывание теплотехники. Но означает ли, что ставка на электрификацию может быть противопоставлена курсу на развитие теплотехники? Означает ли, что ставка на улучшение коэфициента полезного действия силовых установок, на улучшение способа сжигания топлива, уменьшение удельных расходов топлива и тому подобных теплотехнических атрибутов противоречит генеральной установке на электрификацию? Означает ли, что ставку на электрификацию можно противопоставить интересам восстановления топливного хозяйства? Конечно нет. Такой вывод нелеп и безграмотен и технически и экономически, ибо электрификация, являясь радикальнейшим способом рационализации и реконструкции всего народного хозяйства, является одновременно тем орудием, которое попутно решает сложнейшие топливные проблемы. Теплотехника играет в этом деле громадную роль, однако не может быть и спора о первенстве, ибо теплотехника играет не самостоятельную, а подчиненную общей линии электрификации роль. В ГОЭЛРО эта точка зрения была отвергнута, но поскольку план ГОЭЛРО был Совнаркомом (Лениным) передан на экспертизу VIII с'езду электротехников, то там этот вопрос возник заново, и Рамзин повторил свою попытку, не жалея красок в своей аргументации. В своем докладе на этом с'езде, касаясь этого вопроса, председатель ГОЭЛРО т. Кржижановский говорил: «Анализируя наш топливный кризис, мы конечно не могли не дооценивать гигантское значение теплотехники, взятой самой по себе, и тех прямых ощутимых выгод, которые получит РСФСР уже на первых порах рационализации нашего теплового хозяйства. Неоднократно в своей среде мы дебатировали мысль, что быть может и в нашем общем докладе нам следует выделить на первый план вопрос о топливоснабжении и отвести вопросам электрификации сравнительно подчиненное место. Однако более углубленный анализ привел нас к тому убеждению, что между теплотехникой и электротехникой по существу не может быть спора в первенстве, что та и другая представляют неразрывные звенья энергетической стороны общественного процесса производства»[1]. И далее, ссылаясь на авторитет американского ученого Штейнмеца, он продолжает: «Штейнмец приходит к тому основному выводу, что проблема экономии угля разрешается не теплотехническим усовершенствованием соответствующих машин, но путем электрического овладения сбором той энергии, которую могут развить разнообразные тепловые установки» (разрядка моя. А. Х.)[1]. Как известно, в ГОЭЛРО Рамзин как раз работал по вопросам теплотехники и топливу. Эти вопросы в плане электрификации должны были соответственно сыграть крупную роль как составные части плана электрификации. Однако поручить составить соответствующий раздел плана ГОЭЛРО Рамзину при его установках было довольно рискованно. Рамзину поэтому было поручено составить соответствующий доклад, который т. Кржижановским был использован как материал, на основе которого (в числе прочих материалов) соответствующий раздел книги плана ГОЭЛРО был написан самим т. Кржижановским. Однако на Электротехническом с'езде Рамзин получил возможность выступить с докладом по проблемам топлива и тут-то он не замедлил развернуть свою концепцию во всю ширь. Он выступил против электрификации в общем и по частям. Он искусно и «обоснованно» аргументировал против электрификации транспорта. Делая подробный анализ положения вещей на нашем топливном фронте, Рамзин приходит к следующему «сакраментальному» выводу: «Итак, — говорит он, — мрачный вывод, к которому приводит одно рассмотрение топливного актива, рассеивается, если проанализировать наши возможности улучшения и рационализации нашего топливного пассива. Анализ его показывает, что судьбы нашей промышленности целиком в наших руках, при достаточно умелой, интенсивной и вполне осуществимой работе по поднятию экономичности использования топлива топливоснабжение отнюдь не будет служить препятствием к достаточному развитию промышленности. Наоборот можно быть уверенным в том, что масштабы ее развития, допускаемые топливоснабжением, окажутся значительно шире тех, которые будут диктоваться иными условиями промышленного процесса — наличием средств производства: сырья, рабочей силы и пр.». Как будто здесь все благополучно, но ниже он продолжает:

«Какова же роль электрификации в решении топливной проблемы в будущем? Несомненно, что электрификация не есть средство непосредственного воздействия на топливный баланс за счет уменьшения потребления топлива. Такой подход не может дать заметные результаты»[2]. Здесь точка поставлена над «и». Топливо есть хлеб промышленности. Топливное хозяйство и топливный баланс суть альфа и омега всех хозяйственных проблем, а электрификация есть не средство решения вопроса. Так ставит вопрос высоко авторитетный и беспристрастный представитель науки и техники, высокопочтенный проф. Рамзин.

Для выхода из топливного тупика, куда мы были загнаны условиями послевоенной разрухи, условиями довоенной хозяйственной формации, необходимо было, во-первых, ввести в новый хозяйствен-

[1] «Электрификация России», стр. 28.

[1] «Электрификация России», стр. 29.

[2] Там же, стр. 53.

ный оборот новые виды энергетических ресурсов, и в частности бурый уголь, штыб, горючие сланцы, источники гидравлической энергии и энергии ветра (белый и синий уголь). Во-вторых, необходимо было улучшить добычу и использование топлива и наконец, в-третьих, поднять транспортную мощь СССР. Во всех этих направлениях электрификация является самым надежнейшим средством рационализации топливного хозяйства и кардинальным методом решения энергетических проблем.

Надо отметить, что энергетическая проблема в целом и проблема энергобазы народного хозяйства в частности еще до войны сделались самыми жгучими проблемами экономики передовых капиталистических стран. Динамика народного хозяйства, связанная с развитием промышленности и особенно тяжелой индустрии, требовала гигантского возрастания количества потребляемой энергии, ибо новейшая технология всей индустрии, новейшие технологические процессы имели своим следствием увеличение потребления энергии, что при паровой технике, при низком уровне теплотехники означало постоянное и все возрастающее потребление угля. Но это в свою очередь приводило к хроническому и прогрессивному ухудшению топливной проблемы и к созданию клубка транспортных затруднений. К тому же добыча каменного угля имеет свои пределы, другие же угли низкосортные, тощие и угольные отбросы при таком положении вещей не могут быть введены в хозяйственный оборот вследствие своей малой теплотворности, а следовательно и не транспортабельности. Развитие тяжелой индустрии покоилось на каменноугольной базе с применением паровой техники. Уголь сделался вернейшим показателем развития и благосостояния капиталистических стран, но вместе с тем угольная проблема показывала ахиллесову пяту хозяйства капиталистических стран.

Теплотехника здесь сыграла и еще сыграет крупнейшую роль, но не как фактор коренной реконструкции энергетического хозяйства, а лишь как фактор, вносящий элементы улучшения в существующий порядок вещей, как фактор рационализации. Такой процесс развития капиталистического хозяйства сделал угольную проблему альфой и омегой его. Топливная проблема сделалась важнейшим фактором, определявшим империалистическую политику в международных отношениях стран. Борьба за уголь и нефть сделалась лозунгом дня. Однако развитие электротехники, давшее возможность утилизировать всевозможные виды энергии с передачей этой энергии по высоковольтным линиям передач на далекие расстояния, открыло гигантские просторы для решения энергетических задач. Единственный решительный выход из топливного тупика и кардинальный способ решения топливной проблемы были найдены в способе электрификации, ибо электрификация, об'единяя встречные потоки техники (в том числе и теплотехники) приводит к рационализации и реконструкции энергетической проблемы и вводит в сферу промышленной утилизации новые гигантские и постоянно возобновляемые лабиринты энергии (вода и ветер), делая одновременно «рентабельным» сферу утилизации всех видов низкосортных топлив, которые без электрификации остаются в полном запустении. Еще до войны этим путем пошли передовые капиталистические страны, т. е. те страны, по образу и подобию которых буржуазный кудесник Рамзин хотел «преобразовать» «отсталый» Советский Союз. Здесь нам нет надобности приводить много фактов. Достаточно сопоставить два показателя, а именно производство угля и электрической энергии.

Добыча угля и электроэнергии

Годы	Уголь (в млн. т)	Электрификация (в млрд. квіч)
1900	244	2
1928	546	103

Эти цифры весьма знаменательны, ибо они показывают направление кривой народнохозяйственного развития. За один и тот же отрезок времени в 28 лет добыча угля поднялась несколько больше, чем в 2 раза, стабилизовавшись примерно на довоенном уровне. Но в то же время производство электрической энергии растет безостановочно, поднявшись за тот же промежуток времени в 50 раз. Что же касается гидравлической энергии, то ее значение мы можем проиллюстрировать следующим примером, который мы заимствуем у известного американского инженера Ю. Купер. «Что касается использования гидроэлектрической энергии, — говорит Купер, — то нижеприведенные цифры покажут об'ем работ с этой точки зрения. Река св. Лаврентия может дать, кроме использованных теперь, еще 5.400 тыс. л. с. Эти 5.400 тыс. л. с. эквивалентны 40 млн. тонн угля, привозка которого должна занять поезд в 7½ тысяч миль длиной». Заметим мимоходом, что 40 млн. тонн угля — это почти удвоенная продукция довоенной России и что подобные «святые» реки текут и «обитают» и у нас, в «стране большевистских варваров». По своей энергетической «святости» со «св.» Лаврентием может сравниться наша «матушка Волга», а наша пресвятая Ангара куда мощнее «святого Лаврентия». Не трудно догадаться, какой энергетический эффект нам дадут вышепоименованные и другие «святые» реки как факторы «рационализации» всего энергетического хозяйства и как средство непосредственного воздействия на топливный баланс. Если же взять торфяную проблему, рациональное решение которой может быть достигнуто только в связи с электрификацией, то на основе изучения этой области приходят к следующему выводу: «Запас наших торфяников таков, что один их ежегодный прирост в переводе на уголь соответствует 5 млрд. пудов, т. е. его было бы достаточно для всех наших тепловых надобностей в довоенном масштабе» (см. речь т. Кржижановского на VIII с'езде советов).

Излишне распространяться, что электрификация является самым верным способом рационализации и реконструкции добычи углей, торфа и нефти. В той же мере мировой опыт доказывает, что электрификация народного хозяйства, в том числе и транспорта, является самым радикальным способом решения транспортной проблемы. Электрификация решает эту ответственнейшую народнохозяйственную задачу двояким путем. Во-первых, за счет относительного уменьшения топливного грузооборота и топливопотребления на транспорте и, во-вторых, за счет мощного поднятия провозоспособности электрифицированного транспорта (электрические сверхмагистрали). Следовательно приведенная нами выше установка Рамзина насчет путей развития, насчет ведущего начала в нашем технико-экономическом развитии явно игнорировала достижения новейшей техники и решающие процессы в технико-экономическом развитии передовых капиталистических стран. Это было явной реакционной попыткой таскать народное хозяйство СССР назад и узаконить жалкий и варварски отсталый уровень нашей индустриализации в его довоенном масштабе.

Большевистская партия отвергла эту допотопную, квази-научную, а на самом деле вредительскую «методу» спасения России. В противовес этим лазейкам Рамзина на экономическое закабаление (а не восстанавливание) страны пролетарской диктатуры в целях буржуазной реставрации партия наметила другой путь, путь коренной технико-экономической реконструкции нашей страны на основе электрификации. В противовес рамзиновским установкам т. Г. М. Кржижановский в своем докладе на VIII с'езде советов о плане ГОЭЛРО говорил: «Сооружая электрические станции на природных запасах топлива, мы можем наиболее совершенным путем использовать самые разнообразные его виды и передать получающуюся таким образом электрическую энергию по воздушным проводам на многие сотни км туда, куда этого требуют производственные нужды. Таким образом поступают в хозяйственный оборот такие виды топлива, которые при отсутствия электрификации еще целые столетия бесполезно пролежали бы в земле, или такие отбросы при угледобыче, как угольная мелочь, многозольные сорта углей, которые в большинстве случаев до сих пор лишь обременяли работу угольных копей. Лишь путем электрификации мы подходим к широкому использованию бурых углей, сланцев, торфа, всех тех видов топлива, которые в противном случае могли бы иметь лишь скромное местное значение. Но еще более решительную роль играет электрификация при использовании водной энергии»[1]. И надо отметить, что весь десятилетний послевоенный мировой опыт дал блестящие подтверждения правильности ленинских установок плана ГОЭЛРО.

С тех пор, когда решались эти вопросы, прошло 10 лет, да к тому же эти годы были весьма поучительны. Мы поэтому должны есте-

[1] См. «Электрификация России».

ственно задать себе вопрос насчет «химических», «электрических» и «теплотехнических» свойств генеральных установок Рамзина в вопросах технико-экономической реконструкции. Было ли это заблуждением, «техническим мещанством (что, проще говоря, означает буржуазный подход к вопросу), экономической безграмотностью или же тут лежала определенная целевая установка насчет защиты классовых интересов буржуазии с одновременным сворачиванием усилий органов пролетарской диктатуры с верного пути? Было ли это следствием технико-экономической тупости или же наоборот следствием классовой зрелости, прозорливости и самозащиты? Анализируемые нами явления и факты приводят нас к убеждению, что именно последнее является более вероятным. Вдумываясь в значение других фактов, о которых будет сказано ниже, не трудно убедиться в правильности наших утверждений. Мы считаем вполне правильными утверждения т. Кржижановского в его недавнем докладе в Комакадемии, что спецы-вредители, да и другие спецы, мнящие себе, что вся соль технических наук сконцентрирована в их черепных коробках, на самом деле сплошь да рядом являлись и являются буржуазными апологетами в вопросах техники, в технической политике. Эту узость и мещанство мы наблюдали неоднократно в важнейших вопросах. Если в подоплеке этого мещанства нет вредительской подосновы, то она является следствием узкого кругозора и частнохозяйственного подхода буржуазных спецов. В данном конкретном случае нет основания полагать, что Рамзин в тот период был жертвой своего узко-мещанского подхода к народнохозяйственным проблемам. Здесь несомненно имело место стремление спутать карты пролетарской революции и тем самым создать экономические основы для реставрации капитализма. С другой стороны, борьба против электрификации, как против мощного орудия обобществления, была борьбой за сохранение частнохозяйственных основ и рамок в области энергетики. Борьба против плановой электрификации за сохранение мелких силовых установок как раз соответствовала программе бывших угольных магнатов Донбасса. Прямые директивы, исходившие от них, которые, кстати сказать, вредители старались добросовестно исполнять по отношению к Донбассу, показывают, что это было своего рода программой-минимум буржуазии, в частности «угольной прослойки» этой буржуазии. Вот почему мы думаем, что споры вокруг ГОЭЛРО уже тогда далеко не носили невинного характера, а были вопросами острой классовой борьбы. Но к великому счастью тогда маневры Рамзина потерпели неудачу. Имея во главе своей технической политики Ленина и Кржижановского, партия давала отпор установкам классового врага. И на том же VIII электротехническом с'езде, где Рамзин распоясался со своими «теплотехническими» установками для того, чтобы дать последний бой по вопросу об определении ведущего звена нашего технико-экономического развития, т. Кржижановский дал характеристику, которая и теперь не лишена злободневного интереса и которая не «в бровь, а в глаз» попадала пред-

ставителям реставраторской мысли. «Только об'единенная работа теплотехников и электротехников может удачно разрешить эту очередную колоссальную проблему экономики. Но работа того же Гербеля[1] показывает, что частный интерес промышленников будет служить колоссальным тормозом в процессе создания отмеченных нами комбинаций разнообразных в энергетическом отношении производств. И не только близорукая погоня за коммерческой наживой, не только повальное в современной Европе увлечение всякого рода спекулятивными сделками стоят на пути необходимой технической рационализации всего процесса общественного производства. Нет, определенный классовый инстинкт подсказывает собственника, что беспощадная ломка перегородок между их отдельными предприятиями, в целях сочетания их для широко понятых важнейших экономических интересов государства, в затушеванной форме выносит смертный приговор прежнему простору их хозяйственной воли. Капиталистическое общество здесь упирается в определенный тупик. Честно служить знамени энергетики могут только те работники, социальный кругозор которых ясно охватывает непреложные нужды переходного времени от порядков капиталистических ко все более и более развернутым формам социализма»[2]. Замечательно сказано. Эти слова не мешало бы запомнить тем хозяйственникам-коммунистам, которые из-за своей повседневной, практической деляческой работы позабыли о классовой борьбе. История довольно точно подтвердила, что Рамзины не смогли честно служить знамени энергетики, потому что их социальный кругозор не смог примириться с непреложными нуждами переходного времени — от капиталистических порядков к развернутым формам социализма.

Заметим между прочим, что было бы неправильно представить себе дело таким образом, будто бы Рамзин в 1920/21 г. прямо и открыто пытался запутать органы пролетарской диктатуры в их положительных и строительно-социалистических мероприятиях. Это было в тот период довольно рискованным предприятием.

К тому же по способу разделения труда люди буржуазной науки типа Рамзина должны были проделать эту операцию по околпачиванию большевиков чисто «научным» способом. Поэтому пусть читатель не удивляется, если он в работах вредителей находит на ряду с вреднейшими, можно сказать, шулерскими установками и верные положения. Это делалось специально для отвода глаз кое-каких доверчивых дурачков. Разумеется, если бы Рамзин и компания не проделали своей работы именно таким квалифицированным способом, то они были бы разоблачены на первых же порах их деятельности. Поэтому в работах профессорской вредительской шайки можно найти и богатый ста-

[1] Австрийский инженер.

[2] «Электрификация России», стр. 30-31.

тистический и фактический материал, и ряд отдельных, сравнительно верных замечаний. В частности Рамзин, боясь открыто оскандалиться, роняет то тут, то там свои комплименты электрификации. Но все эти хорошие вещи в основном служили одной центральной, насквозь гнилой, ненаучной, явно реакционной и, как теперь это стало ясным, вредительской идее. Они делали свою работу в такой же мере тонко, в какой опытный ловчий ловит собак. С целью заманить последних в свой аркан, он предварительно угощает их всяческими приманками. Именно так поступал Рамзин, будучи участником плана ГОЭЛРО. Предложения Рамзина времен ГОЭЛРО нельзя считать невинным буржуазным апологитизмом или же свого рода «техническим мещанством», и столь же трудно предположить, что Рамзин в этих вопросах честно ошибался. Историческая правда будет установлена лишь в том случае, если мы будем исходить из того, что Рамзин, работая в ГОЭЛРО, руководствовался теми же соображениями, что и немецкие юнкера и кадеты во время их «работы» в немецких советах. Они пошли в советы для того, чтобы взорвать их изнутри. К нашему счастью нашим взрывателям этот номер не прошел. Взорвать технико-экономическую политику пролетарской диктатуры и стащить ее с пути электрификации Рамзину не удалось. Эта карта оказалась битой. Но Рамзин — вождь буржуазно-реставраторской клики, и поэтому на ряду с большим стратегическим планом, на случай его провала, на случай провала его центральной идеи была придумана и подчиненная тактическая установка. Последняя сводилась к тому, что если электрификацию, как центральную идею технико-экономической реконструкции, нельзя отвергнуть, нельзя провалить, то ее необходимо «принять», но в соответствии с этим радикально ее «смодернизировать».

Последние достижения научно-технической и экономической мысли почти единогласно устанавливают, что с народнохозяйственной точки зрения крупные предприятия экономически более выгодны, более «рентабельны», чем мелкие. Это особенно относится к силовым энергетическим установкам, к электрическим централям. Общеизвестно, что крупная электроцентраль с мощно развернутой сетью электропередач дает по сравнению с мелкими станциями несравненно лучший коэфициент полезного действия и лучший коэфициент использования станции. Учитывая разновременность работы отдельных промпредприятий и вообще потребителей электроэнергии, мы при комбинированной нагрузке получаем самый нормальный график. При равных потребностях в энергии (силовой, световой и тепловой), но при строительстве мелких станций мощность последних потребуется значительно больше, чем при крупном электростроительстве. Экономическая выгодность и «рентабельность» крупных станций, а также выгодность совместной работы таких станций толкает и передовые капиталистические страны к созданию сверхмощных электроцентралей и к созданию сверхмощной «плановой» электрификации. За плановую электрификацию ратуют крупнейшие капиталистические деятели.

Интересны например выступления бывш. Пенсильванского губернатора Гифорда Пинчота в Америке, бывш. министра народного хозяйства Германии Ю. Курциуса и т. д. На этот счет в капиталистических странах даже появился ряд генеральных планов. Любопытен например генеральный план электрификации Германии, составленный проф. Оскаром фон-Мюллером (с этой затеей, разумеется, не сладить буржуазной Германии). Эта логика была доступна здравому смыслу и в 1921 г. Но для Рамзина, если усомниться в его тогдашних вредительских наклонностях, это было не очень ясно в 1921 г. И Рамзин, как «честный» эксперт, как представитель глубоко «принципиальной» технической науки, как талантливый ученик экономических откровений профессоров Кирша и Гриневецкого, предлагал держать курс на... мелкие силовые единицы как на последнее слово науки и техники применительно к «специфическим» и конкретным особенностям русской обстановки. Чтобы читатель не усомнился в правильности наших утверждений, мы опять-таки приведем дословную «научную» начинку проф. Рамзина: «Следует подчеркнуть, — говорит он, — что в наших русских условиях дороговизны капитала и оборудования и малой густоты потребления постройка электрических станций с сетями обойдется для ряда районов гораздо дороже, чем постройка равно мощных отдельных силовых установок. Вообще говоря, чем выше мощность и число часов использования, тем выше шансы на применение отдельных установок, ибо последние смогут давать энергию дешевле, чем ток от районной централи. Очевидно, в эту плоскость надо ставить решение топливной проблемы» (разрядка моя. А. Х.).

Какое крючкотворство! Какая реакционная белиберда! И это говорил профессор на ученом языке в присутствии более чем 1.000 человек техников с высшим образованием! Правда, предки Рамзина во Франции и в других странах (отечественная буржуазия в 1915 и 1917 гг. по воле истории оказалась прогнившей и старчески дряхлой) не только врали, не только путали, не только двурушничали и обманывали, но и головы рубили на эшафотах. Однако Рамзину этот ученый номер не прошел. Его предложения своевременно были разоблачены (при тогдашних обстоятельствах в корректной форме) представителями науки и техники (без кавычек) — членами великой партии пролетарской революции. На этом кончился первый этап ученой деятельности Рамзина как «спасителя» пролетарской революции от экономического развала, явившегося следствием дореволюционного хозяйничания буржуазии и жестоких военных схваток — империалистической и гражданской войны. На этом «спасательная» работа Рамзина в резрезе генерального плана кончается. Дальнейший период деятельности Рамзина и его сторонников в течение 6-7 лет (с 1921 по 1927 г.) для нас остается темным. Само собой разумеется, что это нужно исследовать особо. Думается лишь, что этот период прошел не бесследно.

Период дальнейшей активной вредительской борьбы, период пышного расцвета вредительской работы во всех многогранных направлениях начинается с 1927 г. Постепенно оформливаясь в реставраторскую партию промышленной буржуазии, вредители развернули целую «систему» мероприятий, направленных к срыву коренных социалистически-реконструктивных мероприятий пролетарской диктатуры, к срыву плана ГОЭЛРО. Было бы утомительно и непосильно излагать в данной статье все перипетии их деятельности. Поэтому мы должны ограничиться кратким и далеко не полным перечнем их мероприятий.

Но прежде чем приступить к характеристике вредительской деятельности, методов вредительства за период активной борьбы «промпартии» на фронте электрификации, т. е. за 1927—1930 гг., необходимо хотя бы в кратких чертах остановиться на причинах активизации. Выше мы указывали, что переход к активной вредительской работе в область энергетики (как и во всем народном хозяйстве) связан с крушением надежд буржуазии на мирное перерождение большевизма, на мирную ликвидацию советской власти. Это положение по существу подтверждается и Рамзиным, когда он пытается дать общую характеристику вредительства и отдельных периодов вредительской работы.

Рамзин говорит:

«Первый период, совпавший с восстановительным периодом в народном хозяйстве, характеризуется как период мирных настроений в инженерных кругах и в кругах белой эмиграции (?!). У инженеров эти мирные настроения поддерживались улучшением материального положения в сравнении с первым периодом военного коммунизма, затем надеждой на перерождение советской власти под влиянием введения нэпа. А у промышленников эти мирные настроения и подходы обосновывались желанием возможно полнее улучшить свои предприятия и поднять таким образом их ценность.

Примерно с 1927 г., с переходом решительной реконструкции народного хозяйства, после перехода к решительному социалистическому наступлению получился уже резкий перелом в настроениях и инженерства и белоэмигрантских групп. Эти мероприятия — переход в социалистическое наступление и переход к реконструкции — сразу создали почву и базу для активной борьбы. На самом же деле с переходом к решительной реконструкции народного хозяйства уже окончательно рушились надежды на перерождение советской власти. Во-вторых, менялось в корне все лицо промышленности, так что надежды на возврат прежних предприятий должны были окончательно рушиться. Вместе с тем наблюдается и обострение классовой борьбы под влиянием социалистического наступления. Обострение классовой борьбы вследствие социалистического наступления на буржуазные элементы в городе и в деревне являлось также несомненно

одним из стимулов, который приводил уже к активной борьбе. Затем ухудшение бытового положения (?! заметим, что речь идет о 1927 г. А. Х.) и наметившиеся экономические и конъюнктурные затруднения, а также разгоравшаяся борьба внутри коммунистической партии — все это давало новые аргументы в пользу гибельности политики советской власти и необходимости активной борьбы и против этой политики и против власти в целом. Последовавший затем переход к коллективизации деревни, наступившее, как мы думали, недовольство крестьянских масс давали новые аргументы в том же направлении» (разрядка моя. А. Х.).

Совершенно верно, достижение довоенного уровня в кратчайший срок, всемерное укрепление основ пролетарской диктатуры, рост военной мощи СССР, переход к решительному и невиданному в истории темпу строительства социализма — все это должно было заставить буржуазные охвостья сделать переоценку своих ценностей.

В рассуждения Рамзина следует однако внести небольшой корректив. Мирные настроения эмигрантской промышленной буржуазии об'ясняются не просто желанием, чтобы большевики получили время для возможно полного улучшения их предприятий. По этой «разумной» логике им нужно было «представить» нам побольше времени, и этак лет через 20 «их предприятия» будут до неузнаваемости улучшены. Нет. «Мирные» настроения этих зубров об'ясняются их основным курсом наше перерождение, курсом, появившимся после поражения сил контрреволюции в открытой борьбе, а все остальное уже является производным. Основная причина вредительской активизации — это наши успехи в деле восстановления нашего хозяйства и переход к коренной социалистической реконструкции, переход к решительному выкорчевыванию остатков капитализма как в городе, так и в деревне. Именно это дало толчок к консолидации контрреволюционных сил и к их активной борьбе против советской власти. Перед осколками разбитой буржуазии и перед кулачеством встала историческая дилемма, подчиниться натиску сил социализма и отказаться навсегда от идей прошлого, от своих классовых интересов или же наоборот поставить все на карту под лозунгом «свергнуть советскую власть теперь или никогда». Классовые интересы толкали на решительность, и они выбрали последний путь. Их методы, не брезгавшие решительно ничем, вплоть до того, что «промпартия сделалась прямой шпионской агентурой иностранных генштабов, никого конечно не может удивить, ибо в этом сказывается логика классовой борьбы. Из показаний Рамзина мы можем также с несомненностью убедиться, насколько правильной оказалась оценка борьбы правых и «левых» течений внутри нашей партии. Классовый враг прямо включал их в актив своих сил, потому что, ведя борьбу против партии, герои оппортунизма играли наруку прямому классовому врагу, являлись его рупором.

Показаниями Рамзина и Ларичева отмечены основные контуры и направления вредительской работы, но только лишь контуры и только общие места. Вся та конкретная «плановая» вредительская работа, проведенная с большим искусством по линии энергохозяйства, особенно по линии элекрификации, ждет своего расследования и изучения. Тщательный разбор конкретных фактов вредительства, тщательное изучение вредительства на примерах отдельных районов, станций помогут плановому хозяйству в целом и отдельным электростроительствам выравнять фронт электрификации и тем самым сойти с неправильной дороги. Рамзин и Ларичев в своих показаниях очень смутно говорят о вредительстве в течение восстановительного периода, но нет сомнений в том, что такое вредительство по линии энергетики имело место. Ларичев ясно указывает, что с введением нэпа все расчеты контрреволюционных осколков реставраторской буржуазии сводились к тому, что большевики не справятся с восстановлением хозяйства и неизбежно переродятся, а «в доказательство невозможности справиться своими силами с восстановлением хозяйства общее направление вредительской деятельности пошло в сторону создания всевозможных препятствий восстановлению народного хозяйства» (Ларичев).

По линии энергетики перед нами вырисовываются два периода: первый период характеризуется разрозненными попытками помешать выполнению плана ГОЭЛРО непосредственными вредительскими актами. Этот этап ярче всего характеризуется вредительской деятельностью в энергетическом сердце Союза — в Донбассе. Эта деятельность была ярко выявлена на шахтинском процессе. Она сводилась к порче механизмов, к вредительству по части силового аппарата Донбасса и к всяческим вредительским препятствиям по линии силового и топливного хозяйства и поднятия последнего. Но этот путь впоследствии был признан малоэффективным и непригодным. Следующий и самый решающий этап — это путь планового вредительства, начинающегося примерно в конце 1927 г. В этом плановом вредительстве «промпартии» энергетике и в частности электрификации отводилась доминирующая роль. Во всех своих расчетах как в деле торможения нашего развития, в том числе при составлении оперативных и перспективных планов, так и в деле диверсионного вредительства в целях создания глубокого хозяйственного кризиса вредители держали курс на поражение ведущих отраслей и в частности электрификации, чтобы через них привести к параличу все народное хозяйство. Рамзин на этот счет говорит:

«Основное внимание уделялось здесь ведущим, главным отраслям промышленности. Основной принцип сводился прежде всего к всемерной задержке темпов развития народного хозяйства и особенно его ведущих отраслей; т. е. топлива, металла, энергии главным образом и затем транспорта. Замедление жилстроительства и затем замедление электрификации Донбасса были весьма крупными рычагами для дальнейшей задержки развития добычи. Задержка электрификации задер-

живала механизацию Донбасса по отношению к которому, вообще говоря, была дана вполне определенная директива в том же направлении.

Расчет был прост и верен. С помощью электрификации пролетарское государство призвано держать в своих руках «все нити крупной промышленной машины» (Ленин). XX век является веком электричества. Все производственные процессы, вся промышленная технология, все развитие производительных сил прямо или косвенно связаны с электрификацией. Электрификация является могучим рычагом в деле развертывания количественных и качественных процессов народного хозяйства. Консолидируя новейшие достижения научно-технического развития, электрификация является надежнейшим средством революционизирования производственного процесса и развертывания темпов индустриального развития. Мощно развернутая электрификация равносильна мощно развернутой народнохозяйственной системе, ибо электрификация является ведущим и направляющим рычагом современного индустриального развития современной техники. Этим и об'ясняется тот факт, что усилия классового врага пошли главным образом по линии борьбы на этом фронте. Классовая борьба на фронте электрификации поэтому естественно выпирала на первый план и была главнейшим орудием всей борьбы «промпартии». Общие мероприятия вредительства в энергетике Рамзин характеризует следующим образом:

«В области энергетики основная линия, которая проводилась в жизнь, сводилась прежде всего к созданию кризисов электроснабжения в основных узловых участках. Прежде всего по общему плану, по общим темпам развития электрификации мы уже имели, как и в других отраслях промышленности, весьма большое отставание. В то время как выработка районных станций по пятилетнему плану была проведена в 10—14 млрд. квтч, за последнее время выяснилось, что эта потребность составляет около 20 млрд. квтч, т. е. здесь была примерно такая же пропорция, как и в других частях народного хозяйства, — выработка намечалась примерно в 2 раза ниже потребности.

При общем отставании темпов электрификации особое внимание было обращено на то, чтобы создать недостаток энергии в узловых пунктах, а прежде всего в Донецком бассейне, который все время испытывал большую нужду в электроэнергии».

Пути, методы и меры, проводившиеся вредителями по линии энергетики, чрезвычайно разнообразны. В противовес нашей плановой системе и методологии планирования вредители создавали свою систему и свои методы. В кратких чертах решающие линии их деятельности могут быть сведены к следующим элементам:

1. Всячески сопротивляясь в развертывании темпов электрификации, они для этой цели неправильно подсчитывали общую суммарную мощность, потребную для нормального развития народного хозяйства.

Это проводилось в разрезе годовых планов и особенно в разрезе пятилетки, когда в первоначальном варианте пятилетки вредителям удалось сделать отправным вариантом производство энергии в 17 млрд. квтч для всех станций Союза на конец пятилетия. Полная возможность составления таких вредительских планов была налицо вследствие безобразного и прямо-таки отвратительного и преступного состояния планирования электрификации (Главэлектро) и руководства электрификацией вообще. Планы электрификации составлялись без учета развития районов, без содействия и учета соображений мест, без учета развития промышленности и всего народного хозяйства. Больше того, в практике работы Главэлектро не существовала и до сих пор не существует строго определенной и удовлетворительной методологии планирования электрификации. Динамика потребностей народного хозяйства в электроэнергии и динамика мощностей, т. е. строительная программа электрификации, составлялись не на основе каких-либо строго научных и экономически взвешенных данных, а на основе эмпирических соображений какого-нибудь спеца-кудесника. Этой системой аппарат Главэлектро держал другие органы в полном неведении. Серьезных обоснований не производилось. План электрификации составлялся Главэлектро на основе данных, известных одному лишь Кукелю-Краевскому (вредитель, зав. Плановым управлением Главэлектро) или Каменецкому (вредитель, начальник Строительного управления Главэлектро). Здесь в Главэлектро составленный таким образом план и основанный исключительно на черной магии никакой критике не подвергался. Вредительский план Главэлектро безропотно принимался «руководством» последнего и отсюда направлялся в ПЭУ ВСНХ. Здесь дело энергетики находилось полностью в руках вредителей Белоцветова, Сахарова (Энергобюро) и Белоцерковского (Финансовый отдел). Под углом зрения «общих увязок» с промпланом ВСНХ дело электрификации здесь подвергалось «уточнениям», которые выражались в дальнейшей урезке составленных вредителями лимитов строительства. Из ПЭУ план электрификации направлялся к вредителю Гореву (Госплан), который этот план уточнял и даже иногда поправлял в сторону некоторого увеличения. Таким образом внешне создавалось впечатление о благополучии. На самом же деле создавалась лишь суета для очковтирательства. Вредительский план, составленный однажды по мановению соображений одного крупного вредителя в Главэлектро, ни в Главэлектро, ни вне его не встречал критики.

2. Минимальное строительство станции сопровождалось максимальными расходами на строительство. В плановом порядке строительство всячески удорожалось. В своих показаниях Рамзин на этот счет говорит:

«По строительству за весь этот период мы имеем чрезвычайно громоздкие и дорого стоящие постройки зданий. Современная американская станция дает около 0,6 м³ на квт мощности, лучшие станции достигают 0,4 м³ на квт мощности. В наших станциях мы имели сов-

сем другую цифру — 1,8 м³ на квт мощности, т. е. мы имели вследствие этого увеличение кубатуры зданий, а следовательно и стоимости этих зданий. Если подытожить отдельные перерасходы по стоимости станции, которые получались по сумме отдельных мероприятий, то эти перерасходы надо будет расценивать цифрой порядка 30—40%, т. е. при возможной стоимости такой станции рублей в 250 за квт фактическая стоимость доходила до 350—400 руб., а имеются примеры, когда стоимость доходила до 500 руб.».

Следующий момент — это задержка электрификации. Это достигалось проведением излишних и ненужных работ, созданием на строительствах безобразного разнобоя, при котором отсутствовали элементарные рациональные начала в строительстве, неправильная планировка зданий и оборудования, неправильный выбор агрегатов и т. п. Проекты и строительная работа проводились Энергостроем, и там эту практику великолепно развил проф. Сушкин и его приближенные. Фактом утверждения такого рода проектов в экспертных организациях (ЦЭС — Главэлектро) затруднялась возможность критики. Вредители в целом и в частности Сушкин и его компания в проектных работах Энергостроя проводили линию на о с о б у ю п р о ч н о с т ь этого строительства. Они считали необходимым не жалеть лишнего агрегата, лишнего аппарата, лишнего кирпича, лишнего здания и пр. в интересах «прочности» социалистических зданий. Но эта линия проводилась или настолько бесшабашно, что не могла не обратить на себя внимания, и некоторые товарищи (в том числе т. Танер-Таненбаум и др.) стали против этого бороться, но до поры безуспешно. Примером того, насколько зашло далеко их нахальство в этом направлении, может послужить следующий факт, в связи с которым автор этих строк совместно с другими товарищами поднял разоблачительную кампанию еще д в а года тому назад. «Недавно в стенах Главэлектро, — писали мы в «ТПГ» от 9 декабря 1928 г.,—происходило заседание, на котором разбирался проект одного из электростроительств, представленный Энергостроем. Для консультации этого проекта был приглашен крупный иностранный специалист — немецкий профессор Детмар. Проф. Детмар, давая свое заключение, указал на дороговизну строительства и в частности на то, что зря ставится лишний масляник стоимостью в 6.000 руб. Обосновывая свои положения, проф. Детмар сказал, что «н а м д е н ь г и н а д о б е р е ч ь». Это говорил иностранный специалист. Наш же отечественный специалист, ответственный представитель Энергостроя Гр. Ферман на это ему ответил: «Это же не мои деньги». Иностранный специалист развел руками, услышав подобные речи, и к нашему стыду контрреволюционное заявление не получило решительного отпора со стороны присутствующих». Масляник приведен нами тогда лишь как конкретный пример. Речь шла не только об одном маслянике, а о серьезном удорожании одного из наших электростроительств, где против наших отечественных профессоров Ферманов и Сушкиных в целях защиты советской копейки должен был выступить иностранный специалист Демтар. Этот метод в нашем строительстве практиковался широко.

3. Следующий метод вредительства, который широко практиковался, сводился к с и с т е м а т и ч е с к о й о т т я ж к е с р о к о в в строительства. Для этой цели электростроительство планировалось п о ш и р о к о м у ф р о н т у. Распыление фронта строительства естественно приводило к распылению средств, что в свою очередь неизбежно вело к длительной консервации сооружений и средств. Но помимо широкого фронта строительства в практике широко применялись способ длительных изысканий, создание сложных махинаций с прохождением проектов, систематическое изменение проектов на-ходу. Рамзин говорит:

> «Выдвигалось требование представления сначала эскизного проекта, потом его утверждение, потом технического проекта, потом его утверждение, после чего только можно было приступить к заказу на оборудование. Чрезвычайно растягивался период проектирования, а главное затягивался заказ оборудования, помимо тех камней преткновения, которые вообще имелись по линии заказов. Так что получалась чрезвычайно большая затяжка проектного периода и передачи заказов. Все это чрезвычайно задерживало постройку электростанций».

Последняя бросалась в глаза каждому мало-мальски грамотному человеку, ибо вредительство с изменением проектов доходило до явных абсурдов. Изменение проектов не только возмутительно растягивало сроки строительства, не только удорожало строительство электростанций, но и дезорганизовало работу наших аппаратов и в частности наших проектно-строительных и торговых аппаратов.

4. «Плановая» электрификация проводилась с явным расчетом на создание диспропорции между электрификацией и всем народным хозяйством. Это приводило к кризису электроснабжения важнейших районов, а через них к кризису хозяйства этих районов.

5. Строительство станций проектировалось на основе отсталых систем оборудования. Игнорировалось новейшее энергетическое оборудование, устанавливались агрегаты малой мощности, строились мелкие станции, которые явно не разрешали энергетического голода, и т. п.

6. В противовес установкам ГОЭЛРО вредители всячески старались задержать ход развития электрификации, основанной на местных энергоресурсах. В частности совершенно игнорировался сланец, срывались торфяные станции и пр.

7. Систематически игнорировалась теплофикация. Теплофикация отнюдь не носит опытного характера. За границей теплофикация давно себя оправдала. Теплофикация не получила развернутой аргументации в плане ГОЭЛРО, но элементы и намеки на теплофикацию как на величайшего рационализатора энергохозяйства имеются уже и в ГОЭЛРО и в выступлениях т. Кржижановского на VIII и XI с'ездах советов. Последующий опыт показал, что тепло-электрификация способна ги-

гантски поднять коэфициент полезного действия электроцентралей, так как комбинированная выработка тепла и электроэнергии поднимает коэфициент полезного действия станций в 3-4 и более раза по сравнению с производством электрической энергии и тепла изолированно. Вредители всеми силами тормозили электрификацию, потому что последняя спутывала все вредительские карты, давая возможность в гигантской степени рационализировать энергохозяйство и воздействуя в огромной мере и непосредственно на решение топливной проблемы. Борьба коммунистов-теплотехников парализовалась вредительской стеной Рамзиных, Кирпичниковых и др. По вопросу о теплофикации Рамзин говорит:

«Теплофикация несомненно является крупным революционным сдвигом в области рационализации теплотехники; поэтому никто не вел работы по протесту против идеи теплофикации как таковой, но фактическое проведение в жизнь теплофикации сильно тормозилось. Тормозилась, во-первых, оценка теплофикационной мощности, которая оценивалась чрезвычайно низкими цифрами, даже, скажем, в 1929 г. по Москве и Ленинграду — всего на 40—50 тыс. квт, в то время как можно реально говорить о цифрах больших: по Москве порядка 400 тыс. квт, по Ленинграду — порядка 150 тыс. квт, так что в этих масштабах возможности были сильно преуменьшены».

Мягко говоря, профессор «запамятовался» (разрядка всюду моя. А. Х.).

Это заявление совершенно не соответствует действительности. До последнего времени велась резкая борьба против самой идеи теплофикации. Известно, что отдел промэнергетики во главе с т. Танер-Таненбаумом не только вне Главэлектро, но и внутри подвергался систематической травле. Проекты теплофикации систематически проваливались и оттягивались, аппарат отдела вплоть до конца 1929 г. всегда находился под угрозой ликвидации, а отдельные сильные работники выдергивались из аппарата, и наконец самая идея теплофикации вредителями систематически дискредитировалась как вредное прожектерство. Велась решительная борьба против применения пара высокого давления. В этом случае интересно выступление сотрудника Рамзина инж. Давидова на III теплотехническом с'езде.

«В вопросе применения пара высокого давления Теплотехнический институт, мнение которого я могу изложить, стоит на точке зрения диаметрально противоположной взглядам докладчика (речь идет о докладе т. Танер-Таненбаума по вопросу о теплофикации. А. Х.). Дело в том, что по нашему мнению, а также мнению многих других руководящих деятелей наших крупных электроцентралей (т. е. вредителей. А. Х.) ни в коей мере не доказано, что давление выше 35 атм. в настоящее время является уже достаточно надежным. Обратно: если посмотреть американскую литературу, то можно увидеть (??!), что ни одна из крупных установок в большом масштабе на высокое давление сейчас еще не идет. Поэтому мы не считаем возможным в наших условиях рекомендовать давление выше 35 атм., за исключением каких-либо особых случаев. В ответственных случаях, когда простои могут дать большой материальный ущерб, мы не рекомендуем итти выше 25 атм.». (См. подробнее статью т. Танера-Таненбаума в журн. «За индустриализацию»).

Рамзин на этот счет говорит менее внятно и более осторожно, но против идеи теплофикации. Еще более бесцеремонно на этот счет выступил коллега Рамзина, бывш. крупный капиталист инж. Кирпичников.

«Ярким примером такого не вполне серьезного отношения (к вопросу о теплофикации. А. Х.) может служить статья тов. Ракова, помещенная в «Вечерней Москве», № 299 от 27 декабря 1928 г. Автор этой статьи выступает от имени группы инженеров. Очевидно имеется ряд лиц, которые желают это дело форсировать во что бы то ни стало, не задумываясь над тем, какие убытки (?!) можно принести государству (!), если приступить к осуществлению проекта, не учтя заранее всех тех затрат, которые необходимо будет сделать для проведения в жизнь теплофикации, и переоценив те выгоды, которые она может дать.

В приводимых автором статьи подсчетах (т. е. в подсчетах т. Ракова. А. Х.) даны совершенно фантастические цифры экономии от полного использования для нужд теплофикации всех турбин московских станций. Этот подсчет представляет собою пример грубой технической демагогии (!), рассчитанной на малоосведомленного читателя» (!).

Поэтому мы считаем, что Рамзин в своем показании, мягко выражаясь, говорит неправду, когда он утверждает, что против идей теплофикации не велось борьбы, что теплофикация задерживалась «оперативной» работой. Неверно и его второе утверждение, что теплофикация была задержана всего лишь на 1-2 года. Нет. Теплофикация лишь теперь начинает осуществляться. Мы говорим — начинает, а надо заметить, что и теперь теплофикация встречает огромные тормозы, но уже не во вредителях, а в наследии вредительства, выражающиеся в абсолютной неподготовленности нашей котлотурбостроительной промышленности к производству соответствующего энергетического оборудования.

8. Большую дезорганизацию вредители внесли в электрохозяйство Донбасса. В системе вредительства Донбасса перекрещиваются общие установки вредителей с конкретными интересами бывших шахтовладельцев. Торможением электрификации способов угледобычи вредители мешали развертывать программу добычи угля и тем самым подрывали топливный баланс Союза в целом. Но одновременно с этим

посредством торможения плановой электрификации Донбасса, посредством сохранения мелких рудничных силовых установок они обеспечивали предпосылки для эксплоатации рудников бывшими шахтовладельцами на случай благоприятного исхода интервенции. С помощью безобразнейших махинаций строительство станций Донбасса (Штеровка, Зуевка и др.) систематически тормозилось. Для этой цели были пущены в ход сложнейшие приемы (волынки с проектами, импортом и т. п.). Достаточно сказать, что для отвлечения внимания общественности вредители создали «принципиальную» дискуссию вокруг проблемы электрификации Донбасса. Одни вредители выступали с профессорскими статьями насчет того, что Донбасс должен развиваться за счет энергии Днепра, и в связи с этим рекомендовали строить электропередачу. Другие же наоборот были против электропередачи Донбасс—Днепр и за развитие электрификации в самом Донбассе. Некоторые сторонники последней концепции из невредительского лагеря впадали в истерику и выступали против передачи и против расширения мощности Днепра. Этот спор сыграл свою роль и запутал ряд невредительских голов. Донбассу нужна своя мощная электроэнергетика в основном на базе утилизации угольных отбросов. Днепрострой нужен Днепрокомбинату, а передача Донбасс—Днепр в свою очередь необходима однако не для торможения развития электрификации Донбасса, а для энергетической связи двух гигантских энергетических комбинатов. Строительство подобных передач является не спорным вопросом, а условием развития социалистической плановой электрификации.

9. Установку на мелкие станции, которую Рамзин выдвинул еще в плане ГОЭЛРО, вредители продолжали защищать на протяжении всей их деятельности, но это делалось не прямо, а косвенно. Разумеется, с предложениями о защите мелкого электростроительства против крупного открыто, как правило, вредители не выступали. Однако в связи с задержкой плановой электрификации создавалось такое положение, при котором промышленность вынуждена была искать выход в мелком электростроительстве. Этим было создано положение, в корне противоречащее принципам ГОЭЛРО. Плановая электрификация задерживалась, а за ее счет развивались мелкие малоэффективные установки.

10. Колоссальную путаницу, приведшую к крупным материальным убыткам, вредители создали по части импорта энергетического оборудования. Мешая созданию собственной базы энергетического машиностроения, передавая за границу зачастую такие заказы, которые с успехом могли быть выполнены в СССР, раздувая импортные заявки, они действовали все в том же направлении максимального торможения электрификации, как базы социалистической реконструкции. Заказы передавались за границу несвоевременно и в некомплектном виде. Заказ для одной какой-либо станции выдавался по частям десяткам заграничных фирм, сроки и конструкции перманентно менялись, что в свою очередь приводило к неимоверной затяжке исполнения заказа, а распыление одного комплекта оборудования по

разным фирмам создавало не мало суетни, проволочек и трудностей как в ходе исполнения заказа, так и при монтаже оборудования. Характеризуя это положение вещей, один из ответственных работников нашего Берлинского Торгпредства тов. Келлен, руководитель берлинского бюро Электроимпорта, в разговоре с нами указывал, что ответственным работникам Торгпредства, желающим стоять на страже интересов социалистического строительства, остается единственный выбор—это выполнить импортную заявку в ее первоначальной, раз данной форме, ибо скорость выполнения заказа, а стало быть и постройки самой станции окупит все. Он даже приводил пример, когда бесконечные изменения заказа оборудования для одной станции, находившегося на изготовлении у фирмы «Виккерс», заставили наконец прикомандированного для этой цели товарища (инженер-коммунист) отказаться от исполнения «изменчивых» поползновений Энергостроя. На свой страх и риск этот товарищ дал фирме указание об исполнении заказа по первоначальной спецификации, и как впоследствии выяснилось, он оказался прав.

11. Огромную работу вредители проделали по линии энергетического оборудования. В части котло- и турбостроения основная линия вредителей заключалась в том, чтобы Советский Союз держать в зависимости от импорта, в зависимости от иностранного капитала. Тормозя теплофикацию, вредители естественно тормозили развитие собственного теплофикационного оборудования (турбины, соответствующие котлы и т. д.). Дезорганизаторская деятельность вредителей была направлена на то, чтобы создать диспропорцию в оборудовании производства его в некомплектном виде. (Отсутствие нормального производства дымососов, вентиляционных устройств, питательных насосов, воздушных и водяных экономайзеров, топочных устройств и т. п.). Еще хуже обстоит дело с электротехнической промышленностью. Электротехническая промышленность предопределяет развитие электрификации, ибо является технической базой, обеспечивающей генерацию и утилизацию электрического тока. Без мощноразвитой электротехнической промышленности не может быть и речи о мощном развертывании процессов электрификации страны. Это еще предвидел план ГОЭЛРО, который обращал особое внимание на электротехническую промышленность. Нашей общественности известно о колоссальных темпах развития электротехнической промышленности, перекрывающей в наступающем году в 15—20 раз свой довоенный уровень. Однако возможности в этой области огромны, и они отнюдь не реализованы. Нет сомнения, что успехам электрификации нашей страны мы обязаны в значительной степени тому, что нам удалось одержать ощутительные успехи в областях электротехники сильных и слабых токов. Но именно здесь вредители имеют не мало «заслуг». Прежде всего такие фигуры, как Фридман (бывш. руководитель Промышленным отделом Главэлектро и член правления ВЭО), Владос (бывш. член правления ГЭТ и ВЭО), Буховцев (бывш. член правления ГЭТ), Корзун и

др., имели в этих областях почти неограниченную власть. Они всячески тормозили дело рационализации, а главное коренной реконструкции электропромышленности, направляя ее реконструктивные мероприятия по ложному пути, дезорганизовывали капитальное строительство, препятствовали налаживанию действительно массового производства, решительно тормозили специализацию и всячески задерживали развитие новейших методов и производство новейших конструкций. Они аккуратно поддерживали линию на всеоб'емлющие ремонты старых предприятий, выполняя этим заказы своих хозяев. Дезорганизацией капитального строительства и процесса организации производства они достигали того, что действительные производственные возможности не реализовались и далеко еще не реализованы. В результате мы получили такую картину, что средний производственный цикл одного мотора на заводах ГЭТ продолжался 7—9 месяцев, тогда как он должен продолжаться от 2 недель до 2 месяцев. При такой дезорганизации производственного процесса, которого добились вредители, время, потребное на производство машин постоянного и переменного тока, превышало в 10—20 раз то время, которое понадобилось бы при нормальной работе.

Такая работа наносила колоссальный вред. Вместо налаживания стандартного производства моторов постоянного и переменного тока вредители культивировали индивидуальные заказы, мотивируя это потребностями несознательного потребителя. Всеми этими мероприятиями советская электротехническая промышленность держалась вредителями в узде. По всем этим вопросам отдельными товарищами велась решительная борьба, вредительские махинации разоблачались как внутри Главэлектро, так и вне его, но до поры без успеха. Попытка некоторых товарищей и в частности т. Аракелова вынести все эти вопросы на суд Госплана кончились тем, что поединок коммунистов и вредителей по всем указанным выше вопросам был благополучно «разрешен» в Госплане Калинниковым. Выслушав на специальной госплановской конференции разоблачения т. Аракелова, некоторые вредители и в частности бывш. член правления Владос даже попытались эти «аномалии» защитить якобы существующими особенностями производственного процесса. В качестве средств задержки электрификации вредители также усиленно «планировали» кабельную промышленность. Вредители Главэлектро совместно с вредителями ПЭУ ВСНХ добивались такого положения вещей, когда сравнительно незначительные потребности в цветных металлах и в частности в электролитической меди систематически урезывались. В результате мы получали своевременно сложные механизмы и оборудования, обладали генераторами и моторами, т. е. производителями и приемниками тока, а соединительного кабеля не было. Годами мы наблюдали неизменно одну и ту же картину, когда из-за грошевых потребностей в импортной меди буквально консервировались капитальные вложения на сотни миллионов рублей. И это в то время, когда импортные машины на тех же заводах ГЭТ лежали зря годами.

Нам представляется затруднительным в журнальной статье дать более подробный перечень вредительских актов в электротехнической промышленности. Однако нельзя умолчать о проблеме индукционного двигателя с короткозамкнутым якорем. В нашем отсталом электрохозяйстве главенствует электродвигатель с контактными кольцами, в то время как в САСШ 90% электродвигателей, находящихся в эксплоатации, — это двигатели с короткозамкнутым якорем. Преимущества двигателя с короткозамкнутым якорем огромны. Этот двигатель отличается множеством эксплоатационных свойств (отсутствие хрупких и легко изнашиваемых частей, почти не требует ухода и ремонта, весьма просто пускается в ход, дает более высокий коэфициент полезного действия и т. п.) и приводит к огромной рационализации электрохозяйства, к экономии потребления электроэнергии, металлов и сотен миллионов рублей. В Главэлектро эту проблему в течение ряда лет поднимал инж. Губер, который ее обосновывал на огромном мировом опыте. Вредительские воротилы в лице Фридмана, Владоса, Буховцева и др. не решились выступить против этого, но и в этом не было надобности, так как записки Губера можно было просто класть под сукно. Тов. Губер даже не смог добиться того, чтобы его записка была издана специальной брошюрой.

Сказанное отнюдь не охватывает всех сторон вредительства в области электрохозяйства. Сюда следует добавить факты строительства гидростанций без соответствующих изысканий (Аджарис-Цхали), вредительство в области электрификации и транспорта, где минимальные наметки ГОЭЛРО по электросверхмагистрализации ж.-д. путей абсолютно сорваны, вредительство в электрификации сельского хозяйства, сохранившееся еще до последнего времени (а может быть и до сих пор?), производство нашими заводами электромашин старых фирменных марок бывш. хозяев, отсталых и дорогих и т. д. и т. п.

Используя то доверие, которое было оказано советской властью старым специалистам, и то слепое доверие, с которым относился к этим спецам ряд коммунистов-хозяйственников, вредители развили колоссальную диверсионно-вредительскую работу. Достигли ли они своей цели? Задержать форсированный темп социалистического движения верхушечной кучке спецов — агентам внутренней и международной контрреволюции — не удалось. Мощный поток революционного энтузиазма, революционной энергии и воли рабочего класса и его ленинской партии опрокидывали все расчеты вредителей. Волна за волной социалистическое соревнование, ударничество, пролетарское изобретательство, непрерывка, встречный промфинплан, массовая активность и коллективная воля партийных и пролетарских организаций парализовали генеральные установки вредителей и сквозь стены страшнейшего

предательства и измены пробивали путь форсированному наступлению социализма против капитализма. Разумеется, вредители отмечали свои успехи, и они не мало тормозили дело социалистического строительства, но все же их основная карта оказалась битой.

Скоро наступит десятилетний юбилей ленинского плана ГОЭЛРО (22 декабря с. г.), и партия и страна смогут подвести знаменательные итоги десятилетней борьбы за социализм. Мы можем отметить, что уже теперь план ГОЭЛРО по важнейшим народнохозяйственным показателям выполнен. Однако вместе с тем мы должны будем констатировать, что стержневая часть плана, его хребет—электрификация—заметно отстала, отстала в значительной мере благодаря вредительству. Но этому теперь положен конец. Мы можем с твердой уверенностью итти своей социалистической дорогой, и есть все основания полагать, что к моменту фактического срока исполнения плана ГОЭЛРО, который одновременно совпадет с концом пятилетки (1933 г.), мы план ГОЭЛРО перекроем в части народнохозяйственного плана 2-3 раза, а в части электрификации в 4 раза, и тем самым весь уровень нашего хозяйства к концу пятилетки будет в 4-5 раз выше довоенного. Вот каков исторический итог борьбы классовых сил капитализма и социализма в СССР. Социализм побеждает в жестокой борьбе вопреки вредительству и предательству, беспощадно расправляясь с последними. Те, которые становятся на его пути, отметаются железной метлой пролетарской диктатуры.

(Окончание следует)

Нужна ревизия решений Всесоюзной топливной конференции и V теплотехнического с'езда

Работы Всесоюзной топливной конференции и V теплотехнического с'езда, происходивших в марте месяце т. г., на которых основным докладчиком по вопросам топливной политики и рационального направления топливоиспользования в стране выступал Рамзин, ныне держащий ответ перед страной и всем миром за вредительскую деятельность в качестве руководителя «Промышленной партии», протекали в обстановке острой борьбы против путей, направления топливной политики, предложенных и на топливной конференции и на с'езде Рамзиным. Ряд делегатов, в том числе и автор этих строк, выступали против Рамзина по целому ряду принципиальных установок. В то время нельзя было предполагать, что цифры Рамзина, которые были предложены вниманию и конференции и с'езда и которые легли в основу их решений, были средством сознательного срыва развития топливного хозяйства страны, были средством подготовки интервенции. В настоящее время карты полностью раскрыты. Многое из того, что тогда нами рассматривалось как сомнительные выводы, в настоящее время по признанию самого Рамзина является сознательным вредительством, которое проводилось «Промпартией».

То положение, что Рамзин работал в руководящих энергетических организациях СССР, состоял директором Теплотехнического института, что Рамзин являлся одним из талантливых теплотехников последнего времени, способствовало тому, что предложения Рамзина по энергетическим вопросам большинством чаще всего принимались как бесспорные. Спорить с его выводами было чрезвычайно трудно. Это можно было наблюдать на работе многих организаций и с'ездов, на которых руководящая роль в технических вопросах принадлежала Рамзину и его единомышленникам. Это же было и на топливной конференции и на V теплотехническом с'езде, где предложения Рамзина были поддержаны Ларичевым, как председателем топливной секции Госплана, и Коган-Бернштейном, руководителем транспортной секции Госплана, оказавшимися членами ЦК одной организации, ставившей своей целью вредительство и подготовку интервенции.

Мы не имеем возможности здесь останавливаться на всех спорных вопросах, с которыми ряд делегатов, в том числе и автор этих строк, на Топливной Конференции и V теплотехническом с'езде высту-

пал против предложений Рамзина; поэтому ограничимся только основными вопросами, которые больше всего вызвали споров и которые надлежащего решения не получили:

1. Размер добычи топлива к концу пятилетки и перспективы второй пятилетки.

2. Размер добычи местных топлив и их роль в топливном балансе.

3. Размер добычи нефти и методы ее переработки, в том числе роль крэкинг-процесса.

4. Вопросы использования угля для целей получения синтетического топлива.

5. Вопросы теплофикации и газификации, обсуждавшиеся и на Топливной конференции и на V теплотехническом с'езде.

Какими методами пользовались вредители для осуществления планов интервенции и подготовки топливной катастрофы?

По признанию Рамзина «все строилось под углом зрения минимальных планов народного хозяйства, которые и проводились в 1928 г. при осуществлении минимальной пятилетки»...

«Во второй половине 1929 г. и в начале 1930 г. был дан сигнал резко переменить тактику в сторону максималистских планов. Это было вызвано тем обстоятельством, что генеральная линия партии чрезвычайно энергично проводилась в жизнь, и кроме того этот перелом давал возможность практически углублять работу в области создания кризисов.

Поэтому был взят курс на преувеличение планов». Для отдельных отраслей топливной промышленности эта политика проводилась, например, для торфяной промышленности, следующим образом:

«Для того, — говорит Рамзин, — чтобы подготовить торфяники к добыче, необходимо начать подготовку торфяников примерно за два года. Если в 1928 г. весь темп подготовительных работ был взят из расчета на 15 млн. тонн, а в последний год он был перестроен на 33 млн. и даже дошел до 50 млн. тонн, то ясно, что добыча в 50 млн. тонн в 1933 г. при всех условиях становилась невозможной, потому что весь темп подготовительных работ был втрое меньше.

Такой же момент имеется и по каменноугольной промышленности. Чтобы дать добычу угля в 1932/33 г. в большем масштабе, необходимо было готовиться к этой добыче по крайней мере за 2-3, даже 3½ года путем закладки и проходки шахт. Поскольку все подготовительные работы шли в прошлом в значительно более пониженном темпе, то переход на максимальную деятельность создавал разрыв между производственными возможностями в угольном, нефтяном и других районах и теми планами, которые с этого времени начинали проводиться в жизнь» (разрядка наша. Н. С.).

«Таким образом, вот этот переход от тактики минималистских планов к тактике наоборот максималистских планов, уже в самом себе таил возможность рассчитывать на создание кризисов и на невозможность быстрого поднятия и развертывания отдельных отраслей промышленности, в виду того, что все подготовительные операции строились на другом, сильно пониженном уровне»[1].

Таково признание Рамзина. В настоящее время мы являемся очевидцами результатов такой политики, которые характеризуются как напряженное состояние топливного снабжения страны. Это одна сторона вопроса.

Другая сторона является не менее важной: мы сегодня благодаря вредителям не знаем настоящих реальных планов топливной пятилетки, и о запроектированных масштабах добычи очень трудно сказать, насколько они реальны, и в каких направлениях необходимо срочно перестроиться, чтобы иметь возможность своевременно покрыть потребность страны в топливе.

Другими методами, кроме срыва подготовительных работ к развертыванию топливодобычи в необходимых размерах, в особенности местных видов топлива, как подмосковный уголь и торф, являлись преуменьшение капиталовложений на приращенную тонну добычи по Донбассу и Кузбассу и преувеличение их для подмосковного угля и торфа и выбор наиболее дорогих методов добычи при решении вопросов развития торфодобычи.

Не меньшая роль отводилась и тарифной политике на топливные перевозки, которые проектировались в таком виде, что каменноугольное топливо являлось самым дешевым даже в Ленинграде.

Остановимся на каждой из приводившихся аргументаций в защиту необходимости ориентации основных промышленных районов, как Москва и Ленинград, на дальнепривозное топливо.

В материалах топливной конференции ВТК и б. Донугля капитальные затраты на тонну приращенной добычи угля вместе с транспортными расходами представляются в следующем виде:

Полные капитальные затраты с учетом внутрирайонного транспорта и электроснабжения от ГЭС
(в рублях)

Название районов	Затраты по данным ВТК	Затраты по данным Донугля	В том числе промстроительство
Кузбасс	17,50	22,4	17,60
Донбасс	25,00	38,0	23,50
Челябинск	21,90	31,0	23,40
Кизел			

[1] Отчет в «Правде» от 27 ноября 1930 г., № 326 (4771).

Как видно из приведенных данных, цифры капитальных затрат по Донбассу и Кузбассу, приводившиеся в качестве основных доводов для ориентации на дальнепривозное топливо, были меньше фактических.

Как теперь выясняется, в основу этих расчетов были положены заведомо преуменьшенные цифры, проще говоря, подложные цифры, имевшие целью неизбежность топливной катастрофы.

Это станет особенно понятным, если перевести капитальные затраты на тонну условного топлива у потребителя, где цифры для дальнепривозного и местного топлива Рамзиным представлялись в следующем виде: капитальные затраты на тонну условного топлива для дальнепривозного угля из Донбасса с учетом транспортных расходов в Ленинграде составляли 50,1 руб., в Центр.-промышленной области 47,6 руб. и в Москве — 43,1 руб. Для Ленинграда затраты на тонну условного топлива при переходе на местное торфяное топливо определялись в 66,9 руб., а для подмосковного угля в Москве в 44,4 руб.

Мы останавливаемся на этих цифрах для того, чтобы иллюстрировать, к каким методам прибегали вредители, чтобы под цифровой завесой проводимой якобы экономии средств в действительности готовить топливную катастрофу и подготовлять почву для успеха интервенции.

Беря заведомо преуменьшенные цифры капиталовложений на тонну приращенной добычи в Донецком бассейне и наиболее дорогой метод добычи торфа — машинно-формовочный, требующий капиталовложений около 29 руб. на тонну и дающий себестоимость около 8 р. 50 к. против 9—11 р. затрат при фрезерном способе добычи, дающем себестоимость 3 р.-3 р. 50 к., вредители обосновывали такими данными невыгодность широкого перехода к местным видам топлива, как торф, и создали тормаз для развития торфяной промышленности.

Неправильные цифры, положенные в основу расчетов, привели к неверным решениям на ВТК по целому ряду основных наметок топливного плана и топливоиспользования, которые диктуются народнохозяйственными соображениями.

В числе доводов за ориентацию на дальнепривозный уголь — донецкий и кузнецкий — и срыв развития местных топлив были и тарифные расчеты, приводившиеся основным руководителем транспортной секции Госплана СССР, членом «промпартии» Коган-Бернштейном вместе с Рамзиным.

Для иллюстрации следует отметить такую с позволения сказать «тарифную» политику для развития местных топлив, защищавшуюся на конференции: для донецкого угля в ленинградском направлении установлен тариф в 0,64 коп. т-км при себестоимости угольных перевозок НКПС в 1,18 коп. т-км; а это означает, что государство на каждой тонне завезенного в Ленинград угля не добирает против себестоимости перевозок около 9 р. 72 к., или 9.720 тыс. руб. на каждый миллион завезенного угля. На торф же в Ленинградской области

установлен тариф в 1,24 коп. т-км. При таких условиях, благодаря искусственным тарифам, уголь в Ленинграде был самым дешевым топливом, естественно задерживавшим развитие потребления местного торфяного топлива.

Следует заметить, что на Всесоюзной топливной конференции вопрос о народнохозяйственной себестоимости т-км перевозимого топлива, несмотря на все попытки, в том числе и автора этих строк, получить настоящую цифру, которая давала бы действительную возможность производить все необходимые расчеты и являлась бы отправной, так и не был разрешен. Коган-Бернштейном и К° была представлена целая система тарифов, которая оправдывала необходимость дальнепривозного топлива взамен местных топлив. Теперь совершенно ясно, какую цель преследовала эта система тарифов, защищавшаяся на топливной конференции Коган-Бернштейном: это было средством для того, чтобы промышленность, потреблявшая дальнепривозное топливо, в случае интервенции, которую подготовляли «ученые» транспортники и топливники, оказалась бы без топлива.

Эти цифры еще не пересмотрены, пока нет бесспорных данных, которые давали бы возможность судить о выгодности с народнохозяйственной точки зрения капиталовложений в ту или иную область топливной промышленности и о целесообразности транспортных сооружений, поэтому необходимо немедленно приняться за соответствующую работу и установить необходимые отправные точки.

В настоящее время лица и организации, работающие над проблемами топливоснабжения и энергоснабжения и занятые разработкой вариантов наиболее рационального размещения промышленности в стране, не имеют этих отправных данных и оказались совершенно обезоруженными, ибо цифры Рамзина и Коган-Бернштейна ныне то же, что фальшивая монета, пользование которой приносит только вред как государству, так и отдельным лицам. Этот вопрос не терпит дальнейшего отлагательства и должен быть немедленно решен.

Следующий вопрос, которому было посвящено большое внимание на Всесоюзной топливной конференции, это вопрос, во-первых, о размере добычи нефтетоплива к концу пятилетки и, во-вторых, вопрос о методах переработки нефти, в том числе и роли крэкинг-процесса.

По заявлению Рамзина деятельность «Промышленной партии» в области нефтедобычи и нефтепереработки преследовала следующее: а) замедление темпа развития нефтедобычи путем сокращения об'ема буровых работ; б) задержку нефтеразведок, что явилось также фактором замедления развития нефтедобычи; в) неправильное использование нефтяных газов; г) замедление темпа строительства нефтепроводов; д) замедление развития рационального нефтеперегонного оборудования и получение поэтому менее выгодного сортимента нефтепродуктов; е) задержку в развитии крэкинг-установок.

После того как карты раскрыты, вопрос о добыче стоит таким образом, что цифра в 42,5 млн. тонн признается реальной уже и самими вредителями. В настоящее время ноябрьским постановлением ЦК ВКП(б) дана директива в отношении необходимости форсирования нефтедобычи с доведением ее к концу пятилетия до 46,0 млн. тонн. Но по вопросу о методах нефтепереработки ясности нет.

Проблема нефтепереработки теснейшим образом связана с механизацией сельского хозяйства, с его тракторизацией, что обеспечивает успех коллективизации, а вместе с тем разрушает все надежды на реставрацию капитализма в сельском хозяйстве. Поэтому естественно, что вредители не могли оставить без «внимания» ни область тракторостроения, ни область нефтепереработок, которые должны обеспечить тракторный парк топливом.

Рамзин на суде заявил: «Остановлюсь на вопросах механизации и тракторизации сельского хозяйства. Прежде всего достаточно будет показать на задержку механизации в планах. Первый план проводимой пятилетки намечал количество тракторов около 150.000 штук, в то время когда последняя наметка дает 900—920 тыс. тракторов; это показывает сильное сокращение об'ема механизации, примерно в 5-6 раз. В соответствии с этим конечно сейчас же получается целый ряд последствий, вызывающих подготовку других, связанных отраслей промышленности, — подготовку металлопромышленности, подготовку нефтепромышленности, которая должна обеспечить все эти тракторы соответствующим количеством бензина. Здесь получался чрезвычайно большой разрыв между нефтяной программой и между тракторной программой, заставивший в конце концов пойти на предложение явно невыгодное (?) и установку невыполнимую (?) по моему глубокому убеждению — на крекинг-бензин. Это вызывало громадное увеличение начальных затрат порядка полумиллиона (?) рублей и увеличение ежегодных затрат, главным образом по экспортной выручке, того же порядка около 500—600 миллионов ежегодно».

Даже теперь, когда все карты раскрыты, Рамзин ясно не отвечает на вопрос: в какой степени рационально развитие крэкинг-процесса?

Участники Всесоюзной топливной конференции очень хорошо помнят «соломенный» вариант Рамзина, который был им представлен в качестве основного по решению топливной проблемы для тракторного парка вместо развития крэкинг-установок для получения светлых нефтепродуктов, потребность в которых с ростом тракторизации и автомобилизации страны значительно увеличивается.

Как не кажется абсурдным на первый взгляд метод разрешения топливной проблемы путем использования соломы, следует сказать, что солома также имеет свое место и бесспорно будет иметь громадное значение при решении топливных вопросов в отдельных районах, где не имеется других источников тепловой энергии. Укажем, что еще в 1896 г. один из гениальнейших людей, Д. И. Менделеев, намечая

источники тепловой энергии и пути топливоиспользования, писал: «так как солома есть побочный продукт текущей полевой культуры, то там, где она не идет ни на корм скоту, ни на возврат почве навозного удобрения, она в высушенном виде может служить отличным топливом, об'емистость которого не может служить к тому препятствием, хотя и должна быть принята во внимание.

Кизяк (формованный и высушенный навоз), лузга (шелуха гречишных, подсолнечных и т. п. семян и орехов), опавшие листья деревьев, болотный мох, шишки и хвоя, тростник, остатки красильных деревьев, кострика (отбросы при получении пеньки и льна) и множество тому подобных отбросов растительных продуктов и заводской их обработки по своему составу мало чем отличаются от соломы, а потому в хорошо высушенном состоянии представляют прекрасные виды топлива, тем более, что в отличие от соломы часто неприменимы для прямых сельскохозяйственных целей. Отбросы хлопка (семя и шелуха), если не перерабатываются на хлопковое масло (имеющее обширное приложение даже в пищу), и тому подобные вещества, содержащие растительные масла, представляют еще более высокое достоинство как топливо. Для всех подобных видов топлива лучшие способы приложения состоят в превращении или в газы или в столь мелкие отдельности, чтобы их не могла уносить струя воздуха, и в этом виде они все имеют большую будущность» [1].

Бесспорно, что солома может быть использована в качестве топлива путем превращения ее в газ в газогенераторах и может иметь большое значение как местное топливо, особенно в связи с тем темпом развития сельского хозяйства, который ныне намечается и который даст большие количества соломы, не находящей никакого применения.

Идея использования низкокалорийного топлива, в том числе соломы, для целей получения тепловой энергии Рамзиным была сведена к использованию этого топлива для тракторов вместо нефтепродуктов. Таким образом, с одной стороны, была смазана идея использования соломы вообще, а с другой стороны — «соломенный вариант» был выставлен в качестве одного из основных для решений энергетической проблемы с целью задержать в нефтепереработке развитие крекинг-процесса.

Всесоюзная топливная конференция, которая прошла под знаком больших споров по этим принципиальным вопросам, в конечном счете к окончательным единогласным выводам не пришла, и сейчас работники-практики не имеют необходимой в практической работе твердой опоры, не вызывающей сомнений.

---

[1] Д. И. Менделеев. «Основы фабрично-заводской промышленности», стр. 118.

Вопросы транспорта нефтетоплива, вопросы выходов светлых нефтепродуктов на отдельных системах крэкинг-установок, которые ныне применяются, и наконец вопрос бергинизации, или гидрогенизации нефти, т. е. методы превращения нефтепродуктов нацело в светлые нефтепродукты и т. д., должны получить полное, четкое и ясное решение, которое могло бы лечь в основу проектировок народнохозяйственных расчетов при выборе того или иного варианта и нефтетранспорта и нефтеиспользования.

По вопросу о теплофикации автор настоящих строк впервые столкнулся с Рамзиным в 1927 г. в качестве руководителя постройкой первой в СССР городской тепло-электроцентрали в г. Пскове, выдвинутой к сооружению проф. В. В. Дмитриевым. Проект ее в Центральном электроэнергетическом совете встретил большие возражения и задерживался рассмотрением. Так как по состоянию электроснабжения строительство задерживать нельзя было, мы на свой риск и свою ответственность, при непосредственной консультации проф. В. В. Дмитриева, приступили к постройке станции; разрешение же ЦЭС'а на ее сооружение было получено лишь тогда, когда она наполовину была уже построена.

В июле 1928 г. перед Ленинградским Электротоком, а в августе того же года перед Главэлектро автором настоящих строк был поставлен вопрос о реорганизации всего энергоснабжения Ленинграда на основе широкого перехода к теплофикации и газоснабжению с торфяных болот, рассматривая электрификацию, теплофикацию и газификацию как звенья единой энергетической цепи. При этом для Ленинграда мною намечалась теплофикационная мощность порядка 120—150 тыс. квт к концу пятилетки. В ноябре того же 1928 г. на одном из заседаний в Госплане СССР, посвященном вопросам топливоснабжения, для Москвы мною была названа цифра теплофикационных мощностей к концу пятилетки порядка 250—300 тыс. квт.

И в Электротоке и в Главэлектро мои предложения были похоронены.

Признание Рамзина на суде[1] открывает секрет такой судьбы всех предложений, направленных к рационализации энергоснабжения вообще, а Ленинграда и Москвы в частности, где такая рационализация могла бы дать особенно большой эффект.

«Теплофикация, — по заявлению Рамзина на суде, — несомненно является крупным революционным сдвигом в области рационализации теплотехники; поэтому никто не вел работы по протесту против идеи теплофикации как таковой, но фактическое проведение в жизнь теплофикации сильно тормозилось. Тормозилась, во-первых, оценка теплофикационной мощности, которая оценивалась чрезвычайно низкими цифрами даже, скажем, в 1929 г. — по Москве и Ленинграду всего на 40—50 тыс. квт, в то время как можно реально говорить о цифрах больших: по Москве порядка 400 тыс. квт, по Ленинграду порядка 150 тыс. квт, так что в этих масштабах возможности были сильно преуменьшены» (разрядка наша. Н. С.).

[1] См. отчет в «Правде» от 27/XI 1930 г., № 326.

«Затем задержка проведения теплофикации производилась уже в порядке операционной работы. Задерживались например работы по обследованию потребителей, раздувались отдельные затруднения и переговоры с отдельными заводами и потребителями. В результате я считаю, что минимум на год-на два проведение теплофикации в жизнь было задержано, причем в этом отношении «Промпартия» пользовалась помощью тех двух основных организаций, от которых зависело фактическое проведение теплофикации, — МОГЭС и Электротока».

«Осуществление основной установки «Промпартии» в области энергетики обеспечивалось тем, что все основные органы целиком находились в руках «Промпартии». А именно: утверждение проектов происходило через ЦЭС, президиум которого и все основные работники состояли членами «Промпартии» — Осадчий, Каменецкий, я и др., — и все принадлежали к числу активных членов «Промпартии».

«Планирование электростроительства то же самое обеспечивалось в Электроплане тем, что руководство Электропланом также находилось в руках основных работников «Промпартии».

«Точно так же по МОГЭС, по Электротоку «Промпартия» имела своих работников. Таким образом по всему фронту энергетики, по всем основным организациям энергетики «Промпартия» имела прочные, надежные опорные пункты, через которые имела возможность проводить свои директивные указания и установки. Общее руководство «Промпартии» в области энергетики непосредственно производилось мною».

Напомним, что цифры теплофикационной мощности, признанные теперь Рамзиным, автором настоящей статьи защищались с 1927/28 г., но тогда они Рамзиным и К° проваливались.

«Теплофикация — по признанию Рамзина — представляет один из наиболее рациональных и эффективных путей в области энергетики, давая большие преимущества в применении топлива и капитальных затрат. Не выступая прямо против бесспорных экономических преимуществ теплофикации, «Промышленная партия» сумела внушить с'езду вначале, так сказать, насмешливое, несерьезное отношение к этой проблеме...».

Проводя политику насмешливого отношения к теплофикации и теплофикаторам на топливной конференции и на V теплотехническом с'езде, Рамзин и К° добились «смазывания» этого вопроса, и он не получил надлежащего решения.

Поскольку важное значение теплофикации теперь признано всеми, а сами предатели рассказали истинные мотивы своих возражений,

и поскольку до сих пор правильной установки относительно роли теплофикации в энергетическом хозяйстве отдельных предприятий, городов и т. д. нет, как нет и основных показателей, которые могли бы обеспечить наиболее выгодный вариант решения энергетической проблемы того или иного района, вопрос о тепло-электроцентралях приобретает самое актуальнейшее значение. Необходимо все вопросы, связанные с теплофикацией, в том числе и производство оборудования, срочно обсудить и наметить наикратчайшие пути для их решения, чтобы наверстать упущенное по вине вредителей время и обеспечить советскому хозяйству ту экономию топлива, которая возможна с переходом к тепло-электроцентралям.

Рамзин и К° боролись против местных топлив не только методами заведомо неверных расчетов народнохозяйственных вложений при том или ином варианте решения топливной проблемы, но и компрометированием достижений современной техники, которые по-новому ставят энергетическую проблему.

Рамзин заявил на суде [1]: «Эта задержка развития торфа и подмосковного угля велась в значительной степени при помощи пропаганды явно невыгодных методов использования этого топлива, а именно метода сложной химической переработки топлива, устройства дальнего искусственного газоснабжения и т. д. Пропаганда невыгодных методов использования подмосковного угля отдельными московскими угольниками давала диалектически новый аргумент в пользу борьбы с местным топливом; поскольку местное топливо фактически оказывалось дороже, чем дальнепривозное топливо, эта борьба с добычей подмосковного угля получила под собой реальное экономическое обоснование».

Между тем сам Рамзин в своем докладе и на Топливной конференции и на V теплотехническом с'езде говорил:

«Дальнее газоснабжение промышленности искусственными газами является во всех отношениях невыгодным решением вопроса. Прежде всего тепловой коэфициент энерготранспорта, с учетом всех потребных расходов по передаче тепловой энергии топлива от места добычи до потребителей, получается от 43 до 54%, в то же время перевозка каменного угля и торфа даже на значительное расстояние дает коэфициент теплотранспорта от 85 до 95%, т. е. почти вдвое выше...

Единственным выгодным потребителем с точки зрения общего энергетического к. п. д. для дальнего газоснабжения являются лишь домовые потребители, у которых получается общая экономия топлива около 5% для района Москвы, повышаясь до 20% в районе Ленинграда» [2].

[1] См. отчет в „Правде" № 325 от 27/XI 1930 г.

[2] Стенографический отчет и резолюции Всесоюзной топливной конференции 10—15 марта 1930 г., стр. 21.

Нас мало интересует этическая сторона во всех этих вопросах. Гораздо важнее признание Рамзина, что в бытовом потреблении газ выгоднее, чем сжигание для бытовых целей угля и дров, не говоря уже о социально-гигиенической стороне дела.

Исполняя социальный заказ — подготовку свержения советской власти, «ученый» теплотехник в течение ряда лет упорно саботировал эту идею, а когда она все же была поставлена, в том числе для Ленинграда, автором этих строк совместно с группой специалистов Ленинграда, Рамзин принял все меры к тому, чтобы ее скомпрометировать. Какими при этом он пользовался средствами? Для иллюстрации приведем сравнение его расчетов и наших, основанных на его же данных, но по-настоящему проверенных.

Для Ленинграда по данным Рамзина при передаче 600 млн. м³ на расстояние 100 км и 320 млн. м³ с расстоянием в 30 км средний энергетический коэфициент газовой передачи составит около 52%. В круглых цифрах отдельные потери газовой передачи для торфяного газа складываются следующим образом: раструска 2%, потеря в газогенераторах 34%, утечка газа 4%, потеря на компрессию 13%, на ухудшение работы всей установки — 5%.

На основании вышеприведенных данных полный энергетический к. п. д. для разных типов потребителей, считая от тепла топлива, отправленного с места добычи, до полезного тепла, использованного в тепловых аппаратах потребителей, по данным Рамзина представляется в следующем виде:

Твердое топливо	0,87	31 = 27,0%
Газ	0,50	64 = 32,0%
Электричество	0,185	88 = 16,5%
Керосин	0,9	64 = 57,5%

Для твердого топлива при этом тепловой коэфициент передачи Рамзиным принимается для дальнепривозного донецкого угля в размере около 87% (?), а для электричества в 18,5%, считая расход тепла на к. п. д., отданный с шин станции, в среднем около 4.000 кал.-квтч и потери к электропередаче 15%.

Рамзиным прежде всего сравниваются несравнимые вещи: в то время как при газификации энергетический к. п. д. принимается с учетом всех тепловых потерь — раструска топлива до бункеров, потери в газогенераторах, потери на компрессию и утечку газа — для дальнепривозного топлива берется лишь расход на провоз топлива в одну сторону и в пониженной норме в 13% против нормальных 15%, без учета потерь на утруску, без расходов топлива на собственные нужды при добыче и без расхода топлива на обратный транспорт порожняка в Донбасс.

С учетом расходов топлива на подвозку из Донбасса до Ленинграда в размере 15% от отправленного из Донбасса количества топ-

лива и расходов топлива на обратный транспорт порожняка в размере 75% от количества вагонов, загнанных в Ленинград с углем, потерь на раструску 2%, а также расходов топлива на собственные нужды в Донбассе 6%, которых нельзя не учитывать, ведя рассуждения в народнохозяйственном разрезе, общий размер потерь топлива составит:

$$15 + 11{,}1 + 2 + 6 = 34{,}0\%.$$

Народнохозяйственный энергетический к. п. д. дальнепривозного топлива в Ленинграде при к. п. д. в 65%, как его считает Рамзин, будет:

$$0{,}66 \times 31 = 20{,}4\%.$$

Для газа энергетический к. п. д. составит:

$$0{,}52 \times 64 = 35{,}8\%.$$

При этом нужно сказать, что в качестве газогенераторов и Рамзиным и нами берутся газогенераторы двойного газа Шкода с весьма низким коэфициентом полезного действия — 56,4%, хотя уже сейчас к. п. д. газификации в водяной газ в газогенераторах, работающих на буроугольной мелочи, составляет около 75%.

Приведенные цифры народнохозяйственных энергетических к. п. д. радикальным образом решают вопрос в пользу газификации.

На суде обвиняемый по делу ЦК «Промпартии» инженер Очкин заявил: «Научная разработка вопросов газификации настолько слаба, что до настоящего времени все еще как-то мы переживаем полосу исканий в этих вопросах, несмотря на то, что Ленинград и Подмосковный бассейн уже могут быть безусловно использованы в смысле передачи газа на дальние расстояния».

Мы не имеем по этому поводу прямого признания «учителя» инженера Очкина — самого Рамзина. Мы лишены возможности точно установить, насколько правы сторонники широкого перехода к газовому снабжению и в чем заключается их ошибка и переоценка в этом вопросе. Рамзин и К° этому делу оказывали колоссальное сопротивление; они оказывали и влияние на отпуск средств для проработки этих вопросов, вследствие чего наша технико-экономическая мысль сейчас не имеет ни одной бесспорной цифры, которую можно класть в основу проектов техники и экономики газоснабжения; нет ни одной бесспорной цифры стоимости передачи 1 м³ газа, или млн. калорий в виде газа на расстоянии, ибо нет ни одного рабочего проекта газоснабжения. Должен быть поэтому поставлен вопрос о выработке объективных технико-экономических показателей, необходимых при обсуждении этих проблем в тех широких масштабах, которые вытекают из всего хода нашего строительства, и должны быть намечены пути научно-исследовательских работ в этой области.

Благодаря Рамзину, при прямой поддержке «мила-дружка» Ларичева, Всесоюзная топливная конференция по вопросу о газификации приняла полурешение: с одной стороны, было признано, что идея газификации заслуживает внимания, но с другой — никаких директив не было дано для практического ее разрешения, хотя например вопрос использования коксовых газов, ныне сжигаемых в свече, буквально не терпит никакого отлагательства.

И если на Всесоюзной топливной конференции мы добились принципиального признания газификации, то на V теплотехническом с'езде все вопросы, связанные с газификацией, были совершенно смазаны.

На V теплотехническом с'езде Рамзин добился того, что все вопросы, связанные с газификацией, были переданы в Бюро теплотехнических с'ездов, руководимого в то время Рамзиным и Очкиным, для «согласования» — один из верных методов торможения любого дела, когда против него нельзя итти открыто.

В настоящее время диктуется безусловная необходимость новой постановки этих вопросов и уже на расчищенной освобожденной от всяких вредителей почве строить планы энергохозяйства, в том числе и газоснабжения, которое за последние годы сделало гигантские успехи.

* * *

Вредители из «Промпартии», игравшие очень важную роль в управлении топливной политики и топливоиспользования, оставили тяжелое наследие. Суд сделает выводы и воздаст каждому по заслугам.

Но нужно немедленно делать и практические шаги по ликвидации последствий вредительства в области энергетики. Таковыми являются:

1. Немедленный созыв областных энергетических с'ездов Московской, Ленинградской, Иваново-вознесенской и Уральской области, как наиболее заинтересованных в развитии местных энергетических ресурсов, где должны четкое и ясное решение получить вопросы размеров добычи местных топлив и где должны быть подробно рассмотрены пути реорганизации энергоснабжения Москвы, Ленинграда и Иваново-Вознесенска на основе теплофикации с использованием местных топлив.

2. В ближайшее время должен быть созван внеочередной с'езд. Задачей с'езда должно быть установление реальных удельных расходов топлива на ближайшие 3-4 года, без чего трудно решить вопрос размера потребности в топливе и наметить конкретные пути реорганизации энергоснабжения как отдельных предприятий, так и целых городов и районов.

3. В ближайшее же время должна быть созвана внеочередная топливная конференция, которая на основе наметок по снижению удельных расходов топлива отдельными потребителями, на основе реальной подготовки разведочными работами шахтного строительства в угольной промышленности и болот — в торфяной на-

метит размеры добычи разных видов топлива и решит вопросы о роли и месте в топливном балансе страны местных видов топлива, как торф, бурый уголь и сланцы; она решит и вопросы тарифной политики на топливные перевозки, которые обеспечат целесообразное с народнохозяйственной точки зрения размещение промышленности.

Таковы ближайшие практические выводы. Топливные планы должны быть к топливной конференции разработаны на основе встречных промфинпланов рабочих добывающей промышленности, что гарантирует реальность планов добычи.

Плановое вредительство и статистическая теория[1]

М. Смит

Вступительное слово

Товарищи, сегодняшнее заседание нашего Общества посвящено вопросу о роли статистики в плановом вредительстве, иначе говоря, о том дополнительном орудии, которым была статистика в этом вредительстве.

Институт экономики, к которому примыкает наше Общество, ставит по вопросу о вредительстве целую серию докладов. Вводный общий доклад был прочитан тов. Вайсбергом. Наш доклад идет уже после этого теоретического вводного доклада в качестве специального. После нас Институт экономики поставит еще ряд докладов специального характера, в связи с формами, которые принимало вредительство в области финансов и в области целого ряда других вопросов. Таким образом нашим докладом открывается целая серия специальных докладов.

Как могла статистика принять участие в этом деле и могла ли она быть вообще орудием в руках планового вредителя? Ни для кого не секрет, что в первый период планирования в составлении планов принимал участие ряд лиц, которые были статистиками по профессии. Трудно анализировать те условия, которые еще так недавно у нас существовали и которые так свежи у нас в памяти и так больно ударили нас по сознанию. Приходится однако прежде всего констатировать как факт, что особенно в первый период планирования статистики сыграли в этом деле немалую роль. Потому ли это, что они привыкли обращаться с количественными категориями, которые являются также и орудием планирования, или почему-либо другому. Я думаю, что не только поэтому. Мне это дело представляется несколько иначе.

В эту эпоху теория планирования вообще в первый раз в истории является на свет. Никакой методики планирования не было и не могло быть до тех пор, пока люди в процессе работы, там в Госплане, на ошибках, на трудностях не создадут, не выкуют этой теории планирования. Но ясно, что в теории планирования советского хозяйства должна была играть основную роль марксистская экономическая теория. Я этим не хочу сказать, что в основу должна была быть положена

[1] Извлечения из стенограммы заседания Общества марксистов-статистиков (Комакадемия) 12 ноября 1930 г.

экономика того периода капитализма, анализ которого дал в свое время Маркс. Я думаю, что в основу должен быть положен марксистский метод анализа экономики, который вполне обязательно перенести и на будущее. Однако марксистские кадры либо не были сформированы в то время и организованы, либо не нашли сразу с первых дней планирования какой-нибудь готовой экономической теории. Нужно сказать, что немарксистские теории экономики играли немалую роль в нашей практике, в целом ряде наркоматов и особенно в Кон'юнктурном институте, во главе которого стоял Кондратьев. Несомненный факт, что граждане из Кон'юнктурного института Наркомфина совершенно откровенно пользовались буржуазной теорией, теорией предельной полезности, о чем один из них имел наглость несколько лет тому назад заявить вот в этом самом зале, утверждая, что, по его мнению, эта теория, которая применялась в Кон'юнктурном институте для каких-то расчетов, очень полезна для советского хозяйства вообще. Конечно эта теория является для нас абсолютно чуждой. Но эти чуждые теории не всегда решались открыто поднять забрало, не всегда решались действовать открыто. И вот для чуждой экономической теории в первую эпоху планирования старая теория статистики являлась громадным подсобным орудием.

Если войти в существо дела, — а сегодня мы это должны сделать, — то мы найдем громадное духовное родство между незыблемыми категориями немарксистской политэкономии и между целым рядом статистических теорий, начавшихся с Кетлэ и кончившихся Кондратьевым, теорий об устойчивости отношений, якобы являющейся основным законом природы, общества и т. д. Что нам поминать и критиковать мертвого Кетлэ, который установил вечный устойчивый процент нищеты, преступности, болезней и т. д., который якобы должно, как обязательную дань, платить человечество природе, зачем нам говорить о теории устойчивости, теории, которую установил Кетлэ много лет тому назад, когда живой Кондратьев не так давно в коллегии бывшего ЦСУ совершенно уверенно, чувствуя себя может быть будущим премьер-министром, доказывал, что коэфициент покупок на частном рынке в потреблении широких масс является обязательным и устойчивым. Спор шел о пересмотре системы весов, и Кондратьев и иже с ним настойчиво и основательно доказывали, что пересматривать удельный вес частного рынка нет необходимости, ибо здесь мы имеем дело с устойчивым понятием.

Или возьмем эмпирические закономерности Громана, те самые эмпирические закономерности, которые хотели пресловутую огиву урожайности прошлых лет перенести в будущее как нечто обязательное. Те самые эмпирические закономерности, которые считали недопустимым и невозможным, чтобы аграрная страна, какой мы были в прошлом, стала индустриальной страной, реконструировавшей свою индустрию и свое сельское хозяйство. Разве это не та же старая теория устойчивости в новом выражении и разве старая теория со всем арсеналом ее аргументов не была здесь великолепнейшим орудием в руках господ вредителей?

Но вы можете спросить меня — а где была марксистская статистика? Почему она на почву марксистской статистики не перенесла правильной экономической теории? Марксистская статистика тогда только формировала свои первые кадры. На кафедрах статистики наших вузов были только единицы в буквальном смысле этого слова, которые осмеливались выступать от имени марксистской статистики. Самая комбинация слов — марксизм и статистика — казалась чрезвычайно новой, чрезвычайно смелой, а может быть и не нужной. Неоднократно приходилось слышать не только от многих стариков, но бывали случаи и от молодых, что мол статистика живет и существует вне марксизма, что это для нее слишком большая роскошь, что тот ряд элементарных истин, которые якобы установила старая теория, ничего зловредного с точки зрения марксизма не представляет. Из Госиздата мне ведь недавно сказали по телефону, когда они звонили в Общество насчет второго издания пресловутой книги Боброва, что эта книга ничего «такого» не содержит.

Этот предрассудок относительно того, что старая теория статистики не содержит ничего «такого», — предрассудок, как видите, до сих пор живой в Госиздате, — чрезвычайно мешал работе тех немногих одиночек, которые дерзнули из области экономики перенести марксистские принципы в статистику. Дерзнули и с ужасом увидели, как те же основные моменты буржуазной теории, против которых приходилось бороться в области экономики, ничтоже сумняшеся были перенесены как нечто новое в эту старую теорию статистики.

Поскольку это было так, поскольку кадры формировались чрезвычайно медленно, поскольку теоретической экономией не создана еще теория советской плановой экономики, постольку, само собой разумеется, у этих господ был большой простор. Они из старых методов статистики сделали себе несколько вполне надежных орудий вредительства в планировании, и таковыми были в первую очередь плавные ряды, экстраполяция, эмпирические закономерности, затухающие темпы, вообще все методы формально-количественного подхода к развитию. Все это были их орудия борьбы за перенесение старого в новое.

Но если эмпирические закономерности и устойчивые коэфициенты потребления были просто-на-просто попыткой самого грубого и вульгарного способа перенесения жалкого прошлого в то светлое будущее, которое мы строим, то другие категории, как экстраполяция, плавные ряды, затухающие темпы и т. д., пытались исказить самое представление о движении, о развитии, ибо их авторы пытались этим способом предотвратить какое бы то ни было диалектическое развитие, какое бы то ни было появление на сцену новых элементов, новых моментов, качественно преобразующих старую действительность.

Подробно я об этом распространяться не буду, ибо об этом скажут другие товарищи, но позвольте мне все же, товарищи, отметить

следующий факт. Тот самый знаменитый из знаменитых, глава вредителей и глава «Промышленной партии», проф. Рамзин, о котором вы имели удовольствие читать в газетном сообщении, он тоже занимался экстраполяцией. Он пытался с помощью вульгарнейшего, неприемлемого из неприемлемых статистических методов на своем докладе здесь в академии примерно лет 6 тому назад предсказать неизбежность топливного голода. Что он сделал? Весьма сверхпростецкую, так сказать, вещь. На основе данных, собранных примерно за 50 лет, начертил такую математическую кривую, при помощи которой он предсказал истощение топливных ресурсов на том основании, что коль скоро до сих пор шло так, то и дальше будет так же. Если этот отрезок кривой дает некое уравнение, соответствующее затухающему темпу запасов топлива, то следовательно их хватит лишь на столько-то и столько-то лет.

Казалось странным, что человек, считавшийся крупным теплотехником, дает аргументы развития будущего на основе неприемлемого статистического приема. Когда же т. Боярский его кривую расшифровал математически, то оказалось, что даже и экстраполяция эмпирического отрезка кривой, который он брал, была произведена весьма неточно, ибо при экстраполяции ее можно было получить по крайней мере три направления, из которых одно может расти великолепным геометрическим темпом, другое может затухать мало, а третье — больше. Итак даже математически, даже формально это построение не выдерживает никакой критики. Но было любопытно, что мы не техники, а всего только статистики, всего только экономисты, спорили с ним не от статистической экстраполяции, а на основе трансформации техники, на той основе, что ведь коэфициент использования топлива в массе современных двигателей, особенно транспортных, совершенно ничтожен, и нельзя его переносить в будущее, считая, что техника ровно ничего не сделает для повышения коэфициента использования топлива, и предопределив тем самым, что в дальнейшем кривая топливоиспользования будет итти на основе старой техники. Я помню, что задала ему вопрос: «Вот вы говорите, что запасов топлива хватит только на 200 лет в мировом масштабе. Но неужели же техника 200 лет тому назад была хоть сколько-нибудь похожа на современную технику и за следующие 200 лет ничуть не изменится»? Правда этот вопрос мой был еще не от планового хозяйства и реконструкции, а только лишь от капиталистического развития, не больше, но и тут аргументы проф. Рамзина были совершенно недействительны. Если же итти от современной плановой реконструкции техники, от сознательного революционного преобразования ее в определенном директивном направлении, то от его аргументов формального свойства конечно ничего не остается.

Каюсь, товарищи, до того момента, как я узнала об аресте Рамзина и его причинах, я никак не могла понять, почему инженер, специалист в теплотехнике, рассуждает о будущем, исходя из старого, при помощи вульгарного неприемлемого статистического приема, да и тот

применяется с элементарными и даже формальными ошибками, а мы — статистики — вынуждены были ему подавать аргументы от теплотехники и технических завоеваний.

Факт этот был бы действительно совершенно непонятен, если бы не события, о которых вы знаете, если бы не совершенно определенная роль Рамзина во всех этих событиях.

Когда мы заглядываем в предисловия к контрольным цифрам первых лет, то нельзя сказать, чтобы в них понимание плана, как плана-директивы, плана, который должен преобразовать действительность, было бы в достаточной мере четко отделено от понимания плана как предсказания, плана, который новое выводил из старого, такого плана, понимаете ли, который сводил работы плановика к какому-то астрономическому наблюдению над действительностью, без малейшей возможности на нее повлиять, без малейшего представления о том, в какую собственно эпоху мы живем, что мы сейчас делаем и в чем состоит мера планового развития.

Если принять во внимание, что старая теория статистики есть вообще теория колебания случайных величин, если принять во внимание, что эта теория колебания случайных величин, зародившаяся в эпоху торгового капитализма, есть великолепнейшее отражение анархического капитализма и его хозяйства, то нет ничего удивительного в том, что статистики, сознательно вредительствуя в планировании, пользовались этим орудием для того, чтобы на первых шагах нашей плановой работы затушевывать, затемнять, сделать неясным положение вещей, внести в работу ряд совершенно неправильных моментов.

Многие из вредителей принимали в самом начале активнейшее участие в построении первых контрольных цифр, и так как мы тогда еще не были готовы к критике их или не стояли достаточно близко к этой критике ни по линии экономики, ни по линии статистики, то поле действия оставалось за ними, и они всячески использовали старую теорию статистики, теорию, выработанную анархическим капитализмом и его на 100% отражающую, как орудие планирования, вернее как орудие вредительства в планировании.

В. Хотимский

Вредительство в статистической методологии

На протяжении ряда лет целая плеяда буржуазных и мелкобуржуазных теоретиков — от Кондратьева и Чаянова до Базарова и Рубина — занималась пропагандой реакционных статистических и экономических теорий. При поддержке некоторых звеньев госаппарата, исполь-

зуя внутрипартийные примиренчество и уклоны от генеральной линии, они пытались создать идеологические предпосылки буржуазной реставрации. От грубого эмпирика Громана до тонкого фальсификатора марксизма Рубина — все они теоретики буржуазной реставрации, более или менее искусно прячущие в своих построениях ту мысль, что под оболочкой пролетарской диктатуры по сути дела идет воспроизводство капиталистических отношений. Они пытались посильно ускорить этот процесс посредством вредительства.

Отрыв формы стоимости от ее содержания у Рубина подводит теоретическую базу под главную мысль писаний Громана, Базарова и др. о том, что товарно-денежное хозяйство неизбежно ведет к капитализму, что советское хозяйство лишь «случайное уклонение» от капитализма.

По Громану пролетарская революция лишь временный перерыв капиталистического процесса. Пределом развития нашего хозяйства «в ближайшие годы», — писал Громан в 1925 г., — являются довоенные отношения основных элементов хозяйства, «в которых выражались условия хозяйственного равновесия». Эти условия — по Громану — «являются регулятивными нормами в об'ективном смысле слова и для нашего хозяйственного процесса». Таким образом довоенные «закономерности», обнаруживаемые чисто статистическим путем, превращаются в некий у р о в е н ь, от которого динамике советского хозяйства дозволено лишь «случайно уклоняться». «Степень их устойчивости, — пишет Громан, — конечно не стопроцентная. Раз открытая правильность не повторится в тождественном выражении в следующие моменты, но она будет близка к ним».

Реакционная теория устойчивости выступает здесь в соединении с не менее реакционной теорией равновесия, как оправдание механического перенесения «эмпирических закономерностей» экономически отсталой капиталистической России на экономику строящей социализм советской страны. Теперь не трудно видеть, как «сбылись» пророчества Громана о «ближайших годах» после значительных успехов, достигнутых в социалистической реконструкции промышленности и сельского хозяйства.

Однако в мою задачу не входит анализ теоретико-экономических основ вредительских построений. Я имел в виду уделить главное внимание м а т е м а т и к о-статистическим методам, игравшим роль тяжелой артиллерии в теоретическом арсенале вредителей.

Было бы неверно отрицать научную законность применения более совершенных математических приемов статистического анализа, чем обычные элементарные приемы. Слабую математическую подготовку наших статистико-экономических кадров отнюдь нельзя считать добродетелью. Ликвидация их математической неграмотности несомненно принесла бы пользу, повысив эффект практической и теоретической работы. Боязнь математики у экономистов-марксистов нередко связана

с незнанием математики. Ж и л и о т ц ы и д е д ы б е з м а т е м а т и к и — п р о ж и в е м и м ы.

Но есть другая очень важная причина вполне законного недоверия к математике. Бужуазная экономическая наука широко использует математическую трактовку для придания видимости доброкачественной науки своим лже-теориям. Она полагает, что чисто математическими манипуляциями, без конкретного анализа изучаемых явлений, без теоретически правильного осмысливания диалектики качества можно проникнуть в «сущность». Такая фетишизация математики получила правильную оценку еще у Гегеля. В противоположность Канту, провозглашавшему, что «всякая наука лишь постольку наука, поскольку в ней есть математика», Гегель остроумно высмеивает «кичливые» претензии математики. И при всем этом правильно указывает, что математика неспособна схватить «к а ч е с т в е н н о е и м м а н е н т н о е д в и ж е н и е, с а м о д в и ж е н и е», потому что «р а с с м а т р и в а е т т о л ь к о в е л и ч и н у, н е с у щ е с т в е н н о е р а з л и ч и е» («Феноменология духа»).

Каким бы сложным и тонким математическим путем не пользовался экономист при изучении кон'юнктуры капиталистического хозяйства, он неизбежно придет к грубо ошибочным либо практически бесплодным выводам, если не будет исходить из марксистской теории воспроизводства и кризисов. Он сделается жертвой математического формализма, если оторвет количественный анализ от качественного.

В тесной связи с математическим формализмом находится концепция эволюционизма, рассматривающая развитие как п л а в н о е количественное изменение. Эта концепция является органически составной частью буржуазной и ревизионистской методологии. Родоначальниками эволюционизма являются творцы классического математического анализа. В школе Лейбница учили, что природа не делает скачков. Именно там возникла концепция развития как увеличения и уменьшения, как плавного процесса количественных изменений (дифференцируемые функции). По Ленину же существуют две основные концепции развития: «развитие как уменьшение и увеличение, как повторение и развитие, как единство противоположностей... Первая концепция мертва, бедна, суха. Вторая жизненна. Только вторая дает ключ к «самодвижению» всего сущего; только она дает ключ к «скачкам», к «перерыву постепенности», к «превращению в противоположность», к уничтожению старого и возникновению нового» (Ленинский сборник, XII). Таким образом концепция эволюционизма апологетична по существу. Она не выводит за рамки старого качества и неспособна вскрыть механизм его разложения и возникновения нового качества. Она стирает качественные различия, подменяя скачкообразное развитие плавным и постепенным через бесконечно малые изменения.

Из математико-статистических методов, которыми пользовались вредители, заслуживают особенного внимания методы анализа кон'юнктуры, заимствованные у известной Гарвардской школы. Не потому,

что эти методы представляют научную ценность, а именно потому, что они такой ценности не представляют, что они побивают рекорд эмпиризма и буржуазного скудоумия, и, несмотря на все это, рабски копировались у нас и восхвалялись как особенно ценное орудие статистического анализа так называемых «временных рядов». Как известно, Гарвардская школа, также как и Гарвардский университет в целом, пользуется особым покровительством американских банков. Гарвардская школа занимается предсказаниями экономической погоды в Соединенных Штатах. Она обслуживает магнатов финансового капитала, пытаясь помочь им — на основе предсказаний — в критический момент использовать поворот кон'юнктуры в своих интересах, посредством банковских, биржевых и прочих операций. С этой целью гарвардцы исследуют три группы экономических кривых: фондов, цен, учетного процента.

Основной порок этих исследований заключается в их чисто эмпирическом характере. Отсутствует самое существенное — знание истинных причин циклообразности кон'юнктуры, коренящихся в антагонистической структуре капиталистического хозяйства. Поэтому, несмотря на огромную вычислительную работу, проделанную гарвардцами, они скользят по поверхности экономических процессов и занимаются практически бесплодным случайным сопоставлением изменяющихся признаков. Еще совсем недавно Гарвардская школа претендовала на предотвращение экономических кризисов в Соединенных Штатах. Современный мировой кризис, особенно больно ударивший по Соединенным Штатам, показывает, сколь основательны были гарвардские прогнозы и претензии.

Для выделения чисто циклических колебаний, которые особенно беспокоят буржуазию, элиминируется уровень. Уровень — это прямая либо параболы некоего порядка выше единицы. Но ведь можно выбрать бесчисленное множество линий. Почему в данном случае выбирается прямая? На это гарвардцы отвечают, что прямая выбирается потому, что «рост производства пропорционален росту населения». Глубина такого экономически-теоретического обоснования не требует по моему никаких комментариев. Затем исключаются «сезонные» колебания, повторяющиеся из года в год, и наконец остаются невыделенными «случайные» или «иррегулярные», порожденные «случайными» факторами: войнами, стачками, революциями и стихийными бедствиями — землетрясениями и т. п. Таким образом войны и революции рассматриваются как случайные факторы и приравниваются к таким явлениям, как... землетрясение. Казалось бы этого одного уже достаточно, чтобы отвергнуть гарвардские методы как совершенно не научные, а не пытаться переносить их в наши условия.

Но и все расчленение кон'юнктурной кривой на отдельные слагаемые в корне неверно. Нельзя механически отделить поступательное движение капиталистического хозяйства от циклической формы, в которой это движение неизбежно проявляется.

Форма обусловлена содержанием — расширенным воспроизводством антагонизмов и диспропорций капиталистического хозяйства.

Буржуазные кон'юнктуристы и их советские эпигоны делают целый ряд других грубых ошибок. Они смешивают принципиально различные экономические типы (промышленный капитализм и империализм, империализм и переходный период). Они подменяют скачкообразное и неравномерное развитие капитализма равномерно-эволюционным и т. д.

Лишь теоретически верное познание экономических законов капитализма может действительно обеспечить правильную математическую трактовку кон'юнктуры. Иначе исследователь кон'юнктуры обречен на безнадежную путаницу в «угарной бесконечности» эмпирических единичностей (цифр, показателей и т. п.).

Однако и после того, как вредители перемещены туда, где они должны были давно находиться, у нас появляются еще книги, в которых пропагандируются методы американских кон'юнктуристов, причем пытаются обосновать их ссылками на Ленина и Маркса.

В своей книге «Экономическая статистика» Бобров пытается использовать авторитет Ленина для защиты теории устойчивости. С этой целью он цитирует известную ленинскую работу «К вопросу о диалектике» и пропускает именно ту часть цитаты, которая бьет как раз по теории устойчивости и пресловутым «эмпирическим закономерностям», открытым Персонсами и Громанами (Громан: «закон» соотношения товарных масс).

У Ленина:

> Единство (совпадение, тождество, равнодействие) противоположностей условно, временно, преходяще, релятивно. Борьба взаимоисключающих противоположностей абсолютна, как абсолютно развитие, движение... Для об'ективной диалектики в релятивном есть абсолютное.

У Боброва:

> По вопросу об устойчивости соотносительностей у Ленина: «Единство (совпадение, тождество, равнодействие) противоположностей условно, временно, преходяще, релятивно». Однако «для об'ективной диалектики в релятивном есть абсолютное».

Бобров пропускает мысль Ленина об абсолютности развития через борьбу противоположностей, направленную против всяких фетишей равновесия и устойчивости, и комбинирует так остальное, что у неискушенного читателя получится впечатление подчеркиванья Лениным какого-то абсолютно-статистического момента.

У Боброва можно найти и другие «перлы». Что например можно понять из следующего определения кон'юнктуры:

...«сочетание народнохозяйственных явлений, которое: 1) является исчерпывающим для данного момента результатом (?) ранее проявившихся в той или иной мере сложившихся хозяйственных явлений, 2) является общественно-необходимым субстратом наиболее важных в данный момент явлений в их целокупности (?!), 3) является завершенным (!), исходным (!) пунктом для дальнейшего развития народнохозяйственных явлений. Эта целокупность явлений является необходимо обусловленной и абсолютно неизбежной» (стр. 497).

Неужели Бобров воображает, что можно сойти за марксиста, твердя и кстати и некстати все эти — «общественно-необходимый», «субстрат», «необходимо-обусловленный», «целокупность» и т. д.

В определении ряда других понятий тоже какая-то причудливая смесь кусочков марксизма и американо-вредительских «теорий».

Например на стр. 62 случайное определяется как явление, «причина которого неизвестна и не может быть точно установлена», т. е. дано обычное метафизическое определение случайного. А на стр. 499, позабыв очевидно о том, что писал на стр. 64, Бобров списывает гегелевское определение случайного.

Основной порок математико-статистических построений вредителей — математический формализм, помноженный на крайнюю примитивность математического аппарата, на незаконность его применения не только с точки зрения теоретической экономии, но и с математической точки зрения. Трактовка динамических рядов, развивающихся во времени, на основе определенных закономерностей капиталистического хозяйства, как распределения случайной переменной, в корне ошибочна. Смутное сознание этого факта существует и у гарвардцев (Персонс) и у вредителей. Они вынуждены признавать на каждом шагу, что корреляция «временных рядов» собственно не корреляция, что это всего на всего «конкомитация», не измеряющая связи, а лишь описывающая (?) ее извне. Не трудно сообразить, что категория «описания» заимствована из сокровищницы махизма. В этом вопросе о корреляции динамических рядов всего больше ошибок и путаницы. В действительности же коррелирование динамических рядов, например коррелирование кривых Гарвардского барометра, сводится к более или менее замаскированным приемам исследования свойств тригонометрических функций. Замалчиваемый или открыто отвергаемый периодизм экономических кривых (кон'юнктуры) абстрагируется от всего остального, отрывается от качественной связи, от специфических закономерностей капитализма и в искаженном виде приводит к неверным «эмпирическим закономерностям», на основе которых предсказывают и... садятся в лужу. В самом деле, кольцеобразная регрессия не что иное как окружность, выступающая в некрасивом наряде ломаной. И если в результате большой вычислительной работы приходите к выводу, что сумма квадратов синуса и

косинуса равна единице, нельзя не усомниться в эффективности всего предприятия.

Необходимо помнить, что задача математика состоит в измерении количественной стороны закономерностей, раскрытых специфическим анализом данной дисциплины (теоретической экономии и т. п.). Качественный анализ служит основной предпосылкой количественного анализа: диалектика качества подводит вплотную к простым и однородным элементам, и лишь тогда в научном исследовании возникает потребность в математической трактовке. Никакая корреляция не вскроет причин циклообразности капиталистической кон'юнктуры, если с самого начала теоретически неверно осмыслены закономерности капитализма. Никакая математика ничего не даст для познания закономерностей переходного периода, если нет марксистски правильного понимания экономических явлений, их качественной стороны.

Но, с другой стороны, нельзя больше терпеть невероятную неграмотность наших экономистов и обществоведов в области математики. У многих экономистов и философов отсутствует твердое знание арифметики. И как можно при таком математическом вооружении не оказаться жертвой математического очковтирательства вредителей! Социалистическая реконструкция хозяйства и культурная революция с особой остротой выдвигают требования быстрейшей ликвидации этого прорыва. Несмотря на значительный рост наших марксистских кадров и большие достижения в их работе, состояние их математического образования характеризуется резким несоответствием задачам и темпам социалистического строительства. Нужно наладить массовую подготовку таких экономистов, которые, будучи хорошими марксистами-ленинцами, знали бы математику и не испытывали бы головокружения от самой простой алгебраической формулы, и также математиков с марксистско-ленинским образованием.

Б. Ястремский

О громанских прогнозах урожая

Я хочу рассказать об использовании Громаном одного из вариантов теории устойчивости статистических рядов, той теории, о которой уже упоминалось. Я расскажу об одном «теоретическом» выступлении Громана и о борьбе против его очковтирательской теории, которую привелось вести мне вместе с т. Смит и т. Старовским.

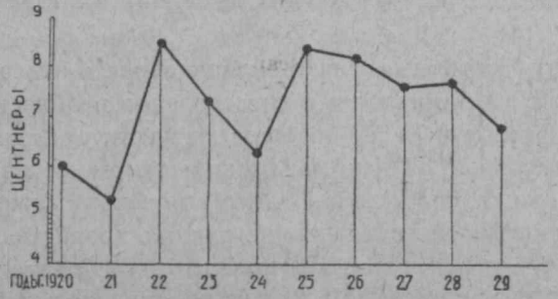
Речь идет о жгучем для нас всех вопросе — о прогнозе урожайности. Я покажу, какой метод придумал Громан для того, чтобы «предсказывать»урожай. Метод его чрезвычайно прост. Для людей неискушенных он кажется каким-то откровением; знающим же дело сразу бросается в глаза явная беспринципность построения Громана.

Следует отметить одну странность. В среде группировавшихся вокруг Громана специалистов выводы его были приняты как некое открытие. Среди этих специалистов были и такие, кто хорошо понимал теорию математической статистики. И вот с их стороны не было дано ни малейшего отпора. И надо было выступить Громану в иной обстановке, в ином окружении (я говорю о выступлении Громана в Госплане в январе 1929 г. и затем в коллегии ЦСУ в мае того же года)[1], чтобы его «теория» получила надлежащее освещение.

Суть «метода» Громана может быть пояснена на следующем примере.

Имеются за десятилетие 1920—1929 гг. показатели урожайности зерновых культур по СССР — цифры беру из доклада Громана, за исключением урожая 1929 г.:

Показатели урожайности зерновых культур по СССР за 1920—1929 гг.



Годы	Центнеров с 1 га	Годы	Центнеров с 1 га
1920	6,0	1925	8,4
1921	5,3	1926	8,2
1922	8,5	1927	7,6
1923	7,3	1928	7,7
1924	6,3	1929	6,8

Показатели урожайности, как видите, из года в год изменяются скачкообразно, прыгая то вверх, то вниз. Известный статистик-математик В. М. Обухов установил, что наблюдавшиеся до настоящего времени скачкообразные изменения урожаев почти целиком обусловливаются воздействием метеорологических факторов — осадков и температуры в первую голову.

Наше сельское хозяйство, как известно, развивалось в прошлом, можно сказать, стихийно. И резким скачкам урожайности почти не противостояли или по крайней мере слишком слабо противостояли агротехнические мероприятия. В таких условиях полновластно царила стихия. Высота урожая зависела от случая: будет дождь во время — жди урожая, пришла засуха — клади зубы на полку...

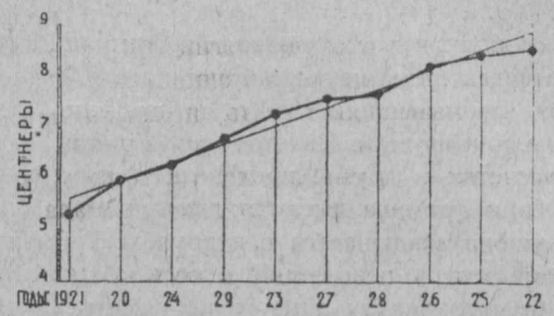
Так вот в этой игре случая Громан усмотрел следующего рода закономерность.

Расположите урожайные данные в ряд таким образом, чтобы первым членом ряда оказывался наименьший урожай (1921 г.),

[1] Протокол заседания коллегии ЦСУ 22/V 1930 г. опубликован полностью в журнале „Вестник статистики" за 1929 г., № 2.

вторым — следующий по высоте (1920 г.) и т. д. Тогда вы получите такую последовательность цифр:

Показатели урожайности, расположенные по „огиве"



Центнеров с 1 га	Урожаи	Центнеров с 1 га	Урожаи
5,3	1921 г.	7,6	1927 г.
6,0	1920 „	7,7	1928 „
6,3	1924 „	8,2	1926 „
6,8	1929 „	8,4	1925 „
7,3	1923 „	8,5	1922 „

Из диаграммы 2 вы видите, что наши цифры образуют монотонную последовательность, хорошо знакомую статистикам-математикам. Получающаяся линия называется огивой. Эта огива практически близка к прямой линии. Только на краях она должна давать загибы: налево — загиб вниз, а направо — загиб вверх. В рассматриваемых данных эти загибы отсутствуют.

Проделав описанную только что операцию над целым рядом урожайных данных, не только русских, Громан был поражен получившейся везде правильностью огив. И, поразившись, об'явил «обнаруженное» им свойство «законом симметрии» и «законом компенсации».

На базе этого «закона» у Громана возникла следующая цепь умозаключений. Существует «закон»: десять смежных урожаев должны укладываться в прямолинейную огиву. Пусть из этого десятка нам известны девять урожаев, а десятый пока неизвестен. Тогда в огиве должен образоваться прорыв, порожденный нехваткой одного звена в цепи линейной последовательности урожаев.

Пусть например даны урожаи за 9 лет, с 1920 по 1928 г., а урожай 1929 г. отсается пока неизвестным. (Когда Громан докладывал о своем открытии — январь 1929 г., — то именно так и было.) В таком случае на огиве не хватит звена в средней части ее. Следовательно надо было ждать урожая около 7 ц на га.

Так оно в действительности и оказалось. Предсказание почти сбылось.

Этот успех чрезвычайно подкрепил уверенность Громана в незыблемости установленного им «закона». И он дал прогноз на 1930 г.

Его прогноз судил неурожай. Здесь Громан исходил из данных 1921—1929 гг., в которых имелся только один резко выраженный неурожай 1921 г. В огиве не хватало еще одного плохого года. Вот это недостающее звено и должно было охарактеризовать плохую зерновую продукцию 1930 г.

Замечу в скобках, что в показаниях вредителя Рамзина отмечаются надежды интервентов на неурожай именно в 1930 г.

Все знают, что нынешний 1930 г. оказался не только не плохим, но наоборот очень хорошим. На этот раз Громан здорово ошибся. Ошиблись в расчетах и другие вредители и их хозяева.

В построении Громана имеются две ошибки.

Первая ошибка заключается в недоучете Громаном действенности проводимой теперь революции в сельскохозяйственном производстве. Громан недоучел да и не желал учесть эффект интенсификации земледелия. Он, как и все вредители, отворачивался с презрительным скептицизмом и от массовой зяблевой вспашки, и от расширенного применения удобрений, и от введения механизации полевых работ...

В ответ на упреки — тт. Смит, Старовского, Дубровского и др. — Громан отвечал, что им приняты в расчет агротехнические улучшения: в виде уступки он повысил выведенную им цифру на 3%...

По самым скромным подсчетам проводимые теперь мероприятия должны дать гораздо более резкое повышение урожайности. И вы можете легко понять, что достаточно поднятия урожайности на 10%, чтобы все построение Громана лопнуло как мыльный пузырь. Ибо громановская огива опирается на закон компенсации в пределах целого десятилетия. Так что предшествующие девять лет должны, так сказать, предопределить десятый год. Закон компенсации требует существования твердо установленной неизменной огивы, не допускающей никаких скачков урожайности.

Идея Громана — это рецидив отвергнутой статистиками-марксистами насквозь буржуазной теории устойчивости статистических рядов.

Вторая ошибка Громана коренится в глубоком непонимании им действия закона больших чисел. Громан как будто и не подозревает, что всякий случайный ряд дает по внешности такой же самый эффект, как и его урожайные ряды. В спорах с ним я дважды показывал ему огивы, являвшиеся в результате игры слепого случая при извлечении шаров из урны. Мои огивы были очень похожи на громановские... Но аргументация эта так и не дошла до сознания моего оппонента. Думается, однако, и не могла дойти, ибо Громан — типичный представитель старой школы ползучего эмпиризма, осужденного скользить по поверхности явлений, осужденного, как говорил Маркс, пресмыкаться перед видимостью.

Вот пример очковтирательского направления в нашей статистике. На борьбу с ним мы тратили много энергии. И должен с сожалением констатировать, что в спорах и с Громаном и с другими — и я и мои товарищи полагали, что перед нами лишь идеологические враги. Казалось, что речь идет только о методологических установках. Однако дальнейшее развитие событий показало, что дело было не только в методологии. И это показали не мы, это показало ГПУ.

Еще раз повторяю, речь шла как будто по линии идейной борьбы. Мне недавно пришлось слушать на заседании Совета Института математики и механики речь проф. Егорова, тогда еще не разоблаченного вредителя. Он выступил со своего рода программной речью и так горячо, со слезой даже в голосе, сказал: «что вы там толкуете о вредительстве... худших вредителей, чем вы, товарищи, нет, ибо вы своей пропагандой марксизма стандартизируете мышление»...

ГПУ верной рукой вылавливает вредителей. Что же нам, научным работникам и работникам практическим, следует делать? Нам нужно итти на помощь этому верному стражу революции. Нужно выявлять вредителей, которые ради якобы свободы мысли против «стандартизации» мышления ведут свою якобы идейную борьбу. Этих вредителей надо вылавливать, и мы в этом отношении должны помочь ОГПУ.

В. Старовский

„Соломенные миллиарды" вредителя Вишневского

Тов. Хотимский привел ряд примеров, из которых можно было ясно видеть, что основная методологическая неправильность применения статистического метода у вредителей заключалась в математическом формализме. Сущность этого математического формализма состояла в том, что качественные проблемы пытались разрешить при помощи одних количественных построений, вследствие чего математический метод превращался в фетиш, в ширму для прикрытия целого ряда заведомо недоброкачественных выводов.

Примеры, которые приводил т. Хотимский, быть может недостаточно осознаны всей аудиторией, ибо при разборе их неизбежно приходилось оперировать специально-математическими терминами, не всем из присутствующих известными.

Я сейчас остановлюсь на одном конкретном примере вредительства, который может быть вскрыт и осознан без углубления в математические схемы. Речь идет о вредительстве Вишневского.

Прежде всего маленькая историческая справка. Гражданин Вишневский является одним из ближайших соратников Громана. Он руководил до последнего времени в Госплане СССР составлением сводного баланса сельского хозяйства. Я был откомандирован из секции методологии продолжить его дело, не то дело, за которое он был посажен (смех), а дело составления сводного баланса сельского хозяйства.

Тов. Барбе, временно возглавлявшая тогда секцию с.-х. статистики, обратила мое внимание на крайнее неблагополучие в вопросах оценки сельскохозяйственной продукции. Дело в том, что при составлении сводного баланса необходимо было определить стоимость продукции сельского хозяйства в ценах соответствующих лет и в неизменных ценах 1926/27 г. Как известно, первая оценка преследует задачу изучения об'ема и динамики ценностей массы продукции, вторая же оценка — изучение об'ема и динамики физической массы продукции.

Оценка продукции представляется на первый взгляд задачей чисто технической: если известна продукция по ее отдельным видам и известны цены, то вся проблема сводится как будто бы лишь к простому перемножению, к простой арифметике. На самом же деле эта арифметика тесно связана с политикой.

Вишневский взял так называемые «цены реализации» (т. е. средние взвешенные из заготовительных цен и цен частного рынка) и оценил по ним всю продукцию. Эти цены реализации вполне пригодны для оценки товарной части продукции, но отнюдь не годятся для оценки нетоварной ее части. Оценивать нетоварную часть продукции нужно очевидно по таким ценам, по которым крестьянин мог бы реализовать ее, если бы отказался от потребления. Совершенно очевидно, что такой ценой является государственная заготовительная цена, ибо потенциальная возможность выпуска на частный рынок дополнительных товарных масс (кроме уже фактически проданных) весьма ограничена.

Что же делает вредитель Вишневский? Оценивая всю продукцию по средней цене реализации, он учитывает влияние частной цены не только при оценке товарной части продукции (где она конечно имеет значение и то ограниченное), но и при оценке нетоварной части. При такой установке всякий продукт, который на рынок не поступил, а потреблен внутри крестьянского хозяйства, оценивался с учетом частной цены. Пользоваться такой оценкой можно лишь в том случае, если цену частника рассматривать не как спекулятивную цену, а как «нормальную» цену.

Благодаря принятому Вишневским методу оценки чрезвычайно вздутой оказалась оценка малотоварных продуктов, например соломы и сена, где продажа идет в значительной части на частный рынок, да и самые цены, в виду незначительности продаж, носят случайный характер. Мы приводим ниже цены единицы и стоимость всей массы этих продуктов и одновременно для сравнения даем стоимость всей продукции зерновых (см. табл. на 155 стр.).

В результате статистических манипуляций продукция соломы и сена оказывается равной двум третям стоимости зерновых, а в 1929/30 г. равной почти на все 100%.

Вряд ли нужно кому-либо доказывать всю абсурдность подобного вывода.

Цены соответствующих лет[1]

Годы	Цена (в коп. за центнер)		Стоимость продукции (в млн. руб.)			Стоимость всей продукции зернов. в млн. руб.)
	Сена	Соломы	Сена	Соломы	Соломы и сена вместе	
1927/28	209	116	1.749	1.247	2.996	4.578
1928 29	296	158	2.280	1.588	3.868	6.061
1929/30	463	246	3.300	2.610	5.910	5.982

Подобные же результаты получаются и при оценке продукции в неизменных ценах (ибо цены 1926/27 г. были получены тем же методом, т. е. с учетом частника и для товарной и для нетоварной части продукции).

Мы приводим их ниже.

Стоимость продукции в неизменных ценах (в млн. руб.)[2]

Годы	Сено	Солома	Сено и солома вместе	Все зерно
1927/28 . . .	1.780	1.186	2.966	3.826
1928/29 . . .	1.665	1.090	2.755	3.807
1929/30 . . .	1.618	1.138	2.756	3.774

Надо сказать, что в таблицах 1 и 2 приведены уже исправленные (хотя и далеко недостаточно) под давлением секции воспроизводства Госплана СССР расчеты. Исправления эти коснулись двух моментов: во-первых, выброшена та часть продукции сена и соломы, которая осталась неиспользованной, и, во-вторых, для нетоварной части продукции сделана так наз. «транспортная скидка», т. е. из цены реализации сброшены расходы по доставке продукта на рынок.

Все эти исправления были произведены уже в порядке дальнейшего уточнения работы и не были учтены работниками, составлявшими контрольные цифры.

В проекте контрольных цифр на 1930/31 г. были приняты первоначальные, т. е. еще более вздутые для нетоварных продуктов методы оценки. Это тем более странно, что руководители с.-х. секции еще в прошлом году подымали вопрос об освобождении от соломенного привеска. Мы приводим ниже этот проект, причем для сравнения даем не только продукцию зерна, но и продукцию животноводства.

Стоимость продукции в неизменных ценах (в млн. руб.)[3]

Годы	Сено	Солома	Сено и солома вместе	Все зерно	Все животноводство
1927/28	2.461	1.659	4.120	3.596	5.361
1928 29	2.571	1.634	4.205	3.6 4	5.352
1929/30	2.513	1.670	4. 83	3.472	4.105
1930/31	2.601	2.011	4.612	4.382	4.674

[1] Все цифры взяты из материалов к сводному балансу сельского хозяйства, представленных Вишневским.

[2] Цифры взяты из материалов Вишневского.

[3] Цифры взяты из проекта контр. цифр на 1930/31 г. Проект этот не получил утверждения в связи с переходом на календарный год.

Продукция сена и соломы все время превышает по стоимости продукцию зерновых; совершенно несообразно и то, что стоимость продукции животноводства оказывается близкой к стоимости соломы и сена (правда в продукцию животноводства не включена работа лошади, но ведь и корма не исчерпываются сеном и соломой).

Если верить этим цифрам, то все животноводство должно давать убыток. По существу же дело, конечно, лишь в неправильности оценки: животноводство в основном оценено по заготовительным ценам, а корма — по частным ценам, выведенным к тому же на основании незначительного числа случайных продаж.

Какой смысл могло иметь такого рода грубое искажение важнейших статистических показателей? Вполне возможно, что здесь имело место желание вообще дискредитировать наши плановые показатели, натаскать туда всякой статистической гнили и требухи, вроде «соломенных миллиардов». Искажения эти имели однако и другой более актуальный политический смысл. Совершенно неправильное представление о структуре продукции селького хозяйства, полученное в результате статистических махинаций вредителей, должно было дать базу для различных теорий «о убыточности» и «деградации» нашего сельского хозяйства, теорий, которые развивали и развивают наши буржуазные экономисты и их подголоски из правооппортунистического лагеря.

Искусственное вздутие продукции сельского хозяйства, полученное в результате оценки ее с учетом частных цен, преуменьшало те достижения, которые имеются в области индустриализации страны. Статистические махинации смазывали процесс перехода нашей страны из аграрно-индустриальной в индустриально-аграрную.

Любопытно отметить одну деталь, показывающую, с каким упорством держались вредители за свои «соломенные миллиарды».

Когда Вишневскому было предложено сделать для нетоварной части продукции уже упоминавшуюся выше «транспортную скидку», то он принял ее в таких размерах:

	В процентах
Для зерновых и маслосемян	10
„ соломы	12
„ сена	15
„ картофеля и овощей	15

Между тем естественно было ожидать, что эти транспортные скидки окажутся большими для малоценных продуктов и относительно малыми для более дорогих товаров (ибо процент скидки есть отношение стоимости провоза единицы продукта к цене этого продукта).

Проценты же скидок в том виде, как они даны выше, представляют очевидную экономическую нелепость.

Чтобы дать понятие о грубости допущенных Вишневским неправильностей, мы приводим ниже проценты скидки, установленные сейчас секциями обращения и воспроизводства Госплана СССР.

	В процентах
Зерно	6
Маслосемена	4
Картофель и овощи	15
Сено	30
Солома яровая	50
„ озимая	70
Мякина	30

Сейчас результаты работы Вишневского в сельскохозяйственной секции Госплана СССР переделываются.

Освобождение от соломенного привеска и других искусственно-вздутых нетоварных частей продукции отнюдь не дает картины снижения динамики продукции нашего сельского хозяйства.

Темпы динамики остаются теми же самыми (а в некоторых случаях оказываются даже более значительными), снижается в ценностном выражении лишь абсолютная масса продукции сельского хозяйства за все годы. Это уменьшение ценностной массы продукции сельского хозяйства соответственно увеличивает долю промышленности в общей продукции нашей страны, т. е. дает возможность установить более правильное представление об успехах нашей индустриализации, чем это можно было заключить по статистическим показателям, составленным вредителями.

Такова вредительская цель всех этих искажений. Характерен однако и самый метод, при помощи которого искажения эти получены. Только преклонение перед частной торговлей, перед спекулятивными ценами частника, свойственное всей теплой компании вредителей, могло привести к таким явно абсурдным методам оценки, которые применял Вишневский.

«Соломенными миллиардами» отнюдь не исчерпывается вредительское наследие Вишневского. Следует упомянуть например, что Вишневский упорно отказывался диференцировать цены сельскохозяйственной продукции по отдельным секторам, т. е. упорно не хотел считаться с теми новыми качественными сдвигами, которые произошли в нашей экономике.

Приведенный мною пример показывает, как самые элементарные статистические показатели в руках вредителей превращаются в чрезвычайно острое оружие в борьбе против социалистического плана. Если в таких простых вещах вредители оставались неразоблаченными, то еще легче было им протаскивать те свои статистические расчеты, которые прикрывались вуалью сложнейших статистических формул. Не случайно т. Хотимский посвятил очень много времени освещению математико-статистического вредительства. В связи с необходимостью борьбы с этими вредителями мы должны хорошо владеть математическим методом. Очень остро стоит проблема математико-статистических кадров. Нужно, чтобы наши экономисты-марксисты были вооружены математически-статистическим методом, во-первых, для того, чтобы бороться с вредительством, и, во-вторых, для того, чтобы пра-

вильно применять эти методы там, где они нужны. В этом отношении дело обстоит крайне неблагополучно. В целом ряде вузов математико-статистические дисциплины преподавались и преподаются лицами, мягко выражаясь, неприемлемыми идеологически. В других вузах эти дисциплины просто-на-просто угробили или стараются угробить. Недаром центральный орган нашей партии посвятил этому вопросу специальную статью [1]. Вопрос о подготовке кадров, знающих математическую статистику, есть вопрос политический, вопрос борьбы с вредителями в этой области.

Я думаю, что присутствующие здесь наши молодые кадры, товарищи из Планового института и других вузов, учтут это обстоятельство, учтут необходимость максимального вооружения на этом фронте, чтобы не только во всеоружии встретить врага, но и использовать все те положительные возможности, которые имеются у марксистски реформированной математической статистики при применении ее к измерительной экономике.

А. Боярский

О теории затухающего темпа развития советского хозяйства

Если шахтинцы — эти мелкие исполнители того крупного подрывного дела, которое сейчас раскрыто, иногда позволяли себе роскошь выявлять свое враждебное отношение грубым обращением с рабочими, то те, кого будут судить сейчас, эту роскошь — выявлять свое враждебное отношение ко всему нашему общественному строю — позволяли себе в более крупных вещах. Они позволяли себе в вопросах «высоко-теоретических» почти неприкрыто выступать (Кондратьево-Базарово-Громанская группа) со своими установками на капиталистическую реставрацию. Они рассчитывали при этом на нашу недостаточную бдительность, на то, что мы будем в этом видеть чисто идеологическую борьбу и не догадаемся о том, что за ней скрывается практическая вредительская работа. Так или иначе в нашей среде в конце концов нашлись люди достаточно бдительные. Работают ли эти люди в ГПУ, в Госплане или в каком-либо другом учреждении — они представители рабочего класса, и значит у рабочего класса оказалось достаточно бдительности. Тем самым надежды вредителей не оправдались.

Задача нас — научных работников — заключается не только в том, чтобы указать на результаты, не только в том, чтобы опровергнуть выводы отдельных «научных» работ вредителей, но и в том, чтобы вскрыть ход получения этих выводов с тем, чтобы предупредить возможность их повторения в какой-нибудь более замаскированной форме.

Именно поэтому нам приходится на таких, как Базаров, сейчас все-таки остановиться. Ведь если бы нам нужно было просто опровергнуть его основной вывод сам по себе, вывод о затухающем темпе развития нашего хозяйства, то стоила ли бы овчинка выделки. Этот вывод давно опровергнут всем ходом нашего строительства, он опровергнут тем гигантским под'емом, который мы сейчас переживаем.

[1] Кольман. Против научной мистификации в области планирования. „Правда" 31 октября, 1930 г.

Очевидно, что задача научных работников заключается не только в этом, но и в том, чтобы показать, каким путем дошел Базаров до этого вывода, и показать научную порочность этого пути. Вот в чем наша задача сегодня. Тем самым мы конечно еще лучше вооружимся и будем более бдительными, если нам придется еще встретиться с подобным теоретическим вредительством.

О моем, так сказать, «оппоненте», Базаров, приходится прежде всего сказать следующее: если Вишневский, о котором говорил Старовский, принадлежит к числу относительно очень мало образованных вредителей, если Громан — этот оркестрант будущей интервенции (только так можно расценивать его предсказание неурожая) — принадлежит к числу несколько более образованных, то Базаров является одним из наиболее образованных, если не самым образованным из вредителей. Поэтому неудивительно, что методы его научного вредительства гораздо более сложны и требуют для их рассмотрения гораздо большей подкованности, нежели методы Громана и во всяком случае методы Вишневского.

Мне придется поэтому коснуться и кое-чего из области математики и даже высшей математики для того, чтобы стал ясен тот путь, по которому Базаров пришел к своему выводу, и тем самым стала ясна его несостоятельность.

В нашей литературе Базаров (как плановик) известен главным образом затухающими темпами. Между тем теоретическое вредительство Базарова заключается не только в этом. Если присмотреться несколько подробнее к его творениям, то можно увидеть в них и полное отсутствие всякого различия подхода к изучению хозяйства при капитализме и при советских условиях и перепев той же Громановской теории об устойчивом соотношении между сельским хозяйством и промышленностью, и общий для всех вредителей взгляд, что довоенный уровень — это та последняя грань, до которой большевики еще способны довести страну, дальше же которой доступ им совершенно закрыт. Эта установка имеется у Громана в виде устойчивого соотношения между промышленностью и сельским хозяйством, она же имеется у Базарова в несколько ином виде.

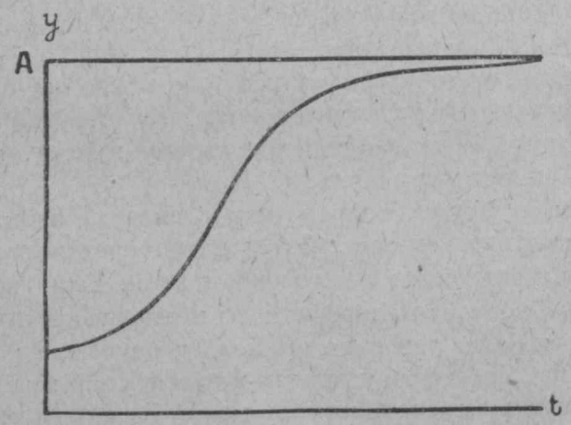
В подтверждение своих взглядов Базаров приводит ряд выравненных кривых. В отличие от других он пытается обосновать те кривые, при помощи которых он выравнивает фактические цифры нашего хозяйственного развития. У Кондратьева и других — бесшабашное применение параболы «соответствующего порядка». У Базарова попытка серьезно обосновать ту кривую, которую он применяет. Эту попытку можно представить примерно так. Хозяйственное развитие есть процесс роста производства. Этот процесс роста произ-

водства выражается в том, что цифра продукции растет. Следовательно можно, представив эту цифру продукции как функцию времени, судить о том, как идет развитие нашего хозяйства. Какова же эта функция? Базаров строит ее диференциальное уравнение. Скорость роста продукции, или производная нашей функции пропорциональна, во-первых, величине самой этой функции, так как, чем больше развито производство, тем больше организованность рабочей силы, приобретенное ею уменье и т. д. и т. д. (что касается материальной базы дальнейшего роста производства, то о ней у Базарова нет ни одного слова); во-вторых, имеется некоторый уровень A, который лежит выше достигнутого размера производства, и рост производства пропорционален тому расстоянию, которое еще осталось до этого уровня.

Таким образом

$$\frac{dy}{dt} - ky = (A - y),$$

где t — время, y — размер производства, A — уровень 1913 г. Это диференциальное уравнение дает после его решения кривую следующего так называемого «эсобразного» вида[1]:



Кривая растет не только замедленно, но никогда не достигает даже предела A, предела 1913 г., к которому она асимтотически приближается. Вот почему у Базарова имеется кроме затухания темпов еще этот недостижимый идеал 1913 г.

Как же он обосновывает свое диференциальное уравнение? Представьте себе, что в капиталистических условиях выброшена на рынок масса какого-то продукта, на который имеется определенная потребность, выражаемая величиной A. Будем следить, как эта масса реализуется. Очевидно, что быстрота реализации будет тем больше, чем больше осталось неудовлетворенного спроса, т. е. чем больше $(A - y)$ Кроме того каждая купленная единица этого товара является

[1] Ее уравнение: $y = \frac{A}{1 + ce - Akt}$

пропагандистом за этот товар, если это товар достаточно хорошего качества. То и другое приводит к приведенному диференциальному уравнению. Но тут-то Базаров проделывает головокружительное сальто. Выведя это уравнение для реализации выброшенной на капиталистический рынок массы продукта, в главах о советском хозяйстве просто декретируется применимость его и сюда.

Из предыдущего не трудно усмотреть, что для обоснования применения этого злополучного диференциального уравнения надо доказать пропорциональность скорости роста продукции, во-первых, достигнутому размеру ее, во-вторых, разнице между последним и неким постоянным уровнем A. В главах о советском хозяйстве Базаров декретирование применимости старого диференциального уравнения несколько подкрепляет ссылками на организованность рабочей силы и т. д. Но все это относится к первой части доказательства. Против нее (пропорциональности скорости роста производства, достигнутому размеру его) у нас даже нет особых возражений. Следует лишь выбросить сильно отдающие богдановщиной кивки на организованность и прочее, а просто указать на то, что рост производства происходит не в безвоздушном пространстве, а на материальной базе, ширина и крепость которой определяются уже достигнутым уровнем. Вторая же часть (пропорциональность оставшемуся еще не восстановленным, т. е. $A - y$, именно та, которая создает замедление и ставит всему росту предел в виде уровня 1913 г., как недостижимого идеала, у Базарова довольно детально разработана применительно к ходу реализации тиража книги, но ничем не подтверждена применительно к росту советского хозяйства. Правда, не случайно на первых страницах своей книги («Капиталистические циклы и восстановительный процесс хозяйства СССР») Базаров пишет, что наши планы строятся на ведомственных заявках, упирающихся в конце концов в более или менее точный учет потребностей вольного рынка. Если бы это было так, то мы действительно не так уж далеки от реализации тиража книги. Но что наш план не приспособляется к «вольному рынку», а активно на него воздействует и изживает его, что он есть выражение сознательного направления всей экономики страны к быстрейшему осуществлению социализма, скачок из царства необходимости в царство свободы — этого Базаров, как и все вредители Кондратьево-Базарово-Громанской группы, не может, вернее не хочет понять. Вывод — применение написанного выше диференциального уравнения совершенно необоснованно, произвольно, продиктовано нежеланием понять отличие нашего хозяйства от хозяйства капиталистического, заранее рассчитано на получение тех конечных выводов, которые получил Базаров, а не на научное изучение действительности.

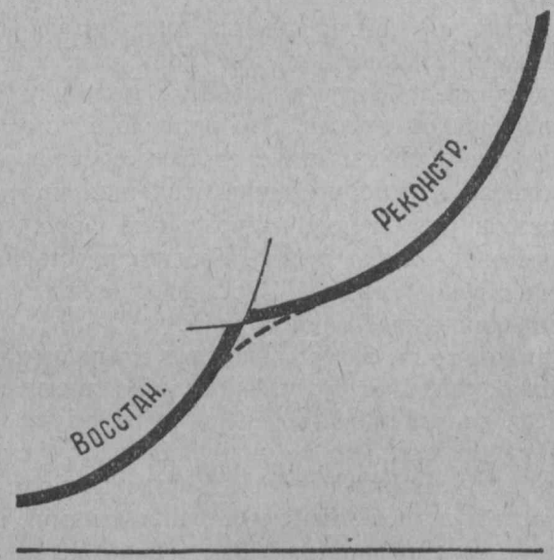
Несколько слов о применимости диференциальных уравнений вообще. Вообще говоря, если мы имеем процесс изменения какого-либо количества и нужно получить правило течения этого процесса, то

употребление диференциальных уравнений безусловно может принести очень большую пользу. Недаром Энгельс говорит, что с переменной величиной математика вступила в область диалектики, а решающая роль в математике переменной величины принадлежит диференциальному и интегральному исчислению. Существо же диференциального и интегрального исчисления именно в диференциальных уравнениях. Следовательно там, где мы имеем дело с процессом изменения количества, уловить его можно хорошо при помощи диференциального уравнения. Но это диференциальное уравнение должно быть построено на основе качественного анализа, а не так, как у Базарова.

Остается еще сказать несколько слов о том одеянии цифр, которым Базаров облек свою эсобразную кривую. Каким образом не получилось резкого расхождения между цифровыми рядами и эсобразной теоретической кривой? Это в конце концов об'ясняется довольно просто. Если с окончанием восстановительного процесса наступает процесс реконструктивный, то мы не можем проводить через тот и другой периоды одну плавную кривую. На вопросах, связанных с этим, останавливался уже т. Хотимский, критикуя афоризм Лейбница о том, что природа не терпит скачков. Если мы имеем смену одного периода другим, качественно от него отличным, и если та или иная кривая годится для одного периода, то для следующего периода самая кривая должна быть совершенно другой. Что же происходит на стыке обоих периодов? Здесь встречаются две различные кривые, следовательно не может не произойти скачка. Если мы возьмем период восстановительный и период реконструктивный, то как для того, так и для другого мы будем иметь кривую с возрастающим темпом. При переходе от восстановления к реконструкции эти две кривые встречаются, происходит скачок. Но увидеть этот скачок на цифрах можно далеко не всегда по очень простой причине. Дело в том, что скачок, т. е. смена восстановительного периода реконструктивным происходит не одновременно. На одном предприятии он может произойти в одно время, на другом — в другое, причем промежутки здесь могут быть даже довольно значительные, если иметь в виду не только несколько предприятий одной какой-нибудь отрасли промышленности, а в целом все народное хозяйство. Что же происходит в результате? В результате масса таких разновременных скачков накладывается друг на друга, и самый скачок всего хозяйства в целом тем самым смазывается и получается представление о некоей плавной кривой, проходящей через оба периода (см. диагр., стр. 162).

Увидев эту смазь, обозначенную на чертеже пунктиром, Базаров принял ее за замедление темпа, за естественное продолжение кривой восстановительного периода и поспешил эту свою слепоту оформить и обобщить в теории затухающих темпов. Махистская философия закрыла от него действительный ход развития, а политическая враждебность к нашему строю заставила поспешить с далеко идущими обобщающими выводами.

Я думаю, что продолжение идеологической борьбы с теми, которые сидят в ГПУ, нисколько не снимает с нас обязанностей вести идеологическую борьбу с нашими врагами, которые находятся на свободе. Поэтому после Базарова я хочу несколько коснуться той якобы поправки, которую пытался внести в построения Базарова Подтягин [1]. Поправка заключалась в следующем: Подтягин отрицает надобность обосновать вид кривой чем-либо иным, кроме тех цифр, которые эта кривая должна выравнять. По примеру целого ряда вульгарных экономистов он применяет просто-на-просто прямую линию и затем доказывает, что если наше планирование будет давать директивы с более быстрыми темпами, чем по его прямой линии, то это планирование предполагает насилие над действительностью, и такой план неизбежно должен провалиться. Прямая же линия принадлежит к линиям с затухающим темпом — это достаточно известно.



Так бесшабашный махизм, лозунг которого — крой по прямой линии все, что попало, и махизм тонкий с диференциальными уравнениями и прочими атрибутами легко столковываются между собой и по вопросу о роли плана и по вопросу о темпах нашего развития.

Наша борьба с Базаровым и базаровщиной началась не сегодня. Не сегодня она и кончается. Задача не только в том, чтобы не ослабить своего напора в борьбе с ее остатками, в борьбе со всякими антибольшевистскими теориями, но в том, чтобы удесятерить свою активность и непримиримость, вести и на теоретическом фронте войну с классовым врагом вплоть до его уничтожения.

[1] О. Подтягин, см. мои статьи в „Экономической жизни“ от 4/I и 1/II 1929 г.

Л. Цыпкин

Вредительство в промышленной статистике

Мне хотелось бы в дополнение к тому, что здесь сказано, вспомнить некоторые чрезвычайно характерные эпизоды, свидетелями которых мы были на протяжении предшествующих 6 лет борьбы за марксистские методы в области промышленности статистики. Прежде чем коснуться этих отдельных эпизодов, весьма красочных, мне хотелось бы привести некоторое сравнение между методологическими основами тех работ, о которых сегодня упоминали, и теми методологическими положениями, на которых зиждилась статистическая работа народников. Здесь имеется целый ряд чрезвычайно любопытных параллелей, которые нас наводят на путь правильного понимания идей вредителей, разоблаченных ГПУ.

Чем можно об'яснить игнорирование к а ч е с т в а как у народников, так и у вредителей? Народники не видели факторов развития капитализма, не верили в развитие капитализма, считали его наносным, чем-то преходящим и следовательно не понимали ведущего значения капиталистических элементов в развитии молодого капиталистического хозяйства царской России. Это привело к тому, что ряд количественных нарастаний рассматривался только с точки зрения количества. Это привело к игнорированию глубоких противоречий капитализма, процессов разложения натуральных форм крестьянского хозяйства, привело к изучению диференциации крестьянского хозяйства в чисто количественном смысле. Народники не видели здесь новых классовых образований и классовой борьбы.

Сейчас мы видим то же закрывание глаз, но не на капиталистические элементы хозяйства, а на бурный рост социалистических элементов. Там не видели капитализма, а теперь те же научные положения лежат в основе работ тех, кто не видит социализма. Тогда полуфеодальные формы и остатки крепостничества возводились в нечто абсолютное, в нечто противоположное капитализму, являющемуся будто чем-то случайным и наносным. Здесь капитализм занимает почетную позицию, занимает место, которое занимали в народнических концепциях остатки феодализма. Капитализм противопоставляется как нечто абсолютное элементам социализма, т. е. элементы социализма рассматриваются как нечто случайное, как некий изгиб кривой, которая во что бы то ни стало должна будет выравняться.

Уяснение этих основных положений дает нам возможность перейти к некоторой общей оценке статистической методологии современных народников в отношении ее к социализму. Мне кажется, такой подход дает нам возможность увидеть всю необходимость пути от научной книги, от может быть иногда блестящих рефератов весьма парадоксального свойства до Лубянки.

Мне представляется, что борьба за марксистскую статистику, начиная с первого инцидента, с хлебо-фуражного баланса, есть борьба

за качественные концепции в количественных измерениях. Эта борьба началась на фронте с.-х. статистики, перекинулась затем в промышленную статистику, и темпы борьбы по линии промышленной статистики значительно превышали темпы во всех остальных отраслях статистики.

Каковы те условия, которые на протяжении многих лет существования советской власти создавали возможность произрастания этих прекрасных злаков вплоть до соломенных миллиардов, о чем мы сегодня слышали? Одним из основных условий, помимо тех, о которых здесь говорилось (слабость марксистских сил и т. д.), является оторванность статистики от непосредственной экономической плановой работы, ее положение во всей нашей организации. Создались условия некоего статистического домашнего хозяйства. В результате мы имели отсутствие политической и экономической ориентации во всей статистической работе. Огромные статистические работы оправдывались тем, что мол довольно любопытно было бы встретить в таком-то аспекте те или иные явления. Отдельные моменты не рассматривались с точки зрения какого-либо единого цикла. Статистика не имела своих принципиальных оснований. Этот, я бы сказал, статистический разврат, с которым мы воевали и остатки которого мы выкорчевываем еще и теперь, порождал в то же время и плановый разврат.

В память врезалось чрезвычайно возмутительное явление, которое я до сих пор забыть не могу. Это было в 1926 г., когда мне пришлось участвовать в комиссии Госплана от ЦСУ по установлению количества кожсырья на 1926/27 г. В эту комиссию вошло несколько представителей Госплана, заинтересованных ведомств и один или два представителя от ЦСУ. Я был чрезвычайно поражен тем, что каждое ведомство, в том числе и Госплан и ЦСУ, предлагало различные цифры, причем колебания цифр было в пределах от 8 млн. до 15 млн. кож. В сущности этими цифрами разрешалась судьба частнокапиталистического сектора. Было известно, сколько реализует госпромышленность, сколько получает кооперация. Пределы колебания говорили о том, существует ли частнокапиталистический сектор вообще в этой области. Если бы была принята максимальная цифра, частнокапиталистический сектор был бы равен 50% всей кожевенной промышленности.

Казалось, нужно было заняться в первую очередь проверкой расчетов и выяснением экономических показателей для уяснения тех цифр, которыми в данном случае оперируют. Если мы устанавливаем цифру 10, говорили соответствующие представители, то вы должны реализовать такую цифру и молчать. Это делалось без всяких пояснений и обоснований. Затем они нашли колебание 8 и 15 негодным, поэтому было принято другое колебание — 12 и 15, причем 12 как будто бы предлагал Ришар, а 15 Лосицкий. В комиссии не могли притти ни к какому соглашению, заседание было отложено. Затем

меня известили, что заседание не состоится, так как Лосицкий и Ришар столковались. Так мне и не пришлось узнать, какими способами были исчислены эти варианты.

Насколько я знаю, это не единственный случай; мне приходилось сталкиваться с другими аналогичными методами исчисления.

Такого рода случаи в нашей практике заставляют говорить о том, что плановик должен быть одновременно не только математиком, о чем совершенно правильно говорилось сегодня и о чем совершенно правильно говорил т. Кольман в статье, недавно помещенной в «Правде», — мне кажется, что до того, как он станет математиком, плановик должен стать статистиком. В сущности говоря, умение владеть счетом для разрешения экономических и плановых проблем — это есть то основное, без чего плановик не может обойтись.

Мне вспоминается первый год борьбы за знаменитый бланк «Б». Чем был тогда бланк «Б»? Бланк «Б» — это вызов всему старому пониманию задач исследования промышленности. Это был вызов об'емным показателям, дающим представление в лучшем случае только об увеличении какой-то продукции, вне зависимости от того, какими способами, на каких заводах, с каким экономическо-эффективным результатом получена эта продукция. Бланк «Б» встретил бурю возмущения на первых порах его проведения. Основное, что руководило этим сопротивлением, это непонимание диференцированных задач, стоящих перед промышленной статистикой, непонимание и недооценка возможностей рационального воздействия со стороны пролетарского государства на основные элементы производственного процесса нашей промышленности, неверное представление о необходимости такой диференцированной программы и непонимание того эффекта, который может быть в результате этого получен.

Второй момент, на котором мне хотелось бы остановиться, — это борьба за методы выборки и постановки работ по производительности труда. При первой попытке изучения производительности труда, проделанной еще до реформы ЦСУ, была дана установка на репрезентацию коллектива в статистике. Эта установка совершенно игнорировала как самую задачу, так и содержание, которое определяло сущность работы.

Задача состояла в определении динамики производительности труда. Предложение вести эту работу по методу основного массива встретило тогда наиболее рьяные возражения, насколько мне помнится, со стороны Базарова и Кафенгауза.

Интересно сейчас установить, почему собственно предложение взять выборки по основному массиву вызвало такие возражения. Эта выборка ведущей части производства определяет весь ход динамики, дает наиболее резкое подчеркивание именно наиболее высоко организованной передовой части нашего производственного аппарата. Боязнь резко очерченных коллективов с определенным качественным

содержанием напоминает боязнь кулака и бедняка у народников, у троцкистов и кондратьевцев.

Мне хотелось бы остановиться еще на некоторых болезнях нашей работы, а именно — мне хотелось бы подчеркнуть чрезвычайно любопытное сходство в статистической методологии двух политически отмирающих групп — народников прежнего времени и правых оппортунистов и вредителей, являющихся питательным бульоном для правого уклона в наше время. Мне кажется, что эти два положения должны служить нам руководящей нитью при дальнейшем анализе корней ошибок в статистической методологии.

М. Н. Смит

Заключительное слово

То, что здесь говорил т. Цыпкин относительно борьбы, которую пришлось выдержать марксистской промышленной статистике, он говорил правильно, но он не договорил одного, а именно, что эта борьба вызвала колоссальное сопротивление со стороны старых статистиков-вредителей. Им не хотелось изменять типа статистики, в котором они были хозяевами. И никто иной, как сам «министр промышленности» Кафенгауз был идеологическим вдохновителем всей этой борьбы против группы марксистов-статистиков. И что особенно возмутительно, оный, не удавшийся министр промышленности, посмел однажды и не однажды, а много раз в боях, которые мы с ним имели (чем мы справедливо гордимся), заявить: вот вы-де какие-то «академики», а я представляю интересы советского правительства, я на него работаю, я являюсь его полномочным. Ибо оный гражданин Кафенгауз удивительно обладал тем самым искусством, о котором дают столько показаний вредители, искусством обволакивания. Он в совершенстве обволакивал людей, с которыми ему приходилось иметь дело, ибо он был не дурак, этот министр промышленности. Он прекрасно понимал, что если он пропустит без сопротивления, без борьбы тот новый тип статистики, за который боролась наша группа, то тем самым обесценится, сведется на-нет та жалкая статистика, хозяином над которой был он. Он боролся за существование той жалкой статистики, которая одно время была гегемоном, он боялся, что придут новые, более сильные, и от его гегемонии ничего не останется. Вот почему нам трудно было бороться сначала за гегемонию марксизма в области статистики промышленности.

Мне сегодня пришлось в другом месте, перед группой французских рабочих, живущих у нас в Москве, выступить с докладом о «промышленной партии». Там я не касалась статистики и изображала картину так, как она была отражена в газетной информации. Они очень внимательно слушали и потом спросили — ну, хорошо, если эти граждане имели такое доверие, если им давали возможность работать, то кто же их в конце концов раз'яснил. Я им ответила, что эта честь принадлежит ГПУ. Здесь т. Ястремский уже выражал благодарность

нашему ГПУ. Но, товарищи, конечно, чрезвычайно хорошо, когда наше бдительное революционное ГПУ оказывается прозорливее тех, которых обволакивали вредители, когда оно не поддается обволакиванию. Но еще лучше, если в области науки коммунистическая мысль, марксистское общество, которое находится при Комакадемии, превратится тоже в бдительный орган революционной диктатуры пролетариата, в бдительный орган борьбы с немарксизмом. Ибо нужно сказать прямо, что никогда еще мы не видели такой 100%-ной корреляции между вредительством и антимарксистской теорией, какую установило ГПУ. Мы можем гордиться тем, что по линии статистики первые выступили в борьбе с этими антимарксистами, но эта гордость пустяки по сравнению с той гордостью, которую мы когда-нибудь будем иметь право себе приписать, если мы сделаемся ГПУ научной мысли в области статистики и в ее применении к планированию.

О роли коллективного договора в выполнении промфинплана

Ни в одном вопросе не отражается так ярко оппортунистическая политика старого руководства ВЦСПС, как в теории и практике заключения коллективных договоров между союзами и хозорганами.

В данной статье мы намерены показать трэд'юнионистское содержание старых колдоговоров и наметить их новое содержание, которое соответствовало бы производственным отношениям, имеющим место на наших фабриках, заводах, шахтах, совхозах и других предприятиях.

Капиталистический процесс производства и соответствующие ему производственные отношения вызывают необходимость классовой борьбы между буржуазией и пролетариатом. На основе этой борьбы вырастают профессиональные союзы, об'единяющие рабочих в их экономической борьбе с капиталом. Профсоюзы в своей борьбе применяют разные методы, в том числе и метод заключения коллективных договоров.

При системе капитализма средства производства совершенно отделены от непосредственного производителя. Последний превращается в наемного рабочего, которому никакого дела нет до процесса производства в целом. Средства производства становятся постоянным капиталом, рабочий становится собственностью капиталиста, его переменным капиталом. «Когда капиталист купит рабочую силу и введет в производственный процесс, она, — говорит Маркс, — образует составную часть его капитала, именно: переменную составную часть капитала». В другой связи, Маркс говорит: «В процессе производства купленная рабочая сила образует теперь часть функционирующего капитала, а сам рабочий функционирует здесь лишь как особая натуральная форма этого капитала, отличная от тех элементов, которые существуют в натуральной форме средств производства».

Рабочий при капиталистическом способе производства непосредственно не заинтересован в развитии производительных сил. Ежедневный опыт ему говорит, что всякий рост производительных сил, рост техники ведет к упрощению власти капитала, с одной стороны, к увеличению резервной рабочей армии — с другой. На основании глубокого анализа капиталистического способа производства Маркс пришел к выводу, что быть при капитализме производительным рабочим «не счастье, а проклятие». В другом месте он говорит: «Рабочий» рассматривает раз-

витие производительных сил его собственного труда как нечто ему враждебное, и он прав». Рабочий при капитализме не может и не должен заботиться о проведении экономии на материалах, на топливе, о снижении себестоимости, об удешевлении средств производства. Обо всем этом позаботится капиталист. «Для рабочего же, по удачному выражению Маркса, «сравнительная дешевизна или дороговизна средств эксплоатации столь же безразлична, как безразлично для лошади, дорогими или дешевыми удилами ею управляют».

При таких условиях, когда непосредственный труд и средства производства доходят до враждебной противоположности, естественно, что рабочие на известном этапе развития об'единяются в профессиональные союзы для лучшего отстаивания интересов труда, для защиты от ненасытного эксплоататора, от капиталиста. «Присвоение труда в продолжение всех 24 часов в сутки является имманентным стремлением капиталистического производства».

Против этого «имманентного стремления» капитализма, против его волчьей жадности к прибавочному труду выступает рабочий класс, организованный в своих профессиональных союзах. Последние, олицетворяя интересы рабочих, противопоставляют себя интересам капиталистического производства. На этой почве развертывается классовая борьба. В своей борьбе против капитала профсоюзы, как мы указали выше, пользуются среди других и таким орудием, как коллективные договоры. Последние заключаются между враждебными сторонами, между представителем владельцев рабочей силы и владельцами средств производства.

Резко изменяется роль профсоюзов при диктатуре пролетариата, при переходе средств производства и обмена в руки победившего рабочего класса. Резко изменяется также роль и значение коллективного договора.

Октябрьская революция отвоевала средства производства у класса капиталистов и помещиков и вернула их непосредственным производителям. Средства производства перестали быть капиталом, а труд, применяемый на социализированных предприятиях, перестал быть наемным трудом. Рабочий на нашей фабркие уже больше не наемник. Он полный хозяин страны. У нас не средства производства распоряжаются производителем, а производитель употребляет средства производства в целях построения социализма. У нас не средства производства дают рабочим работу, не средства труда применяют рабочего, а наоборот. Рабочие «как суб'екты применяют средства производства, чтобы создать богатства для самих себя» (Маркс).

Задача профсоюзов в этих условиях — завершить под руководством партии социалистический переворот, начатый рабочим классом в октябре 1917 г. Их задача — переделать в социалистического производителя вчерашнего наемного рабочего, работавшего на чужом предприятии под страхом увольнения и голодной смерти. Их дело побороть старое рабское отношение к труду, выкорчевать рвачество и

шкурничество и внедрить новую трудовую дисциплину, основанную на социалистическом отношении к своим обязанностям. Дело профсоюзов научить миллионы рабочих «управлять государством и управлять производством» (Ленин).

Профсоюзы и хозяйственные органы не являются более сторонами, представляющими противоположные интересы разных и враждебных друг другу факторов производства. На наших фабриках и заводах нет больше капитала и его подразделений на постоянный и переменный. Весь процесс производства на наших социализированных предприятиях складывается из двух элементов: 1) об'ективных, вещественных (средства производства) и 2) суб'ективных, личных (труд). Оба эти фактора составляют единство — процесс производства; друг без друга они немыслимы. Весь процесс производства имеет единую целеустремленность: построить социализм. И класс, строящий социализм, сосредоточивает управление этими двумя факторами в двух отдельных организациях. Об'ективный фактор передается ВСНХ и его органам на местах — заводоуправлениям. Суб'ективный фактор передается ВЦСПС и его органам на местах — фабзавкомам. Последние должны приложить всю свою энергию, использовать всю свою связь с массами в целях повышения производительности труда, его интенсивности, в целях выработки социалистического отношения к производству. «Надо организовать труд по-новому, создать новые формы производства, провести в жизнь трудовую дисциплину», — вот какие задачи ставил Ленин перед профработниками на III всероссийском с'езде профсоюзов. Заводоуправление уполномочено рабочим классом наилучшим образом организовать весь процесс труда и производства, наилучшим образом использовать сырье, оборудование. Заводоуправление уполномочено следить за надлежащей экономией топлива, металла, сырья и т. д., за максимальным снижением себестоимости, за повышением качества продукции и увеличением ее выпуска.

Но для того, чтобы заводоуправление могло выполнить вышеуказанные задачи, необходимо активизировать суб'ективный фактор — трудящихся. Необходимо побудить каждого рабочего активно воздействовать на планирование производства в данном предприятии и на выполнение намеченных планов. Необходимо мобилизовать массы на осуществление взятых темпов, на борьбу с прогулами, с пьянством и с текучестью рабочей силы, нужно развернуть социалистическое соревнование, ударничество, взаимный контроль. Необходимо добиться того, чтобы рабочих глубоко волновало всякое расточительство и потери в производстве, всякое ухудшение качественных и количественных показателей, наличие брака и простоев, чтобы всякая угроза выполнению промфинплана вызвала серьезную тревогу среди всех рабочих предприятия. Все эти задачи рабочий класс и его партия возложили на ВЦСПС и его органы на местах. Только при этих условиях, при такой активизации суб'ективного фактора, заводоуправление в

состоянии будет действительно управлять об'ективным, вещественным фактором в необходимом для нас направлении, в направлении социализма. Но ВЦСПС и фабзавкомы сумеют эти задачи выполнить полностью лишь при условии, если будут обеспечены соответствующие материальные предпосылки, если будет выполнен ряд условий со стороны ВСНХ и заводоуправлений.

Необходимо, чтобы заводоуправление довело производственные задания до цеха, станка и рабочего места, обеспечило бесперебойное снабжение материалами, инструментами, запасными частями, сырьем, спецодеждой. Необходимо также правильно, достаточно научно поставить техническое нормирование труда, содействовать максимальному развитию деятельности производственных совещаний, улучшить санитарно-техническое состояние предприятия, охрану труда и принять все меры к тому, чтобы максимально «очеловечить процесс производства, сделать его приятным» (Маркс).

Наконец, необходимо обеспечить рабочих клубами, красными уголками, амбулаториями и прочими культурно-бытовыми учреждениями, улучшить жилищные условия рабочих и — самое главное — образцово поставить цех питания на данном предприятии (столовая, закрытый распределитель, буфет и т. п.). Все это должно быть в той или иной мере выполнено заводоуправлением, чтобы обеспечить социалистические темпы производства.

Каждый из этих органов — и фабзавком и заводоуправление — бессилен выполнить возложенные на него задачи без взаимного контакта и полного содействия друг другу. Каждый из них одновременно нуждается в постоянном контроле и наблюдении за тем, чтобы возложенные партией на каждого из них обязанности выполнялись своевременно и аккуратно.

Для того, чтобы точно и конкретно установить на определенный срок обязательства каждой из этих организаций рабочего класса по отношению к социалистическому производству данного предприятия, заключается коллективный договор между заводоуправлением и завкомом. Основная задача колдоговора — обеспечить наилучшее выполнение промфинплана предприятия.

Социалистическое предприятие есть основная клеточка всего нашего социалистического строительства. Без достаточного налаживания работы в каждом отдельном предприятии не может быть и речи о выполнении промфинплана страны в целом. Поэтому всякое планирование может быть проведено успешно, если обеспечено будет проведение на предприятии намеченных планов, если рабочие предприятия активно будут участвовать в намечении и выработке своего плана. Задача колдоговора и состоит в том, чтобы обеспечить прочность основного звена планирования.

Необходимо, чтобы каждый рабочий усвоил, что нашей конечной целью является максимальное удовлетворение потребностей широчайших масс трудящихся, окончательное освобождение общества

от классов и классовой борьбы и что от него зависит осуществление этой великой задачи. Для этого необходимы: социалистическая индустриализация страны, социалистическая организация сельского хозяйства, социалистическое соревнование. Эти принципы определяют методы работы в отдельном предприятии, эти принципы являются также руководящими для народного хозяйства в целом.

Поэтому для обеспечения выполнения контрольных цифр народного хозяйства необходимо, чтобы колдоговор обеспечил выполнение контрольных цифр предприятия. Колдоговор должен стать основным элементом в системе нашего планирования. Колдоговор должен помочь мобилизовать внутренние ресурсы, перевоспитать каждого рабочего в духе социалистического отношения к труду, бережного отношения к средствам производства.

В колдоговоре должны быть оговорены обязательства администрации не только по своевременному обеспечению производительного потребления, но и по рациональной организации личного потребления рабочих. Необходимо, чтобы планирующие организации усвоили наконец указание ЦК нашей партии, что «организация дела снабжения рабочих имеет важнейшее значение в деле выполнения промфинплана».

Рабочий класс, строящий социализм, не может ни на минуту забывать, что подготовка своих кадров есть обязательное условие для возможности нашего продвижения вперед. Еще IX с'езд нашей партии в резолюции о профсоюзах подчеркнул: «Одной из особо важных задач профсоюзов является подготовка офицерского кадра нашей промышленности из рабочих, т. е. дело профессионально-технического обучения». То же мы читаем в резолюции XI с'езда партии: «Одной из важнейших задач профсоюза является выдвигание и подготовка администраторов из рабочих и трудящихся масс вообще». События последних месяцев, раскрытие вредительской деятельности подпольных контрреволюционных организаций лишний раз показали, насколько права была партия, когда утверждала, что «правые элементы в партии и примиренцы не понимают всей остроты проблемы подготовки новых кадров в нынешний период».

Все это обязывает нас к тому, чтобы колдоговоры включили специальный раздел, где был бы зафиксирован ряд мероприятий, обеспечивающих подготовку кадров. «Необходимой предпосылкой выполнения пятилетки является решение проблемы кадров», утверждает резолюция XVI с'езда.

Вопросы охраны труда и улучшения культурно-бытовых условий рабочих также должны рассматриваться как важнейшие предпосылки выполнения промфинплана. Всякое пренебрежительное отношение к этим вопросам гасит тот огонь энтузиазма, которым охвачены передовые рабочие, и не дает распространяться этому пламени, социалистическому трудовому порыву на широчайшие массы рабочих. Премирование лучших предприятий путем образцового культур-

но-бытового обслуживания (постройка новых жилищ, столовых, бань, прачечных, клубов и т. п.) должно стать основным методом поощрения в наших условиях. Явным оппортунизмом, абсолютным непониманием характера нашего социалистического производства является всякое противопоставление защитных интересов рабочих интересам производства. Здесь механическое расщепление двух факторов нашего производства — вещественного и суб'ективного, — которые в наших условиях по своему социальному характеру едины суть. Всякое улучшение бытовых и культурных условий рабочих, всякое усиление охраны труда и техники бесопасности непосредственно дадут в наших условиях резкое повышение эффективности в производстве. С другой стороны, всякое повышение количественных и качественных показателей в производстве обязательно повлечет за собой резкое улучшение материального положения рабочих. Обе стороны здесь тесно связаны, друг от друга зависимы, друг друга обусловливают. Таков закон социалистического развития нашего хозяйства.

Отсюда неизбежно вытекает необходимость широкого развития договоров по социалистическому соревнованию на ряду с коллективным договором. Чтобы вовлечь каждого рабочего в выполнение тех серьезнейших обязательств, которые взял на себя ФЗМК от имени рабочих при подписании колдоговора, чтобы дать реальную возможность администрации выполнить свои обязательства, необходимо работать по-новому, необходимо усилить ответственность каждого работника, каждой бригады, каждого цеха. Этого достичь можно только путем широкого развития ударничества и социалистического соревнования. Только этот метод работы может вполне гарантировать стопроцентное выполнение всех обязательств, включенных в новый колдоговор. Вовлечение инженерно-технических работников в социалистическое соревнование, соревнование предприятий за лучшую организацию питания, за образцовую постановку охраны труда, соревнование между производственными коллективами и цехами — вот путь к выполнению колдоговора. Следовательно, проверка выполнения колдоговора и наблюдение за ходом выполнения его не может быть делом какой-то срочной, очередной кампании. Это должно стать основным методом работы, упорно практикующимся весь год.

Старое руководство ВЦСПС благодаря своей общей трэд'юнионистской установке, благодаря раз'едавшему его правому оппортунизму не было в состоянии развить у рабочих масс социальные стимулы к труду, развить социалистическое соревнование, хотя IX с'езд нашей партии еще в 1920 г. определенно указал, что «на ряду с агитационно-идейным воздействием на трудящиеся массы и с репрессиями по отношению к заведомым бездельникам, паразитам, дезорганизаторам могущественной силой под'ема производительности труда является соревнование. Соревнование между заводами, районами, цехами, мастерскими и отдельными рабочими должно стать предметом тщательной организации и внимательного изучения со стороны профессиональных союзов и хозяйственных органов».

Старое право-оппортунистическое руководство, отождествляя положение рабочего на нашей фабрике с положением рабочего при капитализме, держалось того мнения, что единственным стимулом к работе является высокая зарплата. В этом отношении вполне сходились правые с троцкистами. И те и другие не в состоянии были понять и оценить могучий порыв передовых рабочих к строительству социализма, тот могущественный производственный эффект, который таится в новых формах организации труда. Неверие в творческие силы победившего пролетариата, непонимание потенциальных возможностей развития производительных сил в связи с изменением производственных отношений присущи как правому уклону, так и троцкизму.

Старое руководство ВЦСПС рассматривало коллективный договор не как документ, призывающий к борьбе со старым рабским отношением к труду, с разгильдяйством и бесхозяйственностью, а исключительно как документ, призванный творить мир в нашей промышленности: удержать рабочих от излишних требований и заставить хозяйственников удовлетворить минимум требований рабочих. Эта право-оппортунистическая практика имела и свою теорию. Последняя зафиксирована в двух специальных работах о коллективных договорах, которые до последнего времени имели большое распространение среди профессионалистов. Мы позволим себе, хотя бы вкратце, остановиться на содержании этих работ.

Начнем с работы И. Трахтенберга «Коллективный договор». Послушаем как этот теоретик об'ясняет тот факт, что при военном коммунизме у нас не практиковалось заключение коллективных договоров. «Военно-коммунистическая эпоха, говорит наш автор, характеризуется существованием единой хозяйственной воли, которая предопределяет как производство продуктов, так и их распределение, точно так же, как ею же предопределяется распределение рабочей силы и весь тот строй отношений, который складывается на отдельных предприятиях между различными его участниками.

Совершенно очевидно, что такая структура хозяйства исключает возможность всякой договорности в отношениях. Отсутствует договорность отношений между отдельными предприятиями, так как связь между ними устанавливается над ними стоящей волей; отсутствует договорность отношений между рабочими и администрацией предприятия, так как эти связи устанавливаются, и содержание их определяется той же волей.

Отсюда с очевидностью вытекает то, что, поскольку вообще отсутствуют, да и не могут не отсутствовать, договорные отношения, вытекающие из свободного волеиз'явления вступающих в связь сторон, постольку не может быть места коллективным договорам».

Эта теория страдает грубым механистическим пониманием как роли колдоговоров в советских условиях, так и роли рабочего класса в строительстве социализма. Мы уже не касаемся того, что и при

«военном коммунизме» рабочий класс имел гораздо больше «свободного волеиз'явления», чем в любой буржуазно-демократической стране. Непонимание этой простой истины с головой выдает автора процитированных строк. Но пока от этого «отвлечемся».

Концепцию автора, несмотря на ее пестрое эклектическое содержание, можно свести вкратце к следующему. Колдоговоры могут иметь место только тогда, когда на одной стороне находится наемный рабочий, а на другой — предприниматель. Там имеет место момент борьбы, почему и нужен договор о мире. «Система коллективных договоров — это вооруженный мир». При военном коммунизме рабочая сила перестала быть товаром, нет больше двух сторон — наемного рабочего и предпринимателя, нет моментов найма, нет борьбы между этими сторонами, а потому и нечего заключать коллективного договора.

Но вот наступает нэп. Рабочая сила опять становится товаром. Опять выступают перед нами знакомые фигуры — наемный рабочий и предприниматель, борьба назревает, а потому нужно заключать договор между этими двумя сторонами. «Возникает договор найма — следовательно возникают и предпосылки колдоговора».

Учение Трахтенберга о колдоговоре, несмотря на ряд оговорок и оговорочек, сводит все значение колдоговора к делу защиты рабочих со стороны профессионального союза, к пассивной роли «определения об'ективных условий, ставящих пределы улучшению условий труда и повышению уровня жизни рабочих». Дело союза научить рабочих через колдоговоры равняться на «узкие места», на «об'ективные условия» и «пределы». Задача колдоговора — определять «соотношение между потребностями рабочих и тем, что может предприятие без ущерба для себя им предоставить». Эта теория умозрительного характера, парализующая действенное значение колдоговора в наших условиях, видно целиком вошла в подсознательную сферу ряда руководителей профдвижения старого состава. Вся их практика вытекала из этой теории, обрекающей рабочий класс на полную пассивность.

Трахтенберг был однако не единственным теоретиком, который освещал путь нашим руководителям ВЦСПС. Если Издательство ВЦСПС в Москве выпустило 5 изданий книжки Трахтенберга «Коллективный договор», то Ленинградский губпрофсовет, соревнуясь с Москвой, выдвинул своего теоретика Я. А. Канторовича, книжку которого издал под аналогичным названием.

И здесь дается теоретическое обоснование, почему при «военном коммунизме» не практиковалось заключение колдоговоров. Вся беда была в том, по мнению этого теоретика, что тогда «над всем стояла единая воля государства». Раз нет прославленной свободы, нет «свободного волеиз'явления сторон» — нет места и колдоговору. Тогда «воля государства не считалась с волей работника, с его согласием, склонностями и желаниями». Ясно, что при таком деспотизме

нельзя было и думать о применении колдоговора — этого детища свободных, демократических стран капитализма.

Скоро однако засияла заря свободы. Наступил нэп. Труд был об'явлен свободным. Никакого принуждения. И наш автор умиленно глаголет. «При свободном труде трудящимся не может не быть предоставлено право добиваться всемерного улучшения своего положения. Это относится не только к частным, но и к государственным предприятиям». И вот рабочий класс при нэпе, избавившись от военного коммунизма, получает возможность улучшить свое материальное положение. Он требует от профсоюза заключения колдоговора в целях защиты интересов рабочих от нажима хозяйственников.

Ленинградские рабочие знали постановление XI с'езда нашей партии, что профсоюзы, «будучи школой коммунизма вообще, должны быть в частности школой управления социалистической промышленности (а затем постепенно земледелия) для всей массы рабочих, а затем для всех трудящихся». Это указание с'езда видно не совсем удовлетворило культурно-просветительный отдел Ленинградского профсовета. Поэтому он издал книжку Канторовича, где должно быть указывается более ясно и конкретно на основную задачу профсоюзов. «Основная их задача, — говорит наш автор, — путем коллективных договоров не только поднять заработную плату, но и выработать практикой коллективных договоров новые методы и правовые пути установления условий труда». Вот эту задачу поймет любой сезонник! Здесь нет никаких абстрактных суждений о какой-то «школе коммунизма», «школе управления»! Для того, чтобы рабочие поняли, какие блага представляют собою коллективные договоры, Канторович рассказывает им о «чудотворных действиях» коллективных договоров в капиталистических странах. Оказывается, что система коллективных договоров при капитализме означает «переход от единоличного автономного господства капитала к коллективному участию всех производственных элементов в промышленных предприятиях»... (41). Как видит читатель, перед нами явный перепев предательской социал-демократической теории о «хозяйственной демократии», о «мире в промышленности».

Канторович, видно, этим хочет доказать рабочим, что, несмотря на введение нэпа, означающее по его мнению переход нашего хозяйства на капиталистические рельсы, эра социализма когда-нибудь все же наступит. К этому автоматически ведут коллективные договоры. Но кроме конечной цели — «коллективизации всей хозяйственной жизни», колдоговоры ставят своей целью защитить рабочих Советского Союза от давления капитала. А что у нас господствует капитал, это для Канторовича вне всякого сомнения. «Главным и наиболее крупным представителем капитала является у нас само государство в лице его централизованных хозяйственных органов и отдельных хозяйственных единиц» (177).

Мы несколько остановились на работе Канторовича и отчасти Трахтенберга, чтобы показать те теоретические источники, откуда черпали свои познания наши практики-профессионалисты, работающие под гнилым руководством оппортунистов из ВЦСПС. На этих социал-демократических книжках воспитывались в школах сети профпросвещения наши профкадры.

Да, вполне прав был т. Шверник, когда заявил на XVI с'езде нашей партии: «Борьба с мелкобуржуазными влияниями должна быть развернута и на фронте теории профдвижения... Мы получили самое печальное наследство от правых в этой области. Правые не только не боролись с трэд'юнионистскими теориями, развившимися на глазах у ВЦСПС, но беззаботно предоставляли к их услугам печатный станок профсоюзов». Эти меньшевистские, трэд'юнионистские теории питали наших практиков. Несмотря на ряд словесных заявлений лидеров нашего профдвижения о том, что они совершенно согласны с учением Ленина о роли профсоюзов при диктатуре пролетариата, они на деле оставались на трэд'юнионистских позициях. Они никак не могли постичь глубокого смысла клича Ильича: «Долой старый профессионализм». Они не поняли той роли, какую должны играть колдоговоры при советских условиях.

Надо прямо сказать, что руководители профдвижения попали в плен чуждой им идеологии и поняли нэп исключительно как отступление. Всю свою волю и энергию они направили о д н о с т о р о н н е на сохранение мира в нашей промышленности, на защиту рабочих от хозяйственников. Характерно следующее обстоятельство. В начале нэпа много надежд было возложено нашим правительством на привлечение иностранного капитала на концессии. Также была дана возможность функционировать частным предприятиям на арендных началах. В частном капиталистическом секторе действительно было тогда занято значительное число рабочих. В 1923 г. в одной промышленности работало 12,2% рабочих в частнокапиталистическом секторе. В этот период наши руководители профдвижения вырабатывают соответствующий проект коллективного договора. При этом оказывается, что о д и н и т о т ж е договор одинаково годен для рабочих, работающих в частном секторе, и для рабочих, работающих в секторе социалистическом. Лишнее доказательство того, что руководство ВЦСПС фактически не умело различить тех специфических производственных отношений, которые имеют место на социалистических предприятиях. Специфическое, своеобразное, характерное, что отличает положение рабочих социалистического сектора, улетучилось, исчезло. Осталось только общее, нечто расплывчатое, договор рабочих — в о о б щ е, вне всякой зависимости от того обстоятельства, где, в каком секторе они работают. Где бы человек не работал, он, по мнению этих идеологов, нуждается в защите и охране. А для этого есть испытанное средство — колдоговор, единый колдоговор как для рабочих, работающих у концессионера, у отечественного капиталиста, так и для рабочих, работающих на наших социалистических фабриках, заводах, копях, транспорте и т. д.

Эта типичная механистическая методология, не видящая за единством никаких различий, не умеющая уловить то специфически новое, что отличает то или иное явление на каждом этапе, проникла также в наше трудовое законодательство. Ограничусь следующим примером. Статья 15 нашего Кодекса законов о труде гласит: «Коллективный договор есть соглашение, заключаемое профессиональными союзами, как представителем рабочих и служащих, с одной стороны, и нанимателем — с другой стороны, которое устанавливает условия труда и найма для отдельных предприятий, учреждений и хозяйств или группы таковых и определяет содержание будущих личных (трудовых) договоров найма».

Это противопоставление профсоюза нанимателю в о о б щ е, без строгого различения между нанимателем в капиталистическом секторе и «нанимателем» в секторе социалистическом проходит красной нитью во всей практике старого руководства в профдвижении. Все отличие в тактике профсоюза по отношению к рабочим в советских предприятиях состоит в том, что в данном случае профсоюзы должны меньше нажимать на нанимателя, чем это полагается по отношению к нанимателям в капиталистическом секторе. Здесь только количественное различие, а не качественное.

Не умея претворить в жизнь основного положения ленинизма, что наши профсоюзы должны стать действительной «школой управления социалистической промышленностью», руководители профдвижения фактически проводили политику трэд'юнионизма. Ругая вождей амстердамского Интернационала за их трэд'юнионизм, наши «вожди» полагали, что то, что англичанину смерть, нашему рабочему здорово. Вредно мол воспитывать английского рабочего по-реформистски, изгоняя из профдвижения всякое стремление к борьбе с капиталом, пропагандируя «мир в промышленности», зато полезно и даже необходимо проповедывать мир в советских условиях. Здесь нет места борьбе. Борьба с рвачеством — работать похуже, получать побольше, — борьба с рабскими темпами, борьба за то, чтобы победивший рабочий класс мог скорее «очиститься от всей грязи старого общества и стать способным создать новое общество», — все это фактически оставалось вне поля деятельности профработников. Вся мудрость профработника состоит в том, чтобы никого не обидеть. Профработник должен следить за тем, чтобы хозяйственник не очень-то нажимал на рабочих, но, с другой стороны, следует также удержать рабочего от пред'явления слишком больших требований хозяйственнику. Эта роль миротворчества, эта пассивность к задачам производства характерна для старого правооппортунистического руководства ВЦСПС.

Неудивительно, что когда партия провозгласила лозунг: «профсоюзы — лицом к производству» — старое руководство пыталось саботировать этот лозунг.

Однако эта роль мирового посредника фактически никого не удовлетворила: ни хозяйственников, ни рабочих. И те и другие жаловались, что профсоюзы плохо защищают интересы каждой из сторон. Эклектика как в теории, так и на практике никогда не ведет к чему-либо хорошему...

Колдоговоры — этот инструмент, призванный творить мир в нашей промышленности, этот документ, узаконяющий пассивность, — превратились в продукт бюрократического творчества. Колдоговоры фактически превратились в приговоры третейских органов. Число конфликтов все больше увеличивалось. Более крупные договоры проходили в порядке принудительного арбитража. Хозорганы с своей стороны начали издавать типовые колдоговоры по отдельным отраслям промышленности. Последние превратились в приказы. Колдоговоры в той их старой форме, заимствованной из капиталистических стран, не могли расцвесть на советской почве. Это механическое перенесение опыта заключения коллективных договоров в советские условия было обречено на неудачу.

Старое руководство с первого момента широкого проведения колдоговоров смотрело на профсоюзы теми же глазами, как смотрит профработник-реформист на союзы в капиталистических странах. Дело союза защищать интересы рабочих, но не особенно уж напирать на предпринимателя. Рабочий должен добросовестно выполнять свои обязательства перед хозяином, но отнюдь не обязан активно содействовать росту и укреплению производства. Это дело хозяина, а не рабочего. В начале 1922 г. «Вестник труда», — орган ВЦСПС печатает статью-директиву под заглавием: «Коллективные договоры и новые задачи профдвижения». Говоря о политике профсоюзов при заключении колдоговоров с предприятиями последовательно-социалистического типа, автор статьи утверждает: «Союзы выступают в этих случаях как сторона, но сторона благожелательная», и только!

Эта пересадка методов трэд'юнионизма на советскую почву усиленно культивировалась старым руководством. Также расцвели здесь элементы бюрократизма. Рабочие массы фактически были устранены от активного участия и воздействия при заключении колдоговоров. Вся эта работа велась в тиши кабинетов «генералов» профдвижения, с одной стороны, и «генералов» от промышленности — с другой. В результате этого кабинетного творчества появились на свет генеральные договоры. Последние заключались между республиканским хозяйственным об'единением, с одной стороны, и соответствующим ЦК союза — с другой. Правда, и тогда кое-кто осмеливался возражать против этого бюрократического главкизма. Но тогдашнее руководство усмотрело в этом методе заключения колдоговоров осуществление высшего принципа планирования.

В информационном письме № 4 («Труд» № 139 от 1923 г.) говорится: «Отказ от генеральных договоров был бы вреден... Только центр в состоянии учесть общее положение и состояние всей отрасли промышленности и соответственно этому установить условия труда. Разбросать по отдельным губерниям решение вопросов зарплаты и условий труда единого промышленного организма было бы чрезвычайно вредным как в интересах промышленности, так и в интересах рабочих».

Легко себе представить, как завопило бы старое руководство ВЦСПС, если бы кто-нибудь осмелился заговорить о целесообразности заключения колдоговоров непосредственно между завкомом и заводоуправлением!

Несмотря на то, что жизненная практика жестоко била по теории централизованного заключения генеральных договоров, руководство не отказалось от этого бюрократического метода. Оно лишь старалось несколько смягчить положение, разрешая снабжать генеральные договоры дополнительными соглашениями на местах. Эта мера по существу не могла оживить работу по заключению колдоговоров. Рабочие массы стояли вне этой работы. Они принимали колдоговоры к сведению...

В отчете на VI с'езде профсоюзов ВЦСПС вынужден был сделать следующее признание: «Зачастую содержание коллективного договора становилось известным не только рабочим предприятия, но и низшим союзным органам уже после их заключения». Ряд делегатов на с'езде жаловался на кабинетные бюрократические порядки заключения колдоговоров.

Любопытно отметить, что этот бюрократический метод заключения колдоговоров нашел одобрение сравнительно недавно на тарифно-экономическом совещании ВЦСПС в августе 1927 г. В резолюции «Об итогах и перспективах перезаключения коллективных договоров» мы читаем: «Тарифно-экономическое совещание признает, что предположения о возможной бюрократизации коллективных договоров, как результата централизованного планового регулирования повышения заработной платы, ни в коей мере не оправдались». Перед нами образец бюрократического самодовольства!

Обычная схема колдоговора включала следующие пункты: 1) условия найма и увольнения; 2) тарифную часть — размеры ставок, сдельные расценки, оплату простоев и брака и т. д.; 3) установление рабочего времени и отпусков; 4) охрану труда; 5) культработу. Все эти пункты вполне приемлемы для любого колдоговора в любой капиталистической стране. Главное же здесь отсутствует: нет ни слова о взаимных обязательствах по отношению к производству. Нет и намека на необходимость борьбы за качество, за уменьшение брака, за труддисциплину, за снижение себестоимости,

за лучшее использование внутренних ресурсов и т. д. и т. п. Все это как-будто никакого отношения не имеет к профорганизациям, все это не дело рабочих, а частное дело хозяйственников. Профорганизация в лучшем случае должна здесь держаться тактики дружеского нейтралитета.

В передовой статье апрельского номера «Вестника труда» за 1926 г. под заглавием: «К перезаключению колдоговоров» мы читаем: «Задача союзов сводится к поддержке обоснованных и продуманных мероприятий хозорганов путем проведения соответствующей линии в РКК, конфликтных органах и т. д.». Вот на какую пассивную роль обрекаются профсоюзы, когда дело касается производства. Колдоговоры носили по существу односторонний характер. Они перечисляли одни лишь обязательства администрации по отношению к рабочим. Последние же были свободны от всяких обязательств. При заключении колдоговоров все внимание рабочих заострялось на вопросах зарплаты, спецодежды, на отпусках и т. п. О производстве же, о поднятии трудовой дисциплины, о проведении экономии, о рационализаторских мероприятиях, о повышении качественных и количественных показателей — обо всем этом ничего не говорится в колдоговорах. Все это мол не дело рабочих.

Ошибочно однако думать, что старое оппортунистическое руководство уже так ретиво защищало материальные нужды рабочих. Оно и этого не делало. Относясь бюрократически к своим обязанностям, руководя исключительно посредством циркуляров, изолируя дело защиты рабочих от хозяйственно-политических задач страны, старое руководство на деле очень слабо защищало повседневные интересы рабочих. Укажем хотя бы на тот факт, что в течение ряда лет фонды, ассигнованные на охрану труда, предприятиями далеко не использовались. Все фонды по улучшению быта рабочих и служащих распределялись администрацией без активного участия союзов. Рабочие часто выражали недовольство той пассивной ролью, которую играло старое руководство, когда речь шла о действительном повышении реальной зарплаты, о перестройке работы кооперации, о жилищном рабочем строительстве и т. п. При каждой кампании по перезаключению колдоговоров повторялись жалобы рабочих на низкое качество спецодежды, на отсутствие умывальников, плохое снабжение полотенцами, на плохую вентиляцию, на отсутствие наблюдения за надлежащей организацией техники безопасности, на полный отрыв профработников от рабочих масс.

Когда говорят, что старое руководство односторонне выставляло в колдоговорах пункты узко-защитного характера, то это лишь означает, что, бюрократически прикрываясь лозунгом защиты рабочих, оно не обращало должного внимания на основные хозяйственные задачи рабочего класса, что не велась борьба за коммунистическое перевоспитание рабочего, за действительное повышение материального и культурного уровня рабочего. Эта линия старого руководства об'ективно вела к защите рвачества, к трудовой распущенности и хвостизму. Это было явным извращением всех партийных директив о роли и задачах профсоюзов при нэпе.

Любопытно отметить, что вместо борьбы с браком примерные коллективные договоры от 1923 г., разосланные ВЦСПС всем союзным организациям, включают такой пункт: «Если брак произошел по вине работающего, то заработная плата за произведенным вычетом должна быть не ниже $^2/_3$ тарифной ставки работающего».

Характерно также и то, что примерный колдоговор от 1925 г., утвержденный ВЦСПС, весьма либерально прокламирует: «За установленную договором заработную плату рабочие обязуются выполнить соответствующий по договору размер выработки, а также и качество работы». Этот пункт наверное скопирован из текста примерного колдоговора, утвержденного Генеральным советом английских трэд-юнионов... Справедливость мол требует, чтобы хозяйственника не обидеть и за хорошие деньги давать ему хороший товар.

Достаточно ознакомиться с резолюциями, принятыми разными пленумами ВЦСПС старого состава по вопросам перезаключения колдоговоров, чтобы убедиться, насколько все руководство было пронизано ядом трэд'юнионизма, делячеством худшего вида. В этих резолюциях очень подробно говорится о количественном охвате рабочих колдоговорами, о состоянии зарплаты, о правовых моментах колдоговора, словом обо всем, о чем полагается говорить профработнику в любой части света, в любой стране, при господстве капитализма. Нет только во всех этих резолюциях ни слова о тех специфических обязанностях профсоюза и рабочих по отношению к производству, по превращению наемного труда в социалистический труд, ни слова о тех особенностях, которые свойственны только одной стране, стране диктатуры пролетариата.

Старое руководство этих особенностей и не замечало. Оно было в полном плену у тех идеологов, которые проповедывали, что нэп есть только отступление, что нам далеко до того, чтобы догнать капиталистические страны в технико-экономическом отношении. В официальных документах ВЦСПС зафиксировано, что старое руководство целиком придерживалось знаменитой буржуазной теории — затухающей кривой, гласящей, что по окончании восстановительного периода нам предстоит значительно замедлить темпы нашего роста. В резолюции тарифно-экономического совещания ВЦСПС от августа 1927 г. явно говорится о том, «что в дальнейшем рост заработной платы будет проходить более замедленным темпом, чем это было до сих пор, ибо рост народного хозяйства и развертывание промышленности в связи с завершением восстановительного процесса в дальнейшем будет производиться более замедленным темпом». Не ясно ли после этого, что руководители, придерживаясь таких теорий, не способны были вести в бой рабочие массы за высокие темпы, за выполнение пятилетки в более короткие сроки. Ясно также и то, что

«не разгромив троцкистско-правоуклонистской теории «потухающей кривой», мы не могли бы развернуть ни действительного планирования, ни повышения темпов и сокращения сроков строительства» (Сталин).

Насколько старое руководство всячески старалось отделить китайской стеной профдвижение от партийной жизни, насколько оно не видело никакой внутренней связи между колдоговорной кампанией и хозяйственной жизнью страны, об этом свидетельствуют также резолюции V пленума ВЦСПС от октября 1928 г. В этот период все хозяйственные органы страны упорно работали над составлением пятилетки. Страна готовилась вступить в новый этап строительства социализма. Намечались грандиозные темпы. Вся буржуазная экономическая наука в нашей стране с яростью нападала на все проектируемые темпы развития, всячески доказывала утопичность этих планов. В это время собирается пленум ВЦСПС и от имени рабочего класса намечает перспективы предстоящей кампании по перезаключению колдоговоров. Принимается соответствующая резолюция. Констатируется наличие «напряженного финансового положения промышленности», «трудности в области рабочего снабжения», но пленум ни словом не обращается к рабочим о необходимости преодоления этих трудностей, о путях их преодоления, о борьбе за промфинплан. Также ни слова не найдете в резолюции о пятилетке, о грандиозных задачах, стоящих перед рабочим классом в реконструктивный период. Кампания по перезаключению колдоговоров изолируется от хозяйственных заданий страны. Об этом мол пусть позаботится ВСНХ, Госплан; ВЦСПС должен лишь заниматься справедливым распределением тех миллионов рублей из дополнительного фонда зарплаты, которые ассигнованы правительством. Правда, мимоходом говорится также о необходимости повышения производительности труда, но этот момент буквально теряется в подробностях этой пространной чисто-деляческой резолюции.

В период работы указанного пленума вся миллионная партийная масса была глубоко возмущена фактом обнаружения правого уклона в руководстве одной из крупнейших партийных организаций, в московской организации. Вся партия почувствовала грозящую ей опасность со стороны правых оппортунистов. Тов. Сталин тогда еще, до обнаружения контрреволюционных организаций, возглавляемых Рамзиным, Кондратьевым, сигнализировал партии, что «победа правого уклона в нашей партии означала бы нарастание условий, необходимых для восстановления капитализма в нашей стране». В течение всего 1928 г. правая оппозиция мобилизует силы для борьбы с партией и ее ЦК. И вот собирается пленум ВЦСПС и обходит полным молчанием наличие правой опасности в партии, опасности, грозящей реставрацией капитализма. Политика мол не дело профсоюзов. У них свои задачи аполитического характера. Старое руководство видно не

могло понять, что «отказаться от борьбы с правым уклоном — значит предать рабочий класс, предать революцию» (Сталин).

Это стремление оторвать профсоюзы от хозяйственных задач рабочего класса и от его партии сказывается во всей практической деятельности старого руководства ВЦСПС и на его работе по заключению коллективных договоров в частности.

Именно потому, что старое оппортунистическое руководство ВЦСПС не в состоянии было отказаться от меньшевистских взглядов на колдоговор в наших условиях, как на договор между двумя противостоящими сторонами, как на документ, регистрирующий тарифные ставки и сроки отпусков, — колдоговорная кампания обычно превращалась в фейерверочную кампанию. Будучи оторванной от хозяйственных и политических задач пролетариата, она не в состоянии была действительно вовлечь всех передовых рабочих, всю пролетарскую общественность. Разными искусственными мерами пытались оживить этот живой труп — колдоговор старого образца, но никаких результатов!

Старому колдоговору, заимствованному из практики рабочего движения в странах капитализма, нет места на наших социалистических предприятиях. Наш колдоговор есть боевой договор между одной организацией рабочего класса, представляющей личный, суб'ективный фактор социалистического производства, и другой организацией этого же класса, представляющей об'ективный, вещественный фактор нашего производства. Целевая установка у обеих этих организаций одна — выполнение и перевыполнение промфинплана, догнать и перегнать капиталистические страны в технико-экономическом отношении. Колдоговор является могучим орудием рабочего класса в его борьбе под руководством нашей партии за достижение указанных целей.

ВЦСПС нового состава, призванный партией вырвать с корнем всю правооппортунистическую гниль из нашего профдвижения, на-днях опубликовал примерный коллективный договор, который должен помочь нашему рабочему классу показать пролетариату всего мира все преимущества нашей социалистической системы хозяйства. Примерный коллективный договор, утвержденный ВЦСПС 9 ноября 1930 г., содержит следующие 10 разделов:

1. Обязательства сторон по выполнению промфинплана.
2. Социалистическое соревнование, изобретательство и производственные совещания.
3. Подготовка кадров.
4. Охрана труда и культурно-бытовые условия.
5. Заработная плата.
6. Оплата брака и простоев.
7. Наем, увольнение и переводы.
8. Условия труда инженерно-технических работников.

9. Содержание профсоюзных организаций.
10. Заключительная часть.

В этом году впервые колдоговор будет заключаться непосредственно между администрацией каждого предприятия и заводским комитетом. Только установление лимитов по зарплате и производительности труда и некоторым другим статьям централизовано. Это дает возможность действительно превратить колдоговор в орудие выполнения промфинплана и еще больше вооружить рабочий класс в его борьбе за социализм.

Новый порядок заключения колдоговоров, характер и содержание новых колдоговоров возлагают большие обязанности не только на партийные, комсомольские и профорганизации, но и на хозяйственные и плановые организации. Все они должны внести достаточно конкретизации при составлении каждого договора, все они должны помнить, что ныне заключаемый колдоговор есть договор по успешному выполнению планов третьего года пятилетки.

Колдоговорная кампания должна послужить новым стимулом к усилению социалистического соревнования и ударничества, к сбору рабочих предложений, к росту самоконтрактации, к усилению притока лучших ударников в нашу партию.

Как колдоговорная кампания, так и новый коллективный договор должны обеспечить успешное выполнение промфинплана решающего года пятилетки.

Пути развития контрольных цифр народного хозяйства[1]

I. О роли контрольных цифр

В области плановой работы применение метода составления годовых контрольных цифр стало одним из прочных, решающих путей руководства хозяйственной деятельностью в СССР.

Контрольные цифры народного хозяйства на год вперед впервые были составлены на 1925/26 г. С тех пор годовые планы стали основными и обязательными планами, составляемыми примерно в один и тот же срок и утверждаемыми высшими органами правительства. За прошедшие 5 лет их применения контрольные цифры значительно изменились по об'ему и содержанию, изменился также порядок их составления, равно и роль их в системе других планов народного хозяйства. Развитие это далеко не закончено. Контрольные цифры продолжают совершенствоваться из года в год, по мере роста социалистической индустриализации, и сейчас может и должен быть поставлен вопрос о всемерном улучшении этого вида плана, о подведении под его структуру и содержание достаточно твердой теоретической базы. Это тем более необходимо, что потребность в ежегодных контрольных цифрах ни у кого уже не вызывает сомнения. Огромное практическое значение контрольных цифр для всего хода социалистического строительства обусловило необходимость разбивки годового плана по кварталам, чтобы обеспечить лучшее выполнение его.

Задачи, об'ем, содержание и методы составления контрольных цифр можно уяснить себе, рассмотрев развитие их за истекшие годы. Кроме того это может служить одним из способов познания путей развития плановой работы в целом.

Мысль о необходимости составления годовых контрольных цифр по народному хозяйству возникла в конце 1924 г. В начале 1925 года президиумом Госплана СССР был одобрен план работ, об'ем и содержание контрольных цифр и создана специальная комиссия, которой была поручена разработка проекта контрольных цифр на 1925/26 хозяйственный год.

К концу 1924 г. вполне отчетливо выявились недостатки планирования, как оно сложилось в это время. Плановая работа в 1924 г. была

---

[1] От редакции. Статья т. Миндлина является лишь частью его предполагаемой к выпуску работы. Статья не исчерпывает полностью проблемы и печатается в порядке постановки вопроса

уже развернута весьма широко и охватывала всю государственную промышленность, транспорт, экспорт и импорт, государственные и кооперативные заготовки хлеба и с.-х. сырья, завоз и распределение значительных масс промтоваров, государственный бюджет, кредит и целый ряд других элементов народного хозяйства. Более того, от проектировки и рассмотрения частных планов мы в это время перешли на отдельных участках к сводным планам, охватывающим целые отрасли народного хозяйства. Такое состояние плановой работы делало возможным и необходимым переход к единому плану народного хозяйства, позволяло охватить в едином акте всю сумму плановых предположений. Необходимость такого сдвига в плановой работе диктовалась двумя основными недостатками в сложившейся системе составления и рассмотрения планов и программ деятельности хозорганов, которые заметно ослабляли роль планового начала в хозяйстве СССР. Во-первых, круг плановой работы не был точно установлен и постепенно расширялся. Во-вторых, сроки составления и рассмотрения планов отдельных отраслей и даже отдельных хозяйственных единиц не были строго определены и взаимно согласованы. В результате планы отдельных отраслей промышленности и даже отдельных трестов поступали на рассмотрение Госплана и правительства разрозненно и без соблюдения той очередности, которая позволяла бы учесть те основные элементы, от которых зависит об'ем работы, и другие показатели рассматриваемых планов. Планы экспорта, импорта, бюджет и кредитные планы рассматривались раньше, чем ряд других решающих планов. В этих условиях отсутствовали подчас необходимые критерии для решения вопроса о важнейших элементах представляемых планов. Органы планирования поэтому вынуждены были сильно суживать свои задачи и фактически часто ограничивались теми или иными указаниями и критическими замечаниями. Отдельные хозяйственные органы и даже наркоматы со своей стороны не располагали достаточными данными об общей хозяйственной обстановке, об общей сумме ресурсов в стране и в распоряжении госорганов и не в состоянии были наметить наиболее правильную программу собственной работы, которая соответствовала бы интересам социалистического строительства страны в целом.

Рост обобществленного хозяйства и усиление государственного регулирования важнейших элементов народного хозяйства вели к расширению плановости. Это потребовало кардинального улучшения дела планирования. Отсюда мысль о том, чтобы Госплан совместно с наркоматами до наступления хозяйственного года намечал в общих чертах основные линии развития важнейших отраслей государственного хозяйства, важнейших элементов всего народного хозяйства. Предполагалось далее, что контрольные цифры, ориентировочно содержащие все важнейшие показатели народнохозяйственного развития, должны быть преподаны наркоматам, хозяйственным предприятиям и учреждениям, которые учитывают эти показатели при разработке

своей конкретной производственной программы и плана работ на предстоящий хозяйственный год, видоизменяя их в той мере, в какой необходимость этого будет ими обоснована. Благодаря таким контрольным цифрам облегчалась бы, с одной стороны, плановая работа хозяйственных организаций, получающих общеэкономическую ориентировку, с другой — для высших плановых органов и правительства было бы облегчено руководство народным хозяйством в целом, так как у них был бы критерий для решения отдельных частных проблем.

Контрольные цифры имели большое значение в деле выработки конкретной линии экономической политики на определенный период времени вперед, в сочетании с пятилеткой они дали боевое орудие для практической работы по строительству социалистического общества.

Контрольные цифры в первоначальном их понимании предшествовали планам, служили директивой для составления последних, общим критерием при рассмотрении их.

Такое понимание значения контрольных цифр было отчетливо выражено и в постановлении президиума Госплана, рассмотревшего 13 августа 1925 г. проект их на 1925/26 г. Госплан, одобрив контрольные цифры, предложил своим секциям и ведомствам руководствоваться контрольными цифрами при выработке ими плановых предположений на 1925/26 г., а комиссии по контрольным цифрам при Госплане предписывалось рассмотреть все планы, составленные на этой основе, и дать по ним заключение [1].

Таким образом контрольные цифры вначале не являлись единым планом народного хозяйства, а содержали лишь директивы по важнейшим элементам народного хозяйства, необходимые для составления планов. По составлении контрольных цифр на предстоящий хозяйственный год плановая работа вновь развертывалась, и Госплан и правительство рассматривали подробные планы ведомств. Постепенно однако контрольные цифры подвергались более тщательной разработке. Они охватывали все большее количество показателей и в основном содержали все важнейшие элементы, которые определяли детальные планы. Контрольные цифры превращались в развернутый план, и тем самым отпадала необходимость в новом, вторичном рассмотрении отдельных планов. И действительно, в последние годы Госплан и правительство отказались от рассмотрения ряда основных планов (промфинплана, плана транспорта и других планов), ограничиваясь их утверждением в системе контрольных цифр народного хозяйства; последние таким образом превращаются в единый народнохозяйственный план.

Из ориентировки и директивы по составлению планов контрольные цифры превратились таким образом в единый народнохозяйственный план. Однако потребность в директивах для составления планов до настоящего времени еще не отпала, и на ряду с контрольными циф-

[1] К. ц. народного хозяйства на 1925/26 г. 3-е изд., стр. 50—52.

рами за 2-3 месяца до их составления наркоматам и республикам обычно даются директивы и указываются лимиты по составлению ими контрольных цифр, которые по существу являются уже развернутыми планами.

Изучить развитие контрольных цифр по существу — значит изучить эволюцию нашей текущей плановой работы, так как материалом для контрольных цифр Госплана служили контрольные цифры всех ведомств и республик, всех хозяйственных организаций и учреждений страны. В контрольных цифрах, как документе, составляемом Госпланом, находят свое отражение однако лишь важнейшие итоги плановой работы. Многое в них не включается. Поэтому наиболее полно изучить эволюцию текущей плановой работы (годовых планов) можно лишь, используя и все отраслевые и территориальные годовые контрольные цифры. Мы однако в дальнейшем ограничимся анализом контрольных цифр Госплана как синтетического документа, в основном всегда отражающего достигнутую стадию плановой работы, в свою очередь отражающую данный этап социалистического строительства, данный этап классовой борьбы. Изложение и оценку эволюции контрольных цифр мы будем вести как по линии планов в целом, так и в отношении важнейших составных элементов их (промышленность, сельское хозяйство, транспорт, товарооборот и др.).

II. Целевая установка контрольных цифр

Центр внимания контрольных цифр в изложении отдельных элементов плана и в установлении связи между важнейшими из них. Некоторым обобщением, находящим место в контрольных цифрах, являлись отчасти сводные таблицы и главным образом предисловие, общее введение или сводный обзор.

Внимательное изучение сводных обзоров показывает, что за 5 лет мы имеем коренное изменение в формулировке целевой установки, в формулировке задач, которые ставят себе контрольные цифры.

Составители первых контрольных цифр рассматривали свою работу как опыт предвидения всей динамики хозяйственного развития на 1½ года вперед, как попытку «экстраполировать кривые хозяйственного развития»..., «обрисовать то состояние народнохозяйственного целого, которое, по всей вероятности, будет достигнуто в грядущем году». В тесной связи с таким пониманием задач контрольных цифр в основу «перспективного» предвидения они в первую очередь клали «анализ опытных данных»[1]. Основными методами первых контрольных цифр являются метод динамических и статических коэфициентов, метод сопоставления с довоенными данными и отчасти метод

[1] Настоящие и последующие формулировки см. по контрольным цифрам на 1925/26 г., стр. 5—7, 11 и след.

экспертных оценок. Этот анализ опытных данных и указанные методы должны, по мнению составителей первых контрольных цифр, играть решающую роль при их построении. Правда, по их мнению, контрольные цифры не исключают и целевых заданий, но последние играют второстепенную роль.

Контрольные цифры первого года тем самым отказывались от формулировки какой-либо обобщающей целевой установки народнохозяйственной деятельности на планируемый год, хотя в своих предложениях и содержат целый ряд отдельных конкретных целевых заданий (приостановку растраты основного капитала в жилищном фонде и транспорте, понижение общего уровня цен, 100%-ное использование технически годного и экономически рентабельного наличного оборудования и т. д.). Более того, в контрольных цифрах имеет место прямое отрицание возможности дать им целевую установку: «Оказалось, что, исходя из какой-нибудь априорной предпосылки, серьезный план построить нельзя». Отсутствие четкой целевой установки сказывается как по линии технической, так и социальной реконструкции. «Мы не предлагаем широкой программы нового строительства промышленности и железных дорог. Предлагаемые капитальные затраты в главной массе своей идут или на активизацию или на поддержание уже существующих производительных сил». Контрольные цифры связывают такой подход с неразработанностью основных линий предстоящей реконструкции и считают, что в 1925/26 г. мы должны идейно подготовиться к ней и разработать основные направления по пересмотру плана Гоэлро. По существу и в отношении социальной реконструкции предисловие также подчеркивает, что в контрольных цифрах дан недостаточный ответ на вопрос, что происходит с государственным национализированным хозяйством в целом — имеем ли мы рост его или нет, какие новые социальные или классовые образования имеют место и в какую сторону они эволюционируют.

Обобщающая мысль в контрольных цифрах не шла на смелую постановку и формулировку целей плановой работы вообще и плана в годовом разрезе в частности. Она намечала перспективы, базируясь главным образом на наметившихся тенденциях. Обобщающая мысль в этом отношении даже отставала от отдельных проектировок, которые нашли место в частных элементах плана, включенных в контрольные цифры, отражавшие достигнутый к тому времени довольно высокий уровень планирования. Недостаточная разработанность теории советского хозяйства, теории переходного периода и теории планирования тормозили успешность практической работы планирования. Несомненно, что участие вредителей, их довольно значительное влияние в работе над первыми контрольными цифрами также сильно сказались в этом отношении. Ориентация на тенденции развития делала возможным, хотя и в скрытом виде, на ряду с ростом социалистических элементов, проектировать и рост элементов капиталистических, тогда как четко сформулированная целевая установка плана требовала бы яс-

ного ответа на вопрос — планируем ли мы строительство социализма или допускаем реставрацию на отдельных участках и капиталистических отношений. Вредители, сторонники прямой реставрации (Базаров, Громан и др.), прибегали именно к туманным формулировкам.

Второй год построения контрольных цифр дает некоторый сдвиг в этом отношении, но сдвиг недостаточный, хотя ряд затруднений, испытанных при претворении первых контрольных цифр в жизнь, и пересмотр последних дали богатый опыт в деле народнохозяйственного планирования.

Введение в контрольные цифры на 1926/27 г., правда, формулирует директиву о всемерном развитии производительных сил страны с закреплением в процессе этого развития позиций социализма. Ведущим звеном хозяйства признается промышленность. Там же формулируются «условия, обеспечивающие развитие хозяйства на базе индустриализации (правильное распределение национального дохода между личным и производственным потреблением при непременном условии сохранения равновесия и соблюдения пропорциональности в развитии между основными элементами хозяйства)». А будущий хозяйственный год прокламируется уже «годом реконструкции народного хозяйства»[1]. Вопросам индустриализации, обобществления и капитальным вложениям посвящены особые разделы в контрольных цифрах.

В контрольных цифрах на 1926/27 г. имеется таким образом ряд важнейших моментов, могущих послужить основой для обобщающей целевой установки годового плана. В действительности однако ряд оговорок заметно ослабляет эту целевую установку плана, делает ее зависимой от стихийных тенденций и сил. Вновь повторяется мысль о том, что «контрольные цифры являются лишь попыткой научно предвидеть основные хозяйственные процессы в Союзе ССР на год вперед». Подчеркивается, что «контрольные цифры по существу являются, с одной стороны, прогнозом, с другой стороны — директивой. Чем точнее прогноз, тем он обязательней». Проводится та мысль, что если факт перехода в результате Октябрьской революции огромных масс производительных сил в руки государства открывает перед ним гораздо большие возможности влияния на хозяйственную жизнь страны, чем перед любым буржуазным государством, то все же значительную роль должен играть и трезвый учет об'ективных тенденций, так как «большее количество материальных ценностей в стране производится только при косвенном воздействии со стороны государственного планирования». Условие сохранения равновесия выпячивается как решающий план. В представлении авторов введения народнохозяйственное развитие подчинено двум основным силам, но они не указывают, какая из этих сил является преобладающей. Влияния Громана и Базарова далеко еще не преодолены. Так прямо и прокла-

[1] См. контрольные цифры на 1926/27 г., стр. 3—9.

мируется двойственность природы хозяйственного строя, заключающаяся в сочетании и борьбе двух начал — социалистического и капиталистического, — причем основой социализма является государственное хозяйство, источником же для капиталистических формаций служит мелкобуржуазная толща деревни. На этой базе «в области торговли вырастает, с одной стороны, госторговля и кооперация, а с другой стороны — частная торговля, а вслед за нею крепкое крестьянство в деревне и частный промышленник в городе».

При таком понимании соотношения сил и «об'ективных» тенденций развития роль плана, значение целевой установки сильно суживаются, и проблема сохранения равновесия выпячивается как одна из центральных задач плана, заменяя собой задачу строительства социализма. Эта немарксистская и неленинская концепция, в которой законам стихийного развития («прогнозу», «об'ективным тенденциям») отводится в условиях диктатуры пролетариата несоответственная роль, не могла не отразиться на содержании контрольных цифр в целом и на ряде отдельных проектировок в частности. Фактически мы имеем здесь отказ от наступления на капиталистические элементы, и в завуалированном виде протаскивается идея о сожительстве капиталистических и социалистических элементов.

В контрольных цифрах на 1927/28 г. сделан значительный шаг в превращении их из общей народнохозяйственной ориентировки в единый народнохозяйственный план. Это потребовало гораздо большей конкретности, большей точности расчетов и детализации отдельных планов. В 1927/28 г. контрольные цифры включают новые элементы и главным образом по линии социально-культурной работы.

Многие элементы контрольных цифр далее строятся в республиканском и районном разрезах. Контрольные цифры 1927/28 г. наконец отражают значительное усиление плановости в народном хозяйстве, связанное с ростом обобществленного сектора и возросшего его воздействия на частный сектор. Впервые в контрольных цифрах дается обширный вводный обзор вместо краткого введения или предисловия в контрольных цифрах прежних лет. При всем том интересующий нас вопрос о роли плана в народном хозяйстве, о целевой установке плана в целом не получил и в них должной трактовки и правильного разрешения. Авторы контрольных цифр подчеркивают, что «рост обобществленного сектора и в особенности государственной индустрии в общей системе народного хозяйства, с одной стороны, накопление за предшествующий период богатого опыта планового руководства хозяйством, с другой стороны, сделали возможным поставить перед контрольными цифрами иные, более сложные и более ответственные задачи»[1]. Авторы отмечают, что «удельный вес обобществленного сектора неуклонно повышается, что его

[1] Контрольные цифры на 1927/28 г., стр. 3.

позиция в общей системе народного хозяйства крепнет из года в год»[1]. Более того, в контрольных цифрах обращается особое внимание на «многочисленные ручьи обобществления (колхозы, сельхозкооперация, промкооперация и т. д.), по которым этот процесс идет и нарастает в самой гуще крестьянства и кустарно-ремесленных слоев», т. е. там, откуда могут расти и растут капиталистические тенденции и силы. Совершенно очевидной в этих условиях представляется «как нарастающая роль этих форм обобществления, так и усиливающаяся им помощь со стороны государства».

Возможность и необходимость более широких целевых установок в плане, казалось, вытекали и из оценки намечаемой технической реконструкции. Авторы сводного обзора констатируют, что «страна вступила в эпоху коренной реконструкции в период крупного капитального строительства». Отсюда они делают вывод, что на ряду с изучением динамики прошлого «с каждым новым годом все более настойчиво встает вопрос о перспективном плане страны как необходимом условии для построения годичных планов, т. е. контрольных цифр»[2]. При всем этом в формулировке основных задач контрольных цифр в целом мы не находим достаточных сдвигов и в этом году.

В качестве задачи народнохозяйственного строительства в предстоящем году фигурирует в одном месте обеспечение «максимального темпа форсированного индустриального развития страны»[3] с учетом нужд обороны и возможного недорода, в другом отмечается необходимость «обеспечить дальнейшее укрепление союза рабочих и крестьян, дальнейший рост социалистического сектора и усиление влияния последнего на простой товарный сектор путем развития на его основе различных форм коллективизации и кооперации»[4]. И еще в одном месте отмечается, что задачей предстоящего хозяйственного года является «обеспечить продолжение взятого темпа индустриализации при дальнейшем укреплении рабоче-крестьянского блока и при всемерном повышении обороноспособности страны».

Если мы обратимся к расшифровке задачи по укреплению рабоче-крестьянского блока, то увидим, что она понимается как усиление роста денежных доходов крестьянства, сближающее темп их роста с ростом доходов рабочего населения. Что касается сдвигов в отношении социальных секторов, то в сводном обзоре подчеркивается, что не эта задача является основной, решающей для предстоящего года. «Нужно однако со всей решительностью подчеркнуть, — говорится там, — что для предстоящего года неизмеримо (разрядка моя. З. М.) важнее запроектированных количественных сдвигов в соотношениях социальных секторов является решение труднейшей задачи по повышению качества работы всего социалистического сектора»[1]. Авторы не ставили себе больших задач в этой области, так как исходили из несомненно ошибочной предпосылки, что «нужны будут длительные (разрядка моя. З. М.) сроки»..., «чтобы радикально изменить эти количественные соотношения (социальных секторов)», потому что «это наследие десятилетий и веков предшествующей истории»[2].

[2] Там же, стр. 27.

[1] Контрольные цифры на 1926/27 г., стр. 27.

[2] Контрольные цифры, стр. 5.

[3] Там же, стр. 11.

[4] Там же, стр. 13.

В тесной связи с этой неправильной оценкой возможных сдвигов в перестройке частного сектора стоит вновь подчеркнутое в контрольных цифрах на 1927/28 г. утверждение, что они при всех своих трансформациях остаются и должны оставаться системой предвидения и директив. Отсюда и преувеличенное представление о роли равновесия на рынке «как одной из важнейших предпосылок для решения всех качественных задач в производстве страны». Отсюда и преувеличенное представление о задаче по смягчению городской безработицы как одной из центральных проблем народнохозяйственного строительства не только будущего года, но и ряда последующих лет, отсюда и целый ряд других неправильностей в плане, которые были исправлены при претворении контрольных цифр в жизнь. Основная ошибка, допущенная авторами сводного обзора, заключается в том, что построение социалистического общества отодвигалось на неопределенно длительный срок, вместо того, чтобы ставить задачи форсирования социалистического строительства.

На 1928/29 г. контрольные цифры были изданы с большим опозданием, а именно в 1929 г. На введении и сводном обзоре сказались как решения XV с'езда партии, так и проработка пятилетнего народнохозяйственного плана и ряд постановлений пленумов ЦК ВКП(б). В связи с этими решениями стоит прежде всего постановка новых задач в области сельского хозяйства. Впервые в широком масштабе ставится вопрос об активном воздействии на производственные процессы в сельском хозяйстве, даются задания количественного и качественного порядка — о росте площади посевов и урожайности. В качестве особой задачи фигурирует образование в сельском хозяйстве обобществленного сектора.

С другой стороны, наличие пятилетнего плана, хотя окончательно еще не сведенного к моменту составления контрольных цифр, позволило Госплану «трактовать контрольные цифры народного хозяйства на 1928/29 г. в связи с большими задачами и намечающимися условиями ближайшего пятилетия»[3].

Все это не могло не повлиять в сторону заметного расширения трактовки целевой установки в контрольных цифрах и более правильного определения задач плана. Прежде всего подчеркивается, что «кон-

[1] Контрольные цифры, стр. 28.

[2] Там же, стр. 27.

[3] Контрольные цифры на 1928/29 г., стр. 22.

трольные цифры все более и более завоевывают себе позицию действительно основных вех оперативного народнохозяйственного плана, охватывающего как строительство, так и ход эксплоатации на годичный период», что в контрольных цифрах «заметно улучшается увязка работ с целевыми заданиями перспективных планов» [1]. Впервые формулируется, что все хозяйство в целом переводится на плановые рельсы, отсюда расширение целевых установок плана. Задачей плана являются «максимальные темпы под'ема индустриализации... не только индустриализации в промышленном значении этого слова, но и индустриализации сельского хозяйства, развитие новых областей... работы как в сфере материальной, так и духовной культуры» [2], ставится вопрос о радикальном пересмотре всех наших прежних позиций по вопросам организации труда, т. е. внедрение и здесь новых темпов, связанных с делом социалистической реконструкции.

В контрольных цифрах на 1928/29 г. соотношение между прогнозом и директивой трактуется совершенно по-новому. Целевая установка берет явно верх. Старая терминология оставлена. Трактовка этой темы получила следующее выражение в сводном обзоре.

«Контрольные цифры по самому своему существу являются синтезом больших перспективных плановых установок и реального учета кон'юнктурных особенностей года. Провести с максимальной полнотой в жизнь большие плановые задачи, преодолевая кон'юнктурные трудности текущего года, — такова задача контрольных цифр» [3]. В какой мере авторы контрольных цифр считают разрешенной эту задачу, видно из следующего утверждения. «Контрольные цифры на 1928/29 г. в основном сохраняют те пропорции и соотношения отдельных отраслей народного хозяйства, которые лежат в основе пятилетних проектировок и которые подчинены задаче энергичной индустриализации страны» [4].

Мы можем таким образом констатировать в контрольных цифрах на 1928/29 г. довольно решительный перелом во взглядах на роль плана в нашем хозяйстве и расширение целей и задач, которые ставит себе план. Эти высказывания приближают нас к пониманию плана как решающего регулятора всего процесса воспроизводства в народном хозяйстве. Необходимо однако оговориться, что в контрольных цифрах на 1928/29 г. мы имеем лишь перелом, но в полном об'еме их содержание еще не перестроилось в этом отношении. Контрольные цифры не указывают достаточно отчетливо путей и методов воздействия на производственный процесс в целом, больше того, в ряде положения они сильно ограничивают эти возможности, явно их преуменьшая. В этом отношении отдельные высказывания напоминают

[1] Контрольные цифры, стр. 11.

[2] Там же, стр. 13.

[3] Там же, стр. 37.

[4] Контрольные цифры на 1928/29 г., стр. 37.

контрольные цифры прежних лет. Так во введении говорится, что одной из командных высот народного хозяйства — потенциально важнейшей высотой — является плановость хозяйства. Однако эту плановость мы осуществляем в одной из самых технически отсталых стран. Поэтому социалистическое строительство на первых порах не может не быть строительством, в значительной степени идущим ощупью. «А там, где практическая деятельность опережает теорию, безошибочное творчество невозможно». Тут несомненно и преуменьшение плановости (потенциальная высота), тут и недостаточная ясность путей социалистического строительства.

Наиболее отчетливое выражение получило отношение к плану и рынку при определении путей воздействия на с.-х. производство и заготовку с.-х. продуктов.

Подчеркивая, что «одной из центральных, решающих задач предстоящего года является увеличение сбора зерновых культур не менее, чем на 100%», контрольные цифры считают, «что в огромной мере расширение посевов зависит от того, в какой мере удастся закрепить нормальные рыночные отношения с крестьянством в ходе заготовительной кампании» [1]. Этому фактору контрольные цифры 1928/29 г. придавали преувеличенное значение, ставя его рядом с такими мерами воздействия, как контрактация, усиление машиноснабжения и пр. Контрольные цифры не предвидели развертывания классовой борьбы вокруг хлебозаготовок, не ставили смело вопроса о решительной борьбе с кулачеством, тормозившего социалистическое строительство в стране.

Подчеркивая в другом месте, что «программа хлебозаготовок и план продовольственного снабжения потребляющих районов должны быть в центре внимания правительства на протяжении всего хозяйственного года», контрольные цифры считают, что «хлебозаготовительный план должен быть выполнен, но обязательно на началах рыночных отношений с крестьянством и без зажима местного хлебного оборота» [2] (разрядка моя. З. М.). В действительности сила плана сказалась в этом году в том, что мы сумели выполнить план хлебозаготовок, преодолевая сопротивление кулачества.

Контрольные цифры, считая «важнейшей особенностью с.-х. плана на 1928/29 г. то, что в нем обеспечен крупный сдвиг в строительстве обобществленного сектора в сельском хозяйстве», не намечали однако, как и в предыдущем 1927/28 г., количественных сдвигов в соотношении секторов. Отмечая, что 1927/28 г. почти по всем показателям обобществления дал более значительное усиление позиций обобществленного сектора, чем 1926/27 г., контрольные цифры на 1928/29 г. проек-

[1] Контрольные цифры на 1928/29 г., стр. 45.

[2] Там же, стр. 49.

тируют «расширение границ (в количественном отношении) обобществленного сектора в несколько меньшем темпе» [1].

Контрольные цифры на 1928/29 г. делают принципиально важный шаг в оценке роли и задач плана и содержат в отдельных частных планах ряд новых моментов, характеризующих наступательную роль плана, и все же они не дают еще законченной установки и полной оценки роли плана как регулятора всего воспроизводства, а в колхозном движении они не видят еще основного пути социалистической переделки сельского хозяйства и построения на этой базе более планомерных связей между различными отраслями народного хозяйства. Эта задача выпадает на долю контрольных цифр следующих лет.

Контрольные цифры 1929/30 г. представляют особый интерес как контрольные цифры второго года пятилетнего плана. В них таким образом отражены в основном установки и задания пятилетки. Более того, они отмечают, что «в проектировках на 1929/30 г., учитывая опыт первого года пятилетки и такие богатейшие, еще не использованные резервы, как социалистическое соревнование и непрерывная производственная неделя, считается вполне реальным дальнейшее ускорение темпов индустриализации и социализации хозяйства по сравнению с темпами оптимального варианта пятилетки» [2].

Широкой программе строительства во всех областях народного хозяйства соответствуют углубление плановости и расширение задач плана до охвата им всех важнейших элементов народнохозяйственного процесса. Так новым в контрольных цифрах является установка на массовую перестройку индивидуального хозяйства. В предисловии сказано, что «деревенский Октябрь в полном ходу. Саботаж верхушечных групп крестьянства, кулаков и подкулачников... получает все более и более сплоченный отпор от растущего и крепнущего союза бедняцко-середняцких масс с промышленным пролетариатом, чем выкорчевываются самые корни капитализма в стране советов» [3]. Влияние плана на частный сектор образно изображается как «пролетарское вторжение в аграрный вопрос». Программа накопления и распределения этого накопления по отраслям народного хозяйства значительно больше подчиняется плану, чем раньше. В производственном разрезе мы имеем расширение плановости главным образом за счет сельского хозяйства, где дается развернутая программа роста посевов и увеличения урожайности. В организационном разрезе план впервые дает широкую программу подготовки кадров. Наконец в контрольных цифрах на 1929/30 г. впервые ставится более отчетливо планирование распределения между классами и группами населения. В прежних планах основным показателем благосостояния широких масс рабочих и крестьян служил размер заработной платы или денежной выручки.

[1] Контрольные цифры на 1928/29 г., стр. 57.

[2] Контрольные цифры на 1929/30 г., стр. 7.

[3] Там же, предисловие XI.

Впервые в этом году на ряду с планированием номинала заработной платы и цен ставится вопрос о создании твердого продовольственного и общего потребительского фонда, в первую очередь для рабочего класса.

Контрольные цифры исходят из того, что «высокая норма накопления предполагает высокие качественные достижения в области производительности труда, снижения себестоимости, качества продукции. А эти достижения... пред'являют весьма повышенные требования к живой рабочей силе... это предполагает и высокую норму потребления трудящихся масс» [1]. Контрольные цифры поэтому подчеркивают, что, «чем менее обеспечено продовольственное снабжение страны наличными ресурсами в порядке обычного рыночного самотека, тем больше придется затратить усилий для посильной рационализации его методами планово-оперативной самособранности и организованности». Планирование распределения намечается контрольными цифрами не только в отношении продовольственных ресурсов. Контрольные цифры указывают, что «при отсутствии избытков в рамках того или иного вида снабжения мы должны направить его прежде всего туда, где оно всего нужнее, где оно дает наиболее полный эффект при своем использовании... Это предполагает диференцированный классовый подход к проблемам снабжения. Это предполагает значительное расширение круга нормированного снабжения». Контрольные цифры предвидят, что такой подход предполагает углубление и обострение классовых противоречий вокруг проблемы распределения и перераспределения народного дохода. «Но их можно и должно преодолеть». В тесной связи с планированием потребления, с диференцированным классовым подходом находится и диференцированный классовый подход к из'ятию денежных излишков в целях обеспечения плана накопления, т. е. выполнения программы капитальных вложений. Контрольные цифры говорят, что «усиленная программа займов в городе и в деревне, паенакопление кооперации и целый ряд новелл в области промыслового обложения, при правильном классовом подходе к их осуществлению, должны нам дать значительные дополнительные ресурсы для вышеуказанной цели (для ускорения темпов индустриализации и социализации)» [2].

Фактическое содержание контрольных цифр на 1929/30 г. весьма богато. Оно охватывает все важнейшие элементы процесса воспроизводства народного хозяйства. В нем на ряду с элементами воспроизводства материальных и личных элементов производственного процесса, на ряду с программой производства, обмена и распределения развернута программа воспроизводства производственных отношений (перестройка социальных отношений). Целевая установка плана на годовом отрезке выступает как часть определенной генеральной линии

[1] Контрольные цифры на 1929/30 г., стр. 8.

[2] Контрольные цифры на 1929/30 г., стр. 7.

по переводу всего хозяйства на рельсы социализма. К сожалению в контрольных цифрах основное их содержание не обобщено. Целевая установка плана и задачи его на данном годовом отрезке не суммируются и не обобщаются. Отсюда целый ряд задач, включенных в контрольные цифры, представляется подчас их авторам как задачи, вытекающие из тех или иных затруднений сегодняшнего дня, но не как органические задачи народнохозяйственного планирования. Так например в контрольных цифрах на 1929/30 г. планирование распределения потребительских ресурсов мыслится как результат временных затруднений. Между тем такой взгляд на планирование распределения неправилен. Этот элемент является несомненно органической составной частью наших планов.

Контрольные цифры на 1929/30 г., несмотря на отдельные их недочеты, свидетельствуют, что в установках планирования Госплану удалось освободиться от влияния классовых врагов и чуждых рабочему классу элементов. Это в первую очередь было обеспечено директивами партии в области социалистического строительства; немалую роль сыграло также удаление вредителей и то, что в работе над контрольными цифрами был дан «широкий простор молодой группе работников-коммунистов».

Заканчивая на этом вопрос о целевой установке плана и задачах плана, мы должны подчеркнуть, что сейчас назрело время для систематического обобщения и отчетливой формулировки в контрольных цифрах каждого года основных установок плана на планируемый год, целей, которые он себе ставит, и задач, им намечаемых на фоне общей задачи по построению социалистического общества.

III. Содержание контрольных цифр

Содержание контрольных цифр из года в год заметно усложнялось и расширялось. Обусловливалось это прежде всего ростом плановости в народном хозяйстве и усилением роли контрольных цифр, превращавшихся из директивы по составлению планов в оперативный плановый документ, охватывавший в едином плане все большее количество отдельных планов, равно и расширением целей и задач, которые ставили себе составители контрольных цифр.

Содержание контрольных цифр находит свое наиболее полное выражение в развернутой системе таблиц. Однако и текст, поясняющий эти таблицы, часто содержит дополнительный материал, не отраженный в таблицах. Обращаясь к изучению содержания народнохозяйственного плана по указанным материалам контрольных цифр, не всегда легко ответить на вопрос, почему тот или иной материал помещен в контрольных цифрах и почему отсутствует не менее важный материл? Контрольные цифры складывались эмпирически, и из отдельных отраслевых и территориальных планов, в контрольные цифры помещалось то, что в данный момент считалось наиболее существенным и наиболее важным для плана в целом. Полную картину содержания плановой работы в СССР поэтому может дать лишь сумма всех планов, т. е. контрольные цифры плановых органов и ведомств вместе взятых. Обобщающая работа в этой области еще не поставлена, и теоретический фундамент еще не подведен под контрольные цифры. Это дело ближайшего будущего.

С этими оговорками обратимся к рассмотрению содержания контрольных цифр в их динамике.

Контрольные цифры первого года мыслились как директива наркоматам для составления последними планов на 1925/26 г. с внесением их на рассмотрение Госплана и правительства. По этой причине важнейшие элементы плана в контрольных цифрах на 1925/26 г. нашли минимальное отражение. Что народнохозяйственное планирование первыми контрольными цифрами было охвачено в сравнительно узких пределах, это вытекало также из оценки роли и задач контрольных цифр их составителями. Авторы первых контрольных цифр ставили во главу угла «выяснение тенденций развития и отыскания коэфициентов, характеризующих динамику настоящего и ближайшего будущего» [1], и лишь на втором месте фигурировали «плановые задания» [2]. Здесь мы имеем явное отражение влияния Громана и Базарова, участников этой работы, которым удавалось протаскивать свои вредительские идеи, сводящиеся в основном к тому, что государство может планировать только те предприятия, хозяином которых оно является. «Иначе с с.-х. продукцией. Здесь государство не является хозяином и может лишь косвенно стимулировать те или другие естественно намечающиеся тенденции мерами экономической политики, почему целевая конструкция в данном случае лишена всякого практического значения» [3]. Базаров и Громан проповедывали, что стихия сельского хозяйства является доминирующей во всем народном хозяйстве и что план должен приноровляться к этой стихии. «Генетически выведенный перспективный план с.-х. продукции явится тем фундаментом, к которому должны быть приноровлены телеологически конструируемые перспективные планы отдельных отраслей промышленности» [4], — проповедует ученым языком Базаров идею возврата к капитализму. Ему вторит Громан в своей записке президиуму Госплана о принципах и методах планирования, декларируя, что «телеологическая и генетическая точки зрения должны быть органически связаны и что примат принадлежит генетической точке зрения» [5] (разрядка моя. З. М.). Понятно, что такая установка, которая сознательно ограничивала пла-

[1] Контрольные цифры на 1925/26 г., стр. 13.

[2] Там же, стр. 11.

[3] См. Базаров. К методологии перспективного планирования, стр. 8.

[4] См. там же.

[5] «Плановое хозяйство» № 11, 1925 г. Громан. О некоторых закономерностях, стр. 88.

новое вмешательство в деятельность частного сектора, которая требовала приспособления плана к тенденциям развития этого частного сектора, которая фактически расчищала дорогу для роста капитализма, не могла не суживать об'ема и содержания контрольных цифр, как орудия планового воздействия на все народное хозяйство. В совокупности обе указанные причины повлияли на содержание и об'ем контрольных цифр в такой степени, что они далеко не в полной мере отражают состояние плановой работы того времени. Контрольные цифры на 1925/26 г. под влиянием Базарова и Громана в центре внимания ставили задачу найти систему экономического равновесия между государственным планируемым хозяйством и частным хозяйством на основе главным образом прогноза. Эта установка наложила сильнейший отпечаток на основное содержание этих контрольных цифр.

Центральное место в контрольных цифрах 1925/26 г. занимает учет с.-х. продукции, главным образом урожая 1925 г., предшествующего планируемому 1925/26 г., наметка продукции промышленности, рост числа рабочих и производительности труда, определение товарных масс и на их основе — движения цен. Последней проблеме уделяется максимум внимания во всей этой первой работе.

Следующими элементами плана, завоеванными предшествующей плановой работой, являются экспорт-импорт, госбюджет и бюджет транспорта, денежное обращение и кредит. Эти элементы в контрольных цифрах 1925/26 г. даны в более или менее развернутом виде. Планы же капитального строительства и процессов обобществления, которые в последующие годы выступят на первое место, занимают весьма и весьма скромное место.

Выше нами уже приводилось указание предисловия, что контрольные цифры не предлагают широкой программы нового строительства промышленности и железных дорог. «Предлагаемые капитальные работы, — подчеркивается при этом, — в новой массе своей идут или на активизацию или на поддержание уже существующих производительных сил» [1]. Контрольные цифры дают по всем другим отраслям лишь суммарную сводку заявок, не заостряя внимания на этой стороне плана, за исключением жилстроительства и транспорта, где «продолжается еще процесс растраты основного капитала» [2]. По жилстроительству намечается довольно широкая программа затрат и мероприятий по переводу домовладений на хозрасчет, по оформлению эксплоатации и предоставлению права застройки частным лицам.

Перспективы процессов обобществления намечены лишь в отношении промышленности и посреднической торговли, и по этой решающей проблеме формулируется весьма скромное задание: «твердо удерживаться на завоеванных позициях и каждый год последовательно

[1] К. Ц. Предисловие.

[2] Там же, стр. 45.

продвигаться вперед еще хотя бы на один шаг к социализму повсюду, где это позволяет хозяйственная кон'юнктура». В предисловии откровенно признается, что контрольные цифры «недостаточно ответили на вопрос, что происходит с государственным национализированным хозяйством в целом — имеем ли мы рост его или нет, какие новые социальные и классовые образования имеют место и в какую сторону они эволюционируют»? Задача строительства социализма, как центральная задача годовых планов, отсутствует, и в этом крупнейший их недостаток.

Об'ем и содержание контрольных цифр определялись под сильным влиянием вреднейшей буржуазно-реставраторской теории о господстве «об'ективных тенденций» (противопоставляемыми плану пролетарской диктатуры в развитии хозяйства СССР), которые диктуют устойчивые, заранее данные соотношения между отдельными сторонами народнохозяйственного целого, обязательные для системы равновесия. Отсюда и ложная и вредная теория об устойчивом ценностном соотношении между с.-х. и промышленной товарной массой, об обязательном приближении ряда элементов к довоенным размерам и т. д. С другой стороны, в первых контрольных цифрах почти совершенно отсутствовали конкретные балансовые расчеты в натуральном выражении о необходимых пропорциях отдельных элементов, которые действительно важны для успешного хода народнохозяйственного процесса. Исключением в этом отношении является топливный и хлебофуражный балансы, которые завоевали себе еще до контрольных цифр общее признание.

Только по мере освобождения от этих ложных теорий, по мере нарастания правильной целевой установки в контрольных цифрах последние расширялись и обогащались и по об'ему и по содержанию.

Первой особенностью контрольных цифр на 1926/27 г. является то, что на ряду с общеэкономической ориентировкой они дают развернутые планы по важнейшим элементам народного хозяйства. По промышленности, по всем видам транспорта, по строительству, бюджету, кредиту, отчасти по труду и товарообороту даны планы, содержащие довольно подробные расчеты и обоснования этих расчетов. Отсюда и усиление балансового метода и наличие большого количества балансов.

В главе о промышленности подробно указывается, какими методами строится план по промышленности на 1926/27 г. Комиссия приняла главным образом метод экспертных оценок и метод баланса. Оценки экспертов давали перспективу развития отдельных отраслей. Включением перспективы данной отрасли в систему остальных отраслей вносились соответственные коррективы, перспективы же промышленности в целом проверялись включением ее в общую систему народного хозяйства. Система отдельных балансов дополняла проектировки. В контрольных цифрах 1926/27 г. подробно развернуты топливный

план, план электрификации, потребность и удовлетворение страны строительными материалами.

Следующей особенностью контрольных цифр на 1926/27 г. является более полная разработка плана капитального строительства. Сформулированный в контрольных цифрах тезис, что только индустриализация страны может обеспечить как дальнейший рост производительных сил, так и восстановить нарушенное хозяйственное равновесие между городом и деревней, нашел свое конкретное выражение в развернутой картине основных фондов страны и развернутом плане капитального строительства по всем отраслям народного хозяйства. Кроме того особая глава посвящена вопросу о сущности и показателях индустриализации и о наших достижениях на этом пути. В этой главе уже ставится вопрос об индустриализации сельского хозяйства в форме развития совхозов и колхозов. Но при трактовке этой темы в контрольных цифрах на 1926/27 г. недостаточно выявлены особенности социалистической индустриализации в отличие от капиталистической.

Не меньшей особенностью контрольных цифр на 1926/27 г. является широкая постановка проблемы обобществления. Проектировка важнейших планов и анализ ряда хозяйственных явлений даны в разрезе социальных форм. Кроме того отдельная глава посвящена процессам обобществления; осознана как важность этих процессов для строительства социализма, так и трудности дальнейшего продвижения в этом направлении, идущие от сельского хозяйства. «Задача экономической политики, — по мнению авторов контрольных цифр, — должна быть направлена на максимально-возможное развитие процессов обобществления». Развернутая таблица показателей процессов обобществления, позволяющая следить за их ходом, становится обязательным элементом контрольных цифр всех дальнейших изданий.

Следует далее подчеркнуть расширение в контрольных цифрах финансовых планов как общих (бюджет и кредит), так и по отдельным отраслям. Развитие контрольных цифр из директивы по составлению планов в ориентировочный план, усиление финансирования процессов индустриализации и вообще капитального строительства сделали этот раздел в схеме контрольных цифр практически весьма важным. Следует кстати отметить, что включение перспектив денежного и кредитного обращения в контрольные цифры встретило упорное сопротивление со стороны Наркомфина в лице его представителей (Алб. Вайнштейна, Меклер и др.), которые считали, что финансовая область не поддается планированию. Борьба за план ознаменовалась рядом достижений и в этой области.

Государственный бюджет, взаимоотношения его с республиканскими бюджетами, бюджетное финансирование народного хозяйства — все это получает наиболее четкое выражение в контрольных цифрах. Одновременно в отдельных планах существенное место уделяется финансовым расчетам и взаимоотношениям финансов отдельных отраслей с бюджетом и кредитной системой. Уже в контрольных цифрах на 1926/27 г. дан баланс не только бюджета, но и кредитного плана.

На фоне этих важнейших особенностей в контрольных цифрах на 1926/27 г. естественно несколько была отодвинута роль товарооборота и ценностных соотношений, которые в первых контрольных цифрах занимали центральное место. И в контрольных цифрах 1926/27 г., как и в последующих, им уделяется большое внимание, но лишь как одному из элементов плана. Существенной новостью в этой области является то, что на ряду с исчислением товарных масс делается попытка исчислить товарный баланс города и деревни, исходя из расчета доходов от различных источников и направления средств на различные нужды.

Контрольные цифры отмечают всю условность этих расчетов, недостаточность учетных данных и особенно большую трудность распространения данных за прошлое время на будущее. Все же попытка построения баланса доходов и расходов различных слоев населения была весьма плодотворна. В результате ее была поставлена работа по учету фонда зарплаты лиц наемного труда, и следовательно производился более полный учет последних; были также уточнены доходные и расходные поступления земледельческого населения и ускорена разработка бюджетных данных.

Однако все эти работы были недостаточны для планирования баланса производства и потребления, и контрольные цифры следующих лет еще не вступали на путь такого построения.

В качестве наиболее слабой стороны контрольных цифр на 1926/27 г. следует отметить отсутствие каких-либо элементов планирования в области сельского хозяйства. Здесь все свелось к учету ожидаемой продукции, товарной массы и цен. Нет даже плана мероприятий, который фактически разрабатывался по сельскому хозяйству. Отсутствуют в контрольных цифрах также планы заготовок и целый ряд других оперативных планов. Здесь сказалось, во-первых, то, что контрольные цифры не претворились еще в оперативный план. Во-вторых, в этих контрольных цифрах не было еще преодолено влияние буржуазных экономистов, противящихся прямому воздействию плана на сельское хозяйство. В этом одна из наиболее слабых сторон контрольных цифр второго года их составления.

Контрольные цифры на 1926/27 г. трактуют ряд проблем общеэкономического порядка: указанные выше проблемы индустриализации и обобществления, исчисление народного дохода и его распределение, а также сопоставление развития мирового хозяйства и СССР. Следует наконец отметить опубликование контрольных цифр двух республик и двух районов.

Контрольные цифры на 1926/27 г. являются переходными от общеэкономической ориентировки к ориентировочному плану. В них имеется уже ряд точных расчетов и элементов, присущих развернутому плану. На ряду с этим там начата

разработка целого ряда проблем рационального планирования. Достаточной внутренней увязки и полной системы народнохозяйственного плана мы в этих контрольных цифрах однако все же еще не имеем.

Контрольные цифры на 1927/28 г. по об'ему, содержанию и по своему построению во многом сходны с контрольными цифрами 1926/27 г. Но явились они в результате более детальной разработки планов ведомствами и районами, произведенной на основе данных правительством лимитов и директив к построению оперативных хозяйственных планов и бюджета. Это позволило сделать большой шаг вперед и превратить контрольные цифры из народнохозяйственной ориентировки в единый народнохозяйственный план. Мы имеем поэтому в контрольных цифрах большую конкретность и точность расчетов по отдельным отраслям. Благодаря более полному участию республик и районов в этой работе удалось также разработать ряд элементов плана в районном разрезе и, кроме того, дать особую главу об экономике районов. В контрольные цифры на 1927/28 г. включены также вопросы социально-культурного комплекса и более полный план мероприятий в области труда. В этом отличие их от контрольных цифр предыдущего года. В остальном система таблиц, отражающая об'ем и содержание контрольных цифр, не подверглась значительным изменениям.

Обогатились контрольные цифры на 1927/28 г. и рядом исследований, касающихся динамики народного хозяйства за истекшие несколько лет (динмика цен и себестоимости промпродукции и т. д.). Сделана также попытка оценить произведенные за последние 3 года капитальные вложения в различные отрасли народного хозяйства и выявить результат этих вложений. Это позволило дать план капитальных вложений на планируемый 1927/28 г. по всем важнейшим отраслям в развернутом виде.

Совершенно новым в этой связи в контрольных цифрах является план государственных мероприятий в области сельского хозяйства. Впервые помимо учета продукции и товарности сельского хозяйства даны способы планового воздействия на сельское хозяйство. Основные пути воздействия по мнению контрольных цифр суть следующие: «а) экономическая политика; б политика цен; в) система земельных и агротехнических мероприятий, проводимых органами Наркомзема; г) сельскохозяйственный кредит». Контрольные цифры отмечают, что Госплан не может в контрольных цифрах полностью осветить все мероприятия, ибо нет единого плана мероприятий, проводимых наркомземами. Подчеркивая огромное значение единства этих мероприятий, контрольные цифры указывают, что «одновременно с проектом контрольных цифр на 1927/28 г. Госплан вносит предложение о необходимости ежегодного представления единого плана по сельскому хозяйству, который охватывал бы весь комплекс мероприятий, проводимых разными органами и разными республиками». В текущих же контрольных цифрах впервые освещается направление работ по главнейшим

мероприятиям, а также их финансирование. Контрольные цифры впервые содержат планы землеустройства, мелиорации, ирригации, сельскохозяйственной индустрии, агропомощи, контрактации, финансирования и целый ряд предложений о мерах воздействия на сельскохозяйственное производство. Дается также план мероприятий в лесном хозяйстве.

Впервые имеем план торгового строительства, развернутый план по жилищному строительству и мероприятия по строительству в целом.

Наконец процессы обобществления получили гораздо более глубокое освещение, чем в предыдущие годы. В контрольных цифрах суммируются результаты ряда исследований о состоянии государственного, кооперативного и частного секторов в различных отраслях народного хозяйства. Особое значение имеет заострение внимания на показателях расслоения деревни в различных районах, с одной стороны, и развития колхозного движения — с другой.

В контрольных цифрах на 1927/28 г. на ряду с уточнением отдельных планов, вошедших и в предыдущие контрольные цифры, имеет место таким образом суммирование ряда исследований по отдельным крупным народнохозяйственным проблемам.

На содержание контрольных цифр 1928/29 г. существенно повлияли два обстоятельства: 1) завершение их превращения в народнохозяйственный план и 2) составление их в период разработки пятилетнего плана. В 1928/29 г. правительство сочло возможным отменить рассмотрение и утверждение ряда специальных планов, в том числе и промфинплана, игравшего в предшествовавшие годы весьма крупную роль в системе планирования. На ряду с этим рассмотрение и утверждение госбюджета поставлено в более тесную связь с контрольными цифрами. Это потребовало уточнения в контрольных цифрах ряда элементов в виде целых планов или их частей.

Контрольные цифры на 1928/29 г. составлены еще до завершения работ над пятилетним планом. Однако непосредственно перед составлением контрольных цифр Госплану пришлось просмотреть обширный материал к построению перспективного плана, и это оказало огромное влияние на об'ем, содержание и структуру контрольных цифр этого года. В сводном обзоре отмечается, что 1928/29 г., «как он запроектирован в настоящих контрольных цифрах, является начальным годом пятилетки и отражет все ее народнохозяйственные установки». Контрольные цифры строятся уже не на базе кон'юнктуры и динамики, а в свете пятилетних перспектив социалистического строительства.

Влияние работы над пятилетним планом сказалось и на ином построении контрольных цифр. Все основные синтетические проблемы выдвинуты на первое место, изложение же планов отдельных отраслей составляет вторую часть контрольных цифр. Синтетическая часть, кроме того, дополнена специальной главой «социалистическая индустриализация». Влияние пятилетки сказалось также в том, что в от-

дельные планы были включены данные об естественных ресурсах, о мощности оборудования и вообще были расширены натуральные показатели в планах. Наконец в целях выявления достигнутых сдвигов и особенностей нашего строительства широко применяется сопоставление развития народного хозяйства СССР с состоянием народного хозяйства в 1913 г.

Особо следует отметить огромное влияние разработки пятилетнего плана на план сельского хозяйства. В контрольных цифрах 1928/29 г. в этой области налицо уже иная принципиальная установка, и отсюда иное содержание всего плана. Впервые ставится задача сплошного планового воздействия на весь об'ем сельскохозяйственной деятельности вместо «учета тенденций, присущих сельскому хозяйству». Отсюда в план 1928/29 г. включаются планы посева и урожайности, результаты которых должны сказаться в следующем за планируемым годом, а именно в 1929/30 г. План сельского хозяйства по своему содержанию приближается к планам, составляемым для государственного сектора, но пути воздействия, комплекс мероприятий здесь иные. В контрольных цифрах на 1928/29 г. план сельского хозяйства изложен, с одной стороны, по главнейшим отраслям (зерновое хозяйство, технические культуры, животноводство), с другой — по социальным формам (совхозы, колхозы и пр.). План содержит также все важнейшие мероприятия и снабжен развернутым финпланом.

Окончательное превращение контрольных цифр в единый народнохозяйственный план, включающий почти все отдельные планы и исключающий самостоятельное рассмотрение многих из них, сказалось в дальнейшем уточнении и конкретизации отдельных планов.

По ряду отраслей контрольные цифры снабжаются титульным списком нового строительства, а по другим дается детальное распределение затрат, отмечаются задания по организационным и техническим вопросам строительства, по снижению себестоимости строительства и др. План капитальных затрат в промышленности, сельском хозяйстве и некоторых других отраслях впервые дан в республиканском разрезе. Наконец финплан покрытия затрат составлен более отчетливо.

Отличительной особенностью плана 1928/29 г. является значительная конкретизация товарооборота с расчленением его по отдельным товарам как сельскохозяйственным, так и промышленным. В контрольных цифрах мы впервые имеем расчет предложения важнейших промтоваров на широкий рынок, исчисление всего платежеспособного спроса на промтовары со стороны обобществленного и частного секторов в отдельности и развернутый баланс реализации промтоваров. Впервые же дается характеристика спроса и предложения на целый ряд сельскохозяйственных товаров. Впервые мы, наконец, имеем более детальный финансовый план в области торговых систем. Это является большим шагом вперед и важнейшим дополнением к общим статистическим исчислениям о денежных доходах и расходах населения.

Большим достижением контрольных цифр 1928/29 г. является развернутый план социально-культурного строительства, построенный на базе пятилетнего плана, содержащий на ряду с натуральными исчислениями и подробный план финансирования.

Значительно развернут в контрольных цифрах и план по труду, в котором разработаны некоторые элементы, нужные для построения плана воспроизводства квалифицированной рабочей силы.

Разработанность отдельных планов и финансовых расчетов в каждом из них позволили сделать значительный шаг вперед в построении финансовых планов. Впервые делается попытка суммировать все финансовые планы, показать взаимоотношения отдельных планов друг с другом и сделать первый набросок единого финплана.

Следует наконец отметить включение контрольных цифр по всем союзным республикам взамен краткой экономической характеристики их, данной в предшествующем году.

Контрольные цифры на 1928/29 г. значительно обогатились и усложнились по своему содержанию. Охват планом народнохозяйственных процессов столь значителен, что на очередь стал вопрос об охвате контрольными цифрами всего процесса воспроизводства и о построении контрольных цифр применительно к требованиям не только практики, но и теории планирования. На фоне достигнутых успехов в борьбе с капиталистическими элементами в стране все более отчетливо встает задача построения в минимально исторические сроки социалистического общества. Это в свою очередь выдвигает перед планом задачу наиболее полного охвата всего процесса производства, а также и распределения. Эта задача выпадает на контрольные цифры следующих лет.

1929/30 г. вносит свои дополнения в об'ем, содержание и систему контрольных цифр. То, что они явились контрольными цифрами второго года пятилетки, обогатило систему таблиц и содержание текста рядом сравнений с предположениями пятилетнего плана. Отдельные же планы дополнены новыми элементами, вытекающими из произведенных правительством мероприятий (например план перевода рабочих на семичасовой рабочий день).

Отличительной особенностью контрольных цифр 1929/30 г. является широко развернутый план по сельскому хозяйству. На ряду с продукцией 1929 г. даны планы продукции по всем важнейшим элементам и для 1930 г. На ряду с общим планом мероприятий по сельскому хозяйству даны подробные планы и показатели для обобществленного сектора с подразделением на совхозы и колхозы. Особо выделены планы по водному хозяйству и план ирригации в хлопководческих районах.

Ряд уточнений и детализаций имеется и по другим планам, в особенности по товарообороту в целом и по всем видам кооперации в особенности.

Наконец некоторую законченность получил единый финансовый план, контуры которого в предшествующем году лишь наметились.

В области территориальной дальнейшим шагом является планирование ряда элементов не только по республикам, но и по областям (капитальное строительство промышленности, сельского хозяйства, госторговли, посевные площади и удельный вес в них обобществленного сектора и др.).

В структуре текста контрольных цифр на 1929/30 г. также сделаны некоторые изменения, сближавшие их с пятилетним планом. Так контрольные цифры подразделяются на 3 основные части: 1) план капитального строительства, 2) производственная программа и 3) социальная программа плана. Каждый из этих разделов с той или иной детализацией излагается в отраслевом разрезе. Однако система таблиц сохранила свою прежнюю структуру, но так как с наибольшей полнотой план отражается в таблицах, то по существу больших изменений это не вносит.

Сложившаяся система далеко не является законченной, она ждет своего дальнейшего оформления. Особенно неудовлетворительной является сводная таблица, которая за последние годы недостаточно эволюционировала, она не содержит всех основных элементов плана и не дает полного представления о плане в целом. Вообще нет достаточной внутренней связанности между основными элементами отдельных планов. При наличии развернутых планов производства и капитального строительства не дано полной картины производственного потребления. Система балансов не охватывает даже главнейших элементов плана.

Сложившаяся система по последним контрольным цифрам в основном вырисовывается в следующем виде.

Первичными основными планами являются отраслевые планы — промышленности, электрификации, сельского хозяйства, транспорта, связи, торговли, кооперации и финплан. В этих планах центральными элементами являются об'ем работы (производство), потребность в сырье и материалах, число занятых лиц, капитальное строительство, финансовый план и некоторые другие. Ряд планов представлен в разрезе социальных секторов. Каждый из этих основных элементов плана, об'единенный в масштабе всего народного хозяйства, является базой для построения синтетического плана. В качестве таких синтетических планов, вернее говоря, исчислений производного характера, оформлялись — народный доход, процессы обобществления, основные фонды и капитальные вложения и труд. В виде балансов оформились — топливный баланс, баланс строительных материалов, электроэнергии, доходов и расходов населения и некоторые другие. Степень полноты производных планов зависит от того, в какой мере в основных планах выделены те или другие элементы. Так например отсутствие данных о производстве отдельных машин, металла и потребности в них не позволило до сих пор создать баланс машиностроения,

отсутствие планов снабжения и распределения отдельных промтоваров между группами населения не позволяет дать балансы по этим товарам и т. д.

План народного хозяйства должен содержать в первую очередь производство и распределение важнейших продуктов по отраслям и в социальном разрезе, он должен показать наличие элементов, необходимых для задуманного капитального строительства и плана снабжения. Только тогда план вскроет, насколько правильны установленные пропорции по важнейшим элементам производственной деятельности. Далее, в планах должна быть выявлена связь между ценностными и материальными элементами плана. Так например планы капитального строительства, транспорта, сельского хозяйства и других отраслей должны указать не только стоимость его, они должны сопровождаться также планом снабжения строительства этих отраслей металлом, лесом, цементом и другими основными материальными элементами. Под этим углом зрения должна быть пересмотрена вся система показателей и должны быть внесены все необходимые коррективы, в первую очередь в основные планы. Это облегчит построение и производных синтетических планов и развернет в контрольных цифрах всю сумму необходимых балансов.

IV. Контрольные цифры и их выполнение

Особый интерес представляет вопрос о том, в какой мере контрольные цифры, как единый план народного хозяйства, составленный на годовой период, претворяются в жизнь, какие отступления имеют место от этих планов в действительности и чем они об'ясняются? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо сопоставить первоначальные контрольные цифры за каждый год с их выполнением. Однако такое сопоставление нельзя произвести чисто механически по всей линии показателей. Во-первых, таких показателей в контрольных цифрах имеется много тысяч, во-вторых, точного совпадения в деталях мы можем не иметь ни по одному элементу. В целях сопоставления контрольных цифр с действительностью надо сосредоточить внимание на основных задачах, которые себе ставили контрольные цифры на данный год, и выяснить, в какой мере эти задачи оказались выполненными. При этом необходимо отличать задачи как таковые от методов и путей, посредством которых намечалось достигнуть данной задачи. Так например контрольные цифры ставили себе в качестве одной из основных задач на данный год повышение реального благосостояния рабочих на такой-то процент. Намечали они этого достигнуть увеличением номинала зарплаты, с одной стороны, и снижением цен на сельскохозяйственные и промтовары в определенных размерах — с другой. В ходе выполнения плана оказалось невозможным намеченное снижение сельскохозяйственных цен, причем одновременно и цены на промтовары не были снижены. Уровень благосостояния при-

мерно в намеченных размерах был однако повышен за счет роста номинала сверх первоначальных предположений. Анализируя выполнение плана, мы должны для нашего гипотетического случая признать, что эта задача плана была достигнута, правда на другом уровне цен и зарплаты, чем это намечалось.

Следует далее отметить, что при анализе плана и его выполнения важно установить, в какой мере различные элементы были между собой согласованы, т. е. в какой мере основные показатели плана представляли собой систему показателей, внутренне обусловливающих друг друга. А надо сказать, что далеко не по всей линии мы имели, в особенности в первые годы, внутреннюю согласованность в контрольных цифрах. Анализ выполнения плана очень часто это обнаруживает. При этих условиях отступления, сделанные в ходе исполнения плана, от первоначальных ошибочных расчетов лишь подчеркнут силу плана и оперативно-плановой работы, корректирующей первоначальные расчеты, а не его слабость. С учетом этих моментов рассмотрим выполнение контрольных цифр каждого года, а затем выполнение основных задач на протяжении всего изучаемого периода в целом.

Обращаясь к контрольным цифрам на 1925/26 г., надо прежде всего вспомнить, что это был первый опыт построения единого народнохозяйственного плана на год вперед. Авторы контрольных цифр подчеркнули неизбежность недостатков в этой первой работе и предлагали ее ведомствам в крайне осторожной форме. Проверка контрольных цифр показала правильность такого осторожного подхода. В первых контрольных цифрах мы далеко не имели во всех своих частях согласованной системы. С одной стороны, не было достаточно конкретных знаний целого ряда хозяйственных элементов и их взаимной связи, с другой, — в ряде областей авторы контрольных цифр пытались заменить глубокое изучение связей готовыми коэфициентами и заранее данными соотношениями, основанными на так называемых закономерностях, базировавшихся в основном на обязательном приближении к довоенным соотношениям. В области промышленности контрольные цифры исходили из правильной директивы о максимальном развертывании промышленного производства, используя для этого на 100% наличное технически пригодное и экономически рентабельное оборудование. В согласии с расчетами ВСНХ для крупной промышленности возможный рост продукции цензовой промышленности был исчислен в 34%. Далее контрольные цифры, исходя из оценки урожая и директивы об извлечении всей товарной продукции сельского хозяйства, наметили прирост последней в очень значительных размерах — 40% за год. Достигнуть рыночного равновесия мыслилось при директиве на общем снижении цен при условии удержания раствора «ножниц» на уровне 1924/25 г. Это достигалось понижением сельскохозяйственного индекса на 8% и промышленного — на 9%. Для контрольных цифр 1925/26 г. не было сделано даже попытки подсчитать, с одной стороны, более конкретно общий размер

доходов крестьянства при такой реализации сельскохозяйственной продукции и при значительном росте неземледельческих продуктов и предложения определенной части промтоваров, идущих на широкий рынок, и размера разных из'ятий, — с другой стороны. Вместо таких хотя бы приблизительных расчетов возможного спроса и предложения была выдвинуты теория о том, что «ценностное соотношение между сельскохозяйственной и промышленной товарной массой (как тяжелой, так и легкой промышленности. З. М.) колеблется в узких пределах около величины 37 : 63 и что это одна из таких закономерностей, которая обязательна не только для текущего времени, но и для ближайшего будущего» [1]. Эта грубо сфабрикованная буржуазно-реставраторская «теория», игнорирующая процесс социалистической индустриализации, повышающий удельный вес промпродукции в общей товарной массе, игнорирующая изменения в составе самой промпродукции (больший рост тяжелой промышленности, чем легкой и т. д.), должна была заменить всякие расчеты и оказывалась достаточной для утверждения, что «сделанные выше предложения о динамике цен не нарушают необходимых для правильного функционирования товарообмена между городом и деревней соотношений между ценностью товарной массы сельскохозяйственных продуктов и промышленных фабрикатов» [2]. Эта проектировка контрольных цифр, целиком плод творчества Базарова и Громана, была протащена в первые контрольные цифры, несмотря на всю вздорность ее обоснования.

Одновременно проектировалось повышение реала зарплаты свыше 20%, также без конкретного расчета возможности реального покрытия его соответствующими товарами. Обоснованием для такого исчисления опять-таки отчасти служило утверждение, что все элементы должны приближаться к довоенным соотношениям, что означало для 1925/26 г. достижение довоенного уровня. Проектировка этому отвечала.

Отсутствие конкретных расчетов и замена их коэфициентами, базирующимися на экстраполяции якобы найденных «закономерностей, наметившихся в нашей послереволюционной экономике», имело место и при проектировке денежного обращения и кредита. Исходя из найденной закономерности, «что в период новой экономической политики денежная масса должна расти быстрее товарооборота, а кредит быстрее денежной массы» [3], прирост денежной массы был исчислен на 1925/26 г. в 800 млн. руб. (+78%), а учетно-ссудных операций — в 1.900 млн. руб. (+100%).

Другие планы, как госбюджет, работа и бюджет транспорта и ряд других, были построены на более конкретных расчетах, хотя также

---

[1] Контрольные цифры на 1925/26 г., стр. 14.

[2] Контрольные цифры на 1925/26 г., стр. 30.

[3] Там же, стр. 14.

далеко недостаточных, и опирались на значительный опыт планирования предшествующих лет. Планы экспорта и импорта построены были на конкретных расчетах, опиравшихся однако на предпосылку, что восстановительному процессу имманентна такая закономерность, по которой отставшие от довоенных размеров элементы должны развиваться особенно бурно. Поэтому достаточно обоснованным был признан рост экспорта за год на 152%, так как в 1924/25 г. он достиг всего лишь 21% довоенных размеров.

Развертывание народнохозяйственного процесса в 1925/26 г. в действительности протекало далеко не так, как намечалось контрольными цифрами. Если этот год был годом бурного роста и больших достижений, то одновременно он характеризуется огромными затруднениями и осложнениями, которые не предвиделись контрольными цифрами.

Госпромышленность дала за год продукции не на 34%, а значительно больше — на 43%. Тут сказался недоучет наших возможностей, как то имело место и в последующие годы. Продукция сельского хозяйства оказалась ниже исчислений контрольных цифр примерно на 5%, причем урожай зерновых оказался ниже на целых 9% при превышении его по картофелю и техническим культурам на 13—18%. Еще большее расхождение имело место в отношении товарной продукции, которая поступила на внедеревенский рынок (на 24% меньше, чем то проектировалось контрольными цифрами). Одновременно внутрикрестьянский оборот оказался почти вдвое выше предположений контрольных цифр.

Если бы теория о ценностном соотношении товарных масс была бы сколько-нибудь верна, то при превышении промпродукции и снижении сельскохозяйственной следовало бы ожидать более сильного увеличения сельскохозяйственных цен, чем промышленных, т. е. весьма заметного сжатия «ножниц». Между тем имело место не сближение «ножниц», а некоторое дальнейшее их расхождение; при этом платежеспособный спрос крестьянства не мог быть удовлетворен, и вместо равновесия имел место сильно возросший товарный голод. Наиболее резкое расхождение с контрольными цифрами действительность показала по линии цен. Вместо общего снижения оптового индекса на 8,3% имел место рост на 3,5%, вместо сближения «ножниц» на 2% имело место расхождение их на 2,5%. Текущая плановая работа в значительной мере исправила грубо неправильную и политически неверную проектировку контрольных цифр в области цен. Активное вмешательство Наркомторга в регулирование цен и политика цен самих хозорганов были направлены на ослабление товарного голода, вызванного ростом цен на с.-х. товары при возросшем урожае. Оперативные органы вполне понятно не могли считаться с ложной «теорией» Громана и Базарова о ценностных соотношениях товарных масс. Столь же ошибочной оказалась и проектировка в отношении денежной массы и кредита. За год денежная масса выросла всего лишь на 200 млн. руб. вместо 800 по проекту контрольных цифр; значительно ниже оказались и учетно-ссудные операции: 557 млн. руб. вместо 1.900 млн. руб., и все это при условии, что цены были значительно выше предположений контрольных цифр, что товарооборот превысил контрольные цифры. Столь значительные ошибки в контрольных цифрах 1925/26 г. по линии денег и кредита об'ясняются главным образом отсутствием конкретных расчетов и недостаточным пониманием особенностей структуры советского хозяйства, в котором обобществление огромной части собственности сказалось весьма сильно на денежном обращении и всей системе кредита.

Очень значительны отступления и по линии экспорта: вместо 1.100 млн. руб. экспорт составил всего лишь около 667 млн. руб. Столь значительное расхождение с контрольными цифрами об'ясняется отчасти неправильным учетом урожая, но главным образом недоучетом коренных реконструктивных изменений в хозяйстве СССР — роста внутреннего потребления в городе и в деревне, обусловленного иным распределением народного дохода в результате Октябрьской революции. Повышение грузооборота и товарооборота против контрольных цифр отчасти об'ясняется недоучетом роста промпродукции и отчасти недостаточным знанием межрайонных связей и вообще грубостью расчетов методами коэфициентов. Наиболее близко к предположениям оказалось выполнение госбюджета (с небольшим превышением в 4%).

Сопоставляя контрольные цифры на 1925/26 г. с их выполнением, мы должны констатировать, что отступления, имевшие место, были довольно значительны. Об'ясняется это и недостаточным учетом ресурсов, преуменьшением возможностей, вытекавших из особенностей планового хозяйства, недостаточным пониманием социальных сдвигов в стране. В итоге действительность разошлась с контрольными цифрами по ряду важнейших элементов и соотношений и при этом в размерах, которые не позволили считать их системой цифр, годных для построения оптимального единого народнохозяйственного плана.

Если контрольные цифры первого года не послужили в полной мере базой для построения единого плана на год, то все же их значение для упрочения планового хозяйства было огромно. Контрольные цифры явились первой попыткой связать единовременно и в одном плановом акте все элементы народного хозяйства. Отдельные ошибки, хотя и значительные, в общей системе плана поддаются гораздо легче исправлению, чем то имеет место при разрозненном планировании отдельных элементов. И действительно, при наличии контрольных цифр оказалось возможным через несколько месяцев произвести генеральный их пересмотр и в основном выявить основные причины допущенных ошибок и просчетов и наметить целостную программу для их устранения.

Кроме того опыт первых контрольных цифр с их крупными ошибками позволил по-иному подойти к построению контрольных

цифр на следующий 1926/27 г. При построении контрольных цифр на 1926/27 г. были в известной мере учтены уроки прошлого года. «Детализация и уточнение народнохозяйственных перспектив путем системы балансовых расчетов выдвигается в качестве очередной нашей задачи тем решительнее, чем менее применимы к новым условиям экономического развития закономерности, установленные для эпохи восстановительного периода» [1]. Это заявление контрольных цифр на 1926/27 г. оказалось весьма ценным для дальнейшей работы. В связи с таким подходом балансы хлебо-фуражный, топливный, транспорта, строительства, денежно-кредитной системы, бюджетный и другие были разработаны гораздо более тщательно и базировались на детальных конкретных расчетах. Существенно новой явилась попытка построения товарного оборота крестьянского хозяйства, баланса спроса и предложения промтоваров и баланса доходов и расходов населения. Однако полного отрешения от неправильной методологии прошлого года не произошло еще, и это сказалось на ряде проектировок. Так мы имеем в этих контрольных цифрах отказ от права «экстраполировать на будущее динамические тенденции прошлого». Одновременно однако оставляется лазейка в виде статических коэфициентов, об'емлющих крупные и сложные по составу массы хозяйственных явлений, которые будто бы «должны сохранять достаточную устойчивость на протяжении небольших интервалов времени» [2].

Контрольные цифры на 1926/27 г. исходили из необходимости максимального форсирования промышленности как по условиям товарного голода, так и в связи с переходом к реконструкции основного капитала страны. Несмотря на якобы полное исчерпание восстановительных возможностей, контрольные цифры, исходя из неограниченной емкости рынка и на основе учтенных сырьевых, внутренних и импортных ресурсов, запроектировали рост промпродукции на 15,8%, т. е. значительно выше, чем это предсказывалось целым рядом экономистов, базировавших свои прогнозы на опыте капиталистических стран и довоенной России. Так Базаров и Громан утверждали, что в самом лучшем случае можно говорить о приросте в 5%. Альберт Вайнштейн доказывал в ряде статей невозможность превышения 6-7% годового прироста. Влиянию этих «ученых» поддались и отдельные коммунисты. Так т. Смилга в своем выступлении в Комакадемии говорил, что «к сожалению с концом восстановительного периода в историю отходит и темп его... Капитальные вложения, которые мы собираемся делать в предстоящем году, на 1927/28 г. предполагают дальнейшее резкое замедление темпа. Можно будет говорить всего лишь о 5—7% развития хозяйства в 1927/28 г.» [3]. Явная грубая недооценка особенностей советской системы хозяйства.

[1] Контрольные цифры на 1926/27 г., стр. 12.
[2] Контрольные цифры на 1926/27 г., стр. 13.
[3] См. «Вестник Ком. академии» № 17, стр. 197.

Рост валовой продукции сельского хозяйства был исчислен в натуральном виде в 7%, а товарной продукции — в 15%. Установка на рост зарплаты при росте числа лиц наемного труда дала проектировку роста общего фонда зарплаты на 15% против прошлого года. Особенно ответственной и сложной в этих условиях оказывалась проектировка цен. Проектировка цен была тем более трудной, что прошлые контрольные цифры допустили здесь значительную ошибку, и кроме того год заканчивался в условиях товарного голода.

Контрольные цифры вновь допустили здесь крупную ошибку, отказавшись от активной политики в области цен, диктовавшейся народнохозяйственной обстановкой. Отсюда прежде всего заявление, «что экстраполяция индексных ценностных рядов представляет собой одну из самых трудных статистических задач» и что «экономический анализ также не обладает методами, позволяющими с достаточной уверенностью намечать ценностные сдвиги, как функцию предположенных изменений в соотношении материальных масс товарной продукции» [1]. Несмотря на всю условность расчетов, контрольные цифры считали невозможным достигнуть равновесия между спросом и предложением на рынке товаров: «балансовое сопоставление проектируемого роста платежеспособного спроса и предложения промтоваров в 1926/27 г. свидетельствует, что и в будущем году страна не сможет выйти из полосы товарного голода». Это утверждение о невозможности достигнуть равновесия, несмотря на то, что авторы контрольных цифр основную задачу их усматривали в нахождении такого равновесия, базировалось на том, что снижение непомерно возросших в 1925/26 г. сельскохозяйственных цен и общее снижение цен не могут быть произведены.

Контрольные цифры запроектировали среднегодовую стабильность цен как промышленных, так и сельскохозяйственных, хотя они подчеркивали, что общая линия на снижение цен остается верной и на будущее время, но в 1926/27 г. этого нельзя осуществить. При этом базировались на неизменности соотношений цен на сельскохозяйственные и промышленные товары, на невозможности снижения себестоимости промпродукции, с одной стороны, и на неизбежности роста осенью цен на хлеб против весенних цен — с другой. При такой проектировке цен дефицит промтоваров исчислялся примерно в 500 млн. руб., т. е. проектировалось дальнейшее нарастание товарного голода.

В области денежного обращения и кредита из-за просчетов первых контрольных цифр был произведен очень внимательный расчет. Центр тяжести был перенесен на составление финансовых планов отдельных отраслей государственного хозяйства, были также учтены особенности советского хозяйства. Эмиссия проектировалась в 150 млн. руб., прирост учетно-ссудных операций намечался в 800 млн. руб.

[1] Контрольные цифры на 1926/27 г., стр. 109.

На проектировку бюджета оказала влияние теория сильного снижения темпов по завершению восстановительного процесса, хотя контрольные цифры подчеркивают, что «из опыта 1925/26 г. нельзя сделать вывод о «сугубой« бюджетной осторожности, так как подобная политика стояла бы в противоречии с большими задачами по реконструкции народного хозяйства и с плановым подходом к разрешению этих задач». Прирост госбюджета запроектирован в 14%, а местных — в 20%.

Из других планов интересно отметить проектировку процессов обобществления. На эти проектировки влияла неправильная оценка возможных сдвигов по окончании восстановительного процесса, а именно: «Соотношение между ними (социальными секторами) стремится к устойчивости (разрядка моя — З. М.) с относительным перевесом в сторону государственного и кооперативного хозяйства»[1]. Однако дальнейшие сдвиги рисуются довольно пессимистически: «достигая более высокого уровня, чем в других странах, отливаясь в новых социальных формах, процессы обобществления протекают на этом высоком уровне медленно, характеризуясь иногда 1-2%, а иногда и долями процента в год», причем отмечается, что «этот рост все же недостаточен для преодоления уже в ближайшем будущем возможных перебоев в развитии обобществления». Оборот частной торговли запроектирован на 1926/27 г. с абсолютным ростом на 500 млн. руб. при снижении удельного веса до 21,5% против 24% в истекшем 1925/26 г. Продукция частной промышленности также запроектирована с абсолютным ростом при снижении удельного веса.

Планы экспорта-импорта составлены с гораздо большей осторожностью, чем в контрольных цифрах на 1925/26 г. Более точные расчеты имели место и по всем остальным планам, нашедшим отражение в контрольных цифрах (работа транспорта, капитальное строительство, качественные показатели по промышленности и другим отраслям).

Что показывает исполнение контрольных цифр 1926/27 г.? В целом 1926/27 г. был годом дальнейшего роста всего народного хозяйства, годом развертывания реконструктивных процессов при одновременном изживании ряда ненормальностей 1925/26 г. В отличие от прошлого 1926/27 г. отмечается значительно большим соответствием между отдельными элементами народного хозяйства. Исполнение 1926/27 г. по целому ряду основных проектировок очень близко подошло к проектировкам контрольных цифр; кроме того по ряду элементов выявилось большее значение обобществленного сектора, большее господство плановости над стихией, чем то определялось контрольными цифрами.

Валовая продукция планируемой промышленности дала рост в 19% против 15,8% по контрольным цифрам, обнаружив большие возможности реконструктивного периода, чем предполагалось.

[1] Контрольные цифры, стр. 197.

В исчислении продукции сельского хозяйства контрольные цифры вновь преувеличили рост ее, оказавшийся лишь на 4% выше предыдущего года вместо 7% по контрольным цифрам. В соответствии с этим и товарная часть продукции оказалась ниже.

По «теории» постоянства в ценностных соотношениях между сельскохозяйственной и промышленной товарной массой следовало ожидать большего сближения «ножниц», чем то проектировалось контрольными цифрами. В действительности цены устанавливались не стихийно, а в плановом порядке. В результате твердой линии партии и правительства было достигнуто общее снижение цен на 4% (против стабильности их по контрольным цифрам), причем большее снижение показал индекс сельскохозяйственных продуктов — 8,5% и меньшее — индекс промышленных товаров. Это явилось следствием твердой политики заготовительных хлебных цен на установленном планом уровне, выдержанном на протяжении всей заготовительной кампании (против неизбежного стихийного их повышения весной по предложениям контрольных цифр).

Возможность снижения себестоимости и отпускных цен промышленности выяснилась уже при утверждении промфинплана. Благодаря этой политике цен, а также мероприятиям в области финансовой политики на рынке промтоваров удалось достигнуть сближения спроса и предложения.

По линии заготовок 1926/27 г. показывает заметное улучшение. Решительное сокращение числа госзаготовителей, более твердое руководство их деятельностью обеспечили выполнение заданий и в количественном и качественном отношениях. Контрольные цифры несомненно недооценили силу плановости в области товарооборота и в области цен. Это один из крупнейших недочетов как контрольных цифр 1926/27 г., так и первых контрольных цифр. Некоторая недооценка имела место и в отношении процессов обобществления. Так в 1926/27 г. оборот частной торговли дал резкое абсолютное снижение вместо некоторого роста, предположенного контрольными цифрами.

По другим элементам народного хозяйства исполнение оказалось довольно близким к проектировкам контрольных цифр. Степень расхождения здесь значительно меньше, чем в 1925/26 г. Это показывает, что в области учета и в проектировке плана на год вперед сделаны заметные успехи. Выполнение капитального строительства довольно близко к проектировке контрольных цифр. Денежная масса выросла несколько больше плана, учетно-ссудные операции оказались несколько ниже его. Бюджет выполнен с некоторым превышением против контрольных цифр. Фонд зарплаты вместо роста в 15% дал рост в 18%. Очень близко к плану — с небольшим превышением его — выполнен план работы транспорта. Хлебозаготовки и заготовки большинства сырьевых культур близки к проектировкам контрольных цифр. В общем и целом ни по одному из важнейших элементов плана не было таких значительных расхождений, как в 1925/26 г. Отступления от

контрольных цифр в большинстве говорят о чрезмерной осторожности проектировок и о некотором преуменьшении наших возможностей. По внутренней связи отдельных элементов контрольные цифры 1926/27 г. сделали значительный шаг вперед против первых контрольных цифр, что позволяет трактовать их как ориентировочный план народного хозяйства, правда, с неполным охватом всего процесса воспроизводства. Полностью не охвачен и обобществленный сектор, а главным образом частный сектор, в особенности в сельском хозяйстве.

При построении контрольных цифр на 1927/28 г. в известной мере были учтены успехи руководства хозяйством в предыдущем году, но далеко не полностью были оценены причины этих успехов и об'яснены просчеты контрольных цифр. Одним из недостатков контрольных цифр на 1927/28 г. является отсутствие в них обобщающей оценки итогов предыдущего года.

Перспективы нового хозяйственного года считались более трудными, чем предшествующего. Ожидали ухудшения экономических отношений с капиталистическим миром и ухудшения внешнеторговой кон'юнктуры вообще. Предсказания «специалистов» о неизбежности в будущем году неурожая после третьего под ряд хорошего урожая также наложили определенный отпечаток на проектировку контрольных цифр. Это обстоятельство было подчеркнуто как одно из важнейших особенностей года и было указано, что если недорода может и не быть, то «не готовиться к нему, не обеспечить в народнохозяйственном плане 1927/28 г. мероприятий, которые могли бы смягчить его последствия, было бы величайшим легкомыслием» [1].

В виду ожидания недорода в проектировке темпа развития была проявлена некоторая сдержанность.

Опыт перевыполнения ряда планов в 1926/27 г. все же в достаточной мере не убедил составителей контрольных цифр в том, что реконструкция хозяйства открывает большие возможности для быстрого продвижения вперед. Контрольные цифры вновь подчеркивают, что «замедление темпов в связи с исчерпанием восстановительных возможностей всем представляется очевидным, но далеко не ясными (разрядка моя — З. М.) являются возможности и силы реконструктивных темпов, неясной представляется еще и эффективность осуществленных уже реконструктивных начинаний» [2].

Такие установки не могли не сказаться некоторым преуменьшением планов и возможностей в 1927/28 г. Контрольные цифры в предвидении предстоящих трудностей пред'являли большие требования к качеству работ государственного сектора, и большая заслуга их — в разработке и уточнении целого ряда соответствующих заданий.

[1] Контрольные цифры на 1927/28 г., стр. 11.

[2] Там же, стр. 13.

Рост валовой продукции всей цензовой промышленности запроектирован на 14,3%, в том числе по крупной государственной в 15,8%, т. е. меньше фактического прироста предшествующего года. Рост валовой продукции сельского хозяйства исчислен в 3,2%, а товарной части в 8,7%. При этом наибольший рост запроектирован по техническим культурам. В области качественных показателей намечено снижение себестоимости промышленной продукции на 6% против 2% снижения в 1926/27 г. Рост выработки на 1 рабочего намечен в 12,9% (при росте номинальной зарплаты на 6%) против 10% прошлого года. Рост рабочей силы в промышленности запроектирован всего в 2,6% против 5% в 1926/27 г. Намечая увеличение грузооборота в 12%, одновременно запроектировали снижение (а не рост) штатного контингента на 1-2%. При этих условиях, несмотря на значительное увеличение численности строительных рабочих, весь прирост фонда зарплаты запроектирован в 7% против 18% в прошлом году.

В проектировке цен контрольные цифры взяли установку на дальнейшее общее понижение уровня их, опираясь на достижения прошлого 1926/27 г., давшего «в этом направлении значительный и бритом плановый перелом». Исходя из проектировки снижения себестоимости промпродукции на 6%, контрольные цифры запроектировали и снижение отпускных цен в таком же размере. Что касается сельскохозяйственных цен, то контрольные цифры подошли к их проектировке с учетом специфических особенностей отдельных отраслей: цены на технические культуры намечено сохранить на весеннем уровне, обеспечившем значительный под'ем технических культур в этом году; цены на продукты животноводства намечены к снижению на 6%; на овощи и фрукты, в виду хорошего урожая, снижение предположено на 11-12%, наконец цены на зерновые предложено сохранить на среднегодовом уровне 1926/27 г., давшего понижение их против 1925/26 г. Подсчеты рыночного равновесия при таких ценах показывали по с.-х. годам больший рост денежных доходов по сравнению с ростом предложений промтоваров широкого потребления, т. е. намечалось новое обострение товарного голода. В разрезе хозяйственного года обострения не ожидалось. Контрольные цифры поэтому предусматривали понижение промышленных цен на предметы широкого потребления только в третьем квартале, по наступлении ожидаемого успокоения на рынке.

Общее снижение цен запроектировано на 4,9% при снижении с.-х. цен на 5,2% и промышленных цен на 4,5%.

План капитального строительства запроектирован в развернутом виде с ростом против прошлого года на 20%, причем развертывались крупнейшие строительства, как Днепрострой, Турксиб, Свирьстрой и др. Особенностью этого плана является наличие в нем государственных мероприятий и капитальных вложений государства по сельскому хозяйству (в размере около 625 млн. руб.).

Недостаточно учтены итоги 1926/27 г. в области борьбы социальных секторов и возможные достижения по линии дальнейшего обобществления. Контрольные цифры, исходя из того, что «соотношения социальных секторов... это наследие десятилетий и веков предшествующей истории», считали, что для радикальных сдвигов «потребуются длительные сроки и гигантские усилия». Контрольные цифры наметили увеличение удельного веса обобществленного сектора в небольших размерах. В цензовой промышленности рост его контрольные цифры запроектировали при стабильности в абсолютном размере продукции частного сектора (+ 0,8%). При этом было предположено в частном секторе понижение на 3% валовой продукции предметов широкого потребления и рост на 7,8% предметов производственно-технических.

Контрольные цифры исходили из целесообразности «привлекать в эти последние отрасли частный капитал, вытесняемый из торговли и из конкурирующих с общественным хозяйством предприятий, так как в них на данной стадии развития он может быть еще полезен народному хозяйству».

Аналогично намечена политика и по торговле. Для частной торговли запроектирована стабильность оборотов (в абсолютных размерах) при сокращении их в опте и росте в низших звеньях. Рост удельного веса обобществленного сектора намечен главным образом за счет общего прироста, но не за счет абсолютного вытеснения частного сектора. Проектировка по линии борьбы с частным сектором и дальнейшего его вытеснения была явно минималистская. Контрольные цифры недооценили обострение классовой борьбы и не учли необходимости более усиленного наступления на капиталистические элементы и города и деревни.

Численность лиц наемного труда запроектирована детально по отраслям, прирост в целом намечен всего на 1,8%. При сдержанном росте занятого труда прирост безработных исчислен в 300—380 тыс. чел. Номинальное повышение заработной платы запроектировано в 5,1%, а с учетом снижения розничного индекса на 4,7% прирост реальной заработной платы должен составить свыше 10%.

Безусловно недостаточно намечен рост госбюджета — всего на 11,4%. Обосновывалось такое скромное увеличение тем, что «для ближайшего будущего нет оснований вводить какие-либо новые налоги или повышать ставки существующих», так как опыт сделанного повышения «убеждает в том, что в данное время финансовая система напряжена если и не в предельной, то в близкой к пределу степени». В этой проектировке, как и в ряде других, имела место недооценка реконструктивных моментов нашей системы хозяйства. Прирост местных бюджетов запроектирован на 12,5%, прирост эмиссии намечен в 200 млн. руб., в темпе несколько меньшем, чем рост товарооборотов. Прирост краткосрочного кредита также исчислен весьма умеренно — 400 млн. руб. Вот в кратких чертах план 1927/28 г. по контрольным цифрам.

Запроектированный в таком виде план рисовался его авторами, как план «большой напряженности», считалось, «что в плане заданы большие и трудные темпы количественного роста народнохозяйственного производства и пред'явлены большие требования по качественному росту обобществленного сектора».

Выполнение плана 1927/28 г. показывает, что контрольные цифры правильно намечали ряд основных трудностей и даже их преуменьшили. Одновременно однако контрольные цифры недооценили возможные темпы роста, не предвидели развернувшейся классовой борьбы и больших достижений в этой борьбе.

Прежде всего темп роста крупной госпромышленности оказался значительно выше предположений — вместо 16% роста 23%. Это дает превышение против темпа роста 1926/27 г., проектировалось же снижение темпа. Значительно превышены предположения контрольных цифр и по капитальному строительству промышленности.

Затраты по сельскому хозяйству и в частности по строительству обобществленного сектора также превышены. Одно бюджетное финансирование сельского хозяйства на 90 млн. руб. выше плана. Такое превышение планов, выявившее неучтенную мощность производственного аппарата государственной индустрии [1], имело место, несмотря на то, что по линии учета с.-х. продукции была допущена ошибка в обратную сторону. Вместо роста валовой продукции на 4% по позднейшим исчислениям оказалось снижение на 1%, а товарная часть в натуральном выражении дала рост лишь на 3,5% вместо предположенных 13,5%.

Рост числа лиц наемного труда оказался значительно выше предположенных 1,8 и составил 4,2%. Фонд заработной платы в целом вырос не на 7%, а вдвое больше — на 13,6%.

В этой обстановке растущего сверх плана спроса при пониженном против преположений производстве сопротивление верхушечной части деревни плановой политике цен было особенно сильно. Однако на рынках более организованных, как рынки зерновых и технических культур, мерами чрезвычайного порядка государство удержало цены на уровне, близком к плановому. На менее организованном рынке продуктов животноводства этого сделать не удалось, и цены здесь значительно возросли. В целом вместо снижения с.-х. цен на 5,2% они остались стабильными на уровне 1926/27 г. В отношении промышленных цен запроектированное снижение было в основном проведено. Общее снижение цен составило примерно 3,4%. Если учесть все особенности обстановки, то следует признать достижения плана на важнейших рынках с.-х. товаров огромными и проектировку контрольных цифр в основном правильной, хотя в полной мере ее реализовать не удалось.

[1] См. оценку в К. Ц. на 1928/29 г., стр. 27.

На товарном рынке в целом обстановка сложилась иначе, чем это проектировалось. Фонд заработной платы вырос более предположенного, доходы крестьянства благодаря повышению цен также оказались выше плана. Это повело к обострению товарного голода. Отсюда рост бюджетного индекса вместо его снижения и недовыполнение намеченного роста реальной заработной платы.

Борьба по линии цен продиктовала более активную политику по обобществленному сектору и привела к усилению его позиций. В торгово-посредническом обороте имело место не только относительное, но и абсолютное уменьшение размеров частного сектора (на $^1/_2$) вместо стабильности по контрольным цифрам. Частная промышленность сократилась на 16%, в том числе по крупной на 11% и по мелкой на 17% вместо проектировки стабильности или даже роста. Процесс кооперирования в деревне и рост обобществленного сектора в сельском хозяйстве оказались также выше плана.

Большая программа индустриализации и обобществления потребовала более обильного финансирования. Последнее стало возможным благодаря более высокой доходности и города и деревни и в результате вытеснения частного капитала из ряда его позиций. Бюджет дал значительно больший рост, чем это было запроектировано в контрольных цифрах. Несколько превышены и учетно-ссудные операции и эмиссия.

Исполнение плана в целом показывает, что внутренняя увязка отдельных элементов в контрольных цифрах была весьма значительна. Просчеты по линии возможных темпов индустриализации и обобществления были выправлены, причем эти исправления носили характер систематических коррективов, внутренне согласованных.

Анализ выполнения контрольных цифр на 1928/29 г. представляет значительный интерес, так как в них в гораздо большей степени, чем в предыдущих контрольных цифрах, на ряду с планированием государственного сектора и его взаимоотношений с другими секторами намечено прямое планирование частнохозяйственного сектора. Это относится главным образом к производственной деятельности индивидуальных крестьянских хозяйств.

Результаты 1927/28 г. позволили ставить еще более решительно, чем раньше, задачу дальнейшего повышения темпов индустриализации страны и запроектировать прямые задания по под'ему производительных сил сельского хозяйства в целом и по строительству в нем обобществленного сектора в частности. Наконец значительный размах строительства и расширяющаяся деятельность во всех областях заострили проблемы правильного сочетания отдельных народнохозяйственных элементов. Следует отметить, что впервые Госплан подвел итоги выполнения годового плана в развернутом виде.

Рост продукции промышленности на 1928/29 г. запроектирован для всей цензовой промышленности в 17%, а для планируемой ВСНХ в 19%, причем для группы А рост повышен до 23%; снижение же средней обусловливалось исключительно ограниченностью сырьевых ресурсов с.-х. происхождения, позволивших по группе Б наметить лишь 16,4% роста. Прочно определившийся прирост продукции тяжелой промышленности позволил запроектировать повышение плана капитального строительства в целом по всему народному хозяйству на 18,9% против 13% в прошлом году, причем по промышленности, электрификации и транспорту капитальное строительство повышается до 25—30%.

По социально-культурному сектору запроектирован рост расходов на 19-20%.

При проектировке численности лиц наемного труда учтен просчет прошлого года и прирост намечен в размере около 4%, который определяется в основном увеличением числа строительных рабочих на 20%, лиц, занятых по социально-культурному сектору, на 6% и промышленных рабочих на 4,4% при снижении по транспорту. По последним двум группам запроектировано сильное повышение производительности труда. Рост безработицы за год намечен всего лишь на 11,7% вместо 31% в предыдущем году.

Эти темпы были запроектированы на фоне не вполне благоприятного развития сельского хозяйства, явно отставшего от темпов индустриализации. Валовая продукция сельского хозяйства, результат главным образом урожая 1928 г., увеличилась на 4,4%, притом главным образом за счет продуктов животноводства — 5,8% при росте зерновых всего лишь на 1,8%.

Прирост товарной продукции при весьма активной заготовительной политике намечался в 4,5%, в том числе за счет технических на 8,5% и за счет животноводства на 6,8% при снижении зерновых на 7%. Контрольные цифры, учитывая рост населения, городского в особенности, и необходимость повышения реального благосостояния масс, отдавали себе совершенно ясный отчет, что даже при 100% выполнения этой программы в предстоящем году будут громадные трудности по продовольственному снабжению. Отсюда усиление заготовительной деятельности обобществленного сектора, отсюда и рационализация потребления и лучшая организация продовольственного снабжения с усилением планового снабжения. С другой стороны, отсюда и впервые задача прямого планирования с.-х. производства.

План намечает повысить удельный вес заготовок обобществленного сектора не только по хлебу, но и по мясу с 44% до 53%, довести охват товарного масла до 50%, а охват товарного выхода яиц до 62%. Соответственно должно увеличиться плановое снабжение по ряду с.-х. товаров.

План под'ема с.-х. производства сводится в контрольных цифрах 1928/29 г. к следующему. Площадь посева зерновых должна быть повышена на 7%, урожайность на 3%, что должно обеспечить рост продукции для 1929/30 г. в 10%. Ряд мероприятий должен обеспечить этот рост зерновых. Одним из них является усиление строительства

обобществленного сектора в сельском хозяйстве. Рост площади в совхозах и колхозах запроектирован в размере около 1½ млн. га, что должно обеспечить 11% всей товарной продукции в 1929/30 г. В индивидуальных хозяйствах рост площади посева зерновых намечался в размере свыше 5 млн. га (около 5%).

Другим важнейшим мероприятием в контрольных цифрах 1928/29 г. является усиленный рост контрактации, которая должна охватить по плану около 30% всех крестьянских дворов.

Размер финансирования по бюджету и с.-х. кредиту намечен с ростом против 1927/28 г. на 40%; по линии обобществленного сектора рост намечен в 80%.

Все это должно было улучшить обстановку следующего хозяйственного года.

В области цен и товарооборота обстановка сложилась следующим образом.

Хлебные цены контрольные цифры запроектировали повысить на 15—17%, исходя из состоявшегося постановления правительства, имевшего целью стимулировать рост посевов бедняцко-середняцких масс крестьянства. Повышение цен на животноводческие продукты, продиктованное увеличенными программами заготовок и ростом цен вольного рынка, по контрольным цифрам должно было составить не более 2%. В целом рост с.-х. цен был намечен на 6,1%.

Необходимость повышения с.-х. цен предопределила в известной мере и цены на промтовары и следовательно общий уровень цен.

Балансовые подсчеты в области спроса и предложения и необходимость накопления в определенных размерах средств для капитального строительства подсказали необходимость стабилизации промышленных цен на предметы широкого потребления и незначительного снижения отпускных цен на предметы производственно-технические. Общее снижение отпускных цен было намечено на 1% при снижении себестоимости на 7%. Общий же индекс оптовых цен по контрольным цифрам должен был дать рост в 2,4%. Проектировка цен шла путем конкретных расчетов отдельных товарных групп и учитывала обстановку 1928/29 г., которая заставила на данный год сделать отступление от проводившейся в предыдущие годы линии на общее снижение цен. Примерно такой же рост (2,8%) был запроектирован и для бюджетного индекса.

Положение на рынке промтоваров рисовалось по контрольным цифрам как несколько напряженное. Расчеты исходили из того, что фонд зарплаты возрастет на 11%, а доходы деревни на 9,5%, т. е. в размере большем, чем рост товарной продукции (благодаря улучшению ценностных отношений в пользу деревни).

За вычетом расходов на с.-х. товары и по платежам покупательный фонд на промтовары должен вырасти в деревне на 8,2%, а в городе на 3,5%, всего же на 6,6%, т. е. больше, чем в прошлом году. Предложение же промышленных товаров должно было увеличиться на

5,2%, т. е. менее, чем покупательный фонд. Учитывая значительный рост предложения средств производства и хозяйственного обихода деревни, обострение спроса ожидалось главным образом по предметам широкого потребления.

Проектируя систему финансов, контрольные цифры повидимому учли свою прошлогоднюю ошибку, подчеркнув, что «окончание восстановительного периода вовсе не повлекло за собою усвоения советским хозяйством обычных для довоенного времени и в настоящее время для других стран темпов роста. Наоборот, последовавший за восстановительным периодом реконструктивный продолжает давать высокие хозяйственные показатели. Очевидно, что производительные силы страны, поставленные в совершенно иные социальные условия, дают гораздо более высокие хозяйственные эффекты и более высокую социальную полезность». Однако эти особенности советской системы учтены были не в полной мере. Это видно из того, что, сопоставляя дальше показатели роста бюджета с ростом народного дохода, валовой и товарной продукции народного хозяйства и констатировав, что первые растут быстрее, контрольные цифры делают вывод, что это «свидетельствует о значительной напряженности, с которой составлялись бюджеты последних лет». В действительности же факт большего роста бюджета против приведенных показателей вытекает из процесса индустриализации и обобществления народного хозяйства, при которых все большая доля народного дохода перераспределяется через финансовую систему. Государственный бюджет запроектирован с ростом на 15,3%, причем контрольные цифры констатируют, что некоторое нарастание налогов сопровождается нарастанием свободного остатка «дохода». Прирост краткосрочного кредита исчислен в скромной цифре около 600 млн. руб. Эмиссия же определена в 300 млн. руб. Кредитная система стала в условиях СССР источником самостоятельной мобилизации ресурсов.

Большие темпы строительства, напряженность рынков с.-х. и промышленных товаров, борьба за под'ем с.-х. производства, невозможный на базе мелкого хозяйства, диктовали усиленный рост обобществления на всех фронтах, предуказывали предстоящую упорную классовую борьбу. Контрольные цифры это отчасти предвидели, когда они подчеркнули, что «то обострение классовых отношений, которое выявилось в стране за последнее время, требует напряженного внимания к ним». Контрольные цифры намечают следующие сдвиги в этой области. Частный торгово-посреднический оборот запроектирован с абсолютным снижением на 8-9% против 1927/28 г., выработка продукции промышленности частного сектора снижается абсолютно на 3-4%, продукция обобществленного сектора в сельском хозяйстве на 35% возрастает и, что особенно важно, из общего прироста капитальных вложений во всем народном хозяйстве в сумме 1.530 млн. руб. свыше 1.250 млн. руб. приходятся на обобществленный сектор. Однако это расширение границ обобществленного сектора запроектировано

в несколько меньшем темпе, чем то имело место по итогам 1927/28 г. Контрольные цифры и этого года все еще подчеркивают, что «сдвиги в удельных весах социальных секторов происходят медленно, подытоживая большие внутренние процессы народнохозяйственного строительства». Кроме того контрольные цифры не предвидели обострения борьбы в таких размерах, как это имело место в действительности. В результате по этой линии, как и по некоторым другим проектировкам, действительность внесла коррективы в план, намеченный контрольными цифрами.

При подведении итогов выполнения плана 1928/29 г. контрольные цифры следующего 1929/30 г. вновь, как и в отношении предыдущего года, должны были констатировать, что контрольными цифрами 1928/29 г. «были недоучтены возможности, заложенные в системе хозяйства СССР. Начало и конец 1928/29 г. значительно отличаются как по характеру социально-экономической обстановки, так и по оценке возможностей с количественной и качественной стороны социалистического строительства»[1].

И действительно по планируемой промышленности прирост оказался равным 23,7% вместо 19% по контрольным цифрам. В особенности значительно превышение по отрасли группы А, а именно на 29,8% против 23% по контрольным цифрам. Это говорит о новом значительном скачке промышленности, выявившей высокие темпы реконструктивного периода, которые не были ясны при составлении контрольных цифр. План капитального строительства в важнейших отраслях тоже был превышен.

Первый опыт планового воздействия на с.-х. производство дал в общем положительный результат. Посевная площадь 1929 г. расширена на 5% (вместо 7% по контрольным цифрам), несмотря на неблагоприятные природные условия (гибель озимых в размере 5,5-6 млн. га). При этом 70% прироста приходится на совхозы и колхозы, в то время как контрольные цифры проектировали около 80% прироста площадей за счет индивидуальных хозяйств. Процесс строительства обобществленного сектора пошел значительно быстрее, чем предполагали контрольные цифры. Задача под'ема с.-х. производства в основном стала решаться уже в 1928/29 г. обобществленным сектором. Огромную организующую роль сыграл декрет ЦИК СССР о мерах под'ема урожайности. Создалась большая организация по проведению агроминимума, которая не была предусмотрена контрольными цифрами.

Товарная масса с.-х. продукции дала превышение против плана, а именно рост по сравнению с прошлым годом составил 9,6% против 4,5% по контрольным цифрам. И это достигнуто в условиях, когда по валовой продукции дана была преувеличенная оценка: вместо роста в 4,4% она по позднейшим исчислениям дала рост лишь на 1,8%. Это

[1] Контрольные цифры на 1929/30 г., стр. 23.

превышение товарной продукции произошло как за счет зерновых, так и за счет продуктов животноводства. По линии зерновых известную роль сыграла более активная хлебозаготовительная кампания с наступлением на кулацкие хозяйства; по линии животноводства прирост товарной продукции является результатом усиленного предложения скота, что имело отрицательные последствия в виде сокращения поголовья его. Значительная часть реализованного скота, мяса и кож была заготовлена обобществленным сектором.

План работы транспорта в связи с превышением программы работы промышленности, капитального строительства, реализации скота и пр. оказался превышенным по погрузке на 6,6%. Пассажирские перевозки тоже возросли в большем размере.

Такое перевыполнение планов сказалось большим ростом лиц наемного труда — 7% вместо 4% по контрольным цифрам — и меньшим приростом безработных при явно выявившемся недостатке квалифицированных рабочих.

Превышенная программа народнохозяйственной деятельности в целом, более высокая программа извлечения с.-х. продукции в обстановке классовой борьбы, понижение против плана товарной продукции масла, яиц, — все это обусловило несколько большее повышение цен, чем это намечено в контрольных цифрах. Общий уровень оптовых цен вырос на 4,3% вместо 2,4%. Этот рост обусловлен главным образом ростом с.-х. цен, которые дали 8% вместо 6,1% за счет повышения заготовительных цен на масло и яйца и некоторые другие нехлебные товары. Промышленность в связи с этим не снизила цены примерно на 1%. Выручка деревни выросла против плана как за счет заготовительных цен, так и за счет вольного рынка, которые особенно сильно повысились. Общеторговый розничный индекс вырос на 6,6%, бюджетный на 5% (вместо 2,8% по контрольным цифрам).

В результате всех этих явлений рост платежеспособного спроса превысил предположения плана. Фонд зарплаты вырос больше плана как за счет большей численности лиц наемного труда, так и за счет повышения номинала. Денежные доходы также превысили предположения. Благодаря этому, несмотря на регулирование спроса, не произошло ожидавшегося смягчения в напряженности соотношения спроса и предложения. С другой стороны, недовыполнено и повышение реала зарплаты. Вместо 5,5% рост его составил около 4%; этого повышения удалось достигнуть благодаря более высокому росту удельного веса обобществленной торговли.

Повышенная программа работы промышленности и капитальных затрат, а также увеличенная против плана программа заготовок потребовали дополнительных ресурсов. Отчасти это было достигнуто превышением поступлений по бюджету, отчасти более высокой эмиссией, чем то намечалось по контрольным цифрам. Госбюджет по исполнению дал рост около 19% вместо 15% по контрольным цифрам. Эмиссия превышена примерно на 300 млн. руб. Однако это превышение

относится почти целиком на IV квартал и произведено оно за счет большей программы заготовок хлеба и мяса (сверх плана) и расширения программы некоторых других отраслей.

Обострившаяся борьба на хлебном рынке, сопротивление кулацко-зажиточных групп темпам нашего хозяйственного развития, развернувшаяся классовая борьба в деревне проходили в условиях значительного ускорения процесса обобществления во всем народном хозяйстве против предположений контрольных цифр.

Рост обобществленного сектора в сельском хозяйстве, как было указано выше, значительно превысил предположения контрольных цифр. Частный же сектор в торгово-посредническом товарообороте дал резкое снижение — на 40% вместо 8-9% по контрольным цифрам. Более значительное снижение частного сектора имело место и в промышленности, равно и по другим областям.

Мы видим таким образом, что и контрольные цифры на 1928/29 г. несколько преуменьшили возможные темпы развития, не предвидели всей остроты классовой борьбы, недоучли ряд крупных достижений в этой борьбе. Контрольные цифры не предвидели и той мобилизации миллионов на борьбу за быстрые темпы индустриализации и социализации, которую развернула партия в ходе реализации народнохозяйственного плана.

Особому анализу следует подвергнуть исполнение плана на 1929/30 г., во многом отличающееся от исполнения предыдущих годовых планов, но сейчас, когда пишется данная статья, итоги 1929/30 г. полностью еще не выявлены, почему этот анализ сюда не включен.

Подводя итоги исполнению контрольных цифр, мы должны констатировать следующее: 1. В свете исполнения планов мы видели улучшение из года в год их проектировки. Это достигалось прежде всего в результате преодоления враждебных марксизму и ленинизму влияний экономистов, в первые годы составления контрольных цифр имевших большое влияние как в ведомствах, так и в Госплане, на содержание отдельных элементов плана. 2. Вокруг контрольных цифр как планов, намечавших на год вперед социалистическое наступление на капиталистические элементы страны, разгоралась борьба, чаще в скрытом виде. Это оказывало в той или иной степени влияние на проектировку темпов индустриализации и обобществления, и отсюда некоторое преуменьшение в контрольных цифрах наших возможностей. 3. Ряд отступлений и изменений контрольных цифр в ходе их исполнения об'ясняется как успехами, так и отдельными неудачами в той классовой борьбе, которая весьма бурно развертывалась в стране при реализации планов. 4. Наконец немалое влияние на просчеты и изменения в планах имели недочеты в работе обобществленного сектора, начиная с дефектов учета, влиявших на самые проектировки, и кончая работой хозорганов, которые далеко не всегда достаточно упорно добивались выполнения планов. В первые два года большое значение имело и то, что контрольные цифры не получили достаточного признания (первые контрольные цифры не были утверждены правительством). Только в последующие годы, когда контрольные цифры стали в центре внимания партии и правительства, роль их, как организующего фактора, в нашей хозяйственной деятельности стала огромной.

ОТДЕЛ II

Проблемы мирового хозяйства

С. Слуцкина

Третий период послевоенного краха капитализма[1]

Монополистический капитализм есть загнивающий, умирающий капитализм. «Передел поделенного» является другим выражением неравномерности самого процесса загнивания. Происходящий рост производительных сил не соответствует уровню развития. Все больше обостряется противоречие между ростом производственного аппарата и ростом продукции. Рост распределительного аппарата по сравнению с производственным, рост «faux frais», являющийся результатом противоречия между развитием производства и распределения, является выражением загнивания капитализма. Спекуляция, достигающая огромных размеров и вытекающая из сосуществования монополии и конкуренции, является выражением загнивания капитализма. Противодействие со стороны империалистических держав свободному, самостоятельному развитию зависимых и полузависимых стран являются выражением загнивания капитализма. Вывоз капитала, как основная характеристика монополистического капитализма, происходит на основе загнивания капитализма. «Необходимость вывоза капитала создается тем, что в немногих странах капитализм «перезрел» и капиталу недостает (при условии неразвитости земледелия и нищеты масс) поприщ прибыльного помещения» (Ленин). Хроническая безработица, все меньшее рассасывание резервной армии и во время под'ема является выражением загнивания капитализма. Все более обостряющиеся противоречия между городом и деревней внутри отдельных стран и между аграрными и индустриальными странами являются тем же выражением загнивания капитализма. Рост рантье не только в различных странах, но и рост целых стран рантье есть то же выражение загнивания капитализма. Загнивание на основе монополии, загнивание на основе чудовищной спекуляции (Kudellmudell), чудовищное расхищение производительных сил при одновременном росте последних, обостряющаяся неравномерность развития отдельных частей капитализма — все это вместе взятое подводит к империалистическим войнам и к краху капиталистической системы. Загнивание является фоном, на котором имеются взлеты и спуски, но кривая развития в целом идет вниз, — нисходящая прямая.

Производительные силы продолжают расти и в эпоху империализма. Рост этот происходит на общем фоне загнивания. Рост этот может быть абсолютно большой в некоторых частях капиталистического хозяйства, но он незначителен относительно уже достигнутого уровня развития производительных сил. На основе роста производительных сил происходит чрезвычайное обострение противоречий капитализма. Круг противоречий превращается все в большую спираль и в

[1] Из работы «Основные закономерности империализма», издаваемой Институтом экономических исследований Госплана СССР.

определенный момент начинается процесс «столкновения круга с центром».

Этот процесс сопровождается нарастающей классовой борьбой. И «столкновение круга с центром» проявляется в столкновении классовых сил буржуазии и пролетариата. Процесс идет таким образом, что, с одной стороны, все растущие противоречия буржуазного строя увеличивают противоречия между отдельными группами буржуазии, с другой стороны, увеличивается мощь пролетариата и противоречия между трудом и капиталом.

В эпоху послевоенного краха капитализма решающие противоречия монополистического капитализма «разбухли» и «пропитали» все поры мирового хозяйства. Война как ланцетом вскрыла оболочку «высокого» капитализма. Война, со своей стороны, обострила противоречия монополистического капитализма, она довела эти противоречия до качественно-новых характеристик. Война внесла ряд структурных изменений и дала иную расстановку классовых сил. Война дала новое «качественное количество», она возвысила в новую степень все противоречия монополистического капитализма. Это новое «качественное количество» есть содержание эпохи краха капитализма. Основная и решающая характеристика этой новой эпохи есть раскол мирового хозяйства. Противоречия мирового единства, единства, разорванного на сферы влияния, подняты на высшую ступень — на ступень раскола этого единства. Раскол мирового единства есть основная и решающая характеристика эпохи краха капитализма. С момента Октябрьской революции в 1917 г. капитализм больше не является всеобщей мировой основой капиталистического процесса воспроизводства. Раскол положил начало борьбы двух систем. Новое «качественное количество» дает новое единство противоречий, и в этом единстве борются два принципиально отличных процесса воспроизводства общественных отношений. «В результате первого тура империалистических войн (мировая война 1914—1918 гг.) и Октябрьской победы рабочего класса в бывшей империи российского царя мировое хозяйство раскололось на два принципиально враждебных лагеря: лагерь империалистических государств и диктатуру пролетариата СССР. Различие классовых структур, различие классовой природы власти, принципиальное различие в целях внутренней и внешней экономической и культурной политики, принципиально различное направление всего развития резко сталкивают капиталистический мир с государством победносного пролетариата. В рамках прежде единого мирового хозяйства борются две антагонистические системы: система капитализма и система социализма»[1]. Эпоха краха капитализма переживает III период своего развития. Первый период всеобщего краха капитализма — это период непосредственно-революционной ситуации, период, закончившийся в 1923 году революционным выступлением в Германии и Болгарии. Первый период всеобщего краха капитализма окончился поражением пролетариата в целом ряде стран. «Эти поражения являются, в первую очередь, результатом предательской тактики социал-демократических вождей и реформистских лидеров профессионального движения, а также результатом того обстоятельства, что за коммунистами не было еще большинства рабочего класса и в ряде важнейших стран не существовало еще коммунистических партий»[2].

Второй период всеобщего краха капитализма явился «передышкой» от непосредственно революционной ситуации для буржуазного

[1] Программа Коминтерна
[2] Там же.

мира. Это период частичной относительной стабилизации капитализма. На основе поражения пролетариата, на основе усиления эксплоатации как пролетариата, так и колониальных народов буржуазия получила «передышку». Рост производительных сил, рост трестификации и индустриализации на общем фоне загнивания означал усиленный рост и обострение всех противоречий капитализма.

На основе усиливающейся неравномерности развития и роста производительных сил идет процесс усиливающейся неравномерности загнивания. Противоречия в этот период загоняются все больше вглубь. «Третий период... в экономической области характеризуется тем, что капитализм перешел за довоенный уровень, что в ряде отраслей и стран происходит быстрый рост техники и рационализации производства, что усиленно растут артели и тресты, а также тенденция к государственному капитализму. Вместе с тем все больше обостряются основные противоречия капитализма: противоречия внутри капиталистических стран и противоречия между империалистическими государствами, противоречия между последними и колониальными странами и наконец противоречия между империалистическим лагерем и страной строющегося социализма»[1]. Второй период краха капитализма обнаруживает сильный рост производительных сил, что дает возможность социал-демократии кормить рабочих иллюзиями «организованного капитализма». Обострение противоречий на основе неравномерности этого роста идет по всему фронту, и уже в 1926 г. капиталистическая стабилизация начинает трещать по всем швам. На спасение стабилизации капитализма выступает капиталистическая «рационализация» производства. Капиталистическая «рационализация» производства на фоне противоречий, определяемых всем предыдущим ходом эпохи краха капитализма, дает основную характеристику III этапа развития послевоенного краха капитализма». «Рационализация», связанная с переоборудованием основного капитала, с колоссальным развитием интенсивности труда, дала, с одной стороны, под'ем производства и неравномерный под'ем различных стран и отраслей и, с другой стороны, — капиталистическая «рационализация» дала колоссальное обострение противоречий капитализма. В III период на основе капиталистической «рационализации» противоречия между трудом и капиталом выросли до гигантских размеров. В основу «рационализации» легла реорганизация трудового процесса под углом зрения усиления эксплоатации рабочей силы. Сущность «рационализации» выражается в применении самых утонченных способов эксплоатации, в увеличении количества трудовой энергии, расходуемой рабочими в единицу времени. Идея «рационализации» нашла свое осуществление главным образом в системе конвейера. В этой стороне «рационализации» заключается социальная сущность последней и в этом лежит экономическое обоснование обострения классовых боев в III период. Сущность капиталистической «рационализации» не заключается в повышении производительности труда. Правда, рост интенсивности труда не может происходить без роста его производительности. «В капиталистической рационализации заключается один сам по себе прогрессивный момент: устранение из трудового процесса лишних движений рабочего, или, как говорит Маркс, — «уменьшение непроизводительных затрат рабочей силы». Но по сравнению с колоссальной интенсификацией труда этот момент имеет подчиненное значение, и гораздо большее значение имеет тот

[1] Из доклада тов. Молотова на X пленуме ИККИ.

факт, что в связи с капиталистической рационализацией техническое развитие машины и прежде всего рабочей машины происходит в определенном доминирующем направлении, в сторону приспособления к системе конвейера, чтобы в свою очередь обусловливать все большую интенсификацию и автоматический контроль труда»[1].

Интенсификация труда в этот период становится главной целью всякого технического усовершенствования.

Противоречие между прибылью и заработной платой выступает в этот период основным и решающим противоречием.

Мы знаем, что единое общее основание кризисов — противоречие между общественным производством и частным присвоением — обусловливает диспропорциональность производства и как внутренний момент последней — диспропорциональность между производством и потреблением. И именно эта диспропорциональность включает в себя классовый момент. В III период противоречие между производством и потреблением достигает той остроты, которая непосредственно подводит к революционной ситуации. III период не отделен китайской стеной от непосредственно-революционной ситуации. Противоречие между производством и потреблением становится противоречием между платежеспособностью общества и производственными возможностями «рационализации». «Рационализация» производства дает огромный рост продукции, рационализация же производства сопровождается колоссальным ростом безработицы. «Рационализация» производства дает падение реальной заработной платы. «Рационализация» производства на фоне противоречий, определяемых всем предыдущим ходом развития краха капитализма, дает понижательную покупательную способность со стороны деревни. Словом «рационализация» производства идет рука об руку с прогрессивным обнищанием широких масс. Полнейшая механизация труда на основе «научной» эксплоатации рабочей силы благодаря системе «непрерывного потока» пожирает поколения рабочих и приводит в ряде стран к абсолютному обнищанию пролетарских масс.

Противоречие между производством и потреблением является противоречием, выходящим за рамки национальных государств. Рынок внутренний непосредственно увязан с рынком внешним. Покупательная способность миллионов масс на внутреннем рынке гонит капиталистов на внешний рынок. Но и внешний рынок состоит из тех же масс рабочих и крестьян, являющихся в последнем счете основными покупателями, — и внешний рынок ограничен в своем платежеспособном спросе. III период характеризуется обострением борьбы за рынки. Внутренние и внешние противоречия капитализма увязаны, взаимообусловлены, находятся в диалектическом взаимопроникновении. Борьба за рынки капиталов и за рынки товаров ведется в колониях, в зависимых странах и в других «чужих» капиталистических странах. Борьба эта ведется и вооруженным (в колониях и зависимых странах) и «невооруженным» образом. «Невооруженный» способ борьбы часто принимает форму открытого вредительства одной страны по отношению к другой. Примером может служить борьба Англии и Соед. Штатов в самой Англии — борьба в «Генеральной компании электричества».

Для Соед. Штатов импорт составляет всего 7—10% продукции. Борьба ведется не только за реализацию этих 10% на внешних рынках, но и за возможность роста экспорта. Границы реализации на вну-

[1] Из доклада тов. Куусинена на X пленуме ИККИ.

треннем рынке, противоречие между производством и потреблением внутри страны гонит Соед. Штаты на борьбу за внешние рынки, где обостряется все больше то же противоречие между платежеспособным спросом и возрастающей продукцией.

При производственных возможностях в 8 млн. машин в год годовая потребность Соед. Штатов в автомобилях едва ли превышает 4 млн. автомобилей. Для различных стран внешний или внутренний рынок играет неодинаковую роль. Для Соед. Штатов первенствующее значение имеет внутренний рынок. И в то же время огромная недогрузка производственного аппарата в С. Штатах ставит для последних вопрос о внешних рынках не менее остро, чем для других передовых капиталистических стран.

Наибольшее значение внешний рынок имеет для Англии. Несмотря на то, что экспорт Англии сократился по отношению к довоенному на 17,6% в 1929 г., последняя и в данный момент экспортирует за границу 30—35% своего промышленного производства. Отдельные отрасли промышленности Англии еще больше зависят от экспорта. Хлопчатобумажная промышленность работала в 1924 г. на 86% на внешний рынок. Борьба на внутреннем рынке обостряет борьбу на внешних рынках и борьба на внешних рынках обостряет противоречия внутри отдельных стран.

Борьба между Англией и Америкой развертывается по всему фронту и доходит в III период до решающих боев. Борьба между американским и английским нефтяным капиталом проникает во все поры международной политики. «Нефть пропахла политикой, политика — нефтью, обе пахнут войной». Германия и Франция представляют сложнейший комплекс противоречий в Европе. Франция не только ждет от Германии уплаты репараций, она по примеру Соед. Штатов стремится заложить основы экономического проникновения французского финансового капитала в Германию. Франции помогают осуществить свой план внедрения в Германию противоречия отдельных учредительских групп в самой Америке. Нефть, сталь, калий, уголь — вот основные линии, по которым скрещивается борьба этих стран за рынки. Борьба Америки, Англии, Японии на дальневосточных рынках достигает огромной остроты в III период. Между Англией и Соед. Штатами идет борьба за захваченные Англией в Китае позиции. Обостряется борьба между этими странами в Латинской Америке, в Канаде и в самых высоко развитых капиталистических странах.

Таможенная война является концентрированной политикой, выражающей состояние «передела поделенного» в III период послевоенного краха капитализма. С одной стороны, Европа должна платить Америке долги и должна платить за ввозимые из Америки капиталы и товары, а с другой стороны, — принятый недавно сенатом и палатой представителей Соед. Штатов тариф означает запрещение ввоза важнейших товаров в Соед. Штаты. С одной стороны, требование выполнения плана Юнга, а с другой — огромные тарифные ставки на важнейшие германские товары. Особенно резко ставится вопрос о протекционизме в III период в стране классического фритредерства — в Англии. Бивербрук, консерватор, который стоит во главе инициативного комитета по организации империи как «единый экономический комплекс», окруженный таможенной стеной от всех иностранных государств, заявил в палате лордов 19 ноября 1929 г.: «Соед. Штаты стали большой угрозой для британского промышленника. В 1913 г. американский торговый промышленный экспорт составлял только половину британского. Теперь он превышает британский экспорт. Мало того,

Америка атакует наши рынки в наших собственных доминионах». Консерватор Мерджорибэнкс на заседании палаты общин от 29 января 1930 г. заявил: «Если в будущем дела пойдут как теперь, то это будет означать наш финансовый крах, это будет означать, что наши рынки будут наводнены... американской массовой продукцией». Лойд-Джорж выступил против протекционистской программы. Он ядовито спрашивает, как отнесутся доминионы и колонии к пошлинам, если $^{7}/_{8}$ хлопка и $^{3}/_{5}$ пшеницы, ввозимых в Англию, имеют своим источником неимперские владения?

Политика протекционизма означает усиление борьбы колоний и метрополии, так как этот план все больше низводит последних на степень «гинтерланда» для метрополии. Происходившая в Лондоне в октябре 1930 г. так называемая «имперская конференция» выявила с особенной очевидностью кризис британской империи. Программа Бивербрука — главы инициативного комитета по организации империи как «единого экономического комплекса», окруженного таможенной стеной, провалилась на имперской конференции. Колонии выступили в защиту своей промышленности. Колонии резко увеличивают сами свои тарифы. Колонии выставили свои контртребования; доминионы требуют, чтобы Англия обложила высокими пошлинами ввоз сельскохозяйственных продуктов и сырья из «чужих» стран, и тогда они тоже согласятся облагать пошлинами промышленные товары не английского происхождения.

О том, что в основном идея «единого экономического комплекса» направлена против конкуренции чужих стран, высказался на «имперской конференции» и «рабочий» министр Томас: «Англия, — говорит Томас, — ввозит огромное количество сырья и продовольствия из «чужих» стран и доминионы тоже ввозят огромное количество промышленных изделий из «чужих» стран. «Рабочий» министр без утайки заявил, что весь вопрос — это конкуренция «чужих» стран.

Англия не может итти по линии установления высоких пошлин на сырье и сельскохозяйственные продукты, так как это означало бы вздорожание всех видов сырья и чрезвычайный рост дороговизны. Высокая таможенная цена в пользу своих доминионов означала бы также потерю Аргентины и других внеимперских аграрных стран в качестве покупателей английских промышленных товаров. Около 60% английского вывоза идет на внеимперские рынки и около 60% всего ввозного сырья и продовольствия тоже приходит из неимперских стран.

«Имперская конференция» не пришла к каким бы то ни было определенным выводам. Эта конференция лишний раз показала возможность капитализма «организоваться».

Особенно остро стоят в последнее время в связи с обострением сельскохозяйственного кризиса вопросы аграрного протекционизма. Германия в 1929/30 г. пошла по линии неоднократного повышения ввозных пошлин на пшеницу. Последние с начала кампании 1929/30 г. до конца этого года выросли с 6,5 марок с квинтала до 15 марок. Во Франции в связи с ухудшением положения в сельском хозяйстве импортные цены в этом же году были сильно повышены. В начале июня кормовая мука продавалась во Франции по 105 франков, в Бельгии же эта мука, вывезенная из Франции, продавалась по 50 франков. Французские экспортеры получали специальные экспортные премии за «работу» по сбиванию цен на муку на бельгийском рынке. Это же в свою очередь повело к тому, что бельгийское правительство запретило вообще ввоз муки в страну. Общая таможенная война чрезвычайно

усиливается в самое последнее время — в период кризиса. Эта война подводит непосредственно к империалистической бойне и прежде всего к войне против СССР. Кампания «демпинг» против страны строящегося социализма есть выражение обострения борьбы двух систем. Кампания «демпинг» есть часть общей протекционистской политики и ставки на автаркию. Протекционистская политика в III период является выражением неравномерности роста загнивания и выражением раскола мирового хозяйства на две принципиально противоположных системы. «Демпинг», экономическая война и блокада — другой вариант «Пан Европы», другое выражение борьбы Европы против СССР в первую голову и также против заокеанских стран. «Демпинг» — другое выражение единого блока всех капиталистических стран против страны строящегося социализма. На проблеме «демпинг» как в зеркале отражаются не только противоречия и борьба двух систем — двух миров, но и обострение противоречий империалистических клик. В 1929 г. в Англии не прекращались нападки на зерновой демпинг Германии. Германия же одновременно в самых энергичных тонах упрекала Польшу в том, что она подрывает демпингом «законный экспорт» германских зерновых продуктов. В 1930 г. взаимные упреки капиталистических стран по поводу демпинга приняли еще более обостренный характер.

Борьба Европы с Америкой в III период достигает огромной остроты. Борьба эта далеко не решена. В этой мертвой схватке нет победителей и нет побежденных. Ряд показателей по производству, по физическому об'ему продукции и т. д. показывает, что Америка еще далека от того, чтобы «посадить Европу на паек». Проиллюстрируем это на ряде фактов.

Продукция электрической энергии [1]
(в процентах к мировой)

Страны	1925 г.	1926 г.	1927 г.	1928 г. 1925 г.=100
Германия	11,0	10,3	10,9	138
Великобритания	6,4	5,7	6,0	128
Франция	5,5	5,5	5,2	135
Норвегия	3,8	3,7	3,5	—
Италия	4,0	4,2	3,9	135
Швеция	2 0	1,9	1,9	—
Швейцария	2,0	2,0	1,9	141
СССР	1,3	1,6	1,7	221
Бельгия	1,3	1,3	1,4	161
Испания	0,9	0,8	0 8	—
С Штаты	44,5	43 3	42,2	126
Канада	6,0	5,9	6,2	143

Продукция электрической энергии играет главнейшую роль в росте производительных сил данной страны. Удельный вес Соед. Штатов в мировом хозяйстве является рекордным. Однако, начиная с 1925 г., удельный вес продукции электрической энергии Соед. Штатов в процентах к мировой падает (1925 г. — 44,5%, 1926 г. — 43,3%, 1927 г. — 42,2%). Рост продукции электрической энергии в 1928 г. по отношению к 1925 г. в Соед. Штатах равен 126%, для Германии 138%, для Франции — 135%, для Канады — 143%, для СССР — 221%.

По продукции химической промышленности процент роста в 1928 г. по отношению к 1924 г. в Соед. Штатах равен 131%, в Германии — 133%, а в СССР — 227%. Удельный вес Соед. Штатов в миро-

[1] „Die wirtschaftlichen Kräfte der Welt", стр. 57.

Продукция химической промышленности [1]

Страны	1924 г. Млрд. рейхсмарок	1924 г. В % к итогу	1928 г. Млрд. рейхсмарок	1928 г. В % к итогу	1928 г. В % к 1924 г.
Германия	3.0	16,2	4,0	16,7	133
Великобритания и Ирландия	2,5	13 5	3,0	12,5	120
Швеция	0,2	,1	0,2	0,8	100
СССР	0,44	2,4	1,0	4,2	227
Соединенные Штаты	8 4	45.4	11,0	45,8	131
Канада	0,47	2,5	0,6	2,5	128
Прочие страны	3,5	18,9	4,2	17,5	120
Весь мир	18,51	100,0	24,0	100,0	130

вой продукции химической промышленности огромный — свыше 45%, однако, рост этот в последние годы даже уступает германскому и гораздо ниже темпа роста продукции химической промышленности в СССР.

Продукция чугуна, стали и проката [2]

Страны	Чугун 1928 г. в % к мировому итогу	Чугун 1928 г. в % к 1925 г.	Чугун 1929 г. в % к 1925 г.	Сталь 1928 г. в % к мировому итогу	Сталь 1928 г. в % к 1925 г.	Прокат 1928 г. в % к мировому итогу	Прокат 1928 г. в % к 1925 г.
Германия	13 4	116	133	13,5	119	14,6	114
Великобритания и Ирландия	7.6	105	1 1	8,1	16	10,4	109
Франция	11,4	119	123	8.7	127	10,4	119
Бельгия-Люксембург	7,6	137	14	6.0	144	7,0	159
СССР [3]	3.8	262	335	4,0	226	4,7	243
Европа	51.3	124	138	48,9	129	47,1	126
САСШ	43,7	103	115	47,1	110	52 9	113

Продукция каменного угля [1]
(в процентах к мировой)

Страны	1925 г.	1926 г.	1927 г.	1928 г.	1928 г. в % к 1925 г. (1925 = 100)
Германия	11,1	12,3	12,0	12,2	114
Великобритания и Ирландия	20,7	10.8	20.0	19,5	98
Франция	3,9	4,3	4,1	4,1	109
Бельгия	1,9	2,1	2,1	2,2	119
Голландия	0,6	0 7	0.7	0,9	157
Польша	2,4	3,0	3.0	3 3	140
СССР	1,4	2,2	2,5	2,8	211
Остальная Европа [4]	2,9	3,2	2,9	3,1	110
Европа	44,9	38,6	47,3	48,1	111
С. Штаты	45,9	50.2	42,2	41.5	98

[1] „Die wirtschaftlichen Kräfte der Welt".
[2] „Die wirtschaftlichen Kräfte der Welt" и „Memorandum" 930 г.
[3] Хозяйственный год оканчивается 30/IX.
[4] Включая Саарскую область.

По чугуну, стали и прокату темп роста в 1928 г. по отношению к 1925 г. соответственно равен: в САСШ — 103, 110, 113; в Германии — 116, 119, 114; во Франции — 119, 127, 119; в СССР — 262, 226, 243.

Продукция кокса в 1928 г. в процентах к 1925 г.[1]

Германия	119	Голландия	100
Великобритания и Ирландия	107	Чехо-Словакия	140
Франция	142	СССР	286
Польша	170	Соединенные Штаты	103
Бельгия	141	Канада	138

Каменный уголь дает нисходящую прямую развития во всем мировом хозяйстве. Если взять 1928 г. по отношению к 1925 г., то мы получим не только падающий темп в Великобритании и Ирландии — 98% (для Англии нисходящая развития является обычной), — и Соед. Штаты дают цифру в 98%, Германия дает цифру в 114%, Франция в 109%, а СССР в 211%. По продукции кокса — Соед. Штаты дают в 1928 г. по отношению к 1925 г. — 103%, Германия—119%, Франция—142% и СССР — 286%.

Механизация добычи угля по трем главным странам[1] (в процентах)

Годы	Германия	Англия	Соед. Штаты
1925	59,4	20,3	70,6
1928	77,7	26,0	78,8

Физический об'ем промышленной продукции по странам[2] (1925 г. = 100)

Страны	1926 г.	1927 г.	1928 г.	1929 г.
Сев. Америка				
Канада	117	125	138	154
Соед. Штаты	104	102	107	113
Европа				
Франция	117	102	118	130
Германия	95	120	120	122
Польша	98	1?2	138	138
Швеция	103	108	104	127
Швейцария	95	112	117	111
Англия	—	107	106	1 2
СССР[3]	141	172	208	240[4]

Приведенные цифры представляют интерес как по линии борьбы двух систем, так и по выявлению проблемы «исключительности» развития Соед. Штатов. Хотя здесь приводятся данные только за последние 4—5 лет, однако они показательны, так как сюда входят и годы «prospetity» Соед. Штатов.

По физическому об'ему промышленной продукции Соед. Штаты имеют темпы развития более низкие, чем Германия, Франция и целый ряд других европейских стран. По линии борьбы двух систем против темпов СССР темпы и капиталистической Европы и Америки являются ничтожными. В то время как индекс физического об'ема промышленной продукции в СССР дает по отношению к 1925 г. в 1926 г. 141%, в 1929 г. — 240%, в Соед. Штатах этот темп выражается в 1926 г. в 104% и в 1929 г. в 113%, в Германии в 1926 г. в 95% и в 1929 г. в 122%, во Франции в 1926 г. в 117% и в 1929 г. в 130%.

[1] „Die wirtschaftlichen Kräfte der Welt" sc.
[2] „Memorandum sur la production et le commerce", стр. 40.
[3] Окончание года 30 сентября.
[4] Октябрь 1928 г.—август 1929 г.

Возьмем производство чугуна: Соед. Штаты — 1929 г. по отношению к 1925 г. 115,3%, Европа в целом — 138,1%, Германия (член стального картеля) — 132,8%, Франция (член стального картеля) — 122,8%, Саарский бассейн (член стального картеля) — 144,9% и СССР — 334,7%. По производству чугуна темп развития Соед. Штатов ниже значительно развития Германии, Франции, Саарского бассейна и ряда других европейских стран. По линии борьбы двух систем темп СССР за указанный отрезок времени достиг совершенно невиданной в истории развития стран высоты.

Уровень продукции химической промышленности в 1928 г. в процентах к 1924 г. следующий: Соед. Штаты — 131, Германия — 133, а СССР — 227.

Уровень продукции электрической энергии в 1928 г. в процентах к 1925 г. следующий: Соед. Штаты — 126, Франция — 135, Германия — 138, СССР — 221.

Следует особо отметить, что в этих 2 новейших отраслях промышленности, по которым удельный вес Соед. Штатов в мировом производстве исключительно велик (в химической промышленности 45,4% мирового производства в 1924 г., а по производству электрической энергий 42,2% в 1927 г.), то же можно в последние годы обнаружить аналогичную тенденцию отставания развития Соед. Штатов по отношению к Германии и Франции. По линии борьбы двух систем, несмотря на чрезвычайную еще и в настоящий момент отсталость СССР, темп роста страны строящегося социализма дает рекордные числа.

Возьмем каменный уголь и производство кокса. По отношению к 1925 г. 1928 г. дает: в Соед. Штатах каменный уголь — 98%, кокс — 103%; в Германии каменный уголь — 114% кокс — 119%; во Франции соответственно — 109 и 142%; Европа в целом — 111% по каменному углю; СССР по каменному углю — 211% и по коксу — 286%. В Германии добыча угля механизирована в 1925 г. на 59,4%, а в 1928 г. на 77,7%; в Англии соответственно — 20,3% и 26,0%; в Соед. Штатах — 70,6% и 78,8%. Все почти приведенные таблицы говорят о нисходящей развития Англии: чрезвычайно низкий рост физического об'ема промышленности: в 1927 г. — 107%; в 1928 г. — 106% и в 1929 г. — 112%; производство чугуна в процентах к мировому производству в 1925 г. составило 8,3%, а в 1929 г. 7,9%; продукция каменного угля по отношению к 1925 г. в 1928 г. дает 98%. Остальные показатели дают рост, но значительно более низкий как относительно Соед. Штатов, так и других стран Европы.

С совершенной очевидностью эти цифры говорят также о том, что ни о какой «исключительности» развития Соед. Штатов не приходится говорить. Именно на примере этой, богатейшей по уровню развития производительных сил страны можно видеть, что загнивающий капитализм, не отрицая роста производительных сил, все больше захватывает и самые полнокровные участки капитализма. Противоречие между производством и потреблением в III период послевоенного краха капитализма обусловливает снижающиеся темпы развития даже и в Соед. Штатах. Относительность темпов развития капитализма в целом соотносительно к уровню развития производительных сил совершенно очевидна под углом зрения сравнения этих темпов с тем-

пами развития СССР. В С. Штатах — в стране исключительного развития производительных сил — противоречие загнивающего капитализма выразилось в III период послевоенного краха капитализма резче, чем в других капиталистических странах. Вот что говорится в годичном обзоре за 1928 г. правлением Национальной индустриальной конференции: «Согласно сведениям Нью-Йоркского федерального резервного банка общее увеличение хозяйственного оборота за весь год в целом, по сравнению с предыдущим годом, было немногим менее 3%. Это до известной степени ниже нормального, или же среднего годичного прироста производства и торговли САСШ за последние 50 лет и более». Это говорится по отношению года «prosperity», каким является 1928 г. для Соед. Штатов. Что касается Англии, то нисходящая линия ее развития подтверждается официальными кругами. В своем годичном отчете «Манчестер Гардиан Коммершель» пишет: «Нельзя подвести итоги 1929 г. с большим удовлетворением». На имперской конференции «рабочий» министр Томас указал, что английская торговля переживает кризис, что мировая торговля после войны увеличилась на 20%, а торговля Англии за тот же период уменьшилась на 20%.

Сравним темпы роста СССР и Соед. Штатов по приведенным данным. Если принять 1925 г. за 100, то мы получаем: по каменному углю (1928 г.) — СССР — 211, САСШ — 98; по коксу — СССР—286, САСШ—103; по чугуну (1929 г.) — СССР — 334,7, САСШ — 115,3; по продукции электроэнергии (1928 г.). — СССР 221, САСШ — 126; физический об'ем продукции в 1929 г. — СССР — 240, САСШ — 113.

Чрезвычайный интерес представляет сравнительная характеристика энергетической базы промышленности СССР и главных капиталистических стран.

Процентное отношение энергетической промышленности различных стран к энергетической промышленности Соед. Штатов по данным приведенной таблицы следующие (мощность в тыс. л. с. в 1925 г.=100) [1]:

	СССР 1925/26 г.	Англия 1924 г.	Германия 1925 г.	Канада 1925 г.
1. Мощность первичных двигателей, установленных в промышленности	12,5	52,3	—	6,7
2. Мощность первич. двигателей, установленных на электростанц. общего пользования	2,6	16,5	21,6	10,9
3. Мощность фабрично-заводских электрогенераторных установок	11,4	16,3	63,6	—
4. Мощность первичных двигателей, установленных в промышлен. и предназначенных к обслужив. раб. машин (мех. н. привод)	13,5	75,4	58,5	—
5. Мощность электромоторов (электрический привод), всего	7,6	26,5	45,7	7,9
В том числе:				
а) мощность электромоторов „своего тока".	11,2	28.0	—	4,2
б) мощность электромоторов „покупн." тока.	5,3	25,5	—	9,7
6. Суммарная мощность двигателей, обслуживающих рабочие машины (через механ. и электрический привод)	9,3	40,6	49,4	—
7. Мощность установленных в промышленности первичных двигателей и электромоторов чужого тока	9,3	40,4	—	8,6

[1] Исчислено по данным издания ЦСУ СССР «Фабрично-заводская промышленность СССР», вып. 2.

Во-первых, мы имеем налицо огромную мощность силового аппарата Соед. Штатов. Во-вторых, мы имеем налицо очень высокую качественную характеристику технической структуры производства в САСШ.

Цифры говорят также о том, что СССР по мощности силового аппарата сильно отстает от Соед. Штатов.

Эти цифры говорят также о том, что и Англия и Германия составляют приблизительно половину от мощности первичных двигателей, установленных в промышленности Соед. Штатов, 16,5 и 21,6% от мощности первичных двигателей, установленных на электростанциях общего пользования.

По мощности электромоторов (электрический привод) Англия и Германия составляют соответственно 26,5 и 45,7% от Соед. Штатов и т. д.

Качественные показатели дают следующую картину.

Уровень централизации энергетической базы (по мощности).

Отношение мощности первичных двигателей, установленных в промышленности, к мощности первичных двигателей электростанции общего пользования в СССР — 1 : 0,30; в Соед. Штатах — 1 : 1,63; в Англии — 1 : 0,56.

Коэфициент электрификации промышленности:

а) коэфициент 1 — отношение мощности электрогенераторов к мощности первичных двигателей, установленных в промышленности в СССР — 42,9%; в Соед. Штатах — 47,0%; в Англии — 23,7%;

б) коэфициент 2 — отношение мощности электромоторов к суммарной мощности двигателей, обслуживающих рабочие машины; в СССР — 58,1%; в Соед. Штатах — 71,5%; в Англии — 46,6%; в Германии — 66,6%.

Уровень централизации электромоторной энергии в промышленности (по мощности):

а) отношение мощности электромоторов своего тока к мощности электромоторов чужого тока: СССР — 1 : 0,73; Соед. Штаты — 1 : 1,55; Англия — 1 : 1,41.

Мощность первичных двигателей, установленных в промышленности, в сопоставлении с мощностью электрических станций общего пользования дают сводный показатель, характеризующий с качественной стороны структуру энергетической базы промышленности. Качественные показатели сводки, которые дают сравнение уровней потенциальной электрификации промышленности, которые показывают, в какой части первичные двигатели, функционирующие в промышленности, работают на электрический привод, говорят, 1) что по этому качественному показателю СССР немного отстает от С. Штатов (СССР — 42,9%, С. Штаты — 47%), 2) что по этому качественному показателю СССР стоит уже сейчас гораздо выше Англии (СССР — 42,9%, Англия — 23,7%); 3) эти цифры дальше показывают, что наименьший коэфициент электрификации первичного двигательного аппарата дает послевоенная промышленность Англии. Эти данные говорят также о том, что, несмотря на огромную отсталость структуры энергетической базы промышленности СССР в 1925/26 г., мы по качественной характеристике уже видим преимущества социалистической системы. Особенно это видно по отношению к послевоенной промышленности Англии. Последняя работает преимущественно на механический привод. Английский капитализм, больше всего обусловленный старыми формами техники, показывает и по линии энергетической базы чрезвы-

чайную отсталость. И однако данные таблицы, взятые сами по себе без отношения к тем возможностям, которые заложены в уровне развития производительных сил современного капитализма, без отношения к возможным темпам развития энергетической базы промышленности, без отношения к степени нагруженности предприятий на базе определенного энергетического уровня, ничего не говорят.

Во-первых, ясно выступает Ахиллесова пята капиталистического хозяйства именно на примере энергетической базы Соед Штатов. Столь большая мощность силового аппарата в промышленности и неспособность перейти к созданию единой энергетической системы, электрификации сельского хозяйства, электрификации транспорта и электрификации всей промышленности.

Во-вторых, из сопоставления отдельных стран капитализма ясно выступает неравномерность развития и неспособность перейти к созданию единой мировой энергетической системы.

Противоречия капиталистической системы в эпоху краха капитализма не дают возможности перевести технику на высшую качественную основу с точки зрения создания единой энергетической базы.

Говорить о способностях капитализма на данной стадии развития производительных сил можно с цифрами в руках, иллюстрирующими темпы развития той же энергетической базы в СССР.

Достигнутый уровень развития отдельных стран только тогда говорит языком живой реальности, когда мы рассматриваем его под углом зрения темпов развития.

Производство электроэнергии в СССР[1]
(в млн. *квтч*)

	1913 г.	1927 28 г.	1932/33 г.
Районные станции	431	1.814	19.000
Прочие общего пользования	259[3]	578[3]	1.500
Фабрично-заводские станции	1.255	2.788	5.500
Всего	1.945	5.180	26.000
В процентах	100	267	1.335

Рост производства электроэнергии по годам[2]
(в млн. *квтч*)

	1925 26 г.	1926 27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.	1929 30 г.	1930/31 г. (по плану)
Районные станции	1.121	1.405	1.814	2.400	3.706	6.000
Процент прироста за год	—	25	29	32	54	61
Все станции общего пользования	1.560	1.935	2.392	3.102	4.555	6.890
Процент прироста за год	—	24	23,5	29,5	47	50
Все станции	3.517	4.060	5.180	6.465	8.700	12.000
Процент прироста за год	—	15	27	25	35	38
„ от 1913 г.	181	209	267	331	447	617
„ от 1917 г.	136	158	201	250	338	467
„ от 1927 28 г.	138	159	203	252	341	471
„ от 1925/26 г.	—	115	147	184	246	340

Годовой прирост для всех станций за последние 3 года равняется 22%, годовой прирост районных станций — 32% в год.

[1] Доклады СССР на 2-й мировой энергетической конференции в Берлине в июне 1930 г., стр. 144. В настоящее время проектировки производства электроэнергии на 1931—1933 гг. пересмотрены в сторону увеличения.
[2] Там же, стр. 134.
[3] Включая железнодорожные электростанции.

Сравнение строительных программ 1923/24 и 1929/30 гг.[1]
(в мегаваттах и процентах)

Строящиеся станции	1923/24 г.	1929/30 г.
Районные	212	2.806,5
В процентах от эксплоатируемых	80	417
Муниципальные и сельские	42,2	75
В процентах от эксплоатируемых	19,9	19,7
Всего общего пользования	254,2	2.881,5
В процентах от эксплоатируемых	53,5	273
Фабрично-заводские	—	600
В процентах от эксплоатируемых	—	55
Всего	254,2	3.481,5
В процентах от эксплоатируемых	17	164

Ни в одной стране в мире и ни в один исторический период времени темп роста выработки электроэнергии не был так велик, как в СССР.

Энерговооружение рабочего[2]

На одного рабочего приходится в год:	1925/26 г.	1932/33 г.
Всего энергии (механич., электрич. *квтч*)	2.320	7.600
На двигательную силу (*квтч*)	2.200	6.000
Электроэнергия (*квтч*)	1.105	6.250
Мощность двигателей рабочих машин (л. с.)	1,57	3,6

Абсолютное производство электроэнергии по годам говорит об огромном росте продукции.

Однако трудности, которые имеются в СССР по линии электроснабжения, являются трудностями несоответствия между ростом промышленности и состоянием электроэнергетической базы.

Все приведенные для СССР цифры говорят о могучих темпах роста: производство электроэнергии возрастает за 5 лет больше, чем в 5 раз. Степень электрификации страны вырастает с 50% в начале пятилетия до 82% к концу пятилетки[1]. Годовая энерговооруженность рабочего повышается с 2.320 квтч в 1925/26 г. до 7.600 квтч в 1932/33 г.

Производительность труда является одной из решающих характеристик уровня развития данных стран. Уровень же производительности труда в огромной степени зависит от энерговооруженности рабочих. Если взять положение в статике, то мы получаем большое отставание СССР.

«Если сравнить уровень энерговооруженности нашего и американского рабочего, то получается картина не особенно отрадная. В 1925/26 г. против 7.300 киловатт-часов потребляемой энергии на 1 рабочего в Соед. Штатах мы имели всего 2.300 киловатт-часов, т. е. в 3 раза меньше. В 1927/28 г. против 8.800 киловатт-часов на 1 рабочего в Америке мы имели 3.200»[3].

По новейшим исчислениям процент роста энерговооруженности на 1 рабочего достигает к концу пятилетки приблизительно 150%. Ни одна страна в мире не знала и не знает такого роста энерговооруженности рабочих.

Темпы роста производительности труда в СССР[4]

1926/27 год	11%	1928 29 год	15%
1927/28 „	13%	1929/30 „ (I полугод.)	19%

[1] Доклады СССР на 2-й энерг. конф., стр 134.
[2] Там же, стр. 146.
[3] Доклад Куйбышева.
[4] „На новом этапе социалистического строительства", т. II, стр. 653.

Ни одна из капиталистических стран не знала и не знает непрерывного под'ема производительности труда из года в год [1].

Энерговооруженность рабочего (частное от деления потребленных промышленностью киловатт-часов на число постоянно занятых рабочих) увеличивается на протяжении времени от 1925/26 до 1932/33 г. больше чем в 3 раза.

На фоне III периода, как одного из этапов послевоенного краха капитализма, развертываются фазы цикла. Как под'ем, так и кризисы имеют свою специфическую, обусловленную крахом капитализма характеристику. Империализм не отменяет цикличности, он развивается циклами на основе общих законов капиталистического развития, но цикл становится деформированным циклом. На фоне III периода послевоенного краха капитализма разразившийся кризис как фаза цикла становится все более катастрофическим для всей системы капитализма. Послевоенные кризисы, происходящие на фоне общего краха капитализма, кроме общих черт загнивающего капитализма, выражают еще особые черты эпохи краха капитализма.

Периодические кризисы разрешаются в рамках капиталистического способа производства. Противоречия эпохи краха капитализма могут быть разрешены только с победой социалистической революции и не могут ни в коем случае быть разрешены в рамках капитализма. Но крах капитализма дает периодическому кризису такой размах, что со своей стороны, периодический кризис углубляет противоречия краха капитализма. В III период послевоенного краха капитализма рационализация» производства обостряет противоречия капитализма до катастрофического состояния. Рост производства на основе «рационализации» и все большее ограничение платежеспособного спроса — такова общая линия развития капитализма в III период послевоенного развития.

Мировой экономический кризис, начавшийся в Соед. Штатах, является выражением основных противоречий капитализма. Все особенности цикла в эпоху краха капитализма выражены в этом кризисе. Как всякому кризису, и этому последнему предшествовал под'ем в ряде стран. Но неравномерность развития и загнивания капитализма в эпоху краха капитализма дают характеристику текущему циклу. Во-первых, основная особенность этого кризиса состоит в том, что он произошел на базе чрезвычайно неравномерного развития под'ема как среди отдельных стран, так и среди отдельных отраслей народного хозяйства и среди отдельных отраслей промышленности. Под'ем характеризуется тем, что сельское хозяйство и целые отрасли промышленности (строительство, хлопок, угольная) оставались в состоянии депрессии и кризиса и в фазу под'ема. Неравномерность и отсутствие общности под'ема можно проиллюстрировать опять-таки на Соед. Штатах, где по отношению к 1928 г. 1929 г. дал скачок роста по автомобильной продукции на 29,7%, по потреблению каучука — на 29,8%, а по строительству этот год высшего под'ема (3 квартала 1929 года) дает снижение на 11,7%, по углю и антрациту под'ем равен только 6,4%, потреблению хлопка—9,1%. Неравномерность развития под'ема определила и неравномерность охвата кризисом всех отраслей капиталистического хозяйства. Автомобильная промышленность, гигантски выросшая, столкнулась в конечных звеньях цепи с ограниченностью платежеспособного спроса и, получив толчок, передала его по цепной связи целому ряду отраслей производства. Производство стали определяется производством средств потребления (автомобили, жилищное строительство и т. д.). Производство автомобилей (в основном — средства потребления) связано было в 1929 г. в Соед. Штатах следующим образом с остальными отраслями народного хозяйства. Автомобильная промышленность Соед. Штатов потребляет 19% всей продукции чугуна и стали в Соед. Штатах, 15% меди, 27% свинца, 67% зеркального стекла, 18% лесоматериалов твердых пород, 80% газолина и 85% потребления каучука. И толчок, полученный в автомобильной промышленности, как «взрыв газового фонаря в одном углу шахты», передался по всему фронту. Но неравномерность под'ема выразилась в том, что кризисом не в одинаковой степени были охвачены все отрасли капиталистической промышленности и все капиталистические страны. Кризис ударил больше по отраслям, где под'ем был выше.

[1] В то же время нужно отметить большое отставание энергетической базы в СССР по отношению к темпам капитального строительства в целом. Эта диспропорция в огромной мере была создана вредителями, тормозившими развертывание энергетической базы. Невыполнение ряда качественных показателей плана Гоэлро об'ясняется, в основном, той же причиной. Очищение командных высот от участия в строительстве ряда капиталистических реставраторов будет способствовать быстрейшему разрешению создавшейся диспропорции между отставанием энергетической базы от темпов капитального строительства.

На этой фазе цикла видна также и следующая особенность кризиса в послевоенный крах капитализма, заключающаяся в огромном сокращения физического об'ема производства за счет удержания цен на некоторое время на относительно более высоком уровне.

Большое сокращение производства при искусственном поддержании цен на первом этапе кризиса является особенностью кризиса на фоне краха капитализма. Падающая кривая цен начинает в дальнейшем развертывании кризиса нагонять и обгонять кривую сокращения производства.

Следующая специфическая черта этого кризиса в период краха капитализма — это чрезвычайное наступление об'единенного капитала на некартелированный капитал. В кризисе Соед. Штатов картелированный капитал стремится выйти из кризиса с меньшими для себя потерями и переложить большую часть тяжести на неорганизованный. Так, например, нагрузка предприятий стального треста в октябре 1929 г. равнялась 82%, а у неорганизованных сталепромышленников эта нагрузка была только 77%; в начале января трест имел 50% нагрузки, а неорганизованные сталепромышленники — 30%. Эта пестрая картина цен и нагрузки в одной и той же отрасли производства тоже является специфической чертой современного кризиса.

Что касается платежеспособного спроса, то его чрезвычайное ограничение на базе «рационализации» иллюстрируется во всех странах прежде всего ростом безработицы. И период процветания сопровождался ростом безработицы. По данным американской федерации труда в течение 27 месяцев перед началом кризиса в числе членов федерации числилось в среднем 9% безработных. В течение первых месяцев 1930 г. свыше 20% членов профсоюзов были безработными. У строителей безработица возросла до 43%. Особенно сильно были поражены безработицей крупнейшие центры металлообрабатывающей и автомобильной промышленности: Бирмингам, штат Алабама — 20% безработных, Чикаго — 25%, Кливленд — 25¾% безработных, Детройт — 25%. Чрезвычайно высока также безработица в текстильных центрах Севера [1] «Вильям Грин, председатель АФТ, считает, что потери в заработной плате, понесенные пролетариатом вследствие

[1] Данные из „Мирового кризиса". Красный интернационал профсоюзов.

безработицы, за первые три месяца 1930 г. превысили миллиард долларов, причем он берет за основу своих исчислений общее число безработных в 3.700.000, что значительно ниже действительного их числа»[1]. На состояние платежеспособного спроса указывает динамика фонда заработной платы. С одной стороны мы имеем огромный рост прибылей (91%) за годы 1922—1929 по данным самих капиталистов. По отчету крупного банка «Нэшионал Сити Бэнк» прибыли 650 важнейших акционерных обществ в первом полугодии 1929 г. были на 408 миллионов долларов выше, чем в 1928 г., а это составляет рост в 25%. Чистая прибыль 23 железоделательных и сталелитейных компаний повысилась с 85 до 172,7 миллионов долларов. Чистая прибыль стального треста удвоилась за год. 21 нефтяная компания получила 55,5 миллионов долларов прибыли против 33,2 миллиона в 1928 году. Повышение прибыли в производстве резиновых изделий, по добыче меди, в производстве аэропланов, на паровозо- и вагоностроительных заводах составляло в среднем 50%. С другой стороны, мы имеем почти стабильный рост фонда заработной платы. Фонд заработной платы фабрично-заводских рабочих составлял[2]:

	В млрд. долл.		
В 1923 году	11,0	В 1927 году	10,8
„ 1925 „	10,7	„ 1928 „	10,6

Фонд зарплаты железнодорожных рабочих и служащих составлял:

	В млрд. долл.		
В 1926 году	2,90	В 1928 году	2,76
„ 1927 „	2,86		

Еще до начала кризиса началось наступление капитала на заработную плату рабочих. В горной промышленности средний заработок в смену снизился с 7,5 долларов в 1924 году до 5,5 долларов в I квартал 1929 года. В апреле 1929 года заработная плата горняков в Питсбурге была вновь снижена на 7%; в августе 1929 года была снижена заработная плата на 10% у горняков в Огайо; снижение заработной платы с 6 до 5 долларов в смену для подземных рабочих и с 55 до 45 центов в час для рабочих на поверхности проведено крупной центральной фирмой в Пенсильвании. В начале еще 1928 года имело место снижение заработной платы в текстильной промышленности: на 10% — в Новой Англии, на 10—20% в Торонто и Фол-Ривере, в сентябре на 5% в Нью-Бедфорде. И это происходит на общем фоне снижения заработной платы текстильщиков, начиная с 1920 года. Снижение заработной платы в автомобильной промышленности происходило в форме снижения сдельных расценок. Одним из методов снижения заработной платы является фордовская 5-дневная неделя.

В связи с развитием кризиса мы имеем дальнейшее снижение заработной платы и дальнейший рост безработицы. По официальным данным министерства труда: в автомобильной промышленности общая сумма заработной платы понизилась в сентябре 1929 года по отношению к августу на 6,1%, в октябре по отношению к сентябрю—на 10,2%, в ноябре по отношению к октябрю — на 22% и в декабре по отношению к ноябрю — на 13,5%. Сокращение недельного фонда заработной

[2] „Мировой кризис". Красный интернационал профсоюзов.
[2] Commerce Yearbook, 1929.

платы в железоделательной и сталелитейной промышленности составило в сентябре 1,7%, в октябре — 2,5%, в ноябре — 6,9% и в декабре — 7,7%. В январе 1930 года во многих предприятиях сталелитейной промышленности заработная плата понизилась на 20%. Начиная с осени 1929 года идет сокращение заработной платы в текстильной промышленности и в ряде других отраслей производства. С октября по ноябрь общая сумма заработной платы снизилась по всей промышленности почти на 7%, а с октября по декабрь — на 10%. В 1930 году и по настоящий момент мы имеем дальнейшее снижение заработной платы и рост безработицы[1].

В автомобильной промышленности с апреля 1929 г. по апрель 1930 г. число рабочих сократилось на 27,6%, а сумма выплаченной зарплаты на 25,4%. Сумма выплаченной зарплаты в текстильной промышленности понизилась с апреля 1929 г. по апрель 1930 г. на 17,3%, а индекс числа занятых текстильщиков — на 10,1%. В железоделательной и сталелитейной промышленности число рабочих сократилось за тот же срок на 8,5%, а сумма выплаченной зарплаты на 13,6%. В остальной металлопромышленности соответственно произошло снижение на 18,6 и на 26,4%. С мая по июль произошло на 6,8% сокращение числа рабочих в автомобильной промышленности; при этом сумма выплаченной зарплаты уменьшилась на 12,2%. В железнодорожной и сталелитейной промышленности число рабочих сократилось за месяц на 3,3%, а сумма выплаченной зарплаты на 5,5%. В хлопчатобумажной промышленности число занятых рабочих уменьшилось на тот же месяц на 3,2%.

По Германии возьмем следующее сопоставление индексов[2]:

(1925 г. = 100)

Месяцы	Индексы занятой рабочей силы		Индексы выплаченной заработной платы	
	1929 г.	1930 г.	1929 г.	1930 г.
Январь	95,2	90,2	94,5	87,6
Февраль	97,4	30,3	101,8	90,7
Март	98,6	89,8	103,9	90,8
Апрель	99,1	89,1	104,6	89,8
Май	99,2	87,7	104,8	87,6
Июнь	98,8	85,5	102,8	84,1

Эти данные говорят о том, что индексы занятой рабочей силы падают в первое полугодие 1930 года из месяца в месяц; эти данные говорят дальше о том, что по отношению к каждому месяцу 1929 года соответствующий месяц 1930 года дает сильное снижение индекса занятой рабочей силы. Та же картина получается по индексу выплаченной заработной платы. Цифры эти еще несомненно преуменьшены. Они взяты из официальных данных.

«Экономическое положение, — пишет «Виртшафтсдинст» от 6 декабря 1929 г., — в октябре и ноябре стало еще менее благоприятным. Безработица среди организованных в профсоюзы рабочих в сезонных группах увеличилась с 12,8 до 17,7%, при увеличивающемся

[1] Данные по «Мировому кризису». Красный интернационал профсоюзов.
[2] Там же.

количестве предприятий, работающих неполную неделю». Положение особенно ухудшилось в отраслях химической, металлообрабатывающей и машиностроительной.

В конце мая было вынесено решение о 10%-ном снижении номинальной зарплаты 230 тыс. горняков северо-западного промышленного района. На каждого рабочего это должно составить в среднем, даже по вычислению реформистов, 286 марок в год. Мотивировкой была выдвинута необходимость снижения себестоимости в виду невозможности конкурировать на мировом рынке. Между тем 6 крупных предприятий этого района с общим капиталом в 1.308 млн. марок получили, после того как 130 млн. марок ими было списано на амортизацию, 97 млн. чистой прибыли. В июне министр труда Штегервальд признал обязательным решение рурской арбитражной комиссии, дающей право предпринимателям снизить сдельные расценки металлистов. Это означает снижение зарплаты 200 тыс. металлистов Рурской области на 7½%, т. е. сокращение бюджета рабочей семьи на 5-6 марок в неделю и годичного заработка металлиста на 271 марку, или на целый месячный оклад. Во второй половине июля после упорной борьбы было проведено 12%-ное снижение зарплаты 14 тыс. металлистам в Мансфельде, заработок которых составлял до снижения 23—28 марок в неделю (акционерное общество «Мансфельд», которым была снижена зарплата, входит в Международный медный картель). Характерно, что за последние 3 года при увеличении продукции на 3½ млн. марок, расходы повысились на 2 млн. марок, а число рабочих сократилось с 1921 г. на 7 тыс., т. е. на одну треть. Чистая прибыль Общества составила в 1929 г. 3½ млн. марок. В октябре предприниматели договорились с реформистами о снижении на 10% зарплаты почти 200.000 металлистам берлинского района. Началась забастовка и в результате в соответствии с постановлением правительственной арбитражной комиссии решено было провести снижение зарплаты в два приема: с 17 ноября 1930 г. — на 3% и с 18 января 1931 г. — на 5%. Помимо непосредственного наступления на зарплату необходимо также учитывать проведенное недавно повышение налогов.

В странах Центральной Европы ведется не менее энергичное наступление на жизненный уровень рабочего класса. Число безработных, получающих пособие, увеличилось в Австрии лишь за вторую половину октября на 17.800 и равнялось к этому времени 192.670 человек против 67.000 к концу 1929 г. В Чехо-Словакии число безработных увеличилось по официальным данным с 56.000 в ноябре 1929 г. до 90.000 в ноябре 1930 г.

Что касается Англии, то на основе снижающейся кривой развития мы имеем падающую заработную плату, начиная с 1921 года, за исключением 1924 г. и отчасти 1926 года. В течение 1927 года снижение заработной платы составило 357.800 фунтов стерлингов в неделю, в 1928 г. — 141.900 фунтов, в 1929 г. — 79.500 фунтов и за первое полугодие 1930 г. — 102.500 фунтов стерлингов в неделю.

В хлопчатобумажной промышленности снижение среднего недельного заработка достигло в июле 1930 г. 19% по сравнению с заработком в октябре 1924 г. В шерстяной промышленности зарплата пала за тот же период на 11%. В 1929 году была снижена зарплата на 6½% 500 тыс. текстильщиков хлопчатобумажных предприятий, а в июне 9%-ное снижение было произведено у шерстяников. В английской буржуазной прессе началась также кампания за снижение пособия безработным. Летом Ассоциация торговых палат потребовала в своей докладной записке сокращения пособия по безработице и снижения

зарплаты транспортникам, пищевикам и государственным служащим. «Дейли Телеграф», «Таймс», «Морнинг Пост» и «Файнэншиал Ньюс» в своих передовицах выступили в защиту этого требования. В ноябре железнодорожные компании с молчаливого согласия вождей трэдюнионов окончательно пришли к решению о «необходимости» снизить зарплату железнодорожникам на 10%. Усиленно подготовляется также снижение зарплаты горнякам. Каким темпом нарастала безработица видно из следующих данных: на 6 января 1930 г. в Англии было зарегистрировано безработных 1.478.771, на 7 апреля — 1.676.447, на 28 июля — 2.011.467, а на 3 ноября — 2.263.127, т. е. на 1.011.169 безработных больше, чем в начале ноября 1929 г.

В Японии в связи с кризисом предприниматели повели самое ожесточенное наступление на условия жизни и труда пролетариата. В апреле 1930 г. крупнейшая текстильная компания Канегафути, у которой числится около 30 тыс. рабочих, отменила введенные во время войны так называемые надбавки на дороговизну, что фактически привело к снижению зарплаты на 40—50%. Большинство текстильных компаний и ряд предприятий других отраслей тоже отменили военные надбавки; 80 шелкопрядильных фабрик совсем не выплачивали зарплаты в течение нескольких месяцев. По данным Японского госбанка индекс зарплаты упал с 101,7 в июле 1929 г. до 95,2 в июне 1930 г., а в июле 1930 г. понизился до 92,6. Многие предприятия увеличили число выходных дней и произвели массовые увольнения рабочих. Сообщениями о снижении зарплаты и увольнениях пестрит вся японская пресса. Еще в конце 1929 г. директор токиоской биржи труда вынужден был признать, что число безработных в Японии достигло 1 млн. человек.

В колониальных и полуколониальных странах жизненный уровень пролетариата, разумеется, еще ниже.

В Китае не ведется точной статистики о зарплате и безработице. Однако, даже судя по отрывочным данным, к весне 1930 г. в Шанхае насчитывалось 70—80 тыс. безработных текстильщиков, Тяньцзине — 40—50 тыс., а в некоторых крупных городах провинции Хуань — 80 тыс. В октябре в результате закрытия 93 предприятий (из них 70— шелкопрядильных) было уволено еще 36 тыс. рабочих. Ведется также усиленное наступление на зарплату.

Заработка подавляющего большинства китайских рабочих в лучшем случае хватает на то, чтобы не умереть с голоду; в подавляющем большинстве пища рабочего состоит из кукурузы и соленой репы, принимаемой 2 раза в день. За последние 2 года рабочие Китая лишились почти всех завоеваний в период революции. Уровень заработной платы понизился, снижение коснулось не менее 80% рабочих. Рабочие катеров получали до кантонского восстания 25 долларов в месяц, после восстания — 20 долларов: портовые рабочие — 1,4 доллара в день, после восстания 0,6 доллара в день; маслобойные рабочие до воссстания — 3,1 доллара за производственный процесс и 1,6 доллара после восстания за тот же процесс; печатники до восстания получали 30 долларов в месяц, после восстания — 20 долларов; строительные рабочие — 095 долларов день до восстания и 0,75 долларов — после, восстания. Снизилась заработная плата у судостроительных рабочих, у железнодорожников и особенно у текстильщиков. Эти данные о номинальной заработной плате нужно взять соотносительно росту дороговизны в Китае.

В Индии с 1928 г. стало усиленно проводиться рационализация текстильной промышленности, и сейчас в одном Бомбее число безра-

ботных текстильщиков достигает 50 тыс. человек. Рационализация послужила одной из причин возникновения весной 1929 г. бомбейской забастовки текстильщиков. После пятимесячной борьбы рабочие вынуждены были однако безоговорочно капитулировать.

Посмотрим, как выглядит платежеспособный спрос по линии сельского хозяйства. Особенность этого экономического кризиса, — говорит т. Сталин, — та, что он «не просто совпал, а переплелся с сельскохозяйственным кризисом в аграрных странах... Нечего и говорить, что промышленный кризис будет усиливать сельскохозяйственный, а сельскохозяйственный затягивать промышленный, что не может не привести к углублению экономического кризиса в целом»[1]. В настоящий момент мировые запасы пшеницы составляют 570 миллионов бушелей, т. е. 15 миллионов тонн, это приблизительно на 9 миллионов тонн больше того, что может найти сбыт в потребляющих странах. Имеются огромные запасы хлопка, шерсти, каучука, кофе, сахара, чая и других сельскохозяйственных товаров.

В III период «рационализация» в сельском хозяйстве до гигантских размеров обостряет противоречие между производством и потреблением: чрезвычайный рост запасов сельскохозяйственных товаров и огромный рост расслоения и безработицы среди сельскохозяйственного пролетариата.

Сельское хозяйство в Китае, в Индии и других собственно аграрных странах не в состоянии развиваться даже на основе простого воспроизводства. Зависимые и независимые страны, находясь под двойным гнетом финансового капитала — собственного и иностранного, — дают картину чрезвычайного разорения огромных крестьянских масс, голода и смертей. Неслыханный голод, охвативший в 1930 году в Китае 57 миллионов человек, когда в одной провинции Шанси погибло от голода до 2 миллионов человек, является результатом империалистической системы порабощения сельского хозяйства аграрных стран. Голод в Индии, охвативший часть соединенных провинций в 1930 году, является результатом той же политики финансового капитала. Голодные полунищенские массы колониальных и полуколониальных стран и растущие размеры перепроизводства колониальных товаров. Эксплоатация крестьянства не является «новой экономической категории, рождающей новые социальные явления», как это думает Спектатор; но эксплоатация крестьянства на фоне загнивающего капитализма и особенно на фоне послевоенного краха капитализма вырастает до гигантских размеров и определяет состояние платежеспособного спроса. «Египетский экономист» от 15 декабря 1929 года пишет: «все колеса нашей экономики затормозились или стали, как будто нет средств привести их снова в движение. Банкротство у наших дверей, банкротство того знаменитого процветания, которое звенело у всех в ушах в Египте и за границей... Стоимость наших продуктов пала ниже их себестоимости, вызывая тем самым обесценивание земельной собственности; наш финансовый капитал потерял на фондовой бирже от 40 до 50% своей ценности».

На этих отдельных иллюстрациях и фактах видна с совершенной очевидностью характеристика кризиса в эпоху III периода краха капитализма. Только на основе развернувшихся противоречий «рационализации» кризис мог принять такую катастрофическую форму.

Характерной чертой кризиса в эпоху краха капитализма является спекуляция, возросшая до гигантских размеров. Биржевой спекуляции

[1] Сталин. Доклад на XVI партс'езде.

в значительной мере способствовал относительно дешевый кредит. Беспрерывно притекавшее в Соед. Штаты золото из-за границы увеличивало до огромных размеров банковские кредитные резервы. В августе 1927 г. начался отлив золота из Соед. Штатов в связи с низкой учетной ставкой Нью-йоркского федерального резервного банка. С августа 1928 г. вновь начинается приток золота в Соед. Штаты.

В последние годы особенно сильно кредитуется спекуляция. Это видно из движения ссуд, получаемых брокерами. Ссуды, полученные брокерами через нью-йоркские расчетные палаты под залог ценных бумаг, дают следующую картину.

Общая сумма этих ссуд равнялась[1]:

30 января 1926 г.	3.513	млн. долл.
31 августа 1927 г.	5.051	„ „
30 сентября 1928 г.	8.549	„ „

Таким образом на протяжении 3 лет и 8 месяцев суммы брокерам в Нью-Йорке выросли на 5 с лишним миллиардов долларов, а за один последний год сумма эта выросла больше, чем на 3,5 миллиарда долларов. Так финансовый капитал обслуживал биржевую спекуляцию. На основе краха производства и спекуляции на курсах получился огромный разрыв роста курсов ценных бумаг от роста промышленных прибылей представленных этими ценными бумагами. С другой стороны, получился также разрыв между доходом от спекулятивных бумаг и крайне выросшей ставкой на кредит под спекуляцию. Все эти противоречия вели неуклонно к краху на бирже. Потрясения на бирже, вызванные общим взрывом противоречий системы, в свою очередь усилили кризис. Повышение биржевых курсов акций повело к усиленному выпуску последних. За 9 месяцев 1929 г. было выпущено промышленными акционерными обществами акций на ¾ миллиарда долларов больше, а финансовыми компаниями — на 1¼ миллиард больше, чем за весь 1928 год.

Так спекулировал капиталистический мир, в то время как в его глубокой общественной шахте уже назревала катастрофа. Пляска св. Витта на бирже происходила уже тогда, когда на основе кризиса уже началось снижение производства. И именно в момент, когда снижение производства приняло видимый реальный характер, тогда спекуляция выбросила на рынок в огромном количестве пачки акций. Массовые требования о возвращении кредитов, данных под ценные бумаги, еще больше стимулировали выбрасывание акций на рынок. Курсы полетели вниз. И 25 октября биржевой шквал снес все установленные капиталистическим «регулированием» плотины.

Влияние на производство со стороны кредита шло следующим образом. Высокий курс ценных бумаг требовал чрезмерного расширения кредита. Кредитная инфляция создавала дополнительно покупательную способность, которая, в свою очередь, стимулировала рост производства на базе уже имеющегося скрытого перепроизводства. Влияние на производство со стороны собственно грюндерства шло следующим образом: грюндерство выпускало огромное количество акций, не считаясь с реальными потребностями в расширении основного капитала. Чрезмерный выпуск акций, в свою очередь, привел к чрезмерному развитию ряда отраслей промышленности. И это давление со стороны грюндерства продолжалось в тот момент, когда ряд показателей уже сигнализировал о перепроизводстве.

[1] „Survey of current business".

Спекуляцию поддерживали не только капиталы внутри Соед. Штатов, но и капиталы из-за границы. Заграничные капиталы, привлеченные сильным ростом процентных ставок, хлынули на нью-йоркскую биржу. Онкольные ставки весной 1929 года поднимались до 15—20%. Ростом курсов на нью-йоркской бирже были привлечены и германские и английские капиталисты.

Трудно установить общую сумму потерь германских капиталистов во время американского биржевого краха, но нет сомнения, что на серию банковских крахов, имевших место осенью 1929 г. (крах потерпело около 100 банковских фирм), не малое влияние имела и спекуляция германских капиталистов на нью-йоркской бирже. Американский биржевой крах втянул в свой круг и большие английские капиталы. «Нью-Йорк стал Меккой спекулянтов», пишет «Таймс» от 28 октября 1929 г. Отличительной характеристикой современных кризисов является усугубляющий противоречия момент спекуляции. Спекуляция играет сейчас гораздо большую роль в период кризиса, чем в эпоху промышленного капитализма.

Со стороны капиталистического мира напрягаются огромные усилия «организовать капитализм». Особенно стоит этот вопрос в порядке дня в период кризиса. Для решения этой задачи в Соед. Штатах были созданы комиссии, комитеты с Гувером во главе. Был создан так называемый «Экономический общенациональный трест», состоящий из министров торговли, финансов, земледелия, труда, крупнейших трестов, Федерального банка. С помощью давления на железнодорожные компании и флот, Гувер думал увеличить заказы для промышленности. С помощью снижения подоходного налога Гувер думал повлиять на платежеспособный спрос. Гувер даже задавался целью бороться с безработицей и не давать падать заработной плате. Вопросы платежеспособности спроса становятся буржуазией в порядок дня.

Председатель Национального комитета демократической партии Раскоб, крупный предприниматель, предлагает перейти на «пятидневку». Он видит спасение в том, чтобы более осторожно развивать технические возможности. «Мы шли в развитии производительных сил слишком вперед», жалуется крупный предприниматель. Немного осторожности, сокращение числа дней работы в неделю может «спасти» положение. Выход лежит в том, что рабочий, имея не только воскресенье свободным днем, но и субботу, будет, видите ли, больше кататься на автомобилях, и емкость автомобильного рынка, увеличится, будет одевать лишний раз в неделю праздничный костюм, и емкость текстильного рынка увеличится.

Принимаются и конкретные мероприятия. Подоходный налог снижается на 1%; 100 миллионов долларов ассигновано, чтобы предотвратить падение цен на пшеницу; на 200 миллионов долларов предоставлено заказов строительной промышленности; делаются попытки увеличения емкости рынка путем кредитования: в 1927 г. разным компаниям были предоставлены кредиты на финансирование приобретения автомобилей в сумме 1½ миллиарда долларов.

Гувер выступает с восьмимиллиардным проектом. Под давлением Гувера железнодорожные компании обещают ассигновать около 670 млн. долларов, компании электрических железных дорог — 360 миллионов долларов, электрические компании — 865 млн. долларов, американская телефонная и телеграфная компания — 700 млн. долларов, газовые компании — 452 млн. долларов, стальная промышленность — 30 млн. долларов.

Программу Гувера однако захлестнула волна разбушевавшейся капиталистической стихии. Морган банкир ассигнует Моргану железнодорожному королю, Морган железнодорожный король ассигнует Моргану промышленнику. Но по цепной связи бьет многоголовый Морган одну голову о другую. Ассигновки на новые железные дороги противоречат ассигнованиям на новые дороги для автомобилей, на новую сеть каналов. Одно исключает другое. Одно конкурирует с другим.

К каким результатам привели однако эти «регулирующие» меры, видно из оценки официального органа Соед. Штатов.

В «Annalist'e» от 14 марта 1930 года мы читаем. «Рост производственной активности в январе и первой половине февраля был несколько изолированным явлением. Теперь совершенно очевидно, что рост в сталелитейной промышленности об'ясняется частично использованием наличных запасов сырья, частично увеличением заказов на автомобильную сталь и частично ожиданиями роста заказов, которые не оправдались. Равным образом производство в автомобильной промышленности, которое, хотя и оставалось значительно ниже прошлогоднего января, достигло все же заметного контраста с декабрьским сокращением, основываясь, как это теперь очевидно, на переоценке непосредственного спроса». Итак искусственное увеличение заказов и ожидание роста заказов — искусственное вспрыскивание морфия. Стремительный возврат производства к исходному пункту и дальнейшее снижение лишь подтвердило торжество основных тенденций кризисной фазы. Солидная доза морфия дала искусственное облегчение на один миг с тем, чтобы боли стали еще острей.

Певцы «prosperity» особенно воспевали возможности организовать капитализм со стороны федеральных резервных банков. Федеральная система, говорили буржуазные экономисты, удерживала цены на одном уровне и в период блестящего под'ема. Эта система должна суметь удерживать цены от падения. «Если бы это было сделано во-время, — говорит Кассель, — то весь мир был бы в большом долгу перед центральной банковской системой Соединенных Штатов». Но факты говорят о том, что федеральная система банков не «захотела» того, чтобы «весь мир был в большом долгу» перед ней. Федеральная система банков действительно стремилась «регулировать». Она это делала, прежде всего, путем снижения учетной ставки и путем скупки акцептов и государственных ценных бумаг. Чем больше однако федеральная система скупала акций, тем больше росли они в цене и тем больше росла спекуляция. Кредиты по низкой учетной ставке также часто использовались для спекуляции, хотя ставки для собственно спекуляции были очень высоки и отличались от ставок на коммерческий кредит. Вся эта «мудрая» политика потерпела крах. Напрасно Кассель думает, что федеральная резервная система не захотела благодарности всего мира. Ошибка Касселя об'ясняется тем, что он не знает социальной сущности кредита. Он не знает того, что кредит возникает из основного противоречия капиталистического общества — из противоречия между общественным характером производства и частной формой присвоения. Кассель не знает также того, что кредит представляет только особую форму, которую капитал переходит в сфере обращения, и что эта форма обусловлена процессом производства прибавочной стоимости, что процессу производства принадлежит примат над сферой обращения. Кассель не может понять диалектического единства производства и обращения, единства противоположностей, в котором приматом является производство. Вот почему Кассель так много ожидал

от федеральной системы по линии «организации капитализма». Чем больше развит безналичный платежный оборот, тем больше собственно денежный кризис может принимать те или иные измененные формы проявления. Денежный кризис может иногда и не сопровождать производственный: так было в 1879 г. при кризисе в Англии и в 1900/1901 г. при германском кризисе. Но в каком бы виде денежный кризис не проявлялся, он предопределен кризисом в производстве. В Соед. Штатах денежно-кредитная сфера далеко не говорила о благополучии. Стремительный рост учетного процента под спекулятивные бумаги, трудность получения кредита, несмотря на низкие учетные ставки на коммерческий кредит, — все это было обусловлено состоянием производства. На фоне монополистического капитализма мы имеем некоторое другое проявление для собственного денежного кризиса. Вместо официальных банковских банкротств — мы имеем самоликвидацию более неустойчивых частей. Происходит «Sanierung» посредством различных слияний.

Буржуазный ученый Кассель старается доказать, что промышленный кризис является результатом кредитного кризиса, результатом недостатка ссудного капитала. Касселя, конечно, меньше всего нужно обвинять в том, что он не понимает положения Маркса о том, что никакое банковское законодательство, так же как и кредитная политика, не могут «организовать капиталистического хозяйства». Это непонимание об'ясняется буржуазной сущностью Касселя.

Положение о том, что можно путем кредита вызвать искусственный под'ем сводится к утверждению буржуазной науки, что «кредит вызывает появление новых благ из ничего, ибо без расширения они не были произведены совсем» [1]. Правоту Касселя в том, что кризис в производстве является результатом кредитного кризиса, результатом отсутствия ссудных капиталов и результатом неразумной денежной политики, можно видеть из анализа состояния ряда отраслей производства до начала кризиса. Угольная, железоделательная, писчебумажная, строительная отрасли производства, точно так же, как и грузооборот, показывают значительное снижение кон'юнктуры еще с лета 1929 г., т. е. еще до того, как начались кризисные явления со стороны денежной и кредитной сфер. Продукция автомобилей начала снижаться уже с мая; в декабре 1929 г. она составляла всего лишь 20% апрельской продукции. Такое сокращение является самым большим, начиная с 1921 г.

Еще в августе 1929 г. Сталелитейный трест Соед. Штатов, производящий 70% мировой продукции, резко сокращает свое производство. Повышение продукции этого треста в сентябре об'ясняется тем, что Сталелитейный трест получил крупный заказ от железоделательных компаний. Этот заказ трест получил потому, что во главе как Стального треста, так и железоделательной компании стоит один и тот же Морган.

В капиталистическом обществе, особенно на последней его стадии развития, возможно на некоторое время скрытое перепроизводство. «Количество товарных масс, создаваемых капиталистическим производством, определяется масштабом этого производства и потребностью в постоянном его расширении, но отнюдь не предопределенными размерами спроса и предложения, н еразмерами потребностей, подлежащих удовлетворению. Непосредственным покупателем по отношению к массовому производству может быть, кроме других промышленных капиталистов, оптовый купец. Процесс воспроизводства до известной границы может совершаться прежним или даже расширенным масштабом, хотя выброшенные из него товары в действительности не перешли в сферу личного или производственного потребления» [1].

[1] Hahn. „Theorie des Bankkredits", стр. 141.

Количество «главных предметов торговли не определяется заранее данными размерами спроса и предложения. Оно определяется прежде всего потребностями расширяющегося производства, и тем самым есть возможность уже имеющемуся перепроизводству до определенных границ не быть обнаруженным. За известные границы это перепроизводство должно выйти наружу. Поток товаров следует за потоком, и наконец обнаруживается, что прежний поток лишь по видимости поглощен потреблением. Товарные капиталы оспаривают друг у друга место на рынке. И все это кончается тем, что разражается кризис» [2].

На этих отдельных иллюстрациях мы видим, как в состоянии капитализм «регулировать» свой платежеспособный спрос, как может капитализм «организовать» себя и разрешить противоречие между производством и потреблением. Платежеспособный спрос при капитализме всегда определялся законом всеобщего капиталистического накопления. Но всеобщий закон капиталистического накопления на основе хронически существующего противоречия между производственной мощностью предприятий и об'емом продукции в сильнейшей степени обостряет противоречие между производством и потреблением. Всеобщий закон капиталистического накопления в период капиталистической «рационализации» на основе роста структурной хронической безработицы дает решающую характеристику III периода и решающую характеристику циклической фазы этого периода мирового кризиса. Всеобщий закон капиталистического накопления в III период имеет свое выражение и в том, что наступление капитала на рабочий класс продолжается и в фазу под'ема.

В момент под'ема в ряде стран и в ряде отраслей имеются налицо депрессии. В момент под'ема имеется налицо безработица в таком об'еме, которого она никогда не достигала даже в моменты наивысшего кризиса.

Наступление капитала идет и по линии чрезвычайного роста интенсивности труда, и по линии снижения уровня реальной зарплаты, и по линии роста безработицы, и по линии ускорения процесса расслоения деревни. О том, что современный кризис происходит на фоне загнивания, а не роста капитализма, имеются в том или ином виде бесчисленные признания буржуазии. Приведем, например, такое признание японского финансового советника в Лондоне и Париже Дзюнти-Цусима. Возвращаясь в Японию, последний сообщил харбинским газетным корреспондентам следующее о причинах мирового кризиса: «Некоторые считают, что причиной теперешней мировой экономической депрессии является перепроизводство. Я однако держусь иной точки зрения. Продукция (мировая) увеличилась с 1913 года лишь на 10%... Совершенно очевидно, что не перепроизводство, а недопотребление привело к теперешнему положению. Причиной частично послужила «рационализация» с ее спутницей — безработицей. Помогли в этом отношения и картели». Конечно не приходится критиковать финансо-

[1] Маркс. «Капитал», т. II, стр. 50.
[2] Маркс. «Капитал», т. II, стр. 51.

вого советника в том, что он не понимает диалектической связи производства и потребления. Можно довольствоваться его признанием, что кризис этот происходит не на фоне гигантского роста в мировом производстве, а в связи с тем, что рост производства упирается в платежеспособный спрос и что причиной кризиса является «рационализация» с ее спутницей — безработицей. Особенно интересно отметить и мысль о том, что в кризисе не безучастны и картели. То, что «регулирование» со стороны картелей ведет к затягиванию кризиса на основе ограничения действия закона стоимости, финансовый советник тоже, конечно, не в состоянии понять. Но все же интересно его признание, что к кризису приложили свою руку и картели.

Современный экономический кризис, начавшийся в Соед. Штатах, уже охватил все промышленные страны и «переплелся» с сельскохозяйственным кризисом в аграрных и колониальных странах. В настоящее время налицо чрезвычайное углубление кризиса на всех участках мирового хозяйства.

«Современный кризис капиталистического хозяйства выражается в исключительной неравномерности развития отдельных частей мирового сельского хозяйства, в неравномерности развития отдельных отраслей этого хозяйства, в общем замедлении темпов развития всего мирового сельского хозяйства, в общем перепроизводстве с.-х. продуктов, в росте запасов с катастрофическим в последнее время падением цен. Кризис развертывается неравномерно, несмотря на его всеобщий характер, поражая те или иные страны в разное время и с различной силой» (Сталин).

Современный капиталистический кризис, происходящий на фоне общего краха капитализма, отнюдь не означает, что капитализм в отдельных частях своих не переживет еще относительных под'емов. Преодоление кризиса на отдельных участках мирового целого на фоне общего краха будет происходить путем повышения органического состава капитала, путем дальнейшей концентрации промышленного и банковского капитала, путем централизации капитала и дальнейшего вытеснения мелкого и среднего крестьянства, путем дальнейшей агрессии на внешние рынки и т. д.

Все эти моменты вызовут дальнейшее обострение противоречий как внутри стран, так и между странами; они вызовут дальнейшее обострение классовой борьбы и наступление непосредственно революционной ситуации.

«Обнажаются и обостряются противоречия между важнейшими империалистическими странами.

Обнажаются и будут обостряться противоречия между странами-победителями и странами побежденными.

Обнажаются и обостряются противоречия между империалистическими государствами и колониальными и зависимыми странами.

Обнаружились и обострились противоречия между буржуазией и пролетариатом» (Сталин).

Лига наций и международные займы

В дни тягчайшего кризиса мирового хозяйства, охватившего ряд крупнейших капиталистических стран, сущность буржуазного экономического пацифизма и примыкающей к нему концепции так называемого «организованного» капитализма выявлена как никогда, и природа этих завуалированных форм империалистической экспансии вряд ли сможет теперь ввести кого-либо в заблуждение.

Ниже мы даем сжатый анализ одной из наиболее любопытных и поучительных форм финансовой интервенции, на примере которой практическое значение всех пацифистских теорий выступает с необычайной четкостью. Речь идет о так называемых «займах» Лиги Наций, т. е. международных займах, обычно предоставлявшихся за последнее десятилетие отсталым и экономически слабым странам под предлогом восстановления их финансового благополучия. Сущность такого рода займов, прикрываемых «авторитетом» международной пацифистской организации, наглядно вырисовывается на фоне ее деятельности в области «организации экономического мира».

В скобках заметим, что Лига Наций, задуманная сначала версальскими победителями в качестве орудия по преимуществу политического, себя в последующем не оправдала и после тяжкого кризиса, едва не окончившегося для нее катастрофой, была переведена на рельсы экономического пацифизма. В настоящее время Лига специализируется на вопросах облегчения процессов образования монополистического капитализма, и ее деятельность в области международного финансирования представляет собою, как мы увидим дальше, лишь одно из звеньев в цепи устремлений, если не всегда удачных, то во всяком случае об'единенных общей и достаточно абстрагированной от действительности концепцией.

Официальную историю своей деятельности на поприще организации этого «экономического мира» Лига Наций начинает обычно с Брюссельской финансовой конференции, происходившей осенью 1920 г. На этой конференции, первой общеевропейской конференции по окончании мировой войны, на которой присутствовали и побежденные страны, был заслушан ряд очень интересных и поучительных докладов о принципах бюджета, внешних и внутренних займах, денежной политике и инфляции, кредите, роли центральных банков и т. д. Доклады эти, сделанные выдающимися финансистами, говорили об отчаянном положении, в котором очутилась буржуазная Европа на другой день по окончании мировой войны; их совокупность дала яркое представление о надвигавшейся и почти что неотвратимой катастрофе. Был вынесен ряд панических резолюций, требовавших от правительств проведения решительных и в общем разумных мероприятий по оздоровлению европейских финансов. Эти резолюции с месяц пестрели в заголовках всех газет, а затем были преспокойно оставлены без по-

следствий. Участвовавшие в конференции правительства избрали собственные пути для того, чтобы избежать катастрофы.

Единственным прямым последствием Брюссельской дискуссии было обсуждение в Совете Лиги Наций нашумевшего в то время проекта Тэр-Мюлэна об организации международных кредитов. К этому делу думали было приспособить Женеву. Но поскольку Соединенные Штаты Америки весьма недвусмысленно поставили себя в стороне от европейского хаоса, этот проект, сильно ориентировавшийся на американские кредиты Европе, повис в воздухе и через некоторое время о нем постарались забыть.

Брюссельская конференция послужила однако толчком к попытке капиталистических государств использовать Лигу Наций для изжития финансового кризиса; образование 14 ноября 1920 г. финансового комитета, входящего в состав экономической и финансовой организации Лиги Наций, и открывает отмеченный нами период использования женевской организации для урегулирования некоторых практических проблем финансовой реконструкции Европы. Но речь могла итти очевидно только о тех проблемах, которые не столько имели, сколько должны были иметь международное значение. Определение же последнего момента лежало полностью на усмотрении стран, руководящих Лигой. В силу этого, как показала практика, решение проблемы оздоровления собственной финансовой системы эти страны оставляли за собою и никакое международное обсуждение в этой области не допускалось. Точно также к собственной компетенции они отнесли «оздоровление» финансов своего бывшего противника в мировой войне — Германии (как известно, оно носит название «репарационной системы»). Наконец междусоюзнические долги при всей очевидной «международности» их также были оставлены в ведении национальной политики. В результате в сферу международного обсуждения попали только те проблемы, которые эта национальная политика считала более удобным разрешать в оболочке «международной дискуссии» и под прикрытием «независимой» и «об'ективной» акции международных организаций.

***

Первый такого рода опыт оказания финансовой помощи путем предоставления «займов Лиги Наций» был произведен, как мы упоминали, в отношении Австрии.

Положение Австрии по окончании войны 1914—1918 гг. было едва ли не самым безнадежным и отчаянным. Полный развал экономики и финансов и даже всего государственного устройства этого обломка Габсбургской монархии зашел так далеко, что правительство давно уже не было хозяином положения. Тяжесть репарационных платежей и голод в стране ясно говорили о неминуемом крахе «со всеми вытекающими отсюда последствиями, вплоть до социальных потрясений», как говорится в одном из докладов комиссии Лиги Наций, обследовавшей положение Австрии. 7 августа 1922 г. австрийское правительство, безуспешно обивавшее перед тем пороги всех европейских столиц в поисках помощи и жившее мелкими подачками, обратилось с отчаянным призывом в Верховному совету союзников. Это обращение было подкреплено недвусмысленной угрозой: бундесканцлер Зейпель сделал сепаратное предложение Италии о включении за определенную финансовую поддержку Австрии в валютную и таможенную систему Италии. Аналогичные переговоры велись и в Берлине. И перед

лицом пресловутого «Anschluss», которого Антанта боялась не менее, чем революции, стучавшейся уже в ворота Вены, было решено вмешаться в это дело.

Но обостренная ситуация заставила вершителей судеб послевоенной Европы избрать путь не прямой финансовой интервенции, обычной для методов капиталистической экспансии, но завуалированной «международной» акции. Финансовую опеку над Австрией было решено провести под флагом Лиги Наций.

15 августа того же года Совету Лиги было поручено «разработать» программу спасения Австрии от финансового банкротства, программу, уже намеченную в недрах дипломатических канцелярий Парижа и Лондона и в соответственных банках. Поручение это сопровождалось следующим красноречивым наставлением: «Австрия жила за последние три года по преимуществу за счет публичных и частных займов, превратившихся в сущности в дарения. Она жила за счет частной благотворительности и убытков иностранных спекулянтов от игры на понижении кроны. Австрия потребляла значительно больше того, что она производила. До сих пор значительные суммы, которые ей авансировались и которые должны были бы пойти на восстановление ее финансов и экономики, употреблялись на покрытие ежедневных насущных потребностей. Новые ссуды должны быть употреблены на проведение необходимых реформ; в ближайшем будущем Австрия не должна потреблять больше того, что она может производить. Период реформ сам по себе будет очень болезненным. Надо выбирать между периодом трудностей, быть может более тяжелых, чем все те, которые были перенесены с 1919 г., но с надеждой на реальное улучшение в будущем и крушением в нищете и хаотическом бедствии. Для Австрии нет никакой надежды на спасение, если только она не согласится подчинить себя необходимости применения к ней реформ извне....»

Намек был достаточно прозрачен, Лига поняла его с полуслова, и уже через месяц от ее имени был выработан план финансового восстановления или, как его обычно называли, санирования Австрии. 4 октября 1922 г. между Австрией, с одной стороны, и Францией, Италией, Чехо-Словакией и Бельгией — с другой, были подписаны три протокола, намечавшие совокупность мероприятий по такого рода санированию. Над Австрией, которой было торжественно обещано не посягать ни в чем на ее независимость, был установлен международный финансовый контроль, формально осуществлявшийся от имени Лиги Наций. В Вену был назначен верховный комиссар Лиги и при нем состоял комитет из представителей держав, гарантировавших займы, выпущенные для Австрии Лигой Наций. Этот-то комитет и являлся долгие годы, — а отчасти он является таковым и по сей день — фактическим правительством Австрии. Но за потерю самостоятельности (достаточно сказать, что бюджет утверждался сперва комитетом, а потом правительством, и последнее не имело права самостоятельно расходовать или приходовать ни одной кроны). Австрия получила 20-летнюю отсрочку платежей репараций. Кроме того с 15 декабря того же года репарационная комиссия освободила от ипотечного залога по репарациям австрийские активы и облигационные обязательства по прежним займам (послевоенным). Вторым существенным мероприятием было предоставление при посредстве Лиги Наций особого краткосрочного займа, предназначавшегося на покрытие бюджетного дефицита. Заем был намечен в размере 3½ миллионов фунтов стерлингов и был размещен следующим образом (в тыс. ф. ст.):

Лондон	1.800
Париж	800
Амстердам	500
Брюссель	100
Стокгольм	100
Цюрих	200

Выпуск этого займа, произведенный через только что учрежденный Национальный банк Австрии, был обеспечен табачной монополией и таможенными поступлениями. Главными гарантами его были Англия, Франция, Италия и Чехо-Словакия, обеспечившие эмиссию в размере 24½% каждая, и Бельгия — в размере 2%.

После сравнительной удачи с первой эмиссией австрийскому правительству было разрешено прибегнуть ко второму, на этот раз уже долгосрочному займу с амортизационным периодом в 20 лет. Этот второй заем на общую сумму в 585 млн. зол. крон был размещен следующим образом:

Кредиторы	Сумма эмиссии	Учетный процент
Английский банк (ф. ст.)	14 млн.	6
Морган и К°, Нью-Йорк (долл.)	25 „	7
Стокгольм с Энскильда (шв. крон)	13 „	6
Хоп и К°, Амстердам (гульд.)	3 „	6
С-те Женералле Бельжик (бельг. фр.)	25 „	6
Юнион Финанс. де Женев (шв. фр.)	25 „	6
Постшпаркассе, Вена (долл.)	13 „	7
Бан. де Па и/Эи Ба. (фр. фр.)	170 „	6½
Банка д'Италиа (лир	200 „	6½
Чехо-словацкое прав-во (зол. крон)	60 „	—

Одновременно краткосрочные обязательства австрийского правительства по предшествующему займу были конвертированы и соответственные австрийские активы были возвращены в распоряжение этого правительства.

259 млн. крон из этого займа пошли на покрытие прежних кредитов, 50 млн. были депонированы за границей в качестве резерва; таким образом в распоряжении верховного комиссара Лиги для сбалансирования бюджета фактически оставалось около 276 млн. зол. крон. Этот фонд был подкреплен 50 млн. крон, полученными Австрией от внутреннего займа, и 18 млн. крон, поступившими в казну от принудительного размещения облигаций. На базе этих ресурсов в Австрии и была произведена финансовая реставрация посредством сбалансирования государственного бюджета и стабилизации валюты. Нужно сказать при этом, что это мероприятие было осуществлено относительно быстро. Уже к моменту вступления в должность верховного комиссара был запрещен выпуск банковских билетов, а напечатанные банкноты были переданы в распоряжение нового эмиссионного банка, который их впоследствии и использовал. Банк этот начал свои операции с начала 1923 г., а к декабрю того же года, когда австрийская крона упала до $^1/_{15000}$ своей стоимости, в Австрии была введена новая, твердая валюта — шиллинг. Не менее энергично, была проведена борьба и с дефицитностью бюджета. Бюджет в 569,7 млн. зол. крон, дававший дефицит в 316,8 млн. крон, правительству было предложено к середине того же 1923 г. механически сократить до 536,9 млн. крон, а бюджет на 1924 г., намеченный в размере 495 млн. крон, был урезан до 438,9 млн. С Австрией, как видим, не особенно церемонились, но зато к концу 1923 г. фактический дефицит был сведен к 158,2 млн.

крон, из которых 76 млн. крон к тому же были отпущены на капитальные вложения. В 1924 г. австрийский бюджет на том же прокрустовом ложе Лиги Наций был сбалансирован с дефицитом лишь в 13 млн. крон, а с 1925 г. он стал активен.

Миссия Лиги Наций была окончена и на 22 сессии ее финансового комитета, 3 сентября 1925 г., было торжественно констатировано, что финансовая стабилизация Австрии достигнута; опека верховного комиссара была снята в середине 1926 г.

Такова внешняя механика этого первого опыта с предоставлением международного займа «под эгидой», как это обычно называют, Лиги Наций. Опыт оказался удачным, и в период относительной стабилизации капиталистической экономики Австрия вступила с более или менее сносными финансами. О том, насколько несложна была внутренняя механика этого дела, когда страна была отдана на откуп англо-французскому, а впоследствии и американскому капиталу, и за чей счет фактически была достигнута стабилизация в Австрии, догадаться не трудно. К этому мы еще вернемся в дальнейшем.

* * *

Как бы там ни было, успех окрылил Лигу Наций и стоявших за ней покровителей, и почти одновременно с санированием Австрии аналогичная операция была проведена в отношении другой побежденной страны — Венгрии. Разница состояла только в том, что если Австрия хотя бы формально, но все же сама обратилась за помощью к Лиге Наций, то за Венгрию в этом отношении постарались ее соседи — Чехо-Словакия, Румыния, Югославия, — рассчитывавшие еще чем-нибудь поживиться при отдаче ограбленной ими перед тем, но не «додушенной» еще страны, на разграбление международному капиталу. 29 сентября 1923 г. правительства этих стран обратились в Совет Лиги Наций с указанием на трудность их положения «в связи с финансовым хаосом, господствующим в соседней с ними Венгрии», и на желательность выработки плана финансовой реставрации этой страны. Репарационная комиссия со своей стороны санкционировала это предложение, и 14 марта следующего 1924 г. Венгрия должна была подписать протокол, устанавливающий условия и рамки помощи, которой она не просила. В Будапешт был, по австрийскому образцу, назначен верховный комиссар, фактически облеченный диктаторскими полномочиями, и 2 июля того же года был выпущен третий заем Лиги Наций на сумму в 10 млн. ф. ст. Заем размещен следующим образом:

Лондон	7.902.700	ф. ст.
Нью-Йорк	1.733.606	долл.
Амстердам	433.605	ф. ст.
Стокгольм	280.772	„ „
Рим	1.696.864	„ „
Швейцария	1.226.996	„ „
Прага	568.815	„ „
Венгрия	543.195	„ „

Заем гарантировался Англией, Францией, Италией, Чехо-Словакией, Румынией и Югославией. Представители этих стран образовали особую контрольную комиссию, на ряду с комиссаром Лиги руководившей финансовой и экономической жизнью страны.

Операция с Венгрией также удалась; на подробностях, поскольку они мало отличаются от условий санирования Австрии, мы останавливаться не будем.

* * *

Четвертый международный заем, проведенный через Лигу Наций, был предоставлен вольному городу Данцигу.

История его несложна. Еще в 1921 г. верховный комиссар Лиги Наций (напоминаем, что Данциг отдан под опеку Лиги) обратил внимание на его тяжелое экономическое положение. После ряда обследований и докладов финансовый комитет Лиги занялся рассмотрением плана финансовой стабилизации Данцига, представленного его муниципалитетом. В основе этого плана лежало предоставление Вольному городу международного займа. В данном случае это не представляло никаких трудностей, так как и до этого времени Данциг фактически находился в финансовой зависимости от стран, руководивших Лигой и санкционировавших от ее имени заключение того или иного займа. В марте 1925 г. такой заем в размере 1 600 000 ф. ст. был предоставлен и под руководством международного комитета в течение полутора лет была достигнута стабилизация финансового положения города.

* * *

Пятый по счету заем Лиги Наций был предоставлен Эстонии. В сентябре 1924 г. эстонское правительство обратилось в Лигу Наций с просьбой прислать авторитетную комиссию для обследования ее экономического и финансового положения и для консультации по некоторым практическим проблемам из этой области. В начале следующего года финансовый комитет заслушал доклад посланной им комиссии и вынес несколько резолюций о желательности некоторых реформ в финансовой системе Эстонии, как-то — изменения статута Эстонского банка создания ипотечного института и пр.

Тем временем политическая обстановка в Эстонии заметно обострилась, произошло памятное рабочее восстание и расправа с ним — и международный капитал спешит вмешаться более активно в дело финансового укрепления Эстонии, этой «передовой наблюдательной вышки европейской цивилизации на востоке», по словам председателя комиссии, обследовавшей Эстонию, Янсена.

И действительно, на 43-й сессии совета Лиги Наций, 10 декабря 1926 г., по докладу финансового комитета было принято решение об оказании Эстонии помощи в виде международного займа в 1 350 тыс. ф. ст. В тот же день Эстония подписала протокол, устанавливающий условия и порядок использования этого займа. В основном эти условия сводились к назначению суррогата верховного комиссара — так называемого фидуциарного комиссара и «советника» при Эстонском национальном банке. Правительству Эстонии было кроме того «рекомендовано» провести финансовую реформу, издавая в этих целях законы о реорганизации эмиссионного банка, о передаче этому банку уже выпущенных билетов государственного казначейства, о монополии на дальнейшие эмиссии и наконец о денежном обращении. Из общей суммы займа 1 млн. ф. ст. был внесен в названный банк уже в декабре 1927 г., и стабилизация эстонской валюты была формально проведена с 1 января 1928 г.

На следующей своей сессии, в марте этого года, Совет Лиги снова «поздравил себя» с очередным успехом в деле развития системы международных займов «под эгидой Лиги Наций».

Расширяя диапазон деятельности в этой области, Лига осуществила и два комбинированных займа — по оказанию помощи греческим и болгарским беженцам и параллельно для стабилизации финансового положения Болгарии и Греции.

Возникновение этого вопроса относится к тому периоду, когда при поражении греческой армии в Анатолии, в 1922 г., греческое население прибрежных районов Малой Азии эвакуировалось вместе с войсками в Грецию, и отсталая, разоренная войной страна с населением, едва достигшим 5 000 000, очутилась перед трудной задачей первой помощи и дальнейшего устройства 1 400 000 эмигрантов из Турции. Греческое правительство не было в состоянии даже прокормить эту массу людей, среди которых свирепствовали голод и повальные болезни. В феврале 1923 г. оно обращается к Совету Лиги Наций с просьбой «о моральной и технической поддержке» и о займе в 10 млн. ф. ст.

По рассмотрении этого вопроса Лига Наций назначила прежде всего верховного комиссара по делам беженцев — д-ра Ф. Нансена — и создала особое «Автономное бюро по устройству греческих беженцев», находившееся в ведении ее финансового комитета. На это бюро и была возложена задача оказания помощи беженцам и устройства их жизни на новых местах. В декабре 1924 г. был выпущен международный заем. Подписка на него была произведена следующим образом:

Лондон	7.500 тыс. ф. ст.
Нью-Йорк	2.300 „ „ „
Афины	2.500 „ „ „

Однако в отличие от обычных способов размещения международных займов, подписка на греческий заем была произведена на основах краткосрочной эмиссии «в силу недостаточной политической стабилизации страны», как отмечалось в резолюции Совета Лиги. Дело было решено таким образом, что Английский банк, в котором была депонирована сумма, полученная от реализации займа, выдавал автономной организации авансы, которые передавались ею греческим властям, действовавшим в свою очередь под контролем комиссара Лиги. Авансы эти вскоре же были почти исчерпаны и пошли на следующие цели:

Устройство сельскохозяйственных колоний	7.911.023 ф. ст.
Поселение в городах	1.051.174 „ „
Расходы по администрации	113.658 „ „

Заем дал возможность так или иначе устроить 170 тыс. семейств, т. е. больше половины всех беженцев. Но это вопроса не разрешало. С другой стороны, в самой Греции, отпустившей, как мы видели, также немалые средства на это дело, произошло значительное обострение перманентной для этой страны финансовой депрессии. Весь успех проделанной работы этим естественно ставился под вопросом, и финансовые группировки, стоявшие за спиной Лиги Наций, опасаясь за судьбу своих инвестиций, решили тогда расширить плацдарм своей «благотворительности» до размеров обычной финансовой интервенции. Лиге Наций было снова поручено разработать по установившемуся уже шаблону программу этой интервенции, осуществив ее опять-таки под видом международного займа для «оздоровления греческих финансов».

В сентябре 1927 г. греческое правительство подписало соответственный протокол и на происходившем в то время VIII собрании Лиги Наций были утверждены условия предоставления ему второго займа — в 9 млн. ф. ст. Из этой суммы 3 млн. ф. ст. предназначались на завершение устройства беженцев, 3 млн. на ликвидацию бюджетного дефицита прежних лет и 3 млн. на стабилизацию драхмы.

Заем гарантировался всеми поступлениями в греческую казну, в том числе и от табачной монополии, которые были поставлены под контроль международной финансовой комиссии (учрежденной еще до войны для контроля над погашением международных займов, предоставленных Греции в конце прошлого столетия). Амортизация займа намечена в 30-летний срок.

Как обычно, финансовые реформы были продиктованы греческому правительству и проведены через парламент в порядке исключительных законов. Дело финансовой стабилизации страны было и здесь фактически из'ято из рук правительства и передано исполнительному органу международных кредиторов. Было сделано только одно послабление: поскольку Греция во время войны выступала на стороне союзников, она была избавлена от назначения верховного комиссара; функции его впрочем с успехом выполняла упомянутая международная комиссия, так что фактический режим мало в чем отличался от условий санирования Австрии и Венгрии.

Приблизительно таким же путем была проделана и другая операция с комбинированным займом в Болгарии.

Как и Греция, эта страна очутилась перед необходимостью устройства и размещения 200 000 болгар, вынужденных покинуть свое местожительство в силу преследований, которым они подверглись со стороны румын, сербов и греков на территориях, отошедших от Болгарии по договору в Нейи. Но Болгария была побежденной страной и на помощь ей решили притти только тогда, когда увидели, что она стоит перед экономическим крахом. «Улучшение» политических условий в стране (фашистский переворот) и урегулирование вопроса об уплате болгарской доли репараций создали обстановку, благоприятную для финансовой интервенции; соответственное обращение болгарского правительства в Совет Лиги было рассмотрено и Болгарии р а з р е ш и л и приступить к переговорам с банковскими кругами о предоставлении ей займа. После того, как Английский банк дал согласие на заем в 400 тыс. ф. ст., в Женеве был разработан план использования этого займа и определены гарантии, которые должно было дать болгарское правительство. По подписанному 8 сентября 1926 г. протоколу в Софии учреждалась должность верховного комиссара Лиги Наций, руководящего всей работой по размещению беженцев и контролирующего исполнение соответствующих распоряжений правительственными властями. Кредиты Английского банка поступали в распоряжение комиссара, который передавал их властям по утверждаемым им сметам. Доходы правительства от некоторых монополий и от железных дорог ставились в порядке гарантий под контроль комиссара.

Первым же актом со стороны этого комиссара явился отказ в утверждении составленной болгарами программы расселения беженцев. Сметы были сильно урезаны, а беженцев было запрещено размещать ближе, чем в 50 километрах от границ с Румынией и Югославией.

9 июня 1928 г. Совет снова разрешил Болгарии произвести заем. В декабре того же года реализуется новая эмиссия болгарского займа на сумму в 2 873 091 ф. ст., из которых было размещено в Лондоне 1 750 тыс. ф. ст. и в Нью-Йорке 4 500 тыс. долларов. Остальное было покрыто в Голландии, Швейцарии и Италии. Заем естественно находился в распоряжении верховного комиссара и был обеспечен дополнительными гарантиями — спичечной монополией и акцизами на соль и на сахар.

Аппетит, как известно, приходит во время еды. Вскоре же международный капитал, проникший в страну под видом «гуманитарной помощи», закрепил свои позиции и стал диктовать, как и в Греции, расширение сферы «содействия» Лиги Наций: Болгарии было «рекомендовано» произвести реорганизацию ее финансовой системы, так как «при отсутствии стабильности в финансовом положении Болгарии международная помощь, ей оказанная, была бы скомпрометирована». Дальше все идет, как по маслу. Болгарское правительство обращается в Совет Лиги с ходатайством о займе для оздоровления финансов страны; Лига направляет в Болгарию комиссию для всестороннего обследования ее экономического и финансового положения, составляется новый протокол, Болгария дает в нем ряд новых гарантий и в конце года ей предоставляется «заем реконструкции» в 4½ млн. ф. ст. В отношении администрирования этим новым займом устанавливается система, аналогичная существовавшей в Греции, с той только разницей, что к числу контролирующих органов прибавлена репарационная комиссия, а общие условия использования кредита в связи с тем, что Болгария — побежденная страна, несколько отягчены.

* * *

Для полноты картины мы упомянем еще о двух неудавшихся попытках проведения под «эгидой» Лиги Наций финансовой интервенции «великих» держав.

Первая из них — достаточно скандальная история с неудачным навязыванием Португалии санирования ее финансов. Началась она внешне вполне прилично. Осенью 1927 г. Португалия, обремененная огромной задолженностью по прежним займам (до 10 млн. эскуадо) и задыхавшаяся в тисках финансового кризиса, пыталась получить у своих кредиторов, в первую очередь у Англии, мораториум. Не добившись в этом направлении благоприятных результатов, Португалия решила попытать счастья в Лиге Наций, рассчитывая при этом, что в качестве «страны победительницы» она сможет получить заем на условиях, не являющихся унизительными для независимой страны. После соответственного обращения в Совет Лиги в Португалию была направлена комиссия для обследования дел на месте. Совету был представлен доклад. Но дальнейшая история теряется в архивах Лиги Наций. Известно только, что, ознакомившись с выработанной Лигой программой санирования финансов, португальское правительство самым решительным образом отклонило ее, поскольку формы контроля, предложенные Лигой, даже в ослабленном виде были трудно совместимы с понятием о государственном суверенитете. «Форма контроля, — говорится в официальном коммюнике по этому поводу, — намеченные Лигой Наций, не могут быть рекомендованы парламенту ни одним португальским правительством». Подробности переговоров по этому поводу, вероятно достаточно красочные, остаются к сожалению неизвестными.

Точно такое же фиаско потерпело и намерение «дать» через Лигу Наций заем Саарской области. Политические пружины этого дела впрочем были настолько ясны, что Германии удалось без особого труда похоронить это выступление женевской организации, прикрывавшей попытку Франции укрепить свои экономические позиции в этом важном для нее угольном бассейне посредством «международного» займа.

* * *

Такова в самых общих чертах практика «займов Лиги Наций». За последние годы, как мы видели, она получила довольно большое применение — общая сумма таких займов достигает круглой цифры в 82 млн. ф. ст. Одно это делает небезынтересным анализ того, чем же в сущности являются эти «займы», каковы истинные цели, преследуемые ими, и каковы экономические и политические последствия их.

Нет необходимости разумеется говорить о том, что Лига Наций считает эти займы одним из наиболее «показательных» своих успехов на поприще пресловутой «организации» экономического мира, являющегося, как упоминалось в начале этой статьи, одним из ее официальных лозунгов. В ряде резолюций ассамблеи Лиги Наций неизменно «поздравляли себя» с успешным преодолением финансово-экономического хаоса и с возвратом стран, бывших об'ектом санирования, к «нормальным» условиям, к «установлению экономического и социального порядка внутри страны и к консолидации и улучшению политических отношений с другими государствами». Вместе с тем разумеется во всех печатных и устных упражнениях пацифистов всех стран эти «достижения» превозносятся до небес и выставляются как новая форма международного экономического «сотрудничества», как новый этап к экономическому «разоружению» народов.

Посмотрим же однако, отбросив в сторону всю эту пацифистскую болтологию, только затемняющую дело (что впрочем и является ее назначением), что представляют собою все эти «займы Лиги Наций». Для этого нам надо сперва сделать несколько весьма существенных уточнений.

Прежде всего следует выяснить, правильно ли дано определение описанной выше формы международного финансирования как займов. И второе — какова в этом деле роль Лиги Наций?

Известно, что международный заем, как и всякий вообще заем, предполагает наличие того, что на юридическом языке носит название свободного соглашения. Между тем мы видели, что ни в одном из приведенных нами случаев международного финансирования ничего подобного не было. Если финансовая реконструкция Австрии и началась с формальной просьбы последней о помощи, то формы и методы этой помощи, в частности условия и размер займа, были установлены не путем добровольного и обоюдного соглашения между нею и ее кредиторами. Достаточно напомнить, что принятие условий такого рода «займа» потребовало приостановления действия австрийской конституции и проведения соответственных постановлений через парламент в порядке исключительных законов; самое главное — Австрии пришлось поступиться основными элементами государственного суверенитета, подчинив ряд важнейших функций правительства иностранному контролю и даже управлению. Очевидно, что с займами, как таковыми, австрийский «заем» ничего общего не имеет.

Еще более показательными являются эстонский и данцигский «займы». Ведь и Эстония и Данциг просили Лигу Наций только о посылке комиссий для обследования их финансового положения и для последующей консультации. Вопрос же о займе был поставлен самой Лигой. Равным образом и в Болгарии и в Греции речь шла сперва только о помощи беженцам. И только тогда, когда этим странам были открыты кредиты и при помощи контроля со стороны органов Лиги Наций были достаточно закреплены позиции инвестированного иностранного капитала, перед ними был поставлен вопрос о займе, на этот раз уже для санирования их финансового положения. Ни Болгария, ни

Греция вопроса о необходимости такого санирования не ставили. Под видом займа мы здесь имеем дело с явлением совершенно другого порядка.

Но пожалуй самый колоритный случай — это с Венгрией. Здесь не было ни формальной просьбы самой Венгрии, ни «инициативы» со стороны Лиги Наций, а заем был навязан этой стране по требованию соседних с ней государств; это было прямое вмешательство в ее внутренние дела с ультимативным предписанием подчиниться международной финансовой интервенции, которая только впоследствии приличия ради была завуалирована «авторитетом» Лиги Наций!

При всей осторожности и продуманности языка официальных документов Лиги Наций в них иногда проскальзывает истина. Примером может служить, скажем, упоминаемое во всех документах этого рода выражение, что «Совет Лиги Наций разрешил болгарскому правительству приступить к переговорам о предоставлении ему займа»[1]. Это «разрешил» — чрезвычайно характерно, ибо оно, как мы видели, отражает то, что имеет место на самом деле. Если же посмотреть, как в официозных изданиях той же Лиги это расшифровывается, мы получим как раз то, что нами было установлено с самого начала. Так, в отчете о работе экономической и финансовой секции секретариата Лиги говорится без обиняков: «В течение ряда лет Болгарии не было рекомендовано обращаться с просьбой (о займе), поскольку внутреннее положение ее и известное количество факторов внешнего порядка не могли еще способствовать созданию элементов, благоприятствующих успеху предприятия такого рода. Весною 1926 г. обстоятельства были признаны благоприятными и болгарское правительство выступило с просьбой о займе»[2]. То же самое говорится и в отношении Эстонии: «когда два года спустя, в 1926 г., эстонское правительство снова обратилось к финансовому комитету (за консультацией), то директива совета, данная в 1924 г., была расширена и комитет занялся вопросом о банковской и денежной реформе в Эстонии, включая вопрос о займе»[3].

Шила в мешке, как говорится, не утаишь, и то, что громко именуется «займом Лиги Наций», на самом деле является обычной в условиях капитализма финансовой интервенцией, наступлением крупных капиталистических концернов на экономическую независимость малых стран. Не заем для оздоровления и стабилизации финансов той или иной страны, а средство для последующего проникновения в эту страну крупного капитала, средство для последующего ее закабаления, превращения в колонию или полуколонию — вот что представляет собою «заем Лиги Наций».

Второе, что требует такого же «уточнения», это вопрос — при чем здесь Лига Наций? Какую роль играет она в этих займах-интервенциях?

Очевидно, что деятельность Лиги Наций в области международного финансирования является лишь одним из моментов «деятельности» ее по установлению «экономического мира». Программа же экономического пацифизма, лежащая в основе этой деятельности, преследует, как известно, две основных задачи. Первая из них состоит в максимальном завуалировании при помощи пацифистской шумихи экономической экспансии империалистических государств. В этой части экономический пацифизм играет роль ширмы, прикрывающей наступление

[1] См. напр. „Annuaire de la S. de N." за 1920—1927 г., стр. 479.
[2] „Organisation economique et financière de la S. de N." Женева, 1928 г., стр. 38.
[3] Там же, стр. 12.

крупного капитала и подготовку экономических войн против экономически слабых и отсталых стран. Вторая задача заключается в поддержании иллюзий об экономической свободе и равенстве всех стран — для создания условий, благоприятствующих свободному проникновению крупного капитала в независимые и полунезависимые государства, экономически еще им не освоенные. Экономический пацифизм является здесь орудием «экономического разоружения» таких государств и ведет борьбу с таможенными барьерами и прочими средствами самозащиты против экспансии «великих» держав, к которым вынуждены прибегать малые страны. Очевидно и в данном случае мы имеем дело с выполнением Лигой Наций ее обычных функций. «Займы», связанные с ее именем, являются, как мы сказали, обычной формой финансовой интервенции, и роль Лиги в этих интервенциях сводится к прикрытию их «авторитетом» международной пацифистской организации, лозунгом которой является «сохранение всеобщего мира». Как и всегда, Лига не больше, чем ширма, прикрывающая ожесточенную империалистическую конкуренцию, борьбу за новые рынки, экспансию «великих» держав и руководящих ими крупных банковских группировок.

Сама Лига вынуждена косвенно это признать. В недавно вышедшем официозном издании, посвященном методологии и принципам финансовой реставрации, предпринимаемой Лигой Наций, мы читаем: «Официальному обращению к Совету (с просьбой о займе) обычно предшествует серия частных переговоров. Опубликованных протоколов официальных переговоров нет, но таковые имеют тем не менее место каждый раз. Заметим здесь же в скобках, что, в отличие от формальной публичности работ Лиги в других областях, все, что касается данной области, строго засекречено и, как отмечает не без гордости то же издание, «секретность обсуждения всегда хорошо оберегалась». Штрих, лишний раз характеризующий сущность «благотворительности» Лиги Наций [1]. Впрочем можно вполне согласиться, что такая предосторожность в делах, касающихся методологии и принципов финансовой интервенции, далеко не лишняя.

Но и после этих «частных переговоров», обычно ведущихся помимо Лиги, ее роль достаточно убога и достаточно специфична. Так, по свидетельству уже цитированного нами издания «две первые миссии (санирование Австрии и Венгрии) были получены Советом Лиги в рамках заранее составленного и утвержденного плана» [2]. Оставалось следовательно лишь привесить этикетку «made in Geneva» и «высокое» призвание Лиги этим исчерпывалось.

* * *

Итак мы имеем дело не с займами, а с завуалированной формой финансовой интервенции, и не с Лигой Наций, а с международными банками, не с экономическим миром, а с экономической войной, войной крупных капиталистических стран против малых и отсталых государств.

Интереснее всего отметить, что при всем этом Лиге Наций приходится играть здесь роль, ей вовсе не свойственную. Ей приходится выступать в качестве кредитора разоренных и слабых стран для восстановления их экономической стабилизации, т. е. предназначать хотя

[1] „Principes et méthodes de l'oeuvre de reconstruction financière entreprise sous les auspices de la S. de N." Genève, 1930, стр. 19.

[2] Там же, стр. 16.

бы на словах свои займы для целей мира. Между тем у Лиги Наций имеются свои определенные принципы в той же области международного финансирования, направленные к прямо противоположным целям — не для организации мира, а для организации войны. Мы имеем в виду систему займов для оказания поддержки той стране, являющейся членом Лиги Наций, которая подвергнется нападению со стороны другого государства, систему, известную под названием финского плана финансовой помощи. План этот, предложенный финским правительством, предусматривает поддержку со стороны всех членов женевской организации тех «малых стран» (Финляндия имела в виду прежде всего самое себя), которые «подвергнутся» агрессии со стороны их соседей (читай СССР); эта поддержка должна была бы выразиться в финансировании ведения войны против этих «соседей» — не членов Лиги всеми остальными участниками ее. Лигой Наций была выработана сложная система такого финансирования, нашедшая свое выражение в конечном итоге в подписанной рядом стран на последней XI ассамблее Лиги «конвенции о финансовой помощи». Мы не будем здесь останавливаться на деталях этой конвенции — данная тема настолько важна и поучительна, что требует специальной трактовки; отметим лишь — эта финансовая помощь означает, что при вооруженном столкновении с каким-либо из членов Лиги противной стороне придется считаться с фактом ведения против нее войны всеми 56 государствами, являющимися членами этой «миролюбивой» организации.

Не создание нормальных экономических взаимоотношений между странами на началах полного равенства и независимости, но экономическая война крупных и сильных против малых и слабых — вот что является основной задачей Лиги Наций, осуществляющей ее под маской экономического пацифизма. Все работы Лиги проникнуты этой целью и недаром именно в Женеве был впервые поднят вопрос о пресловутом «советском дэмпинге», что дало сигнал к общей атаке на советский экспорт.

Неудивительно, что проникнутая такими идеалами и преследующая такие цели Лига Наций не могла изменить себе в рассмотренной нами области санирования Австрии, Венгрии, Болгарии и др. стран. Неудивительно, что ее «помощь» вылилась в содействие закреплению позиций международного капитала в этих странах, что оно способствовало закабалению их экономики и финансов. На ряду с боязнью революций, грозивших этим странам в период господствовавшего в них хозяйственного хаоса, что всегда учитывалось при предоставлении «займов Лиги Наций», «великие» державы, победившие в мировой войне, воспользовались экономическим ослаблением этих государств для проникновения в них и вовлечения их в орбиту своего господства. Займы открыли дорогу крупному капиталу и вот результат: английский банковский капитал держит в руках командные высоты в Австрии, Венгрии, Греции, Эстонии через посредство Barclay's Banc и London Joint Citys Midland Banc, контролирующих Афинский банк, American British Corp, контролирующего Boden-kredit Anstalt в Вене и Pester Commerzial Banc и т. д. Французский Banque de Paris et des Pays-Bas контролирует Национальный банк в Софии и ряд кредитных учреждений в Венгрии и Австрии. Итальянский капитал закрепился в тех же странах через посредство Banca Commerciale и Credito Italiono, контролирующих Banca Ungaro-Italiano и Banca di Credito Italo-Vievuese и т. д.

Между всеми этими группировками идет конечно ожесточенная борьба за преобладание на том или ином рынке, но в совокупности они создают такую стальную, неразрывную паутину, опутывающую

страны Балканского полуострова и средней Европы, от которой им в условиях капитализма уже не избавиться. «Займы» Лиги Наций принесли с собою конец их экономической, а вместе с тем и политической самостоятельности.

Вряд ли нужно указывать, что санирование этих стран, приведшее к временной и непрочной стабилизации их экономического положения, было целиком и полностью проведено за счет трудящихся классов. Приведенные таблицы внешней задолженности и стоимости жизни наглядно говорят об этом.

Внешняя задолженность

	1922/23 г.	1926 г.	1928/29 г.
Австрия, в млн. шилл.	96,0	1.992,6	2.209,0
Болгария, в млн. лев.	19,8	35,1	35,8
Венгрия, в млн. пенго	4,4	14,8	—
Греция, в млн. драхм	11,1	28,7	29,8

Стоимость жизни
(в процентах)

Страны	1914 г.	1923 г.	1926 г.	1929 г.
Австрия	100	76	103	112
Венгрия	100	116	103	119
Болгария	100	—	104	112,1
Греция	100	109	126,4	129,3
Эстония	100	94	107	121

Как говорится, комментарии излишни. Что «займы Лиги Наций» имели своим последствием ухудшение экономического положения санированных стран и условий жизни трудящихся классов — это лишний раз подтверждает наш вывод о том, что мы здесь имеем дело с наиболее опасной формой империалистической экспансии нашего времени — экспансии, прикрываемой дымовой завесой пацифизма.

В. Штейн

Иностранные капиталы в Азии [1]

Несмотря на то, что Азия, в сущности говоря, представляет собой лишь географическое название, об'единяя на своей колоссальной территории с миллиардным населением такие колониальные и полуколониальные страны, стоящие на пороге капиталистического развития, как Китай или Индия, такую ярко выраженную империалистическую державу, ведущую агрессивную захватническую политику, как Япония, и такое сравнительно отсталое полукочевое государство, идущее по пути некапиталистического развития, как Монголия и пр. (в Азии находятся и громадные пространства нашего Союза), — острая потребность в капиталах, которые помогли бы оплодотворить использованные пока в ничтожной доле естественные богатства, является общей чертой едва ли не для всех перечисленных политических единиц. Особенно велика нужда в средствах для финансирования народного хозяйства в Индии и Китае. В отношении последних стран имеются попытки набросать общие линии экономического развития их, принадлежащие перу различных авторов и являющиеся своего рода «генеральными планами» народного хозяйства указанных государств. Размах этих проектов свидетельствует о том, какие громадные суммы могли бы быть ими поглощены. Напомним хотя бы о прожектерских увлечениях Сун-Ят-Сена, зафиксированных в его книге «Капиталистическое развитие Китая». Ему представлялось, что весь Китай покрывается грандиозной железнодорожной сетью в 100 000 миль, причем большой северный порт, недалеко от современного Тяньцзина, соединяется сплошной рельсовой линией с Капштадтом в Южной Африке, что на берегу океана вырастают грандиозные новые торговые центры масштаба Филадельфии и Нью-Йорка, что ежегодная продукция морских судов доходит до 2 млн. тонн и т. д. Так как свою ж.-д. программу Сун-Ят-Сен собирался осуществить в 10 лет, то он полагал, что «спрос на паровозы и вагоны будет невероятный» и что «все заводы мира не будут в состоянии удовлетворить его» [2]. Гораздо скромнее план необходимых инвестиций в народное хозяйство Индии, составленный проф. Шахом, однако и он считает необходимым вложить 4 млрд. рупий в сельское хозяйство и 6 млрд. рупий в промышленность страны [3]. Конечно подсчеты Шаха далеко не исчерпывают всех потребностей. В частности он игнорирует нужды ж.-д. транспорта, которые Сун-Ят-Сеном были положены во главу угла его плана капиталистического развития Китая. Между тем еще в 1880 г., когда Индия имела всего 9 000 миль рельсовых путей, работавшая в то время комиссия по борьбе с голодом настаивала на том, что предупреждение гибельных последствий недорода

[1] От редакции. В виду интереса, который представляет для советского читателя освещение взаимоотношений империалистических стран и пробуждающейся Азии, редакция помещает статью В. Штейна, содержащую большой фактический материал по вопросу об экспорте капитала в колониальные и полуколониальные страны азиатского континента.

[2] Сун-Ят-Сен. „Капиталистическое развитие Китая", стр. 71-72, 82, 198.

[3] K. T. Shaha. „Trade Tariffs and Transport in India", 1923, стр. 189.

в будущем возможно лишь в том случае, если Индия будет иметь 20 000 миль железных дорог. В 1908 г. Индия имела уже 30 000 миль ж.-д. сети, а специальный комитет, изучавший вопросы ж.-д. транспорта, пришел к выводу, что называвшаяся некоторыми экспертами цифра в 100 000 миль недостаточна для полного удовлетворения потребности Индии в рельсовых путях [1]. Сейчас в Индии уже 40 000 миль ж.-д. путей, и ей необходимо затратить не меньше 10 млрд. рупий, чтобы увеличить сеть до 100 000 миль.

Что же перед нами — утопические наброски неисправимых националистов-мечтателей или реальное предвосхищение близкого будущего? Мы не беремся здесь решать проблему во всем ее об'еме, мы попробуем лишь подсчитать, как велики средства, которые до сих пор инвестированы в народное хозяйство главнейших азиатских стран (азиатскую часть СССР мы оставляем в стороне), и на что они могут рассчитывать в ближайшее время.

Послевоенные годы являются в этом смысле весьма важным рубежом в истории империалистических инвестиций в Азии. В международных миграциях капиталов в этот период вообще назревают значительные перемены. Главнейшие страны экспорта капиталов довоенного периода во главе с Англией и Францией сильно обеднели, и процесс накопления протекает в них гораздо более медленными темпами, так что для заграничных помещений капитала они могут уделить лишь очень немного. По данным Конрада Цвайга Англия инвестировала за границей до войны 81% всех своих эмиссий, тогда как теперь соответствующая цифра составляет всего 33%. Если выразить современный вывоз капитала из Англии в покупательной силе довоенных фунтов стерлингов, то он лишь несколько превысит четверть прежнего экспорта капиталов [2]. А между тем именно Англия имела существенные империалистические интересы в Азии. Французские инвестиции до войны выражались цифрой в 45 млрд. фр. В настоящее же время Франция имеет по балансу капиталов и большой актив и большой пассив, в результате чего получается почти что нейтральное сальдо. Лишь в самые последние годы Франция возобновила экспорт капитала в неожиданно больших количествах, но он главной своей струей направляется не в Азию.

Погоду в современных международных миграциях капитала делают САСШ. По недавнему подсчету одного автора, если сложить заграничные инвестиции за пятилетие 1924—1928 гг. САСШ, Англии, Голландии, Швеции и Швейцарии, то на долю Соед. Штатов придется 61,2%, тогда как Англия сохраняет за собой лишь 29,6%. Но финансовый капитализм Заатлантической республики отличается некоторыми своеобразными чертами. Соед. Штаты интересуются преимущественно спекулятивной выгодой в торговле фондами. Они имеют колоссальный ежегодный оборот по ввозу и вывозу ценных бумаг, причем внимание их концентрируется на ходких фондах. Азиатские же биржевые ценности мало подходят для указанной цели. Основной поток экспорта из Соед. Штатов направляется поэтому в Латинскую Америку и в Европу. Кроме того экспорт капиталов из Соед. Штатов отличается крайней неустойчивостью. В 1926—1928 гг. они ежегодно инвестировали за границей около 1 400—1 600 млн. долл., 1929 же год дал

[1] K. V. Iyer „Indian Railways", 1925, стр. 28.
[2] K. Zweig. Die internationalen Kapitalwanderungen vor und nach dem Kriege „Weltwirtsch. Archiv", April, 1928, стр. 249, 253.

снижение этой цифры до каких-нибудь 450 млн. [1]. За первые 9 месяцев 1930 г. Соед. Штатам удалось до некоторой степени восстановить прежние масштабы: заграничные инвестирования опять достигли 950 млн. против 275 млн. в 1929 г. и 1 300 млн. в 1928 г. (за 9 месяцев). Однако — повторяем — этот золотой дождь проливается не в Азии.

В связи с таким положением вещей недавно была даже выдвинута пресловутая «теория деколонизации», одним из основных положений которой является утверждение, будто англичане предполагают финансировать рост индийской промышленности за счет туземных капиталов, лишь до известной степени восполняя их собственными инвестированиями и сохраняя за собой общую гегемонию в управлении промышленностью. Один из наиболее горячих сторонников этой точки зрения Г. Ретбоун приписывает англичанам стремление произвести «мобилизацию средств страны для использования их в качестве источника финансирования индустриализации», с каковой целью потребуется «создание широкой и разветвленной сети кредитных учреждений» в Индии. Ретбоун ожидает, что Англия будет извлекать из Индии помещенный там ссудный капитал, отдавая частично для новых инвестиций чисто промышленный капитал [2]. Таким образом теория деколонизации предполагает, что капитализм может развиваться в Индии, несмотря на прекращение английского финансирования, и что внутренний денежный рынок самой Индии может заменить в этом отношении Англию. Что касается иссякания английских инвестиций, текущих в Индию, то в подтверждение этого Ретбоун приводил весьма убедительные на первый взгляд сведения, характеризующие динамику эмиссий индийских бумаг на английском денежном рынке за последние годы. В среднем до войны Великобритания обычно отдавала Индии 10% всего экспортируемого ею капитала, а в послевоенный период ее инвестиции в Индии возросли до 25,6% в 1921 г. и 26,9% в 1922 г. В последующие же годы происходит положительно катастрофическое снижение процентной доли английских вложений в Индии. В 1923 г. они еще составляли 17,9%, а в 1924 г. спустились до 3,9%, затем, падая еще ниже, дошли до 0,9% в 1927 г. [3]. На этом оборвались статистические выкладки Ретбоуна. Но отметим сразу, что последние два года разрушают тонкую паутину построений Ретбоуна и свидетельствуют п р о т и в теории деколонизации: по данным «Стэйтист'а» в 1928 г. Индия получила 10,2% всех иностранных инвестирований Англии, а в 1929 г. — 16,1% [4]. Таким образом Индия не только вернула свой прежний удельный вес в английском экспорте капиталов, но даже превысила его.

Укажем еще на цифры азиатских инвестиций Голландии, которые как будто подтверждают изложенную гипотезу теории деколонизации. Из иностранных инвестиций Голландии, которая в настоящее время является относительно крупной страной экспорта капиталов, в 1924 г. на Азию приходилось около 172 млн. гульденов; в 1927 же году доля Азии снижается до 30 млн., а в 1928 г. — до 37 млн. [5]. Между тем в эти годы общая цифра иностранных эмиссий Голландии обнаруживает несомненно тенденцию к возрастанию, причем особенно бурно повы-

[1] В. Штейн. Новейшая эволюция финансового капитализма в Соед. Штатах, „Финансовые проблемы планового хозяйства" № 3 за 1930 г., стр. 68-69, 81 и др.
[2] Ретбоун. „Индия", стр. 46, 48.
[3] Ретбоун, назв. соч., стр. 120.
[4] „Statist" от 4/I 1930 г.
[5] В. Шпринк. Экспорт капиталов из Голландии, Швейцарии и Швеции, „Вестн. финансов" № 11-12 за 1929 г., стр. 30.

шаются голландские инвестирования в Европе, преимущественно в Германии. В дальнейшем изложении мы будем иметь случай вернуться к статистическим данным этого рода, и тогда обнаружится, как мало они показательны.

Второе утверждение теории деколонизации — что внутренний денежный рынок таких стран, как Индия и Китай, растет. Большой шум за последние годы наделал начавшийся из Индии экспорт капитала, по преимуществу в Южную Америку, достигающий в отдельные годы таких размеров, что он покрывает прилив капиталов из других стран. Для Индии экспорт капиталов представляет собой своего рода новинку — отсюда и шум. Китайские же инвестирования в Индонезии, Индокитае, Сиаме и пр. давно привлекли внимание к себе и в настоящее время выражаются сравнительно весьма импозантными суммами. Но экспорт капиталов из Китая и Индии свидетельствует не о силе, а о слабости внутренней валютно-кредитной организации этих стран. Капитал бежит отсюда потому, что он не находит себе прибыльного и безопасного приложения. Отсутствие достаточной таможенной охраны промышленности, валютные колебания, милитаристические экспроприации капиталов, грозный призрак социальной революции — таковы отдельные факторы, заставляющие китайские и индийские капиталы расставаться с родиной. Банковские депозиты и эмиссии ценных бумаг в Индии и в Китае до сих пор представляют собой поистине жалкую величину по сравнению с соответствующими цифрами других стран. Сарториус давно уже указал на разницу в масштабах накопления в индустриальных странах, с одной стороны, и в отсталых государствах аграрного типа, с другой. Ежегодные инвестиции в Соед. Штатах колеблются за последние годы в пределах 15 — 19 млрд. руб., тогда как вся сумма капиталов туземных акционерных компаний Индии не превышает 3 млрд. рупий, т. е. двух с небольшим миллиардов рублей. Цифра вкладов на душу населения по данным индийских авторов Вадиа и Джоши составляла в Британской Индии в 1923 г. 6 рупий и 3 анны, в Англии же соответствующий показатель был равен 58 ф. ст. и 6 шилл. [1]. Другими словами, сумма вкладов в Индии не достигла и сотой доли депозитов, приходящихся на каждого англичанина. Прогресс в этой области за последние годы является настолько медленным, что ожидать разрешения стоящих перед колониальными странами Азии народнохозяйственных задач за счет внутреннего накопления никоим образом не приходится.

После сделанных нами общих замечаний мы можем перейти к непосредственной характеристике положения по отдельным странам.

* * *

Начнем с Индии. Для определения размера инвестиций в этой стране используются два метода, дающие резко различающиеся результаты. В одном случае исходят из выпуска ценных бумаг на лондонской бирже, предназначенных специально для Индии, и размеры инвестирования определяют по сумме эмиссии. Доля «прочих» инвестирований определяется грубой прикидкой. Этот метод отлично улавливает государственные займы как общего характера, так и имеющие специальное целевое назначение — для ж.-д. строительства. Если же речь идет об организации торговых, банковских или страховых компаний, то район их будущей деятельности обычно заранее сколько-нибудь точно не очерчивается, почему они и не попадают в иностранные инвестирования. Кроме того выпуск на биржу ценных бумаг, овеществляющих экспорт капитала, регистрируется по номинальной цене выпуска, так что последующее наращение капитала совершенно игнорируется. Это особенно важно в том случае, когда вложения в иностранное хозяйство достигли уже значительных масштабов. В этом случае новые эмиссии для инвестирования в данной стране могут и не производиться, между тем вложенные капиталы будут быстро увеличиваться за счет капитализации прибылей. Поскольку официальные английские подсчеты иностранных эмиссий, публикуемые в журналах «Экономист» и «Стэйтист», опираются на указанный метод, они явно преувеличивают удельный вес правительственных и железнодорожных займов и кроме того имеют общую тенденцию преуменьшать размеры инвестирования. Так, для довоенной Индии существуют известные подсчеты Пейша, относящиеся к 1909—1910 гг., и Гоуарда за 1911 г. По данным Пейша на долю Индии приходилось около 365 млн. ф. ст. из всей суммы инвестирований Великобритании в 3 500 млн. ф. (эти данные включают на ряду с Британской Индией и Цейлон). Правительственные займы составляют по этой сводке 179 млн., железнодорожные—137 млн. ф. ст. Эти две категории поглощают таким образом 80% всех инвестирований. Все другие статьи, как-то: железо, уголь и сталь, чай и кофе, каучук выражаются ничтожными величинами. Гоуард определил английские вложения в Индии в сумме 450 млн. ф. ст. (без Цейлона). Из них на правительственные займы приходится около 210 млн., на разного рода ж.-д. бумаги — около 150 млн. Промышленность в сводке Гоуарда почти отсутствует, имеются лишь чайные компании — 13½ млн., прочие компании — 20½ млн. и сборная группа — банки, займы, страхования и пр. — около 26 млн. Таким образом, если верить сводкам Пейша и Гоуарда, то английский экспорт капитала в Индию происходил почти исключительно для целей финансирования англо-индийского правительства и для постройки железных дорог в Индии.

Этот традиционный метод подсчета использовался и в последние годы. Еще в 1919 г. Лайонель Абрагам, выступая перед комитетом по денежной реформе, дал цифру английских эмиссий для Индии в 400 млн. ф. ст., из которых на займы в фунтах стерлингов приходится 160 млн., на железнодорожные аннюитеты 70 млн., а остальное приходится на капитал индийских ж.-д. компаний, а также на их облигационные займы, и лишь сравнительно ничтожные суммы могут быть отнесены на счет британских компаний (главным образом по чаю и джуту), действующих в Индии [1]. Недавно лондонский «Экономист» сообщил о новом подсчете известного индийского финансиста Финдлей Ширраса, согласно которому инвестирования составляют в настоящее время сумму, близкую к 500 млн. ф. ст. Эту цифру сочувственно цитировал на годовом собрании федерации индийских торговых палат министр финансов Индии Шустер [2]. По этой части подсчеты следовательно довольно единодушны, и даже самый итог вложений колеблется в сравнительно скромных пределах.

Между тем подобного рода статистический материал и был как раз источником заблуждений Ретбоуна и его единомышленников. Мы видели выше, какие причудливые изломы проделала за последние годы кривая английских инвестирований в Индии, приводимая Ретбоуном. Но это — кривая предоставляемых Англией индийскому правительству и ж.-д. компаниям займов и только. В послевоенный период

[1] T. A. Wadia and I. N. Joshi. „Money and Money Market in India". 1926, стр. 384.

[1] P. Pillai. „Economic Conditions in India". 1928, стр. 281-282.

[2] „Economist" от 4/X 1930 г.

англичане возобновили постройку железных дорог на английские капиталы, чтобы восстановить сеть, пришедшую в годы войны почти в полное расстройство. Теперь же, как увидим ниже, они пытаются строить в Индии железные дороги за счет внутренних ресурсов. Этим ни в какой мере не предрешается вопрос о том, дают ли англичане деньги на другие виды вложений и в каких размерах.

Чтобы не возвращаться потом снова к цифрам из указанного источника, приведем заимствованные нами у Цвайга данные об английских эмиссиях по азиатским странам для периода 1911—1925 гг. (по материалам «Экономиста», к которым мы присоединили новейшие цифры «Стэйтиста» 1927—1929 гг. (в тыс. ф. ст.):

Годы	Индия и Цейлон	Стретс-Сеттльмент и Малайя	Япония	Китай	Прочие азиатские страны, за исключением английских колоний
1911	5.126	1.725	—	7.435	2.927
1912	3.739	1.306	3.231	5.950	582
1913	4.329	1.197	—	6.883	1.699
1914	6.198	760	—	700	108
1915	3.858	94	—	—	60
1916	—	16	—	—	1.573
1917	—	3	—	—	1.125
1918	188	—	—	630	—
1919	4.274	1.216	—	1.767	7.888
1920	4.728	4.706	—	539	1.411
1921	29.715	5.390	—	—	3.982
1922	36.001	4.090	—	33	6.103
1923	24.780	2.118	6.340	—	13.666
1924	5.375	435	11.375	200	2.921
1925	3.257	8.468	—	—	3.404
1927	837	5.452	135	—	?
1928	8.433	4.362	450	—	?
1929	10.017	1.504	75	250	?

Несомненно, что до последнего времени эти данные сохраняют свой характер сводки правительственных займов по преимуществу. Достаточно сказать, что в 1929 г. сумма в 10 017 млн. ф. ст. по Индии и Цейлону составилась из следующих статей: правительственные займы — 9 100, горное дело — 37 и каучук — 879. Таким образом мы имеем дело с очень односторонним материалом.

Есть однако и другой метод подсчета английских инвестирований в Индии, особенно охотно применяемый индийскими экономистами. По этому методу прирост общей суммы капиталов акционерных компаний, действующих в Индии, но зарегистрированных вне Индии, считается притоком иностранных, преимущественно британских капиталов в Индию. Конкретным примером может служить тот же банк Ллойда. В том году, когда этот банк открыл свое отделение в Индии, он попал в число акционерных компаний, зарегистрированных вне Индии, со всем своим колоссальным капиталом в 16 млн. ф. ст. Индийские экономисты во главе с проф. Шахом, за которым последовал у нас и Абани Мухарджи [1], ничтоже сумняшеся зачисляют ежегодную сумму прироста капиталов иностранных акционерных компаний в английские вложения в Индии. Опираясь на подобного рода материалы, индийские экономисты получили разумеется картину необыкновенно быстрого прилива английских капиталов за последние 15 лет. Динамика капиталов этих акционерных компаний представлена нами в следующей таблице (в млн. ф. ст.):

[1] Ср. Абани Мухарджи. „Аграрная Индия", стр. 185—187.

	Общая сумма капитала компаний	Прирост против предыдущ. даты	Средний прирост за год
1912 г.	90,1	—	—
1914 „	298,8	208,8	104
1918/19 г.	453,9	155	39
1921/22 „	511,9	58	19
1925/26 „	554,0	42	10
1927/28 „	632,0	82	41

Из этих данных видно, что например в 1912—1914 гг., т. е. всего за какие-нибудь два года, иностранные инвестиции в Индии будто бы увеличились на 200 млн. ф. ст. — на 100 млн. в год, тогда как по материалам сводок, составляемых на основе биржевой статистики, в Англии было выпущено бумаг всего на 211 млн. в 1912 г., на 197 млн. в 1913 г. и на 513 млн. в 1914 г. (разумеется, последняя цифра включает колоссальную сумму военных займов). На долю всех британских владений в те же годы приходилось соответственно 73 млн., 76 млн. и 81 млн. ф. ст. Следовательно, если довериться методу упомянутых индийских экономистов, то окажется, что одна Индия поглощала больше экспортируемого из Англии капитала, чем все ее колонии вместе взятые.

Следует подчеркнуть два обстоятельства. Во-первых, в значительном большинстве случаев цифры иностранных вложений, полученные обоими методами, не перекрывают, а скорее дополняют друг друга. Правительственные займы и финансирование ж.-д. строительства, естественно, не проходят по финансовым каналам акционерных компаний. С другой стороны, биржевые сводки охватывают экспорт капитала отдельными компаниями лишь в тех случаях, когда страна назначения вполне ясна. В период монополистического капитализма, когда эксплоатация колоний и полуколоний производится по преимуществу грандиозными трестами и концернами интернационального — по масштабу их деятельности — характера, причем главнейшим поприщем для них является выкачивание тропического сырья, т. е. чисто торговая операция, не требующая строгой локализации предприятия, создание компаний для торговой или финансовой работы в отдельных странах является исключением. Во-вторых, как ни существенно использование данных о приросте иностранных капиталов иностранных компаний в Индии для восполнения цифр биржевой статистики, ясно, что полностью отождествлять ежегодное увеличение этих капиталов с инвестированиями — значит раздувать цифры о притоке последних. Для правильной оценки вложений в народное хозяйство Индии, производимых иностранными компаниями, нужно выделить из всей суммы капиталов ту часть их, которая реально работает в пределах Индии.

Мы попробуем здесь в качестве примера сделать такую наметку по одной банковской группе.

В индийском ежегоднике на 1930 г. значится 19 так называемых валютных банков, которые фактически являются именно акционерными банками, зарегистрированными вне Индии [1]. Среди них имеются такие сверхмощные учреждения, как Нешнель Сити Бенк оф Нью-Йорк с основным и запасным капиталом в 44 млн. ф. ст., Иокогама Спеши Бенк с капиталом свыше 20 млн., уже упомянутый Ллойдес Бенк с капиталом (основным и запасным) в 26 млн. и т. д. Есть банки вроде имперского банка Персии, для которых Индия является побочной сферой кредитной деятельности. Иокогама Спеши Бенк, кроме головной

[1] Indian Jear-Book, 1930.

конторы в Иокогаме, имеет 39 отделений и 4 агентства по всему свету, начиная с Осаки и кончая Буэнос-Айресом и Гамбургом. На Индию приходится всего каких-нибудь 4 отделения: в Бомбее, Калькутте, Карачи и Рангуне[1]. Следовательно, в лучшем случае можно признать, что на Индию приходится десятая часть капитала Иокогама Спеши Бенка. Это будет очень оптимистической оценкой, так как конечно у Иокогама Спеши Бенк главнейшая часть операций сосредоточивается в правлении, а на периферию приходится сравнительно небольшая доля кредитной работы. Насколько случайна величина капитала того или иного банка как показатель размеров инвестиций, видно хотя бы из следующего примера. Несколько лет назад довольно крупный американский банк — Интернациональная банковская корпорация — с капиталом в 5 млн. долларов, имевший ряд отделений на Востоке, влился в несравненно более мощную кредитную организацию — Нешнель Сити Бенк оф Нь-Йорк. Для восточных отделений банка, в сущности говоря, эта перемена ни в какой мере не означала изменений в размерах инвестированного капитала. А между тем американские инвестиции по линии этого банка номинально дали увеличение примерно в 20 раз. Следовательно нас должны интересовать не капиталы валютных банков в целом, а действительные размеры их операций на индийской территории. В книге Вадиа и Джоши для 1922 г. имеется весьма показательный подсчет, согласно которому вклады по всей сети валютных банков, действующих в Индии, в пределах Индии составляли 734 млн. рупий, тогда как вне Индии они достигали цифры в 527 млн. ф. ст., что эквивалентно приблизительно 7 млрд. рупий[2]. Это сопоставление показывает, что индийские вклады едва-едва превышают десятую часть всех депонированных в системе валютных банков сумм. Если принять во внимание, что за последнее время процесс концентрации в банковском деле значительно усилился, возможно, что указанную норму нужно даже несколько понизить. Ясно при этом, что, исчисляя капиталы банков, следует взять не только основные капиталы, но и резервы, так как финансовая мощность кредитных учреждений может быть определена по сумме собственных средств, на которые они работают. По данным упомянутого индийского ежегодника мы получим огромную цифру — около 200 млн. ф. ст. (тогда как, кстати сказать, еще в 1912 г. по данным Вадиа и Джоши она не превышала 112 млн.). Десятая часть этой суммы равна всего 20 млн. ф. ст., или немногим меньше 300 млн. рупий.

Еще правильнее был бы метод учета капиталов по биржевой расценке акций. История отдельных акционерных компаний показывает, как трудно составить себе представление о действительном усилении финансовой их мощи за счет эксплоатации колоний по лондонским биржевым хроникам. В качестве примера возьмем Гонгконг-шанхайскую банковскую корпорацию. Она была основана еще в 1864 г. с капиталом в 5 млн. китайских долларов, из которых первоначально было оплачено только 2½ млн. Затем последовал ряд дополнительных выпусков: в 1872 г. капитал увеличился до 5 млн., в 1883 г. — до 7½ млн., в 1890 г. — до 10 млн., в 1907 г. — до 15 млн. и сейчас он составляет 20 млн.[3]. Если к этому капиталу прибавить 20 млн. значащихся в пассиве баланса банка облигаций, обеспеченных резервом, то мы исчерпаем сумму ценных бумаг банка, с которыми имеет дело биржа. Если

[1] The XXVIII Financial and Economic Annuel of Japan. 1928, стр. 166-167.
[2] Wadia and Joshi, назв. соч., стр. 339.
[3] The History of the Hongkong and Shanghai Banking Corporation, в сб. „Readings in Economic for China", by Remer. Shanghai. 1924, стр. 371 и след.

пользоваться методами английских статистиков, то по Гонгконг-шанхайскому банку никаких инвестиций за последние годы не было. Между тем по балансу банка на 31 декабря 1929 г. на ряду с капиталом в 20 млн. он обладал резервом в 89 млн. китайских долларов. Ежегодная прибыль банка составляет обычно не менее 15 млн. долларов, и значительная часть ее капитализируется, попадая в резерв. Последние лондонские котировки акций банка показывают 106 ф. против 125 китайских долларов по номиналу, что при современном низком курсе серебряного доллара означает превышение в 14-15 раз. Из этих данных видно, насколько неудачным является определение суммы эмиссии по выпускному биржевому курсу. Только тщательное изучение каждой отдельной компании и ее финансового положения может вскрыть реальный процесс нарастания инвестируемого капитала в колониальной обстановке, где аккумуляция капитала империалистическими державами представляет существенные особенности по сравнению с коммерческой работой в Европе. Поэтому, если даже признать, что за последнее время в Индии замечается некоторое ослабление притока капиталов в форме правительственных займов, то этим еще не решается вопрос об инвестициях коммерческого характера.

Что касается распределения приведенных выше итогов по акционерным компаниям, зарегистрированным вне Индии, то мы к сожалению можем привести данные, относящиеся лишь к периоду 1912 — 1922 гг. Однако и эти данные позволяют нам определить главные линии направления английского капитала в Индии, ищущего чисто коммерческого приложения. За указанный 10-летний период колоссальный рост дают главным образом кредитные учреждения, страховые общества и торговые компании. На эти три статьи из 512 млн. ф. ст. в 1922 г. приходится около 400 млн. ф. ст., тогда как чайные плантации дают всего 20 млн., каменноугольные копи — 1 млн., золотые прииски — 2,1 млн., прочие горные предприятия — 11,1 млн., хлопчатобумажные фабрики — 0,6 млн., джутовые фабрики — 2,1 млн. и т. д. Разумеется, чаще всего акционерные компании, созданные для эксплоатации естественных богатств или промышленных предприятий, имеют локализированный характер, так что данные, относящиеся в этой сводке к промышленности, могут быть приняты почти по полной стоимости акционерного капитала. Чайные плантации в данном случае являются промышленными предприятиями в очень ограниченной степени. Но даже если включить их в общую сумму, то и тогда чисто промышленные инвестирования не превысят 35 — 40 млн. ф. ст., или 500 — 600 млн. рупий. Что же касается торгово-кредитно-страховой сети акционерных компаний, то итог их капиталов, превышающий 400 млн., нужно сократить по крайней мере раза в четыре-пять, учитывая сказанное о характере этих компаний, о размерах их капиталов, работающих в Индии, и приведенные выше данные о резервах и о биржевых котировках их акций. Получим цифру в 1 200 — 1 500 млн. рупий. Складывая эту сумму с промышленными инвестициями и делая некоторую надбавку, соответствующую общему увеличению капиталов акционерных компаний за период с 1922 по 1928 г., получаем итог около 2-2½ млрд. рупий. При этом следует отметить, что иностранные промышленные инвестиции в этой сводке едва ли учтены полностью, так как в нее попали лишь те акционерные компании, которые зарегистрированы за границей. Между тем англичане могли приобрести довольно значительные пакеты акций и чисто индийских промышленных предприятий. В этой области конечно не может быть речи даже о таких грубых прикидках, как только что приведенные. Придется сослаться на

сообщения, имеющиеся по этому вопросу в литературе. Вера Энсти, автор новейшей работы по индийской экономике, констатирует, что «в начале XX в. значительнейшая часть внешней торговли и крупной промышленности Индии находилась в руках акционерных компаний, зарегистрированных за границей (по преимуществу в Англии)»[1]. Из этого положения как будто следует, что английское влияние в индийской промышленности идет в значительной своей части по линии иностранных акционерных компаний. Однако оно гораздо шире, чем можно думать на основании сводки капиталов этих компаний. Отдельные авторы дают несколько расходящиеся сведения о круге предприятий и отраслей индийской промышленности, находящихся в английских руках. Так, по сообщению Нарайна «британский капитал монополизировал джутовую промышленность, он главенствует в производстве чая, кофе и индиго и он имеет крупную долю в каменноугольной, металлообрабатывающей и машиностроительной промышленности»[2]. Ретбоун делит все отрасли народного хозяйства Индии на две категории. Первые из них финансируются исключительно британским капиталом. Сюда относятся: железные дороги, трамваи, тресты по эксплоатации света и гаваней, судоходство, жесть и нефть. Во второй категории отраслей британский капитал сохраняет за собой общий контроль, но не занимает при этом исключительного положения и не владеет большинством предприятий. В эту категорию входят: уголь, железо, сталь, золото и др. драгоценные металлы, драгоценные камни, чайные, каучуковые и кофейные плантации, цемент, страховое и банковое дело, крупные оросительные сооружения и др. правительственные предприятия, кроме железных дорог, где английский капитал господствует полностью[3]. Из этого перечисления видно, что лишь очень немногие отрасли промышленности остаются свободными от английского влияния. Так, за последние годы усиленно развивались такие производства, как химическое, сахарное, бумажное и приступлено к осуществлению широких планов электрификации. Долю английского капитала в индийской крупной промышленности следует признать по крайней мере равной половине всех инвестиций. Но нельзя не отметить, что политика искусственного сдерживания развития промышленности, проводимая англичанами с удивительным упорством, пагубно отражается на росте промышленности, и эти 50% капитала, затраченного в крупной промышленности Индии, все же составляют относительно весьма скромную сумму.

Так как крупная промышленность Индии в настоящее время в значительной своей части акционирована, то статистические сведения о распределении индийских акционерных компаний по отдельным отраслям народного хозяйства дают полную возможность составить более или менее точное представление о том, каковы размеры капитала, работающего в промышленности. В 1925/26 г. в Британской Индии насчитывалось всего 5 311 акционерных компаний, зарегистрированных в самой Индии, с капиталом в 2 770 млн. рупий против 819 компаний, зарегистрированных за границей, с капиталом в 7 380 млн. рупий. Таким образом средний капитал индийского акционерного общества раз в 18 меньше соответствующего среднего капитала иностранной компании (521 тыс. рупий против 9 011 тыс.). В 1927/28 г. вновь открывшихся акционерных обществ было 626 с оплаченным капиталом в

[1] Wera Anstey. „The economic Development of India", 1929, стр. 109.
[2] Б. Нарайн. „Народное хозяйство Индии", стр. 15.
[3] Ретбоун, назв. соч., стр. 119.

8,6 млн. рупий. Здесь средний капитал еще меньше. Что же касается распределения акционерных компаний по категориям, то в нашем распоряжении имеются лишь данные за 1921/22 г. Оплаченный капитал составлял тогда 2 305 млн. рупий. Из них приходилось на хлопчатобумажные фабрики 357 млн., на джутовые — 179 млн. и на всю горную промышленность — свыше 300 млн. рупий, в том числе на каменноугольные копи — 100 млн. и нефтяные предприятия — 21 млн. Указано и несколько расплывчатая группа «торгово-мануфактурная», в которой однако промышленные предприятия составляют порядочный процент. В ее состав между прочим входят: полиграфические предприятия — 13½ млн., химические — 22 млн., железо, сталь и кораблестроение — 42 млн., машиностроение и др. Эта категория завершается крайне неопределенной статьей — другие торгово-мануфактурные предприятия, на долю которой приходится круглая сумма в 290 млн. рупий[1]. Во всяком случае на основании приведенных данных можно сделать вывод, что акционерный индийский капитал, работающий в промышленности, еще в 1921/22 г. достигал миллиарда рупий, причем львиная доля приходилась на текстильную промышленность и на горное дело. Здесь нужно сделать оговорку, аналогичную той, которая была дана выше для иностранных компаний: оплаченный капитал считается по номинальной стоимости и вероятно значительно ниже реальной рыночной расценки акций на бирже. Если на ряду с этим учесть рост промышленности за 8 лет и присоединить выведенную выше стоимость промышленного капитала чисто иностранных предприятий, то окажется, что в крупную индийскую промышленность инвестировано не менее 2½ — 3 млрд. рупий. Как уже сказано, значительные пакеты акций индийских предприятий куплены англичанами, так что последним в этом итоге принадлежит не менее половины, т. е. несколько более миллиарда. Вложения англичан в промышленность по абсолютной сумме их все же несколько меньше капиталов, инвестированных ими в торговлю, банковое и страховое дело. И все эти вложения вместе взятые не достигают уровня вложений в железные дороги. Тем самым подчеркивается специфический характер интересов Англии в Индии: в фокусе ее внимания стоят пути сообщения, так как в этих мощных транспортных артелях она совершенно справедливо видит наиболее совершенный аппарат для высасывания из страны всех видов сырья. В то же время железные дороги являются необходимыми каналами по распределению ввезенных англичанами фабрикатов. Сообразно с этим и самая структура национального богатства Индии выглядит несколько иначе, чем в других странах. В Индии на первом месте стоят железные дороги, за ними в почтительном отдалении следуют торговля и финансы, а промышленность отстает больше всего. Заинтересованность англичан в отдельных отраслях народного хозяйства уменьшается примерно в том же порядке.

При оценке иностранных инвестиций основным критерием является реальная заинтересованность иностранных капиталистов в народном хозяйстве данной страны, определяющаяся возможностью получения прибыли. Однако для Индии при рассмотрении иностранных вложений возможна иная постановка вопроса. В руках англичан в Индии находится аппарат власти, опирающийся в качестве базы на весьма внушительные позиции в народном хозяйстве. Первое место в этом смысле принадлежит железным дорогам и ирригационной системе. Поскольку для сооружения их англичане раньше привлекали средства

[1] Pillai, назв. соч., стр. 286-287.

метрополии, капиталы железных дорог и ирригационной системы почти полностью покрывались английскими инвестициями. Теперь не то. За последние годы политика англичан ставит своей задачей вовлечь в каналы финансовой системы правительства внутреннее накопление самой Индии, так что укрепление английских народнохозяйственных позиций в Индии происходит за счет индийских капиталов. Разумеется, если железные дороги строятся за счет использования ресурсов кредитной системы Индии, вложения в них никоим образом нельзя рассматривать как экспорт английского капитала. Но при учете реальной заинтересованности англичан в Индии нельзя ограничиться механическим подсчетом итога вложений отдельных капиталистов, а необходимо принять во внимание и те огромные капиталы, которыми англичане распоряжаются в Индии на основании принадлежащего им политического суверенитета. Если англичан выгонят из Индии, они потеряют не только частные инвестиции, но и принадлежащие им в настоящее время права распоряжения важнейшей частью народнохозяйственного капитала Индии. Железнодорожная сеть Индии возросла с 1921/22 г. до 1928/29 г. с 37.266 до 40.950 млн., а вложенный в нее капитал увеличился за тот же срок с 6.480 до 8.314 млн. рупий. Около 70% этой суммы принадлежит непосредственно правительству, а часть сделанных частными компаниями вложений в железные дороги представляет собой занятый у англичан капитал. Капитал правительственной ирригационной системы определяется по новейшим данным в миллиард рупий [1]. Таким образом заинтересованность англо-индийского правительства в этих двух отраслях народного хозяйства выражается цифрой никак не меньше 7 — 7½ млрд. рупий. При этом следует отметить, что рост этой суммы в ближайшее время повидимому будет продолжаться без необходимости для англичан реально инвестировать в это дело значительные капиталы. В этом отношении чрезвычайно показателен опыт истекших лет. За пять лет — с 1923 по 1928 г.— англичанам удалось сделать капитальных вложений из бюджета на сумму в 1.200 млн. рупий и на 49½ млн. ф. ст. без соответствующего роста государственного долга: займы составили всего 120 млн. рупий и 13 млн. ф. ст. Из указанной цифры вложений 690 млн. рупий и 48¾ млн. ф. ст., т. е. свыше 1.200 млн. рупий, затрачены на железные дороги. Источниками покрытия этих вложений в значительной мере явились вклады в почтово-сберегательные кассы и продажа почтовых сертификатов (560 млн.). На 1929/30 г. намечалось новых вложений на 480 млн. рупий, из которых 330 — для железных дорог. На этот раз 250 млн. намечалось получить путем займов [2].

Англичане убивают таким образом сразу двух зайцев: они усиливают свои стратегические позиции в народном хозяйстве Индии без соответствующих вложений и в то же время обескровливают индийский туземный капитал, мешая ему итти в промышленность. По вкладам и сертификатам англичане платят приличный процент, а промышленность, недостаточно защищенная таможенными пошлинами и вынужденная бороться с непосильной иностранной конкуренцией в обстановке жесточайшего мирового кризиса, оказывается недостаточно рентабельной.

Другим существенным моментом для туземных накоплений является, как было уже отмечено, экспорт индийских капиталов за границу. В опубликованном Лигой наций меморандуме по платежным

[1] Report of the Royal Commission on Agriculture in India. 1928, стр. 327.
[2] Indian Jear Book. 1930.

балансам отдельных стран за 1926—1928 гг. указано, что в 1928 г. Индия поглотила долгосрочных капиталов из других стран на 51 млн. ам. долл., тогда как сама вывезла 53 млн. Так как она имела одновременно прилив краткосрочных капиталов на сумму в 3 млн., то в целом ее баланс по движению капиталов был почти что нейтральным. Если принять во внимание, что по тем же данным Индия должна была уплатить 118 млн. ам. долл. процентов и дивидендов по своему заграничному долгу [1], то станет ясным, насколько значителен отлив финансовых средств из страны и как болезненно должен отражаться на организме народного хозяйства экспорт капиталов за границу. Индийский капитал при посредстве лондонской биржи становится «источником укрепления английского влияния, главным образом в Южной Америке» [2]. Нелепость такого положения вещей очевидна. В свете изложенных фактов вся неосновательность и неприемлемость теории деколонизации выявляются в полной мере.

Резюмируя данные, касающиеся Индии, можно определить общую цифру английских инвестиций в этой стране в 9 — 11 млрд. рупий. Идя одним методологическим путем, мы исходим из суммы в 500 млн. ф. ст., состоящей почти исключительно из правительственных и ж.-д. займов. В рупиях это составляет с округлением 6.700 млн. К этой сумме нужно прибавить около 1½ млрд., инвестированных в торговлю и кредитное дело, и около 1¼-1½ млрд., вложенных в промышленность. Так как итог в 500 млн. ф. ст. отчасти включает те же инвестиции в промышленность и торговлю (хотя и в очень небольшой сумме), мы должны сделать скидку в несколько сот миллионов. Получим цифру, примерно составляющую 9 млрд. рупий. Другой путь заключается в том, чтобы подсчитать капитал правительственных железных дорог, ирригационной системы и частных инвестиций в промышленность и торговлю. 7—7½ млрд. дают железные дороги и ирригация, 3—3½ млрд. — частные вложения. Получается итог в 10 — 11 млрд. рупий. Таковы пределы, в которых может колебаться оценка английских вложений в Индии.

* * *

Переходя к Китаю, следует прежде всего указать на осложнения, возникающие при оценке иностранных капиталов из-за резких колебаний серебряной валюты в последнее время. Мы будем поэтому переводить цифры вложений на язык золотых рублей.

История иностранных инвестиций в Китае сравнительно недолговременна: она охватывает период, начинающийся с конца прошлого века, причем ареной международной борьбы за концессии Китай был лишь до мировой войны. За последние 15 лет усиленный импорт капитала производит лишь Япония [3]. В первый период в Китае было инвестировано до 3—3½ млрд. руб. В настоящее время, возрастая за счет японских и отчасти американских и английских известиций, эта цифра увеличилась до 5 — 5½ млрд. Примерно около четверти ее составляют производительные помещения капитала, остальное приходится на займы для уплаты контрибуций, на организацию торгово-кредитной сети, служащей, как и в Индии, задачам эксплоатации страны, и т. д. Государственный долг, значительная часть которого обеспечена по-

[1] „Economist" от 24/V 1930 г.
[2] И. Рейснер. Кризис в Индии в сб. „Мировой экономический кризис", стр. 2,37-238.
[3] В. Штейн. Очерк финансового кризиса в Китае, 1928 г., стр. 203.

ступлениями от таможен и от соляных сборов, сравнительно быстро погашается. На 1929 г. иностранные займы как обеспеченные, так и не обеспеченные расценивались в 126 млн. ф. ст., из них около 40% приходилось на платежи по боксерской контрибуции, которые могут считаться китайской задолженностью лишь условно. Так недавно в печати было сообщено, что английская часть платежей будет обращена на постройку Кантон-ханькоусской ж.-д., причем уже организован комитет по размещению заказов на ж.-д. оборудование в Англии. Таким образом платежи валютой по боксерской контрибуции в данном случае производятся попрежнему, но для Китая они не пропадут бесцельно, а явятся финансовой базой для постройки железной дороги. С точки зрения иностранных инвестиций дело тоже радикально меняется, так как боксерские платежи уже не являются реальным доходом для кредиторов.

Поскольку внешние долги Китая выражены в золотой валюте, усиленное погашение внешней государственной задолженности все же не поспевает за темпами ее роста из-за обесценения таэля, вызываемого падением серебра. «В одном из своих интервью министр финансов г. Сун указал, что при ежегодной выплате иностранным государствам 9 млн. ф. ст. Китай в 1929 г. выплатил в таэлях на 20% больше, нежели в предыдущем 1928 г., и на 60% больше, нежели было уплачено за эти 9 млн. ф. ст. в 1925 г.» [1]. По части государственной задолженности, которая носит название необеспеченной, Китай в настоящее время не платит. В общем его государственную задолженность можно определить максимум в 700 млн. руб.

Сколько-нибудь значительные реальные интересы в народном хозяйстве Китая имеют Англия, Япония и Соед. Штаты. Английские инвестирования направлены главным образом по линии торгово-финансовой. О размерах промышленных инвестиций лучше всего можно судить по списку промышленных предприятий, принадлежащих англичанам, составленному английским консулом в Шанхае [2]. По этой сводке вложения в такие предприятия выражаются в 26.700 тыс. ф. ст. Отсюда, казалось бы, можно заключить, что если в одном Шанхае англичане имеют промышленных инвестиций на 250 млн. руб., то для всего Китая цифра должна быть по крайней мере втрое больше. Однако при ближайшем рассмотрении подобная гипотеза не находит подтверждения. Прежде всего в упомянутой сводке над всеми прочими вложениями явственно доминирует британо-американская табачная компания с капиталом в 19½ млн. ф. ст., равным 73% итога. При исчислении прибылей иностранных предприятий, действующих в Китае, данная компания привлекала главное внимание китаеведов. Пассив китайского платежного баланса прибыли этих предприятий отягощали в сумме 50 млн. кит. долларов, каковая цифра в среднем составляет прибыль британо-американской компании. Между тем в известном справочнике по американским инвестированиям Денна сказано: «Британско-американская компания — некоторое участие американского капитала. Отделения в Англии, колониях, Китае и др. странах» [3]. Следовательно, опять перед нами случай работы мощной международной организации, которая участвует в народном хозяйстве данной страны лишь относительно небольшой частью своего капитала. С другой стороны, британо-американская компания не может быть причислена целиком к промышленным предприятиям, так как главная ее функция — это продажа папирос, импортированных в Китай.

[1] А. И. Погребецкий. На пути к золотому стандарту. „Вестник Манчжурии" № 2 за 1930 г.
[2] „Вопросы китайской революции", т. I. 1927 г., стр. 113-114.
[3] R. W. Dunn. American Foreign Investments. 1926, стр. 149.

Если мы перейдем от британо-американской компании к другим предприятиям, значащимся в сводке, с общим капиталом в 7 млн. ф. ст., то убедимся, что они являют довольно жалкую картину. Около 2 млн. дают хлопчатобумажные предприятия, из которых некоторые — притом крупнейшие — уже перешли из английских рук в японские. Некоторое значение имеет участие англичан в электротехнической и строительной промышленности. Все же остальные предприятия располагают ничтожным капиталом, причем многие из них скорее могут быть причислены к торговой, а не к промышленной группе.

Вывод, который на основании сказанного можно сделать, сводится к тому, что промышленные интересы англичан в Китае весьма незначительны, ограничиваясь текстильной, табачной, электротехнической и некоторыми другими отраслями промышленности, а сумма промышленных инвестиций англичан имеет тенденцию снижаться. В железные дороги Китая англичане вложили тоже сравнительно небольшие суммы, немногим превышающие 100 млн. руб. [1]. С другой стороны, довольно крупные размеры имеет торгово-финансовый аппарат англичан в Китае; по масштабу инвестиций он далеко опережает промышленность и транспорт. Точных цифр, характеризующих эти вложения, не имеется. По размерам инвестиций Китай повидимому уступает Индии, но все же английские банки, торговые предприятия, судоходства, гостиницы и т. д., если к ним прибавить еще недвижимую собственность на территории концессий, представляют собой имущество стоимостью в несколько сот миллионов рублей. Вместе с промышленно-транспортными инвестициями и с участием англичан в государственном долге (около половины всего долга) английские капиталы в Китае могут быть оценены в 1.200—1.500 млн. руб.

* * *

Японская экспансия в Манчжурии была за последнее время предметом неоднократного рассмотрения. Главнейшим проводником этой агрессивной политики была Южно-манчжурская ж. д., превратившаяся в грандиозный транспортно-промышленно-торговый комбинат. Быстрый рост японской промышленности в Манчжурии особенно ярко символизируется в создании из Мукдена одного из крупнейших промышленных центров Китая, уступающего лишь Шанхаю и конкурирующего с Ханькоу и Тянцзином. Японская официальная статистика стремится преуменьшить масштабы японского внедрения в китайское народное хозяйство. Тем не менее даже по этим сведениям получается картина довольно импозантного развертывания японского экономического наступления в Китае. Японское министерство торговли и промышленности характеризует размеры и географическое распределение японских инвестиций производственного и транспортного характера следующими данными (в млн. иен) [2] (см. табл. на стр. 288).

Эта сводка показывает, что подавляющая часть промышленных инвестиций Японии направляется в Китай. С другой стороны, следует подчеркнуть, что повидимому японскими источниками учитывается лишь эмиссия ценных бумаг, а не реальная стоимость предприятий, включающая реинвестированные прибыли, так что таким путем сумма

[1] А. Канторович. Иностранный капитал и ж. д. Китая, 1926, стр. 137.
[2] „Вестник Манчжурии" № 2 за 1930 г., стр. 14.

	1925 г.	1926 г.	1927 г.
Общая сумма	948,6	972,0	1.036,5
В том числе:			
В пределах Китая в целом	859,4	871,5	926,0
В пределах Манчжурии и Квантун. обл.	691,8	706,1	760,3
Транспортные предприятия	393,3	410,2	516,7
Горнопромышленность	191,6	187,8	136,3
Обрабатывающая промышленность	50,7	51,6	49,0
Текстильное производство	18,3	16,5	17,6
Электрические и газовые предприятия	32,2	32,3	34,0
Прочие	5,6	6,5	6,7
В пределах Центр. Китая	167,6	165,4	165,7
Текстильное производство	156,1	153,6	153,6
Обрабатывающая промышленность	7,2	8,0	8,1
Горнопромышленность	4,3	3,8	4,0
В пределах Индонезии	53,7	56,1	58,7
Разведение технических культур	51,3	52,2	54,6
Горнопромышленность	2,4	3,8	4,0
В пределах СССР	35,4	44,4	51,8
Водно-морской промысел	35,4	36,5	40,8
Горнопромышленность	—	8,0	11,0

вложений преуменьшается. Но общие тенденции японской экспансии в Китае отражены правильно.

На ряду с Манчжурской дорогой наибольшее значение имеет хлопчатобумажное производство и горная промышленность. Развитие первой из названных отраслей диктуется относительной дешевизной рабочих рук в Китае сравнительно с Японией и желанием приблизить свой фабрикат к китайским потребительским центрам, обезвредив таким путем для Японии нарождающийся китайский протекционизм. Рост финансируемой японцами горнопромышленности обозначает увеличение участия японцев в каменноугольной и железорудной, а также железоделательной отраслях промышленности с целью как-нибудь парализовать трудности, вызываемые скудостью естественных ресурсов самой Японии.

Даже официальная японская сводка определяет, как мы только что убедились, ежегодный новый приток капиталов в промышленность и транспорт в сумме 30—40 млн. иен. С прибавлением инвестиций в торговлю и финансы как общая сумма вложений, так и ежегодное ее нарастание значительно увеличились бы. В 1928 г. в японской печати сообщалось, что иностранные инвестиции Японии достигли 2.217 млн. иен, однако эта цифра не была подтверждена каким-нибудь конкретным расчетом. Тем не менее она представляется вполне правдоподобной. Одни только займы центральному и местным правительствам Китая составили 500 — 700 млн. иен. Работа японских банков в Манчжурии также оценивается в довольно крупных цифрах. В японские концессии в Шанхае, Ханькоу и других городах тоже вложены сравнительно большие капиталы. В общем заинтересованность японцев в Китае должна быть определена в сумме не менее 2.200 — 2.500 млн. руб. При этом допускается, что государственные займы такого порядка, как, например, пресловутые Нисихара, будут когда-нибудь оплачены, в чем позволительно сомневаться. Без них сумма вложений упадет до 2 млрд. руб. или даже несколько ниже.

Следует еще отметить, что в отличие от английских вложений в Китае японские содержат в себе довольно значительную часть промышленных помещений капитала. Если даже отбросить Ю.-М. ж. д., остающиеся чисто промышленные предприятия составят сумму в

400 млн. руб., а если принять во внимание преуменьшение реальной стоимости капитала, то будет не меньше 500—600 млн. руб.

Переходя к Соед. Штатам, отметим, что в 1926 г. американские вложения составляли сравнительно весьма скромную сумму в 70 млн. ам. долл., не считая благотворительных учреждений, рокфеллеровских институтов и пр. Из этой суммы 30 млн. будто бы приходилось на «земли, здания и пр.». В таком виде эти инвестиции имеют довольно скромную внешность. Но в справочнике Денна приводятся интересные данные о некоторых американских предприятиях в Китае, показывающие, что дело не ограничивается одними землями и зданиями. В Китае в области промышленности и торговли работает крупная фирма Пэсифик Девлопмент Компэни. Ее главным агентом является предприятие Андерсен, Мейер и К°. Известная Стендарт Ойль имела в Китае нефтяную концессию, ныне оставленную. Та же фирма является владельцем свечных заводов, жестяных предприятий, керосиновых баков и значительных земельных пространств. Одно только свечное предприятие ее в Тянцзине имеет ежедневную производительность в 400.000 свечей. Федеративная телеграфная компания владеет 50% капитала Китайской федеральной радиокомпании, исчисляемого в 13 млн. долл. Этим предприятием ведется широкое радиостроительство в Китае. Американцы участвуют также в китайском судоходстве; фирма Роберт Доллар имеет здесь верфи и строения. В Китае функционирует ряд американских банков. С Стендарт Ойль в Китае конкурируют Техасская нефтяная компания и Вакуум Ойль и т. д. Американцам принадлежит также ряд влиятельных газет в Китае [1].

Так обстояло дело до приезда в Китай импозантной миссии проф. Кеммерера. В связи с нею ожидались для Китая великие американские милости. Шли разговоры о займах в сотни миллионов. Однако дело ограничилось этими разговорами. Единственное реальное имущественное приобретение крупного масштаба за данный период — это покупка Шанхайской электростанции. Цена этой станции 50 млн. долл., или 81 млн. таэлей. Дальше американцы не пошли. Повидимому они убедились в том, что мнимое центральное правительство Китая (нанкинское) не имеет реальной власти в стране, а в обстановке гражданской войны практичные янки не видели возможности вести широкую коммерческую работу. Кроме того широкое финансирование китайского народного хозяйства грозило втравить Соед. Штаты в войну с Японией. Таким образом в настоящее время американские вложения в Китае, как можно судить на основании всего сказанного, едва ли превышают 250 — 300 млн. руб.

Попытаемся ответить на вопрос о том, каков удельный вес иностранных капиталов в китайской промышленности? Мы сделали очень грубую ориентировочную прикидку промышленной продукции Китая по отдельным отраслям с подразделением, где это было возможно, на продукцию китайских и иностранных предприятий (см. табл. на стр. 290).

С прибавлением пропущенных мелких отраслей промышленности общая продукция должна достигнуть примерно 2½ млрд. руб., причем на иностранную продукцию придется не менее 1.000 — 1.200 млн., т. е. около половины. Конечно в руках иностранцев находятся наиболее важные промышленные позиции. Таким образом положение с промышленностью в Китае то же, что и в Индии. Политика империалистических держав построена на максимальной задержке промышленного

[1] Dunn. Назв. соч., стр. 160-161.

Отрасли производства	В натуральных единицах	В денежных единицах (в млн. руб.) Китайские предприятия	Иностранные предприятия
Хлопчатобумажное пряде ие, млн. ф.	750	100	300
Хлопчатобумажное ткачество, млн. рд.	300		
Производство шелка-сырца, тыс. пикулей	300	300	—
Шелкоткачество	?	30—40	—
Уголь, млн. тонн	20—25	30—40	150
Чугун, тыс. тонн	500—700	5	20—25
Табачная промышленность	?	25	150
Электрическ е станции	?	20	110
Соль, млн. тонн	4	40	—
Арсеналы	?	200	—
Растительные масла	?	150	
Спиртные напитки	?	100	
Мукомольная промышленность	?	200	
С хар	?	30	
Кирпичное производство	?	75	
Кораблестроение	?	50	

развития страны. Но поскольку все же происходит стихийный рост некоторых производств, иностранцы стараются обезвредить эти ростки капитализма путем финансового овладения ими.

* * *

Несколько слов еще об Индонезии. Согласно приводившимся в нашей литературе данным иностранные капиталы в этой стране достигают довольно высокой цифры в 3.700 млн. гульденов, из которых около 60% было вложено голландцами и примерно 20% англичанами. Из указанной суммы 1.270 млн. помещено в сельское хозяйство (сахар, чай, каучук), 900 млн. — в нефтяную промышленность и более мелкие суммы в судоходные компании, железные дороги, обрабатывающую промышленность и пр. [1]. В статье, посвященной голландским инвестициям, Теодор Метц сообщает, что директор эмиссионного банка Явы определил в 1927 г. ежегодный доход Голландии от одних только дивидендов крупных компаний, работающих в Голландской Индии, в 250 млн. гульденов. Кроме того в Голландию постоянно возвращаются лица, прожившие некоторое время в колониях и сколотившие там более или менее значительные капиталы. Эти свои «сбережения» они чаще всего помещают в индийские фонды, приносящие проценты и дивиденды [2]. Направление голландских и английских капиталов в Индонезии не вносит по существу ничего принципиально нового в те выводы, которые получены нами на основе индийского и китайского материала. Если иностранные капиталы и идут в промышленность, они ограничиваются горной и вообще добывающей промышленностью, ставя себе целью восполнение дефицита в каком-нибудь виде топлива или сырья. В сельское хозяйство этот капитал обычно притекает в целях получения тропического сырья.

По французскому Индо-Китаю такая же картина. За время с 1924 по 1928 г. французами инвестировано в этой колонии несколько более 2 млрд. фр., при этом ежегодные вложения обнаруживают тенденцию роста. Если к сумме эмиссий прибавить эмиссионную премию,

[1] А. Губер. Иностранный капитал в Индонезии. „Мировое хозяйство и мировая политика“ № 3 за 1929 г.

[2] Tn. Metz. Die Niederlande und ihre Kredite an das Ausland. См. сб. „Die Auslandskredite“. Hgg. von Lotz, 1928, стр. 76.

бесплатные акции и частные инвестиции, поскольку они поддаются учету, то французские капиталы здесь возрастут по крайней мере до 2½ млрд. фр. Направляются они по преимуществу в сельское хозяйство, горную промышленность, торговлю и кредитные учреждения. Обрабатывающая промышленность представлена ничтожными суммами. Один автор попробовал сравнить внутреннюю эмиссию в самом Индо-Китае с ростом капиталов компаний, зарегистрированных во Франции, причем он сделал допущение, что внутренняя эмиссия финансируется целиком за счет капиталов индо-китайской буржуазии. По его исчислениям получилось, что доля внутреннего денежного рынка увеличилась с 12% в 1924 г. до 65% в 1927 г. и до 54% в 1928 г. [1]. Несомненно, что в этом сопоставлении доля туземного капитала значительно преувеличена, так как французский капитал участвует и в компаниях, зарегистрированных в самом Индо-Китае.

По Филиппинам Денн приводит такую сводку:

Инвест. страна	Торговля	Промышленность	Всего	В филипп. валюте (млн. пезо)
Англия, млн. ф. ст.	99	—	99	969
Соед. Штаты, млн. долл.	122	154	276	553
Германия, млн. марок	366	—	366	174
Япония, млн. иен	131	—	131	131

Из этих данных видно, что общая сумма инвестиций на Филиппинах по 4 странам, упомянутым в сводке, составляет 1.800 млн. руб., так что при включении пропущенных в перечислении государств итог превысил бы 2 млрд. руб. Из них только 300 млн. руб. вложены в промышленность, да и то в эту цифру, как указывает Денн, включены между прочим сахарные плантации [2].

* * *

Обращаемся к Японии. Здесь необходима предварительная оговорка. Япония среди других стран Азии занимает особое место. Она — империалистическая держава. Япония сама инвестирует капиталы в колониях в погоне за монополистическими прибылями. Но темпы экономического развития в самой Японии являются крайне напряженными. Внутреннее накопление полностью поглощается растущей промышленностью. Эмиссия ценных бумаг на внутреннем рынке выражается довольно скромными величинами. В 1913 г. среднемесячная эмиссия была равна 45 млн. иен. После войны эмиссия увеличилась в 4—5 раз. Последние годы дают планомерно понижающийся ряд: 1925 г. — 208 млн., 1926 г. — 152 млн., 1927 г. — 130 млн., 1928 г. — 124 млн., 1929 г. — 87 млн. В первом полугодии 1930 г. цифра месячной эмиссии колеблется в пределах 30 — 40 млн., упав таким образом ниже довоенной цифры [3]. При подобной обстановке Япония имеет возможность инвестировать за границей только благодаря тому, что она сама выступает в качестве должника на международном денежном рынке. Япония занимает деньги главным образом в Америке, а финансирует ими свои китайские предприятия, пользуясь тем, что Соед. Штаты не рискуют ввязывать средства в китайское народное хозяйство. Получаемые Японией кредиты повидимому несколько превышают ее соб-

[1] Г-р. Инвестирование капиталов в Индо-Китае, „Рев. восток“ № 8, 1930 г., стр. 259—265.

[2] Dunn. Назв. соч., стр. 166—169.

[3] „Конъюнктура мирового хозяйства“. Серия Б. № 1-2 за 1930 г. стр., 58.

ственный экспорт капитала, но, с другой стороны, она умеет поместить деньги на более выгодных условиях, чем получает их у американцев. Таким образом вполне возможно, что позиции должника и кредитора у Японии балансируются. Такого положения ей удалось, впрочем, достигнуть лишь в послевоенный период. До этого времени она вынуждена была занимать капиталы за границей для нужд своего промышленного развития и не имела возможности экспортировать.

Динамика кредитных операций Японии видна из следующей таблицы (в млн. иен) [1]:

Годы	Иностр. займы правительства	Внутренние облигации, вывезенные за границу	Муницип. бумаги	Частные фонды	Непосред. инвестиции	Всего
1897	—	43	—	—	—	43
1902	97	93	4	—	—	194
1907	1.165	150	21	44	17	1.400
1912	1.427	72	177	147	29	1.854
1914	1.524	81	177	166	29	1.978
1918	1.311	31	168	165	27	1.704
1922	1.358	5	134	26	25	1.550
1925	1.500	9	125	332	22	1.987

Как видно из этой таблицы импорт капиталов в Японию достигает апогея к моменту войны. Затем начинается усиленное погашение задолженности, идущее параллельно с интенсивным вывозом японских капиталов в Китай. Особенно усердно Япония стремится к репатриации ее частных фондов, застрявших за границей. После землетрясения начинается эпоха усиленного притока английских и американских капиталов, идущих на восстановление произведенных землетрясением разрушений. Этот прилив средств идет по преимуществу в форме приобретения иностранцами частных фондов и лишь частично выливается в форму правительственных займов. К сожалению таблица, составленная нами на основании цифр Фуруйа и Харада, обрывается на 1925 г. Для последующих годов у нас имеются лишь отрывочные сведения. Как видно их приведенных выше данных, английские кредиты Японии прекращаются после 1924 г. Что же касается Соед. Штатов, то они приобретают прочную финансовую связь с Японией, финансируя по преимуществу энергетическое хозяйство Страны восходящего солнца. По данным американской эмиссионной статистики экспорт капитала в Японию составил 112 млн. долл. в 1924 г., 66,5 млн. в 1925 г., 29,74 млн. долл. в 1926 г. и 20,64 млн. долл. в 1927 г. Мы имеем таким образом явно убывающий ряд. По материалам японского платежного баланса картина прилива и отлива капиталов рисуется для Японии в следующем виде:

	1924 г.	1925 г.	1926 г.	1927 г.	1928 г.
	(в млн. иен)				
Инвестирование иностранных средств в Японии	566	180	150	154	119
Возвращение из-за границы японских вложений . . .	104	67	35	46	20
Возврат иностранцами инвестиций из Японии . . .	336	99	142	181	90
Инвестирование японских капиталов за границей . . .	96	91	21	106	—

[1] Таблица составлена по следующим источникам: Futuya. „Japun's Foreign Exchange and her Balance of International Payments". 1928. Стр. 47, 65, 117 и Harada „Labor Conditions in Japan". 1928. Стр. 55—56.

Если верить цифрам этой таблицы, чистый приток иностранных капиталов выражается в 230 млн. иен в 1924 г., 81 млн. в 1925 г. и 8 млн. в 1926 г.; в 1927 г. имел место отлив капиталов в 27 млн., а в 1928 г.— новый прилив в 29 млн. Следовательно за последние годы импорт капиталов в Японию почти прекратился. В связи с этим и японские эмиссии для заграницы стали быстро увядать. Так в 1927 г. Япония инвестировала 60 млн. иен, а в 1928 г. наблюдается уже чистый возврат в размере 20 млн. Правда, таковы данные, получаемые на основе формального изучения движения фондов. В действительности внедрение японцев в народное хозяйство Китая продолжается. Но не приходится сомневаться в том, что сокращение суммы капиталов, которые предоставляются в распоряжение Японии американцами, значительно стесняют свободу действий японцев в Китае. Правда, прибыли, реализуемые японцами в Манчжурии и в других частях Китая, обычно вливаются обратно в дело и становятся как бы органическими составными частями финансируемых предприятий, усиливая их мощь и суля в будущем еще большие доходы. Но все же ослабление притока иностранных капиталов в Японию нарушает баланс и должно заставить Японию сжать темпы разворачивания производительных сил у себя дома, если она хочет продолжать развитие финансируемой ею в Китае промышленности. Во всяком случае можно без риска впасть в преувеличение, констатировать, что внешняя задолженность Японии достигает в настоящее время 2.000 — 2.200 млн. иен, из которых не менее 500 — 600 млн. иен приходится на частные фонды. Сопоставляя эту цифру с приведенными выше данными об японских инвестициях за границей, мы видим, что если выбросить из последних безнадежные долги (характерно, например, что японцы до сих пор приводят в сводках своих инвестий займы, предоставленные царскому правительству в период мировой войны), то Япония будет иметь пассив по счету капиталов примерно в сумме 500—700 млн. иен.

* * *

Формулируем главнейшие выводы, вытекающие из приведенного материала. 1. Общая сумма иностранных инвестиций на всей территории Азии должна составлять около 18 — 20 млрд. руб., что дает не менее 25% общего итога экспортированных капиталов. 2. Львиная доля этой цифры приходится на Англию, которая однако в послевоенный период обнаруживает большую сдержанность и осторожность в новых вложениях; даже в Индии она стремится максимально использовать внутреннее накопление, одновременно преследуя при этом цель воспрепятствовать притоку туземных капиталов в промышленность. 3. Американские инвестиции не превышают 1.200 — 1.500 млн. руб. Соед. Штаты не обнаруживают сколько-нибудь заметной тенденции к усилению экспорта капитала в Азию. Единственное исключение составляет в этом отношении Япония, но и в эту страну приток американских капиталов уже ослабел. 4. Японское империалистическое наступление в Азии задерживается недостаточностью внутреннего накопления; дальнейшие возможности экспорта капиталов для Японии ограничиваются готовностью ее кредиторов финансировать ее захватническую политику в Азии. Но при отсутствии новых средств для экспорта капиталов она тем неуклоннее будет выжимать все соки из принадлежащих ей за границей предприятий. 5. Главнейшие каналы, по которым текут иностранные капиталы в азиатские страны (за исключением Японии, находящейся на особом положении), это — железные дороги,

непроизводительные займы, торгово-финансовые организации монополистического характера, развивающие в обстановке колониальных и полуколониальных стран хищническую ростовщическую деятельность. Промышленность получает сравнительно ничтожные крохи. Из общей суммы в 18 — 20 млрд. руб. на промышленность приходится не более 1.500 — 1.800 млн. руб. Промышленные инвестиции направляются по преимуществу в горнодобывающие отрасли. Некоторым исключением является текстильная промышленность, поглотившая в Китае и в Индии порядочные суммы капиталов. 6. Обрисованные тенденции размещения иностранных капиталов в Азии исключают возможность широкого развития производительных сил, финансируемого империализмом. Внутреннее же накопление невелико, причем значительная его доля уходит за границу, окончательно обескровливая этим народное хозяйство тех стран, откуда идет этот вынужденный экспорт капитала.

ОТДЕЛ III

Экономика и техника

Б. Кузнецов

Диалектика, естественные науки и техническая реконструкция[1]

I. На пороге новой технической революции

На новом этапе хозяйственного наступления пролетариат неизмеримо быстрее решает поставленную Лениным задачу «перевести все хозяйство страны на новую техническую базу современного крупного производства». Для этого требуется, чтобы марксизм стал активной силой технической реконструкции советского хозяйства. Пролетариат может использовать естественные науки для создания технической базы нового общества только через выкорчевывание буржуазных идеалистических и метафизических тенденций в них и через творческое применение диалектического метода, дающее могучий толчок естествознанию. «Задачи социалистической реконструкции нашего хозяйства неразрешимы без проникновения в область естественных наук и техники принципов диалектического материализма». Это требует упорной борьбы против механистической ревизии марксизма, потому что именно те тенденции науки, которые ведут к созданию новой, недоступной капитализму техники, именно они прорывают оболочку механического материализма, именно для них механистическое мировоззрение становится философским тормозом. Поворачивая к конкретным проблемам советского хозяйства и в частности к проблемам технической реконструкции, философия должна захватить с собой все завоеванное в борьбе с механистами. Отказ от этого сделает неразрешимыми новые задачи. Защита ортодоксального марксизма от механистической ревизии явилась необходимой предпосылкой поворота к конкретному, поворота, который сейчас в особенности необходим.

Сейчас все острее и острее разгорается классовая борьба на участке технической реконструкции. Борьба пролетариата за построение социализма толкает технику к решительному перелому, к новой технической революции. И при построении новой техники пролетариат должен опереться на новейшее естествознание, в котором прогрессивные, передовые тенденции, имеющие глубокий материалистической смысл, пробиваются через идеалистическую скорлупу.

Техническая революция, связанная с появлением капиталистической фабричной промышленности, была продиктована классовыми интересами буржуазии, и возникшая в результате новая техника носила соответствующий отпечаток. До появления этой новой техники капитализм был связан с мануфактурой. Однако капиталистическая организация труда требовала иного. В мануфактуре основная производительная сила — пролетариат — постоянно напоминала о несоответствии ремесленной техники и нового общественного порядка. «Так как

[1] От редакции. В порядке постановки вопроса.

ремесленное искусство остается основой мануфактуры и функционирующий в ней совокупный механизм лишен об'ективного скелета, независимого от рабочих, то капиталисту постоянно приходится бороться с нарушением субординации и со стороны рабочих» («Капитал», т. I, стр. 360).

Классовая борьба толкала вперед техническое развитие. «Наконец, начиная с 1825 года, — пишет Маркс, — почти все новые изобретения были результатом столкновений между рабочими и предпринимателем, который всеми силами стремился обесценить труд работника-специалиста. После каждой сколько-нибудь значительной стачки появляется новая машина». Применение машин означало промышленную революцию. Последняя началась с исполнительного орудия, но вскоре нашла новый источник энергии в паровой машине. Революция охватила всю технику. Новый строй, новый широкий капиталистический рынок получил наконец соответствующую ему техническую базу, и сразу же была технически закреплена система наемного рабства. «Всякому капиталистическому производству, поскольку оно есть не только процесс труда, но в то же время и процесс увеличения стоимости капитала, обще то обстоятельство, что не рабочий применяет условие труда, а наоборот — условия труда применяют рабочего, но только с развитием машины это превратное отношение получает технически осязаемую реальность» («Капитал», т. I, стр. 402).

Эта техническая революция капитализма была тесно связана с механическим естествознанием XVIII века. В «Нищете философии» Маркс пишет:

«Когда английская торговля приняла такие размеры, что ручной труд уже не мог удовлетворить существующему рыночному спросу, почувствовалась потребность в машинах, тогда стали думать о приложении механических знаний, уже вполне развившихся в XVIII веке».

Таким образом буржуазная техника воплотила в жизнь те механические знания, которые вполне развились в XVIII веке и чрезвычайно обогатились великими открытиями и работами предыдущего века. Тогдашнее естествознание стояло под знаком механической картины мира. Оно сводило все многообразие форм движения к механическому перемещению, перемещению, которое «нисколько не исчерпывает природы соответствующего движения, но неотделимо от него» (Энгельс). Нужно прямо сказать, что эта точка зрения привела естествознание к блестящим победам. Если Мах ревизует с этой стороны взгляды Гюйгенса и Карно, то это лишь показывает, как старательно буржуазная наука замалчивает материалистические грехи своей молодости. Механический материализм играл в XVII-XVIII вв. революционную роль. Он обобщал механические знания и в известном смысле подготовлял техническую революцию буржуазии. Именно Гюйгенс построил пороховую машину, где взрыв пороха давил на поршень. Денис Папин решил заменить порох паром и создал одну из первых паровых машин.

Однако Энгельс указывает на ограниченность механического материализма. Механический материализм обобщал механические знания, т. е. представление о самой общей форме движения. Это соответствовало состоянию положительных знаний в XVIII в. и было необходимо для того, чтобы научная картина мира воплотилась в жизнь в результате технической революции. Однако дело состоит в том, — и это не могли понять наши механисты, — что сейчас механический материализм выглядит совсем иначе, что сейчас действительным материализмом может быть только диалектический материализм. Для нас важно подчеркнуть, что механический материализм был достаточным философским оружием для технической революции буржуазии (так же, как и для ее политической революции) и совершенно недостаточным для современной технической революции. Для последней он прямо играет реакционную роль.

В продолжение XIX в. ряд открытий подтачивал стройное здание классического естествознания. В конце XIX в. и в наше время эти удары участились и, наконец, посыпались в угрожающем количестве. Эйнштейн опрокинул традиционные представления о движении, тяготении и эфире. Теория квант нанесла удар старому представлению об энергии. Радий со своими удивительными свойствами совершенно не укладывался в рамки старой картины атомных явлений. Эти новые идеи, сначала разрозненные, постепенно выстраивались в ряд и образовали единую систему. Но это об'единение нового естествознания требовало того, чтобы материализм стал руководящим методом науки. Старый метафизический материализм не мог стать таким методом. Напротив, поскольку он связал свою судьбу с определенной застывшей картиной мира, новые открытия наносили удары и ему. Механический материализм стремился исчерпать разворачивающуюся сложность форм движения одной простой формой. Немудрено, что новые принципы и факты выходили за эти рамки. Дело шло о новых победах диалектического материализма над метафизическим. Но буржуазная наука, враждебная диалектике, об'явила о низвержении материализма. Ленин пишет об этом: «Как ни диковинно с точки зрения «здравого смысла» превращение невесомого эфира в весомую материю и обратно, как ни «странно» отсутствие у электрона всякой массы кроме электромагнитной, как ни необычно ограничение механических законов движения одной только областью явлений природы и подчинение их более глубоким законам электромагнитных явлений и т. д., — все это только лишнее подтверждение диалектического материализма. Новая физика свихнулась в идеализм главным образом потому, что физики не знали диалектики. Они боролись с метафизическим (в энгельсовском, а не позитивистском, т. е. юмистском смысле этого слова) материализмом, с его односторонней «механичностью», — и при этом выплескивали из ванны вместе с водой и ребенка» (т. XIII, стр. 214).

Таким образом механический материализм не мог вывести естествознание из тупика. Материалистический смысл нового естествознания мог явственно выступить только под прожектором диалектического метода. Но поставить естествознание на прочные философские рельсы было не под силу буржуазному обществу. И не только потому, что идеология буржуазии была уже изрядно сдобрена мистикой и поповщиной буржуазного заката. Не только потому, что идеалистическая и эклектическая струя в естествознании перебивала стихийную диалектику естественных наук. Препятствия имелись также и со стороны капиталистической промышленности. Только человеку, совершенно чуждому марксизму, покажется парадоксальной та мысль, что именно промышленность дает материалистические и притом непререкаемые ответы на возникающие вновь и вновь гносеологические вопросы. Промышленность является верховным арбитром философских споров. Как это ни чудовищно звучит для жрецов чистой науки, Маркс и Энгельс, говоря о споре идеализма с материализмом, апеллировали к... ализарину. Отсюда, кстати сказать, видно, сколько в сущности буржуазной классовой ограниченности в том игнорировании технических вопросов, которое нередко в наших собственных философских рядах. «Человеческая практика доказывает правильность материалистической те-

ории познания, — говорили Маркс и Энгельс, — об'являя «схоластикой» и «философскими вывертами» попытки решить основной гносеологический вопрос помимо практики» (Ленин).

Практика, которая решает вопросы философии и естествознания — это промышленность в определенной общественной форме. Если эта форма антагонистическая, то ею сжимаются не только материальные производительные силы, но и неразрывно связанное с ними развитие науки. Естествознание связано с промышленностью, однако связь эта при капитализме является антагонистической. Наука получает от промышленности импульс и материал для своего развития, и поэтому производственные отношения капитализма, став оковами технического прогресса, становятся оковами для развивающейся науки. В частности новейшее естествознание, вызванное к жизни промышленным развитием, в то же время испытывало со стороны последнего тормозящее влияние, чрезвычайно помогающее осевшей на нем релятивистской плесени.

Реальность и материальность электронов могли быть доказаны промышленным применением электронно-ионной теории. Но полное воплощение ее в промышленной технике потребовало бы прежде всего полной электрификации, т. е. недоступного капитализму уровня развития производительных сил. Здесь буржуазная ограниченность технического развития подает руку ограниченности теоретического развития.

И наоборот, метафизические тенденции в современной науке оказываются тормозом для ее промышленного применения. Дело в следующем: диалектическая струя в современной науке связана с переходом от общих понятий к все более конкретным и в конце концов к наиболее конкретному — к техническому применению новых принципов. Новые идеи в математике находят разрешение своих противоречий в механике и физике. Образующиеся здесь противоречия толкают науку к новой химии, где уже ясно проглядывает стык с техникой. Метафизический метод, сводящий конкретное к бессодержательным абстракциям, тянет науку назад. В борьбе с этими тенденциями, которая таким образом приобретает громадную важность для технического развития, могучим оружием являются философские работы Маркса, Энгельса и Ленина. Они вооружают естествознание сознательной диалектикой и, усиливая этим диалектические тенденции в науке, толкают ее к такому уровню, где она вплотную подходит к техническому применению. «Диалектика природы» Энгельса набрасывает единую систему науки, переходящую от одного звена к другому, где каждое звено диалектически переходит в более конкретное, через противоречие между сводимыми (побочная форма движения) и несводимыми (главная форма движения) элементами. Это целиком против механистов, стоящих на точке зрения абсолютной сводимости, с которой совершенно закрывается диалектическая устремленность науки к практике. Работы Энгельса позволяют сейчас перебросить мост от абстракций Минковского и Эйнштейна к конкретным моделям электронно-ионной теории и таким образом освоить новейшую науку как целое.

Остановимся на этом подробнее.

II. Учение о формах движения и современная наука

Схема, набросанная Энгельсом, включает определенную классификацию наук, которая отражает действительный порядок явлений об'ективного мира.

«Классификация наук, из которых каждая анализирует отдельную форму движения или ряд связанных между собою и переходящих друг в друга форм движения, является также классификацией, иерархией, согласно присущему им порядку самых этих форм движения, и в этом именно заключается ее значение» (Арх. II, стр. 33).

Эти явления представляют собой движение материи.

«Движение материи, рассматриваемое в самом общем смысле, т. е. понимаемое как способ существования материи, как внутренне присущий материи атрибут, обнимает собой все переходящие во вселенной изменения и процессы, начиная от простого перемещения и кончая мышлением» (там же, стр. 231).

В письме к Марксу и Шорлеммеру Энгельс набрасывает конспективную схему, изображающую иерархию различных форм движения. Простое механическое перемещение тел переходит через трение и удар в молекулярное, физическое движение; последнее в свою очередь переходит в движение атомов, потом к биологическим явлениям и т. д.

Энгельс чрезвычайно отчетливо указывал на качественную разницу между формами движения, на несводимость каждой высшей формы и низшей. Выведение из общей формы механического движения все более опосредствованных, все более сложных форм — это и есть диалектический метод в построении системы наук.

По вопросу о построении для каждой науки внутри нее системы категорий мы также имеем очень существенные замечания у Энгельса и Маркса. Основным является в этой проблеме ученье о главной и побочной формах движения. Когда мы совершаем переход, скачок к новому типу движения, новой науке, то и в этой последней мы замечаем, во-первых, элементы новые, несводимые к предыдущей науке, образующие момент качественной специфичности данного ряда явлений. Эти элементы собственно и отличают данную науку от других, делают ее отдельной наукой. Перемещение масс в механике, молекулярное движение в физике, атомы в химии, белок и жизнь в биологии — эти элементы и делают данный ряд явлений особой наукой. Энгельс называет их главной формой движения в данной науке.

Но на ряду и в противоположность этим элементам в пределах каждой науки существует ряд элементов, полностью сводимых к предыдущей науке, к предыдущему типу движения. Это — элементы математики в механике, т. е. элементы механики, поскольку они сводимы к математике. Это — механика молекул, т. е. те механические модели, которые существуют в физике. В них наука аналитически вскрывает под данной конкретной формой более общее содержание. Все эти элементы отмечают момент сходства между различными науками и подчеркивают непрерывность в системе наук.

Главная и побочная формы движения не существуют изолированно друг от друга. Противоположность между ними не абсолютна. Они образуют собой единство противоположностей, противоречие, которое двигает вперед данную науку, образуя при этом систему ее категорий. Внешнее противоречие между данной наукой и предыдущей в звеньевом развитии знания превращается во внутреннее противоречие между главной и побочной формами движения. Каждая наука поляри-

зуется на сводимые — полагающие противоположность — и несводимые — отрицающие противоположность — понятия соответственно двум формам движения.

В свете этого метода каждая наука действительно опосредствована предыдущей, представляет собой результат и разрешение ее противоречия, и все науки превращаются в единую, но включающую раздельность систему знания, единую науку о природе и обществе, о которой писал Маркс.

Таково диалектическое решение основного методологического вопроса науки о ее единстве и раздельности, о сводимости и несводимости ее ступеней одна к другой. Для Дюринга, для Прудона, вообще для метафизика такого типа вопрос решается по-иному. Для них задача заключается в сведении качественной многокрасочной конкретности к более простым и общим понятиям. Гегель писал, что «этот прием, откидывающий все отличительные признаки явлений, чтобы остановиться на пустой общей схеме, по справедливости давно оставлен» («Философия природы», стр. 387). Однако оставленный диалектической философией, этот метод, как мы постараемся показать ниже, продолжал и продолжает играть свою реакционную роль в науке.

Переход от науки к науке, от абстрактного к все более конкретным и несводимым к первоначальной абстракции понятиям мы видим прежде всего в переходе от логики, т. е. основных и самых общих схем, к математике, как науке о количестве. Это наблюдалось в истории в XVII в., когда под влиянием развития науки качественно-силлогистическая логика Аристотеля перестала удовлетворять ее потребности и потребовалась математика картезианцев. Математика включает элемент, которого логика не знала — это конечная величина. Форма логических законов — это форма всеобщности. «Но форма всеобщности есть форма в себе замкнутости и следовательно бесконечности» (Архив, II, стр. 149).

На ряду с этим в «сферу нашего познания попадают лишь конечные предметы» (там же). Это противоречие и дает переход от всеобщих определений логики к конечным категориям математики.

Наличие конечных величин указывает на то, что предметом математики является количество. Их наличие характеризует границы математики, ее отличие, несводимость к логике. Действительно из всеобщих суждений логики количественной ограниченности предмета вывести нельзя. Это можно вывести только из опыта.

Конечное выражает количественное, более конкретное, несводимое к логике содержание математики и соответствует поэтому главной форме движения.

Но при переходе от качественной логики к количественной математике мы сразу сталкиваемся с неустранимостью качества. Количество неустранимо в полной мере. Возьмем типичный математический пример — различие между кривой и прямой. В математике это различие становится количественным. Математика измеряет кривую отрезками прямой, говорит о том, что окружность во столько-то раз больше диаметра. Но подсчитывая это число, мы получаем бесконечный ряд. Качество перешло в количество, получилась количественная разница, но разница бесконечно большая, конечным числом ее выразить нельзя.

В этой появившейся бесконечности выражается неустранимость качества.

«Математика, говоря о бесконечно большом и бесконечно малом, вводит количественное различие, принимающее даже вид неустранимой качественной противоположности. Количества, которые так колоссально отличны друг от друга, что между ними прекращается всякое рациональное отношение, всякое сравнение, становятся количественно несоизмеримыми. Обычная несоизмеримость круга и прямой линии является также диалектическим качественным различием, но здесь именно количественное различие однородных величин возвышает качественное различие до несоизмеримости» (Архив, II, стр. 83).

Бесконечность выражает собой неустранимость качества, следовательно побочную форму движения в математике. Она требует, чтобы математика пользовалась логическим аппаратом. Поэтому существенной составной частью побочной формы движения являются математические аксиомы, «выражающие крайне скудное идейное содержание, которое математика должна заимствовать у логики» (Энгельс). Никакое логическое умозаключение никогда не докажет ни одного определения конечного как такового. Эти определения берутся из опыта. Но бесконечное наоборот не может раскрыть свои свойства через наблюдение. Ему нужны доказательства, заимствованные в логике. Только логика может обобщить результаты опыта: распространить их на бесконечное число случаев и поручиться за то, что величины, ставшие несоизмеримыми, когда их отношение становится недоступным опытной проверке, сохраняют свою связь. Аксиомы Эвклида 1) равенство двух величин, равных третьей, 2) равенство сумм после прибавления равных величин к равным, 3) равенство остатков после вычитания равных величин из равных, 4) целое больше части — Энгельс свел к первой и четвертой и указал на их доказуемость в логике («Анти-Дюринг», стр. 35).

Уже представители древне-греческой диалектической философии понимали логический характер математических аксиом. Но они также понимали, что для характеристики конечного нужны определения, взятые из опыта — постулаты. Их логическая недоказуемость лучше всего показывает несводимость главной формы движения в математике, т. е. конечного, к логике. Аристотель указывал на то, что в противоположность логически доказуемым аксиомам постулаты опытного происхождения.

Поляризация математики на главную и побочную форму движения начинается таким образом с ее основ.

Все дальнейшее развитие этой науки представляет собой непрекращающееся противопоставление двух рядов. Конечно эта диалектическая линия в развитии математики пробивала себе дорогу сквозь препятствия. Классовая ограниченность буржуазной науки в математике выражалась в игнорировании даже идеалистической диалектики Гегеля и даже гениальных ее проблесков у Канта.

Имманентный науке принцип полярности сознательно не применялся, между тем несводимость математики и полярность ее со сводимостью с побочной формой является методологической основой прогресса математических воззрений. Реакция, идеализм и метафизика выступали в этой науке, как и везде, под знаменем сводимости. Бесконечность имеет смысл только как противоположность конечному. Если ее абсолютировать, то опыт теряет свое значение как основа математики, побочная форма захватывает математику полностью, и сама математика становится прикладной логикой. Таково учение Кантора. Примат бесконечности, примат аксиом, примат логики, абсолютная сводимость — вот каково содержание этой реакционнейшей теории.

Каждое серьезное завоевание математической мысли, в том числе и некоторые работы самого Кантора, опрокидывали эту точку зрения. Особенно важной победой диалектических принципов были неэвклидовы геометрии. Именно поэтому Лобачевскому и пришлось выдержать такую травлю со стороны метафизического «здравого смысла». По выражению Гаусса «осы поднялись над его головой». Сам Гаусс боялся, как он говорил, «крика беотийцев» и поэтому слабо разрабатывал этот вопрос. Великолепный пример того, как классовая ограниченность задерживает развитие науки, идущее по диалектически-материалистическому пути. Действительно неэвклидовы геометрии дают диалектическое и материалистическое освещение основным вопросам математики. Если, изменив постулаты, мы при помощи того же самого логического аппарата получаем противоречащие друг другу геометрии, то очевидно нельзя сводить математику к логике, приходится признать, что постулаты и аксиомы таят в себе противоречие, которое так ярко раскрывается в противоречии эвклидовой и неэвклидовой геометрии.

Таким образом мы и здесь имеем противоречие между постулативной, несводимой математикой и математикой бесконечности, причем здесь это противоречие достигло наивысшего развития, яркости и убедительности. Дальнейшая разработка относящихся сюда идей привела к величайшим открытиям науки, касающимся числа измерений пространства.

Г. Кантор, а впоследствии Пеано и Гильберт считали возможным свести двухмерное пространство и трехмерное к одному измерению. Клейн и другие математики, стоявшие на точке зрения несводимости большего числа измерений к меньшему, показали ошибочность такой попытки.

Минковский в своей гениальной речи о пространстве и времени, давшей наиболее простое и изящное математическое обоснование теории относительности, развил принцип несводимости применительно к четырем измерениям.

Неимеющая измерений точка — это самая общая и бедная свойствами абстракция геометрии. Смешно было бы говорить о ее реальном существовании. При восхождении от абстракций к конкретному точку сменяет прямая, имеющая уже одно измерение. Затем плоскость, которая измеряется двумя координатами. Перед нами попрежнему абстракции; реально и плоскость не может существовать. Мы вводим третье измерение, третью координату и получаем наивысшую конкретность геометрии, трехмерное пространство, геометрические тела. Но и они реально не существуют, так как существовать — это значит существовать известное время, от которого как раз и абстрагируется геометрия трех измерений.

Но если мы включим и время как четвертое измерение, то очевидно предметом нашего знания будет уже не абстракция пространства, а реальные явления, происходящие в пространстве — природа.

Минковский рассматривает, в какой степени точно передают плоские изображения отличительные черты пространственных, трехмерных геометрических фигур.

Дело идет таким образом о сводимости конкретного к абстрактному. Оказывается, что изображение кривой в пространстве через плоскую кривую с параметрами не достаточно по сравнению с изображением этой кривой в трехмерном пространстве. Оказывается дальше, что точно так же недостаточно изображать движение через пространственную кривую с параметром, показывающим время. Время нужно включать как равноправную четвертую координату.

Нельзя свести четырехмерных пространственно-временных явлений к абстракции трехмерного пространства.

Как обстоит дело с противоречием эвклидовой и неэвклидовой геометрии при переходе к четырем координатам? Если плоскости придать кривизну, то параллельные прямые, превратившись в геодезические дуги, пересекутся, т. е. будут себя вести в соответствии с геометрией Римана, а в случае открытых Бельтрами «поедосфер» они будут выполнять предписания геометрии Лобачевского. Самое важное то, что эти геометрии здесь не противоречат друг другу, а являются просто частными случаями, зависящими от того, получает ли двухмерная плоскость положительную или отрицательную кривизну. Но можно ли об'яснить также стереометрию Лобачевского и Римана и снять таким образом это наиболее яркое противоречие математики?

Оказалось, что вполне аналогичным образом противоречие трехмерной геометрии снимается при переходе к четырем измерениям.

Но сняв это противоречие, мы совершаем скачок к совершенно новой точке зрения. Говоря гегелевскими терминами, мы перешли от бескачественного неопределенного количества к единству качества и количества, к количеству, заполненному определенным качеством, к мере. «Математика природы, если она хочет заслужить названия науки, должна быть наукой о мерах» — писал Гегель, предвосхищая на этом вопросе последующее развитие науки.

Действительно, чтобы стать «математикой природы» (что у Гегеля отличается от количественной математики), т. е. чтобы точно изображать явления природы, математика должна перейти к мерам. Геометрическое пространство — это бескачественное количество, «пустое пространство», по выражению Энгельса. Мерой оно становится, заполняясь событиями, происходящими во времени. Пустое абстрактное время в свою очередь становится мерой, когда оно заполняется пространственными событиями. О каких событиях идет речь?

Вовременное событие, заполняющее собой пространство, пространственное событие во времени — это движение материи. Оно и является реальным единством пространства и времени. От количественной абстракции движения мы перешли к реальному миру движущейся материи, к «абсолютному миру», по выражению Минковского. «Смысл постулатов (относительности) сводится к тому, что в явлениях дан лишь четырехмерный мир в пространстве и времени, но проекция в пространстве и времени может еще предприниматься с известной свободой, я склонен был бы поэтому назвать это утверждение скорее постулатом абсолютного мира».

Переход от математики к природе, данный в теории Минковского, был гениально сформулирован Гегелем. «Понятия пространства и времени более отвлеченны, чем понятие материи, и поэтому должны быть рассматриваемы прежде последней. Исследуя их, мы находим, что материя составляет их истину» («Философия природы»). Сущность движения материи «заключается в непосредственном единстве пространства и времени» (там же).

При таком понимании работ Минковского и вообще принципа относительности в нем не остается ничего мистического, ничего противоречащего и непонятного тому «наивному реализму», который в материализме поднимается, как говорил Ленин, до сознательного ми-

ровоззрения. Однако ограниченно-математической метафизике труднее всего понять, как их абстрактная наука приводит к реальному четырехмерному миру. «Многие математики, — пишет Эйнштейн, — не понимают теории относительности, хоть они понимают ее аналитические выкладки. Они несправедливо видят там только формальные соотношения и не замечают физической действительности, которая соответствует применяемым математическим символам». Математики игнорировали диалектическую философию, и поэтому теория относительности дошла до сознания ученых усложненная и сделавшаяся непонятной, благодаря балласту релятивистских формулировок.

Стихийность диалектики в современной науке, отсутствие сознательного применения ее сыграет и в будущем печальную роль. Если простое перемещение тел требует четырех измерений, то более высокие формы движения, изучаемые физикой, потребуют еще большего числа измерений [1]. Для нас тут важно подчеркнуть одно: рациональное понимание отказа от ограниченно-трехмерного изучения пространства требует, чтобы мы перешли от абстрактной математики к более конкретным звеньям цепи наук.

Это доказывается следующим: четыре координаты снимают не только геометрию Эвклида и ее противоречие с неэвклидовыми. Они при этом снимают бесконечность и ее противоречие с конечным. Что собой представляет геометрическое бесконечное пространство? Оно выражает элиминирование времени, точку во времени. Одновременность пространства выражается как бесконечность. Для геометрии прямая существует в пределах срока в нуль времени. Ее величина этим временем не ограничена, прямая не двигается, а существует одновременно во всех частях пространства, которое также является одновременно существующим везде, бесконечным пространством. Но если пространство теряет свою самостоятельность, «превращается, — как говорит Минковский, — в тень», становится односторонним определением вовременного процесса движения, то дело меняется. Возьмем прямую как пространственное определение движущейся точки. Ее величина определена временем движения, ограничена По теряв самостоятельность, пространство перестает быть бесконечным. Отныне бесконечным может быть только «абсолютный мир» — бесконечное пространство в бесконечное время. Но это совсем особая бесконечность — единство конечного и бесконечного, гегелевская истинная бесконечность. «Истинная бесконечность была уже Гегелем правильно вложена в заполненное пространство и время, в природу и историю» — пишет Энгельс (Арх., II, стр. 17).

Подытожим. Для познания предметов недостаточно общих схем логики. Необходимо количественное их познание — математика. В математике мы видим несводимый к логике ряд — главную форму движения. Это — конечное и постулаты, выводящие его из опыта. И в противоположность ему побочную форму движения — аксиоматическую, т. е. сводимую к логике бесконечность. Это противоречие снимается «абсолютным миром» Минковского.

«Абсолютный мир» означает движение материи в всеобщей и простейшей форме перемещения. Иными словами, снятие основного противоречия математики совершается путем скачка к более конкретной науке — механике.

[1] Клейн показал, что для математического обоснования квантовой механики следует пользоваться 5 координатами.

Абсолютный четырехмерный мир Минковского не сводим к геометрическому пространству. Это значит, что механика, ставшая самостоятельной наукой в результате работ Минковского и Эйнштейна, несводима к математике. Гегель, который критиковал Ньютона с такой точки зрения, очень резко формулировал эту мысль. «Данные математического анализа, его ход и результаты вовсе не имеют физического достоинства и значения. Это не следовало бы забывать и в физическую механику не следовало бы вводить произвольную метафизику, построенную единственно на математических данных, противоречащих как сущности дела, так и прямым наблюдениям» («Энциклопедия», § 270).

Такой метафизикой будет определение механического движения, как перемещения в геометрическом пространстве. Несводимая к математике механика знает движение как перемещение в заполненном пространстве, т. е. относительно других движущихся тел. В такой общей форме принцип относительности известен давно. «Движения отдельного единичного тела собственно не существует», — говорит Энгельс, следуя за Гегелем, который в «Философии природы» пишет: «движение как таковое имеет смысл и существование единственно только в системе нескольких находящихся во взаимоотношении различно-направленных тел». Движение одного тела имеет смысл только в связи с движением другого тела; движущиеся тела взаимно связаны. Всеобщая опосредственность — этот общий принцип диалектической логики, превратившийся в математике в функциональную зависимость величин, здесь раскрывает свой истинный смысл — связь, взаимодействие материальных тел, т. е. движение. «Из того, что эти тела, — пишет Энгельс, — находятся во взаимной связи, логически следует, что они действуют друг на друга, и это их взаимодействие и есть движение» (Арх., II, стр. 231).

Каковы формы этого движения?

«Если два тела действуют друг на друга, причем в результате этого получается перемещение одного или обоих, то перемещение может заключаться лишь в их взаимном приближении или удалении друг от друга. Всякое движение состоит во взаимодействии притяжения и отталкивания» (Арх., II, стр. 233).

Энгельс указывает далее на эквивалентность отталкивания и притяжения (Арх., II, стр. 233), физический эффект отталкивания в притяжении один и тот же. Все явления, которые будут происходить в отталкиваемом теле, произойдут таким же самым образом в случае, если тело будет притягиваться с той же скоростью в обратную сторону. Если наблюдатель сидит в большом ящике и сначала не чувствует никакой силы тяжести, а потом она появляется, то он не сумеет решить, что произошло: притягивает ли его земля или он движется со своим ящиком в обратную от земли сторону с таким же ускорением, как если бы он падал. Пол в этом втором случае будет также крепко прижиматься к его подошвам, как прижимались бы последние к полу вследствие тяжести самого наблюдателя. Таким же образом наблюдатель, сидя на краю вращающегося диска, не поймет, отталкивает ли его движущийся диск или притягивает предметы, вращающиеся вокруг диска. Этими примерами Эйнштейн начинает свой, вышедший в 1921 г. специальный мемуар об общем принципе относительности. Он называет «принципом эквивалентности» обобщение этих примеров, которые об'ективно являются развитием идей Гегеля и Энгельса.

Наши наблюдатели не сумеют сказать, движется ли ящик и движется ли диск. Это значит, что ускорение и центробежная сила не дают права говорить о движении тела абсолютно, т. е. не сравнивая его с другим телом. Принцип относительности обобщается и для случаев неравномерного и криволинейного движений. Это и есть общий принцип относительности. С этой точки зрения не существует привилегированного тела отсчета привилегированных координат. Если поезд движется по земле, то мы можем также сказать, что земля движется под поездом, и обе эти формулы будут изображать явление одинаково точно в зависимости от того, какие координаты мы примем: поезда или земли. Значение формул относительности заключается в возможности перехода от одной координатной системы к другой. Камень отвесно падает из окна поезда. Но мы можем описать движение камня независимо от поезда, в земных координатах. Дальше мы можем описать это движение, его форму и скорость независимо от земли, в координатах солнца и т. д. Это наличие об'ективной иерархии тел отсчета имеет огромное значение для правильного, а не релятивистского понимания теории Эйнштейна. В этой иерархии каждая координатная система является относительной по отношению к последующей и абсолютной по отношению к предыдущей. Подымаясь по этой лестнице, мы не только изображаем движение все более относительным, но и наоборот, переходим каждый раз «от относительного к абсолютному» (Планк).

Для того, чтобы показать относительность данных координат, нам приходится «абсолютизировать» следующие. В процессе исторического развития наших знаний о других телах отсчета все время ставится и все время снимается абсолютная характеристика движения. В этом смысле теория относительности демонстрирует взаимное проникновение противоположностей — абсолютного и относительного.

Значит существенным моментом в методе, который применяется в механике, являются тела отсчета, принимаемые за неподвижные, и абсолютные характеристики движущихся тел. Эти релятивные «абсолюты» играют большую роль и не дают чувствовать свою релятивность в земной механике, там, где дело идет о небольших скоростях. Но у Ньютона эта побочная форма была возведена в абсолют. В этой абсолютизированной форме виднее основное свойство механики абсолютного движения — сводимость ее к математике. Наши механисты подняли шум против теории относительности. Немудрено, она, как и все новейшее естествознание, пробивает брешь в их примитивном мировоззрении, теория Эйнштейна несовместима с метафизическим «здравым смыслом», она противоречит метафизическому материализму, а другого материализма они не желают знать.

Тов. А. Тимирязев, переводящий примитивные, вульгарные и черносотенные выпады Ленарда против Эйнштейна на русский язык и на язык псевдомарксистской терминологии, упрекает принцип относительности в «математизме», в замене эмпирического наблюдения математическими спекуляциями. Действительно Эйнштейн и еще более Минковский начинают с математики, с абстракции, и именно поэтому они приходят к новому конкретному содержанию. Принцип относительности выводится из математики, и именно поэтому он несводим к математике.. Ньютон поступал наоборот соответственно своему индуктивному методу, так резко охарактеризованному Энгельсом. Исходя из физических явлений, он сводил их к математическим абстракциям. Нет никаких сомнений в том, что абсолютное пространство Ньютона совершенно тождественно с абстрактным пространством геометрии.

Это пространство должно об'яснить реальные явления, происходящие в материи, в заполненном пространстве. Ньютонианцы об'ясняют центробежную силу, вращение плоскости, качания маятника Фуко и т. п. наличием абсолютного, т. е. геометрического пространства, относительно которого происходит данное абсолютное движение. И такое об'яснение и вневременная передача действия показывают, что ньютоновская теория не дошла до принципа причинности, свойственного несводимой механике. «Таким образом ясно, что в рассматриваемом случае ньютоновская механика не действительно, но только кажущимся образом удовлетворяет принципу причинности, т. к. она считает чисто воображаемую причину ответственной за различные наблюдаемые с телами события» (Эйнштейн).

Ньютоновская механика целиком сводилась к математике и поэтому не заключала в себе никакого внутреннего противоречия и не могла своим развитием подойти к переходу в другую область науки.

«Основанная Галилеем и Ньютоном и приведенная в законченную форму Эйлером и Лагранжем механика представляет построение, которое по отношению к полноте и законченности не оставляет ничего более желать и может с успехом соперничать с любой математической теорией. Но именно в этом характере полной законченности, которая свойственна классической механике, лежит для нее невозможность дальнейшего роста и дальнейшего развития, как этого требует общая задача физики, которая кроме явлений движения (Планк под «движением» подразумевает здесь перемещение, Б. К.) охватывает большое количество других процессов» (М. Планк «Отношение физических теорий друг к другу», сб. под ред. Лазарева, стр. 36).

Напротив диалектическая механика, включающая полярность главной и побочной формы движений, в конце концов приводит к снятию механической ограниченности и к переходу к «другим процессам». Главная форма движения — это относительное движение, которое требует для того, чтобы обнаружиться, сравнения с независимым телом отсчета. Побочная форма — это движение тела, которое мы условно принимаем за абсолютное, не требующее постороннего тела отсчета, или являющееся абсолютным телом отсчета, относительно которого мы решаем вопрос о его покое или движении независимо от посторонних тел. И вот есть случай, когда мы можем сказать, что эта полярность потухает, противоречие снимается. Мы можем в этих случаях не условно, а категорически отказаться от всякого тела отсчета, вообще от всякого другого тела, и находить доказательства движения, находясь на изолированном теле. Дело в том, что только вульгарно-механистическая точка зрения понимает под движением лишь простое перемещение. «Движение в применении к материи — это изменение вообще» (Арх., II, стр. 27). Если мы будем рассматривать движение не как перемещение, а как изменение состояния, т. е. большее число перемещений внутри данного тела, то необходимость координат отпадает. Если железный шар нагревается, то он конечно является суб'ектом движения, но противоречие абсолютного относительного, свойственное механическому перемещению, сюда не относится. Относительность отличает выделенное из универсальной абсолютности движения отдельное перемещающееся тело.

Точка зрения множества перемещений, берущая их в массе, со стороны их результата, т. е. состояния вещества, снимает основное противоречие механики. Эта точка зрения поэтому должна соответствовать таким явлениям, в которых реально снимается механическое движение, прекращается перемещение тел относительно друг друга.

Это — соприкосновение тел — удар и трение. «Трение и удар, — говорит Энгельс, — порождают внутреннее движение соответственных тел, молекулярное движение, диференцирующееся в зависимости от обстоятельств в теплоту, электричество и т. д. (Арх., II, стр. 9).

Снятие механики таким образом совершается через скачок к физике, к более высокой форме молекулярных движений.

Физика изучает состояние, т. е. движения очень большого числа частиц внутри вещества. Эта множественность проявляется в том, что в результате самых разнообразных перемещений частиц они располагаются в наиболее вероятном порядке. Как бы ни были случайны с точки зрения физики движения отдельных частиц в их массе, в среднем в результате все эти случайные отклонения уравновесятся по статистическому закону больших чисел, и вещество перейдет к наиболее вероятному состоянию. Движение в физике носит статистический характер. Распределение частиц идет от менее вероятной комбинации к более вероятной. Обратный переход для массы частиц невозможен, поэтому процессы физики характерны необратимостью. В этом заключается принцип энтропии, или второе начало термодинамики. Это является признаком физических процессов. В. Оствальд называл его вторым принципом энергетики и распространял на механику. М. Планк, полемизируя с ним, показал направомерность такого стирания границ применимости этого принципа.

Физика рассматривает результат массы перемещений, т. е. изменение не места, а состояния. Такое движение, т. е. состояние, само может распространяться, перемещаться внутри тела, от тела к телу. Короче говоря, физическая энергия, не в пример механическому перемещению, является уже не сказуемым тела, а сама становится суб'ектом перемещения. Поэтому его можно мыслить перемещающимся отдельно от тел. На ряду со старым понятием материи у нас появляется энергия. Их полярность становится основной в физике.

Метафизик, который не видит в движении ничего кроме простого перемещения, решит, что энергия обозначает движение без материи. На самом деле все здесь очень просто. У нас кусок проволоки. Он нагрет с одного конца, и теплота распространяется к другому концу. Что перемещается вдоль по проволоке из конца в конец? Сама проволока? Железо? Частички? Нет, перемещается колебание частичек. Именно поэтому это называется волной. Когда по поверхности воды бежит волна, то вперед движутся не частички воды, а их колебания, движение вверх и вниз. Нелепо было бы, встав на точку зрения «энергетиков», заявить, что волна существует, а воды нет вовсе. Движение волны в физике, энергия не может существовать без того, что движется, т. е. колебаний, а колебания не могут существовать без того, что колеблется, т. е. материальных частиц. Предпосылкой физических состояний являются механические перемещения частиц материи. Эта предпосылка необходима. Именно статистический, несводимый к механике характер формул физики требует, чтобы физика как побочную форму включала механические модели.

Против этих моделей ополчились метафизика и идеализм. Оствальд вообще считал энергию мыслимой без материи. Ленин достаточно ярко характеризовал эту теорию, так прельщавшую всяких релятивистов. Таким воззрениям соответствовал методологический принцип Маха и Дюгема, которых Макс Планк назвал «пуристами». Они стояли за чистую физику принципов, за «чистое описание» физических процессов. Идеалистический характер и простота, отсутствие противоречий обеспечили этому принципу прочную социальную базу. В самое последнее время при исследовании квантовой механики «пуризм» снова выплыл как «принципиальная ненаблюдаемость» физических процессов.

Позитивизм уничтожает противоречие, которое вело к конкретному от общего. Методом физики становится аналитическое сведение к абстрактной формуле. Для метафизиков требуется одно: описать явления так, чтобы подвести его под формулу, классифицировать, т. е. отнести к общему понятию. Сами формулы принимают вид не физических уравнений вероятности, а категорических функций механики. Основное различие между механикой и физикой исчезает. Физика сведена к механике, высшая форма движения к низшей.

Принципы физики не исчерпывают явления, а описывают его только с одной стороны. Поэтому при все более детальном изучении физических явлений формулы физики теряют свое абсолютное значение. Установленные на основе теории вероятности уравнения не должны применяться без оговорок при переходе от больших скоплений частиц к меньшим. Статистический, вероятностный принцип равномерного распределения энергии не оправдался, когда Планк хотел применить его к распределению энергии в нормальном спектре лучистой теплоты. Должно было выйти так, что к фиолетовому концу и дальше, где волны короче, энергии должно быть больше. Это не оправдалось. Зато результаты опыта вполне подтвердили ожидания Планка, когда он предположил, что энергия распространяется не непрерывно, а «квантами», т. е. принимая не всякие значения, а только некоторые, именно кратные некоторой величине.

Бор раз'ясняет истинный смысл этого принципа, ставшего основным в новой физике. «Атомной системе присуще некоторое многообразие состояний, «стационарных состояний», которым соответствует прерывный ряд значений энергии и которые обладают определенной устойчивостью. Это выражается в том, что каждое изменение энергии атома вызвано переходом из одного стационарного состояния в другое! (ст. Бора в «Успехи физических наук», т. VI, в. 2, стр. 97). Бор рисует такую модель атома: в центре атома находится положительное ядро, его заряд положителен и равен заряду отрицательных электронов, которые вращаются вокруг ядра. Этих электронов столько же следовательно, сколько единиц положительного электричества в ядре. Их может быть один, два, три и т. д. Переходя к большему на единицу числу электронов, мы тем самым переходим к другому веществу. Электроны движутся по постоянным орбитам. По каждой орбите движется определенное число электронов. Когда на внешней орбите это число заполнено, прибавление еще одного электрона означает новую внешнюю орбиту с одним электроном, потом с двумя и т. д. Когда и эта орбита заполнена, снова появляется новая орбита, сначала с одним, потом с двумя и т. д. внешними электронами. Таким образом возникают периодически повторяющиеся вещества с одинаковым числом внешних электронов, т. е. электронов, движущихся по внешней орбите.

Перед нами периодическая система Менделеева. Расположенным в таком порядке элементам будет соответствовать возрастающее значение атомного веса. Так как атомы расположены по величине заряда, то этому последнему соответствует порядковый номер таблицы Менделеева. Периодически повторяющемуся числу внешних электронов соответствуют периодически повторяющиеся химические свойства элементов.

Планк хорошо выражает диалектическую мысль о том, что противоречия физики снимаются химией, что, отказавшись от абсолютов в физике, мы, развивая ее основное противоречие, приходим к химии. «Таким образом путем принципиального отказа от предложения возможности открыть абсолютный закон явлений при всех термических и химических явлениях и введением представлений об атомах, которое связано с рядом новых характеристичных постоянных природы, именно атомными весами, устраняется недоразумение, возникшее между динамикой и теорией тепла» (сб. Лазарева, стр. 84).

В электронно-ионной химии снимается противоречие между материей и энергией. Здесь электричество уже не является состоянием вещества, временным и отделимым от него. Здесь оно является постоянным качественным отличием вещества. Электричество в химических процессах проявляется в постоянном тяготении данного элемента к другому в напряженности. Это не просто возвращение к механике. В механике от материального тела движение неотделимо как перемещение его. В химии движение неотделимо от материи как ее постоянное состояние — качество. Это — синтез механического перемещения и физического состояния.

В таблице Менделеева мы видим ряд элементов, расположенных в порядке непрерывного возрастания числа электронов в атоме. Еще Гегель считал нужным упорядочить ряд арифметически отличающихся друг от друга постоянных природы на основании какого-либо правила. «Можно было бы предложить задачу, установить относительные показатели ряда удельных весов, как систему на основании правила, которое бы специфицировало эту чисто арифметическую множественность в ряд гармонических узлов. Такое требование было бы уместно и для познания вышеуказанных рядов химического сродства» (Гегель. «Наука логики», I. Пер. Дебольского, стр. 254). Менделеев расположил вещества по возрастающим атомным весам. Порядковый номер этой таблицы в теории Бора сказался числом электронов в атоме вещества.

Основное противоречие этого ряда — это противоречие между непрерывным изменением физической природы веществ и прерывным периодическим повторением их химических свойств.

Физически вещества могут различаться по величине заряда, т. е. по числу электронов в атоме. Атомный вес — это и есть такое физическое отличие вещества. Оно непрерывно увеличивается по мере возрастания числа электронов, т. е. порядкового номера менделеевской таблицы. Самое важное здесь то, что каждый атом в этом ряду будет обладать физической устойчивостью, равновесием, так как отрицательный заряд будет равен заряду положительного ядра, который также непрерывно возрастает.

Но химическая устойчивость, устойчивость иона, противоречит физической устойчивости атома. Если от атома отрывается несколько электронов, то положительный заряд становится больше отрицательного; если к атому присоединяется несколько электронов, то отрицательный заряд больше. Иными словами, ионизируясь, атомы теряют свою физическую устойчивость и нейтральность и становятся заряженными. Куда же ведет при этом отмеченное выше противоречие? Оно снимается, если данный ион встретится с некоторым числом ионов, заряд которых равно противоположен данному. Например один атом кислорода, имеющий шесть внешних электронов, превращаясь в ион, прибавляет к себе два электрона. Он заряжен отрицательно. Если он встретит два иона водорода, которые потеряли по одному электрону, то он соединяется с ними, и получается молекула, она будет обладать физической нейтральностью, равновесием. Устойчивость, прочность молекулы существует благодаря неустойчивости, заряженности ионов. Число, показывающее со сколькими ионами водорода соединяется ион данного вещества, называется валентностью. Валентность — это количественно-определенная напряженность. Она вытекает из противоречия между устойчивостью атома и устойчивостью иона.

Таким образом носителями главной формы движения являются атомы с нарушенным физическим равновесием и поэтому тяготеющие друг к другу соответственно валентности, т. е. ионы. В химических реакциях эта форма движения проявляется как ассоциация атомов в молекулы, т. е. возникновение молекул из ионизированных и поэтому связанных между собою атомов. Но на ряду с этим для большинства реакций требуется, чтобы ионы превратились в атомы и молекулы распались, диссоциировались. Молекулы распадаются, и из атомов образуются новые молекулы. При всех химических явлениях действующие вещества состоят из ионов или как-нибудь иначе потерявших свою нейтральность и устойчивость атомов. Но для этого они должны предварительно обрести такую устойчивость, превратиться в физически устойчивые и поэтому диссоциированные атомы. С диссоциированными атомами могут происходить только физические явления — тепловые, электрические, оптические и т. д. Никаких химических явлений, т. е. превращений, качественных изменений с диссоциированными атомами не происходит. Диссоциация атомов — это предпосылка химического процесса, но не самый процесс. Это — неустранимая форма движения, сопровождающая химические явления, неотделимая от них, но не химическая по существу, а химическая, сводимая к физике. Короче — это побочная форма движения.

Таким образом грань между физикой и химией не стирается, но вместе с тем в основе химических превращений оказываются законы электромагнитных явлений, или, как говорит т. Кржижановский, «наука о веществе стала наукой об электричестве».

Лучше вся суть переворота в представлениях об энергии и материи сформулирована Лениным: «ограничение механических законов движения одной только областью явлений природы и подчинение их более глубоким законам электромагнитных явлений». Поразительно, до какой степени эта гениальная формулировка совпадает с идеями «диалектики природы» и одновременно проникает в самую сущность новейшего естествознания. Наука, не ограничиваясь «механическими законами движения» и углубляясь дальше к более сложным формам движения материи, добралась до «более глубоких законов электромагнитных явлений». Электромагнитная теория вещества тому яркое свидетельство. Материя состоит из электрических зарядов, из мельчайших скоплений энергии. Энергия состоит из совершенно материальных единиц и неразрывно связана с материей вопреки выдумкам оствальдовской «энергетической» концепции. Взаимопроникновение материи и энергии — вот насквозь материалистический и насквозь диалектический принцип современной науки.

III. О некапиталистическом развитии советской техники

Техническое воплощение этого принципа означает, во-первых, универсальное использование материи для получения тепловой и си-

ловой энергии и, во-вторых, универсальное использование энергии для превращений вещества. Это — две стороны одного и того же, а именно продвижения техники по пути, который ей открывает электрификация производства.

Использование материи для получения энергии в полном об'еме осуществится разложением атома и получением внутриатомной энергии. Решение этой задачи даст человечеству ключ к громадным запасам энергии и начнет новую эру его истории. Г. М. Кржижановский пишет:

«Содди утверждал, будто человечество, которое может использовать внутриатомную энергию, будет пользоваться такими ключами материального изобилия, при которых людям этой эпохи вся предшествующая история будет представляться своеобразным веком варварства. Сам электрический ток в своей таинственной сущности как бы представляет уже начало использования этой внутриатомной энергии. Еще очень грубое примитивное начало. Но именно дальнейшее изучение электрических явлений с каждым годом все ближе и ближе приближает нас к овладению стихией внутриатомной энергии».

Эта грандиозная перспектива ярко освещает путь, по которому мы должны направить нашу научно-исследовательскую мысль. Это позволяет гораздо глубже и конкретнее поставить вопрос о планировании научно-исследовательской работы. Ведь в настоящее время она не является рядом произвольных и неожиданных взрывов изобретательского гения. Ее можно направить, ставить перед ней определенные задачи. Такой перспективой, к которой мы должны направить исследования, является получение внутриатомной энергии. На пути к ней вырисовываются вехи, которые сами по себе имеют громадное значение.

Акад. А. Ф. Иоффе на докладе в НИС ВСНХ поставил интереснейшую проблему «энергии угля, из которого современная техника, добывая его трудным путем из недр земли и сжигая, научилась извлекать менее ¼, погубив остальные ¾, в то время как можно было использовать все, да еще на месте, в глубине земли». Уголь при сжигании отдает в механическую работу 20—30% своей теплоты, а теоретически возможно получать до 105% (т. е. присоединяя пять процентов из окружающей теплоты). Это было бы возможно, если бы удалось окислять уголь при низкой температуре в самом пласте и освобождающуюся энергию подавать наверх по проводам.

Вторая грандиозная задача, которая по мнению А. Ф. Иоффе должна быть поставлена в СССР — это использование бесполезно растрачиваемой солнечной энергии. Сжигая топливо, мы реализуем энергию солнца, которая была поглощена растениями. При этом используется ничтожная часть попадающей на землю энергии. Если бы поверхность пустынь и океанов покрыть фотохимическим веществом, которое собирало бы энергию солнечных лучей и потом отдавало ее электрическим аккумуляторам, то вся техника сразу приняла бы другой вид. Использование энергии солнца на пустынях и океанах, иные кроме растений формы использования реакции фотосинтеза — эта энергетическая задача также решается химически, т. е. к решению ее привлекаются изменения вещества. Она также лежит на пути, ведущем к освобождению внутриатомной энергии.

С другой стороны, использование энергии для химических превращений вещества, т. е. другая струя, воплощающая в жизнь новую теорию материи и энергии, также быстро пробивает себе дорогу в технике.

Электрохимия реконструирует промышленную технологию. Электричество широко применяется для выплавки металла. При получении стали электрическим путем отсутствуют посторонние химические реакции, связанные с горением топлива. Поэтому сталь из электропечей чище обыкновенной. Высококачественная сталь — это продукт электрометаллургии.

Электрометаллургия позволяет получать необходимые промышленности ферросплавы (ферромарганец, ферровольфрам, ферросилиций). Еще большее значение имеет алюминий и другие легкие металлы, без которых не мог бы возникнуть ряд новых отраслей машиностроения. Они получаются в электропечах, и это явилось необходимым условием их распространения. Наконец целый ряд цветных и редких металлов также получается при помощи электричества.

Можно ли сказать, что современное развитие электрохимии и электрометаллургии воплощает в жизнь новый уровень физических и химических знаний? Нет, это лишь прорыв в новую технику, рейд капиталистической промышленности в ту область, которая ей недоступна и где действительно будет практически воплощена революция в естествознании. Современная электрохимия основана на законах Фарадея. Эти законы сами по себе — прорыв в область электронной химии. Фарадей открыл основные закономерности, связывающие количество пропущенного через раствор электричества с количеством вещества, осевшего в результате реакции, и т. п. Эти законы указывают на электрическую природу распада и соединения химических элементов и предвосхищают в известном смысле электронно-ионную химию. «Таким образом явления электрохимической диссоциации и законы Фарадея не представляют каких-либо явлений исключительных, стоящих особняком от других химических процессов, но лишь особенно ярко вскрывают электрическую природу связей, удерживающих в равновесии структурные единицы материи, и обнаруживают повсеместное присутствие электрона как основной мельчайшей структурной единицы» (Н. А. Изгарышев. «Электрохимия»). Электро-ионная теория обобщила эти явления. Применение ее должно распространить методы электрохимии на всю область промышленной технологии.

Габер говорит о различных стадиях в развитии взаимоотношений между наукой и техникой в области химии. Синтез аммиака, сделавший эпоху в химической промышленности, основан на термодинамике. Другое применение термодинамики — это равновесие электролитов и их разложение (см. Фрумкин. «Научно-исследовательская работа по физической химии», сб. НИС ВСНХ). Таким образом оправдалось предсказание Энгельса, ожидавшего величайших открытий в областях, лежащих на грани физики и химии. Однако решение основного вопроса о скорости реакций было эмпирическим и поэтому частным. Искали катализатор, который ускорил бы реакции, пробовали бесконечное количество аммиачных катализаторов, но когда наконец требуемый катализатор был найден, общий вопрос не был решен.

«Техника действительно нашла такой катализатор, который оказался пригодным для практического решения проблемы синтеза аммиака. Но известное чувство неудовлетворения у тех лиц, которые производили эту работу, осталось, и кроме того было ясно, что если в результате слепых поисков удалось получить сравнительно благоприятные результаты, то конечно еще гораздо больше можно было бы сделать, применяя какую-нибудь систематическую теорию, пытаясь

распознать природу реакций, основания, по которым эти катализаторы действуют» (А. Н. Фрумкин. Статья в сб. НИС ВСНХ).

Однако «на этот вопрос классическая физическая химия не давала ответа (там же). Она не могла обобщить открытий Габера. Иное дело новейшая химия. Она, вскрыв энергетическую природу и катализа и других явлений, позволяет овладеть ими и промышленно применить их во всей технологии. «Только что, — пишет А. Ф. Иоффе, — произошел коренной сдвиг в химии. Открылись глаза на сущность химических связей, на механизм реакций. С этих новых высот видны пути к овладению этими явлениями и к подчинению их нашей воле. Можно будет распоряжаться скоростями реакций, как скоростью автомобиля, можно будет создавать неограниченный ряд новых веществ и смесей. На эти новые, еще молодые, но обещающие революцию в химической технике пути нужно направить наше творчество» (сб. НИС ВСНХ, стр. 25).

В свете этих новых перспектив технического развития должен решаться вопрос об основной линии реконструкции промышленной технологии в Советском Союзе. Дело идет о соотношении электрификации и химизации. В условиях социалистического производства проникновение электричества в технику может происходить в таком об'еме, что химизация покроется электрификацией промышленной технологии. Энергетическая реконструкция включает в себя технологическую реконструкцию как составную и подчиненную часть. Это практически осуществляется в промышленных комбинатах электроемких производств (азот, алюминий, электросталь, ферросплавы и т. д.), возникающих вокруг «пионерных» электростанций, которые вызывают к жизни новые промышленные районы и новые в технологическом отношении производства (напр. Днепрострой). Новейшая техника еще больше усиливает ведущую роль энергетики в реконструкции советского производства. Ленин писал об электричестве как о технической базе крупной машинной индустрии. Передовые тенденции современной техники подтверждают эту мысль, подводя электрическую базу и под энергетику и под технологию промышленности.

Продукты электрифицированной технологии — легкие и редкие металлы — сами дают толчок техническому развитию. «Техника стоит перед созданием новых материалов. Мы вышли уже из века железа, но еще не выкристаллизировалась та база, на которой построена будет техника будущего. Специальные стали и сплавы — путь к нему. Мы уже знаем, что возможны материалы, и механически и электрически во сто раз более прочные, чем сейчас. Возможен проволочный мост через Неву, возможна изоляция на миллион вольт в один миллиметр толщиной, мы уже знаем даже, как в этому итти» (А. Ф. Иоффе, там же).

Если новые металлы стучатся в двери современной техники, то электрификация открывает эти двери. Дешевая энергия районных станций позволит выпускать любые количества алюминия, магния, натрия, вольфрама, молибдена и т. д. Проникновение этих металлов в технику означает новые перспективы в развитии машин. В частности двигатели внутреннего сгорания на тракторах, автомобилях и самолетах могут быть в гораздо большей степени обеспечены высококачественным сырьем. При конструировании новых машин новые металлы могут стать основными материалами. Машиностроение сумеет решать неразрешимые сейчас задачи.

Эти грандиозные задачи технического развития советского хозяйства могут быть решены лишь в более или менее отдаленном будущем. Но они не противостоят текущей работе. Напротив, они уже сейчас имеют актуальнейшее значение для самых непосредственных и злободневных практических вопросов. Необходим поэтому решительный отпор разговорам об «утопичности» и «невыполнимости» больших задач технической реконструкции. Этот обывательский скептицизм, косность и рутина тянут нас назад, и борьба против них — это классовая борьба на участке технической реконструкции.

Дело в том, что эти большие проблемы придают текущей научно-технической работе хребет, дают ей единый стержень, намечая контуры новой техники. По пути к этой технике мы добьемся максимального ускорения темпа технической реконструкции. Уже сейчас поиски в этом направлении дали ряд практических достижений (высокие давления, катализ и др. области). Необходимо резко подчеркнуть классовый характер этой линии технической политики.

Полное овладение техникой недоступно капитализму. Централизованная система энергоснабжения исключает возможность частной собственности на средства производства. Последовательная и полная автоматизация несовместима и с производственными отношениями капитализма, она ликвидирует противоположность между умственным и физическим трудом и уничтожает об'ективные условия капиталистической субординации. Новая технология, основанная на этом, кроме всего тормозится еще инерцией капитальных вложений в старые отрасли. Поэтому техническое развитие на западе происходит зигзагами, идет искаженными путями и не может в полной мере освоить новейшие победы науки. Нам незачем следовать за этими зигзагами. Мы пойдем дальше капитализма. Поэтому, перенося к нам достижения запада, одновременно в научно-исследовательской работе нужно ориентироваться на будущее техники, будущее, недоступное капитализму, улавливать общие тенденции научно-технического развития и обобщать те прорывы в новую технику, которые мы видим на западе на отдельных участках. Это — *некапиталистическое развитие* нашей техники, оно пойдет путями, недоступными капитализму, исключающими возможность капиталистической реставрации в нашей стране и позволяющими в минимальный срок догнать и перегнать капиталистический мир.

Классовый характер нашей технической политики вызывает бешеное сопротивление классового врага. Вредители всеми силами боролись против новой техники, против внедрения электричества в технику производства. На ряду с задержкой электростроительства они тормозили бурный рост новых электроемких технологических приемов. Они стремились потащить назад новые производства и уложить их в прокрустово ложе темпов, свойственных буржуазной стране, к тому же вассально-зависимой от передовых капиталистических стран. Основным стимулом при этом была не эта общая установка, а непосредственные директивы иностранных генеральных штабов. В свое время вредители хотели вырвать эту область из социалистического сектора и передать ее буржуазии хотя бы в виде концессий. Совершенно понятно поэтому, каково было отношение вредителей в частности к тем новым электроемким методам, которые помогли советской стране самостоятельно добывать цветные металлы на техническом уровне, превысившем капиталистическое хозяйство. На цветную металлургию зарилась целая группа капиталистов во главе с Уркваргом. Последний в бытность свою в Москве развивал кипучую деятельность. Показаниями инж. А. Иванова, Уркварт, живя в Москве около квартиры Кисельникова и Лессига, часто навещал их и уплачивал им день-

ги за экономический шпионаж в области цветной металлургии. Этот самый Лессиг в своих показаниях привел чрезвычайно яркий факт, иллюстрирующий направление и технику вредительства: «Дальнейший план вредительства на Риддере заключался в том, чтобы путем задержки постановки электролиза цинка поставить Риддер в нерентабельные условия и тем самым способствовать сдаче его в концессию. Электролиз цинка требует большого количества энергии, а именно — около 4 тыс. квтч на каждую тонну цинка. Следовательно для задержки электролиза цинка необходимо было оттянуть строительство крупных гидростанций — Ульбинской или Убинской».

Инж. Лессиг для этой цели поднял вопрос о постройке дистилляционного цинкового завода. Одновременно он задержал строительство гидростанции под предлогом «узких мест» (вот он — действительно классовый смысл равнения на узкие места) и ненадежности грунта под плотиной, без которой вообще можно было обойтись.

Здесь с предельной ясностью и яркостью видны пути классовой борьбы в технике. Вредитель задерживает электростроительство потому, что дешевая энергия реконструирует технологию, открывает дорогу новому, более совершенному электроемкому методу — электролизу цинка, который позволяет обойтись без капиталистов.

Когда генеральные штабы империалистов перешли к прямому руководству вредительской деятельностью «промпартии», борьба против новой технологии, против электрохимии и электрометаллургии разгорелась еще больше. При этом технический консерватизм оказался прямым орудием контрреволюционного заговора. Поэтому ликвидация вредительской шайки открывает новые перспективы для технического прогресса в нашей стране. Перед технической мыслью огромная область работы. Самое острое оружие пролетарской диктатуры — ОГПУ — разрубило рогатку на победоносном пути новой социалистической техники. Тот, кто не понимает, что работа ОГПУ даст толчок развитию техники в самом плодотворном и революционном направлении, тот ничего не понимает и никогда не поймет классового смысла техники, не поймет значения пролетарской революции и пролетарской диктатуры для развития производительных сил, созревших в недрах капитализма.

Не только техникам, но и экономистам необходимо самым энергичным образом взяться за выкорчевывание реставраторских тенденций, направленных против ленинской линии технической реконструкции. Буржуазная экономическая теория всемерно подкрепляла техническое крыло контрреволюционеров в их борьбе против технического прогресса и в особенности против электрификации. Теоретические построения жрецов громановской «плановой науки» вооружали противников технической реконструкции. Представление о плане, как о балансе, резко противоречит ленинской концепции плана, основой которого Ленин считал всестороннюю электрификацию всей страны. «Равновесие», о котором говорили Громан, Юровский и Вайнштейн, предполагало незыблемыми те пропорции производства, которые устанавливаются при капитализме. Между тем социалистическая реконструкция и в частности новая техника, свойственные социалистическому производству, резко нарушают эти пропорции. Поэтому мы исходим из непрекращающегося поступательного движения техники, которой социальные сдвиги в нашем хозяйстве открывают широкую дорогу. «Экономист всегда должен смотреть вперед, в сторону прогресса техники, иначе он немедленно окажется отставшим, ибо кто не хочет

смотреть вперед, тот поворачивается к истории задом. Середины тут нет и быть не может» (Ленин).

Борьба против буржуазных тенденций в науке и технике означает самую решительную атаку против оппортунистов. Кулацкая агентура в партии — правые оппортунисты — шла на поводу у сознательных и прямых агентов мировой буржуазии. В частности характерные для правых скептические нотки насчет электрификации были в сущности прямым повторением вредительских установок. Они неотделимы от оппортунистической установки в политике. Неверие в возможность силами пролетариата построить хозяйство, превышающее буржуазное по своему технико-экономическому уровню, связано со скептическим отношением к электрификации, потому что именно электрификация — это тот путь, на котором пролетариат догоняет буржуазию, перегоняет ее и победоносно строит социализм.

Философы-марксисты не должны оставаться в стороне. Техники ждут от них помощи. Четкая философская критика чрезвычайно поможет техническому применению новейшей науки. Теория относительности уже сейчас применяется для решения практических вопросов. Монд пишет: «теории, которые казались понятными только сверхматематикам, стали орудием, благодаря которому теперь разрешаются трудности, встречающиеся в заводской практике» (сб. НИС, стр. 20). Но пока что система Эйнштейна вдохновляет всяких черносотенных мистиков больше, чем техников. Учение о формах движения, примененное к этой системе, низводит ее с мистических высот на грешную землю. На ряду с этим наука. разделенная на отдельные полочки с непроницаемыми перегородками, не могла двинуть технику по самым плодотворным путям, именно в смежных и пограничных областях между отдельными науками. «Диалектика природы» и другие философские работы Маркса, Энгельса и Ленина, применимые к новейшему научному материалу, превращают науку в единую диалектическую цепь, развивающуюся к все более конкретным звеньям и наконец к технике, и этим в громадной степени усиливают и ускоряют социалистическую реконструкцию хозяйства СССР.

А. Потяев

За электропахоту [1]

«Коммунизм это есть советская власть плюс электрификация всей страны. Иначе страна останется мелкокрестьянской и надо, чтобы мы это ясно сознали».

«Мы это сознаем и мы доведем дело до того, чтобы хозяйственная база из мелкокрестьянской перешла в крупнопромышленную. Только тогда, когда страна будет электрифицирована, когда под промышленность, сельское хозяйство и транспорт будет подведена техническая база современной крупной промышленности, только тогда мы победим окончательно».

(ЛЕНИН. Из речи на VIII с'езде советов)

Вопрос об электропахоте впервые был поставлен и разработан для практического осуществления при Ленине и под его непосредственным руководством.

Поставив вопрос об общей электрификации страны, т. Ленин тогда же, в 1920/21 г., со всей остротой выдвинул и перевел на практические рельсы вопрос об организации электропахоты. Не имея возможности заказать электропахотные орудия за границей, правительство вынуждено было приспособлять к производству электропахотных орудий наши заводы. Из числа действовавших тогда крупных предприятий для этой цели можно было использовать с наибольшим успехом только заводы, работавшие по преимуществу на морское ведомство (в Ленинграде).

2 декабря 1920 г. Совнарком признал программу по изготовлению электропахотных орудий боевой, а 2 января 1921 г. Ленин послал следующую телеграмму: «Петроград — Цепмора, Балтийский завод, завод Дюмо, Металлический завод, Симменс-Шуккерт, Северный кабельный завод, Арсенал; Москва — Электроотдел ВСНХ, Отдел металлов ВСНХ, завод Динамо, завод «Изолятор», Кольчугинский завод. Предлагаю приложить все усилия, чтобы заказ Наркомзема на 22 электропахотные орудия и их части был выполнен не позднее 1 апреля 1921 г. О состоянии работ по выполнению заказов телеграфируйте в адрес Совнаркома т. Горбунову еженедельно».

12 января 1921 г. Совнарком постановил обязать ВСНХ и ПСНХ заказ на 22 агрегата во что бы то ни стало выполнить к 1 апреля 1921 г., хотя бы за счет других работ (военного и морского ведомства). Для обеспечения заказа Наркомзема было решено использовать также Брянский завод, которому 18 февраля 1921 г. СТО предложил ограничиться лишь ремонтом бронепоездов, прекратив постройку новых. Наконец, чтобы добиться максимальных успехов в выполнении заказов, правительство установило особо повышенные нормы продовольственного снабжения рабочих и служащих, занятых изготовлением электропахотного оборудования.

Приведенные данные свидетельствуют о том, какое громадное значение придавал Владимир Ильич вопросу организации электропахоты. Заостряя внимание всей пролетарской общественности на вопро-

[1] В порядке обсуждения. Редакция.

се электрификации. Владимир Ильич имел в виду не только электрификацию промышленности, но также и электрификацию сельского хозяйства. При этом, говоря об электрификации сельского хозяйства, Ленин ставил перед собой задачу не только продвинуть в деревню «лампочку Ильича», но также в особенности и использовать электрическую энергию для производственных целей, для под'ема бедняцко-середняцкого хозяйства, для перевода мелких распыленных многомиллионных хозяйств на рельсы крупного коллективного земледелия.

Организованные при Ленине опыты электропахоты при Тимирязевской сельскохозяйственн академии оказались в общем удачными. Однако ни состояние нашей промышленности, ни мощность существовавших тогда электростанций, ни состояние сельского хозяйства, слагавшегося почти сплошь из мелких раздробленных крестьянских хозяйств, не дали возможности широко развернуть эту работу. А затем переход к новой экономической политике и задача быстрого восстановления производительных сил страны, хотя бы на существовавшей отсталой технической базе, отодвинули разрешение вопроса об электропахоте на многие годы, вплоть до выполнения основной программы электрификации нашей страны.

Какое громадное значение имеют сооруженные нами гигантские электростанции для индустриализации нашей страны — это осознано сейчас всеми. На этом фронте мы имеем неслыханно большие успехи. Производство электроэнергии оставило далеко за собой довоенную норму. Сотни тысяч фабрик и заводов и других предприятий работают уже на электрической энергии. И если наша промышленность по темпам своего развития не только догнала капиталистические страны, но все более и более их перегоняет, то этим в первую очередь мы обязаны процессам электрификации нашей страны.

Перед нами стоит вопрос, нельзя ли таким же образом использовать электроэнергию для под'ема сельскохозяйственного производства.

После опытов, произведенных при Ленине, дело с электрификацией сельского хозяйства и с организацией электропахоты заглохло. В области электрификации сельского хозяйства достижения наши вообще незначительны. Проникновение «лампочки Ильича» в пригородные селения, примыкающие к крупным промышленным центрам, и несколько сот весьма мелких сельскохозяйственных электрических станций — вот и все, что мы пока здесь имеем. Между тем состояние нашей машиностроительной и электротехнической промышленности, равно и бурные процессы коллективизации широчайших бедняцко-середняцких масс позволяют утверждать, что мы вплотную подошли к тому моменту, когда электрификация сельскохозяйственного производства и в первую очередь организация электропахоты могут быть использованы для охвата и обслуживания сотен тысяч и даже миллионов гектаров крестьянской земли.

Что представляет собою электропахота, как она производится?

Электропахота производится при помощи специального агрегата, состоящего из следующих частей: балансирный плуг, электрическая лебедка, электромотор и трансформатор. Агрегат приводится в действие при помощи электрической энергии, получаемой от электрической станции.

Совершенно очевидно, что эти основные части электропахотного агрегата могут быть изготовлены на наших заводах, при некотором добавочном их оборудовании и переоборудовании. Заводы эти в основном определены вышеприведенной телеграммой Ленина. В на-

стоящее время, разумеется, для этого дела может быть приспособлен и ряд новых заводов, пущенных в течение последних лет. В частности значительное число плужных заводов в результате быстро расширяющейся тракторизации страны все равно должно быть в ближайшем времени коренным образом переоборудовано и переведено на изготовление многолемешных плугов. Эти заводы легко будет приспособить и для изготовления балансирных плугов.

Мы можем в настоящее время с успехом разрешить также и вопрос об источнике электрической энергии для электропахоты. Энергетическая база за эти годы колоссально выросла. Производство электроэнергии в 1928/29 г. достигло громаднейшей цифры 6.600 млн. *квтч*, или в 3 с половиной раза больше, чем в 1913 г., а к концу пятилетки — в 1932/33 г. — производство электрической энергии должно возрасти минимум до 17 млрд. *квтч*. По исчислениям специалистов для вспашки при помощи электропахотных орудий 5 млн. *га* потребуется около 700 млн. *квтч*. Таким образом, если бы нам удалось сейчас организовать электропахоту на громадной площади в 5 млн. га (для сравнения укажем, что в истекшем году все машинотракторные станции Трактороцентра и Хлебоцентра при помощи 20 тыс. тракторов вспахали всего лишь 5 млн. *га*), мы для этой цели израсходовали бы всего лишь около 10% производимой в настоящее время нашими электрическими станциями электроэнергии. Совершенно ясно, что к тому времени, когда мы действительно будем в состоянии справиться с организацией электропахоты на указанной площади, производство электроэнергии в стране по крайней мере удвоится, и таким образом на дело электропахоты будет отвлечено не более 5% добываемой электроэнергии.

Следует особо подчеркнуть необходимость первоочередного и максимального использования для целей электропахоты мощных электрических станций, организуя питание электропахотных агрегатов электрической энергией от главных магистралей. Средняя стоимость установленных *квтч*, без стоимости сети, при пользовании от мощных электрических станций не превышает 500 руб., тогда как при получении энергии от районных станций сельскохозяйственного значения стоимость *квт* повышается до 1.200 руб., т. е. почти в 2½ раза.

Ныне существующие мощные электростанции могут охватить по приблизительным подсчетам громадную земельную площадь около 11 млн. га. Считая, что под электропахоту может быть использовано лишь 45—50% этой площади, мы получим не менее 5 млн. *га* пашни, которые могут быть обработаны при помощи электроэнергии, получаемой от главных магистралей этих электрических станций.

Таким образом как в деле организации производства электропахотных агрегатов, так и в деле предоставления электрической энергии для целей электропахоты мы находимся в настоящее время в чрезвычайно благоприятных условиях по сравнению с тем, что наблюдалось в период первых опытов электропахоты, организованных под руководством Ленина.

Приведенные данные свидетельствуют, с другой стороны, о том, что даже при самых бурных темпах развития электропахоты все же в ближайшие несколько лет совершенно не приходится говорить о том, что электропахота в какой-либо мере может заменить тракторизацию и вытеснить хотя бы частично трактор с наших полей. Мы имеем безграничные просторы для одновременного и самого бурного развития как тракторизации, так и электрификации сельского хозяйства.

Электропахота не может пока еще конкурировать с трактором и потому, что в главнейших зерновых районах, где трактор получил

наибольшее распространение, почти не имеется сколько-нибудь мощных электрических станций. И, наоборот, в районах мощных электрических станций отсутствует тракторная обработка земли, так как эти районы почти сплошь или потребляющие или мелкотоварные.

Что линии передачи от мощных электростанций проходят не в зерновых районах — это на первый взгляд может показаться значительным минусом для электрификации сельскохозяйственного производства. На самом же деле никакого неудобства здесь нет, так как даже в незерновых районах удельный вес зерновых культур в общей посевной площади не снижается ниже 60%, а в целом ряде случаев их удельный вес достигает 80% и более. На этих полях, охваченных электропахотой, мы легко можем добиться удвоения и утроения урожайности. Вместо нынешних 5—7 *ц* с *га* мы можем получить 12—20 *ц*. Тем самым мы переведем эти районы из потребляющих в самоснабжающиеся, а при дальнейшем увеличении урожайности — даже в производящие районы.

Еще более важная роль должна принадлежать электропахоте в деле развития плодо-овощных и технических культур.

Для промышленных и городских центров исключительное значение имеет снабжение их плодо-овощами. Картофель, капуста и прочие огородные культуры для них не менее важны, чем хлеб. Помимо этого применение посева корне-клубнеплодов и технических культур чрезвычайно способствует проведению плодосеменной системы сельского хозяйства и создает прекраснейшую базу для развития важнейших отраслей животноводства (молочное хозяйство, свиноводство, птицеводство, кролиководство и др.). Таким путем может быть обеспечена наиболее рациональная организация снабжения пролетарских промышленных центров скоропортящимися продуктами (овощами, молочными и мясными продуктами). Использование электрической энергии от мощных электростанций для с.-х. производства на базе сплошной коллективизации бедняцких и середняцких хозяйств и строительства крупных совхозов имеет гигантское значение в деле улучшения снабжения рабочего класса важнейшими предметами питания.

Можно поставить вопрос, насколько целесообразно использование электроэнергии от крупных электрических станций для целей электропахоты. Всем известно, что действующие электрические станции перегружены работой на промышленность и не могут уделить достаточное количество электроэнергии для обслуживания сельского хозяйства. Отрицать это мы не собираемся. Однако в целом ряде районов мы имеем значительные излишки электроэнергии, в особенности в летнее время, когда сильно сокращается потребление ее для осветительных целей. Далее даже при перегруженности электростанций, рационально организуя дело, мы все-таки сможем использовать их и для электропахоты. Так например весною и осенью мы можем прекратить отпуск энергии на 20—30 дней для второстепенных промышленных предприятий и мелких кустарных производств. Эта временная приостановка второстепенных предприятий могла бы с успехом быть увязана с отпусками рабочих и с использованием их для работы в деревне по массовому производственному кооперированию и коллективизации бедняцко-середняцких хозяйств. Кроме того использование электроэнергии для нужд сельскохозяйственного производства может легко осуществляться в ночное время, когда, как известно, потребление ее значительно сокращается.

Таким образом мы смело можем констатировать, что уже в настоящее время имеются все необходимые предпосылки для мощного

развития электропахоты и для обслуживания электроэнергией прочих процессов сельскохозяйственного производства коллективизирующейся деревни и совхозов. Электропахота может явиться не менее мощным рычагом в сплошной коллективизации бедняцко-середняцких хозяйств и не менее мощным орудием в руках пролетариата для ликвидации кулачества как класса, чем машинно-тракторные станции. У нас есть полная возможность организовать дешевое серийное производство электропахотных агрегатов на наших заводах, и мы можем получить дешевую электрическую энергию для электропахоты от крупных электростанций.

Для того, чтобы перейти от слова к делу, для того, чтобы преодолеть имеющиеся препятствия и сдвинуть наконец дело электрификации сельскохозяйственного производства с мертвой точки, надо мобилизовать всю пролетарскую общественность, надо вовлечь в организацию этого дела нашу промышленность во главе с ВСНХ, наши плановые, земельные и финансовые организации. Надо полагать, что происходящие в настоящее время опыты электропахоты на Северном Кавказе и в Нижне-волжском крае дадут богатейший материал для постановки вопроса о массовом развитии этого дела во всех районах действия мощных электростанций. Недавно организованное при Наркомземе об'единение «Союзэлектро» должно будет тщательно изучить результаты проделанного опыта, теснейшим образом связаться со всеми заводами, которые могут быть быстро приспособлены к массовому производству электропахотных агрегатов.

Мы не имеем еще точных данных о стоимости электропахоты, однако некоторые ориентировочные подсчеты могут быть приведены и сейчас. Наши заводы пока еще не приступили к изготовлению электропахотных агрегатов, поэтому установить правильную цифру стоимости их также не представляется возможным. За последнее время правительством заказано 3 таких агрегата за границей. Стоимость этих агрегатов весьма высокая. Об'ясняется это тем, что за границей соответствующее производство отсутствует. Для СССР агрегаты изготовляются по специальному заказу. Совершенно ясно, что при организации массового (серийного) производства стоимость их значительно понизится. Однако даже при этой высокой цене электропахотные агрегаты имеют значительные преимущества по сравнению с трактором. Это видно из следующего расчета.

Производительность электропахотного агрегата — 0,7 га в час, или при беспрерывной работе около 16—17 *га* в сутки. Следовательно при работе агрегатом 70—80 дней в году его производительность будет около 1.000 *га*. Для обработки же 5 млн. *га* потребуется 5 тыс. агрегатов. При стоимости каждого агрегата в 10 тыс. долл. мы должны будем затратить около 50 млн. долл., или 100 млн. руб. Стоимость сети, кроме магистрали, при железных проводах выразится приблизительно в 75 млн. руб. на 5 млн. га.

При тракторной обработке тех же 5 млн. *га* мы получаем следующий расчет. Каждый трактор стоит в среднем около 2 тыс. руб. золотом. Средняя производительность трактора около 200 га в год. Следовательно для вспашки 5 млн. *га* потребуется 25—30 тыс. тракторов. Считая каждый трактор по 2 тыс. руб., получим 60 млн. руб. золотом. Таким образом тракторный парк обойдется почти в два раза дешевле, чем парк электропахотный. Но необходимо учесть продолжительность работы того и другого. Срок амортизации электропахотного агрегата не менее 20 лет (обработка 20 тыс. *га*), тогда как срок амортизации трактора не более 5 лет. Следовательно за период

работы электропахотного агрегата (20 лет) мы должны будем 4 раза возобновлять тракторный парк, поэтому даже при высоких ценах в конечном итоге работа электропахотного агрегата окажется более дешевой.

Другим преимуществом электропахоты следует признать незначительный расход топлива. Электропахотный агрегат пользуется электрической энергией от электрических станций, которые работают большей частью на водяной энергии, тогда как трактор потребляет весьма ценные нефтяные продукты. По расчетам Хлебоцентра на 1 га пахоты расходуется от 16 до 30 *кг* керосина, а в среднем не менее 20 *кг*. На 5 млн. *га* придется затратить около 100 млн. *кг* одного лишь керосина. Потребность же во всех нефтепродуктах для тракторов к концу пятилетки (когда количество тракторов достигнет 750 тыс. штук) выразится в 6,2 млн. *т* керосина, что составит около 10 млн. *т* нефти, иначе говоря, к концу пятилетки наш тракторный парк потребует такое количество нефти, какое добывалось в СССР в 1927/28 г. (11,7 млн. *т*), или около половины всей добычи нефти, проектируемой на 1932/33 г. (19 млн. *т*). Таким образом при проектируемом развитии тракторизации нашего сельского хозяйства мы неминуемо столкнемся с топливным кризисом.

Недостатком тракторной тяги по сравнению с электропахотой является также расходование энергии на передвижение самого двигателя, уплотнение им почвы, что связано с добавочным расходом на ее разрыхление, изменение структуры почвы и ухудшение ее капилярности.

Надо еще отметить, что для обслуживания электропахотного агрегата требуется сравнительно малоквалифицированная рабочая сила — 2 лебедочника и 2 плугаря в одну смену. Размеры ремонта электропахотных агрегатов тоже незначительны, в то время как ремонт тракторов составляет около 30% всех простоев.

Дело электропахоты, несмотря на все свои преимущества, до сих пор находится еще в зачаточном состоянии. В этом несомненно также сказалось влияние контрреволюционного вредительства группы Кондратьева—Громана и «промпартии». Прекрасно зная, какое громадное значение может иметь электропахота для сплошной коллективизации и социалистической реконструкции нашей деревни, контрреволюционные вредители всячески противодействовали организации электропахоты, доказывали ее несвоевременность и неосуществимость и сводили все дело электрификации сельского хозяйства к одной лишь «лампочке Ильича» и постройке мелких сельскохозяйственных электрических станций для обслуживания второстепенных работ. Контрреволюционные вредители в промышленности в тесном контакте с кондратьевцами всячески тормозили постановку вопроса об организации на наших заводах производства электропахотных агрегатов, доказывали невозможность этого производства из-за отсутствия проектов, чертежей, образцов и т. д.

У нас нет никаких сомнений в том, что мощные электрические станции в с.-х. производстве могут иметь неменьшее значение, чем в производстве промышленном. Необходимо покончить с остатками кондратьевщины и оппортунизма в этом деле. Необходимо со всей энергией и энтузиазмом взяться за организацию электропахоты, тем более, что размах ее нисколько не помешает дальнейшему развитию тракторизации нашего сельского хозяйства. Необходимо превратить электропахоту в рычаг сплошной коллективизации и реконструкции сельского хозяйства в районах действия мощных электрических станций.

И. Гершман

Проблема мелиорации болот и кормовой вопрос

Вопрос о расширении площади кормовых угодий за счет осушки торфяных болот привлекал к себе усиленное внимание уже с начала мировой войны. Отчасти в этом сказалось непосредственное влияние самой войны. Германия, например, широко использовала труд военнопленных для производства таких мелиоративных работ, а Дания была вынуждена форсировать осушку торфяников тем, что была лишена подвоза каменного угля. На повышении интереса к мелиорации заболоченных земель сказался и технический прогресс в области механизации разработки болотных дернин (фрезование), механизации рытья канав и удешевления производства минеральных туков, которые играют решающую роль на торфяных почвах.

В Союзе ССР интерес к мелиорации торфяных болот также значительно возрос. И у нас в этом направлении оказал известное влияние прогресс техники, однако не столько по линии удешевления культур технических работ, сколько по линии их ускорения и улучшения. Под'ем и дискование 1 гектара болотной дернины обходится у нас примерно одинаково при всех способах работы: лошадью — 33—35 р., фордзоном — 34 руб., фрезой Ланца — 32 руб., причем эту стоимость работы следует признать достаточно низкой, имея в виду, что примерно столько же стоит данная работа и за границей (в Ютландии — 37 руб., в Швеции — 30—35 руб.).

Основными факторами, стимулировавшими у нас интерес к мелиорации болот, являются, во-первых, возросшая хозяйственная самодеятельность крестьянских масс, пробужденная революцией, и, во-вторых, строительство совхозов. Достаточно указать, что еще в 1924 г. возникли 8 мелиоративных товариществ для осушки болот в одном из наиболее глухих углов нашей страны — в Мезенском крае. Что же касается совхозов, то форсированное строительство их в «потребляющей» полосе СССР должно будет в значительной степени вестись на лесоболотных массивах. Роль мелиорации в коллективизации сельского хозяйства «потребляющей» полосы очень велика. Подобно тому, как в степной зоне коллективный труд помогает освоить целины, так в «потребляющей» полосе простое сложение крестьянского труда даже на существующей технической базе облегчит работу по мелиорации пустошей и болот.

Торфяные болота имеют большое распространение в «потребляющей» полосе Союза и делятся на три типа: низовые, переходные и верховые болота. Более или менее полно используются под сенокосы одни низинные болота. Последние имеют осоковый травостой. Осоки цветут осенью, и покос их производится после уборки хлебов; при этом обстановка покоса и уборки сена чрезвычайно тяжелая и нездоровая (часто — по колено в воде). Кроме того, болотное сено плохо поедается скотом, получающим сильный корм или картофель, и это обстоятельство мешает развитию в таких заболоченных районах интенсивного молочного хозяйства.

В противоположность низовым болотам верховые болота очень слабо используются в диком их состоянии. В виду чрезвычайной бедности почвы этих болот зольными элементами питания растений на них господствует нетребовательный к этим элементам мох—сфагнум, пользующийся печальной репутацией могильщика всякой полезной растительности. Сфагнум дает каждый год значительный прирост вверх, и если какое-нибудь растение не поспевает за ним, то оно очень скоро оказывается погребенным. На состязание со сфагнумом способны только немногие, преимущественно мало съедобные растения: клюква, росянка, пушица и др. Верховые болота таким образом хозяйственно почти не используются населением.

Переходные болота занимают промежуточные между низовыми и верховыми положение.

С мелиорационной точки зрения низинные болота, как богатые зольными элементами, более подходят для с.-х. использования, тогда как верховые болота подходят для промышленного торфодобывания, что впрочем вполне совместимо с последующим с.-х. использованием, если (как это делается за границей) для промышленных целей извлекается только внутренний слой торфа, а наружный в целях обеспечения плодородия кладется обратно на грунт.

Мелиорация торфяных болот сотоит из двух фаз: осушения и культуртехнического освоения, состоящего из раскорчевки древесной растительности, уничтожения кочек, перепашки дернины, удобрения почвы и засева. В условиях крупных болотных массивов, которые не могут быть эксплоатируемы из старых хозяйственных центров, мелиорация предполагает также и заселение, т. е. постройку новых или перенесение старых усадеб, устройство дорог и пр. Интенсивная мелиорация, связанная с заселением, требует больших капиталовложений и в условиях капитализма с ней конкурируют в смысле народнохозяйственной рентабельности окраинная, ирригационная и лесная формы колонизации. Окраинная форма имеет значение стратегического характера (заселение окраин), ирригационная форма оправдывается особенно тем, что расширяет производство ценных продуктов, составляющих монополию ограниченной климатической зоны. Наконец, лесная колонизация обеспечивает рабочей и тяговой силой лесопромышленность или ведет к использованию массивов, в которых правильное лесовозобновление не обеспечено из-за опустошительной рубки в прошлом (очень распространенное явление в САСШ и у нас в послевоенное время).

Характерно, что в странах с большими земельными просторами, как Соед. Штаты, только ирригационная и отчасти лесная колонизация (например в районе Великих Озер) способна была в известной мере вызвать интерес к себе (ирригация или раскорчевка крупных массивов с последующей продажей участков колонистам). Для широкой же мелиорации торфяных болот американцы считают, что время еще не пришло.

В Западной Европе положение другое. Здесь болота составляют главный земельный резерв. Однако мелиорация болот в большинстве стран (кроме Голландии) продвинулась еще незначительно. Так в Пруссии пока мелиорировано только 10% болот.

В Западной Европе земельная рента тем не менее достаточно высока, и здесь дикие болота местами имеют довольно высокую цену.

Так например W. Ogg приводит случай из послевоенной практики, когда в 25 км от Берлина уплачено было за дикое низинное болото по 300 руб. за гектар. Мы не имеем прямых данных о том, как расценивается такая земля *после мелиорации*, так как прусская бонитировочная шкала не распространяется на торфяные почвы. Мы однако не сделаем большой ошибки, если приравняем эти почвы, которые поблизости от столицы используются очевидно под культурное пастбище или для культуры корнеплодов, к 4-му бонитету, к которому по упомянутой шкале отнесены почвы, годные для культуры картофеля или для закладки постоянных пастбищ. А согласно инструкции прусского кооперативного банка [1] 1 га крупного имения с почвой 4-го бонитета в 25 км от Берлина расценивается в 1 300 руб. Чтобы получить чистую стоимость земли, следует из указанной цифры вычесть все прочие капиталовложения в хозяйство. По данным бухгалтерских отчетов, собранных имперской анкетной комиссией [2], эти капиталовложения составляют в Центральной Германии в крупных хозяйствах с картофельным направлением —698 руб. на 1 га, а с кормовым направлением — 716 руб. (в обоих случаях мы исключаем по 12 руб. на стоимость мелиораций). Таким образом в среднем из вышеприведенной цифры в 1 300 руб. около 700 руб. должно быть отнесено на счет стоимости прочих капиталовложений (очень любопытно, что и в совхозах Московской губ. по данным Совхозцентра за 1928 г. [3] соответствующая цифра составляет почти столько же, именно—644 р.). Остается 600 руб. на 1 га, составляющие стоимость земли с мелиорациями. Осушка и культуртехническое освоение земли (путем дренажа) обходится в Германии в 300 руб. гектар. Таким образом расценка 1 га дикого болота в 300 руб. подтверждается и данными расчетами.

Тем не менее в условиях затяжного *послевоенного аграрного кризиса* в Западной Европе вряд ли может оправдаться мелиорация, связанная с заселением, т. е. инвестицией средств не только в землю и добавочный скот, но и в жилые и прочие постройки. Мелиорация болот здесь ценится именно постольку, поскольку эксплоатация их возможна из старых хозяйственных центров и поскольку при этом улучшается использование уже инвестированного в хозяйство капитала.

Наша мелиорация болот, особенно поскольку она связана с новым совхозным строительством, есть по существу мелиорация с заселением. Но у нас вся агроэкономическая обстановка совершенно другая. Мы переживаем фазу мощного освоения как новых земель, так и новых производственных методов. Эта экспансия оправдывается огромным ростом потребностей населения, сопутствующим форсированной социалистической индустриализации страны (в пристоличных районах СССР мы с мелиорацией даже запоздали).

Мелиорация торфяных болот имеет самое непосредственное отношение к проблеме расширения кормовых угодий, ибо наиболее подходящим видом использования осушенных торфяников является использование их именно под кормовые угодья, под культурные луга и пастбища. Полевым культурам при этом должна отводиться в основ-

[1] Richtlinien für die Durchführung von Ortstaxen im Ramen der le/w kreditkontrole, стр. 37, 41, 45.

[2] Landwirtschaftliche Buchführungsergebnisse. Erster Teil, Materialen, II, 1918, стр. 138, 159, 162, 167.

[3] См. отчет Совхозцентра за 1928 г. (га).

ном только роль «предварительных» культур перед каждым новым залужением.

Такое направление хозяйства на осушенных торфяных болотах диктуется как экономическими, так и особенно естественно-историческими причинами. Экономические причины заключаются в том, что в обычных условиях, когда мелиорация не связана с заселением, осушенные участки лежат на периферии старой хозяйственной территории, в отдалении от ее центра (усадьбы) и поэтому требуют более экстенсивных приемов эксплоатации. Сказанное особенно верно в том случае, когда мелиорируются крупные болотные массивы. Так недавно осушенный в Ютландии болотный массив в 2 500 га используется как пастбище, причем на него принимается «на пансион» скот окружающего населения [1].

Что касается естественно-исторических причин преимущественного использования осушенных торфяников под кормовые угодья, то они заключаются в ряде особенностей торфяных почв. Во-первых, торфяные почвы больше подвержены опасности заморозков, в связи с чем вегетационный период на них короче, чем на минеральных почвах. Этот момент имеет особенно важное значение в наших северных и восточных районах, где вегетационный период для ряда полевых культур и без того короткий. Далее, торфяные почвы в гораздо большей степени подвержены опасности как засорения, так и распыления. Опасность засорения заставляет уменьшать посев колосовых, а опасность распыления заставляет сокращать посев пропашных. Болотные почвы сверх того часто приобретают избыточную для полевых культур влажность, которая травам не вредит. Вообще, ориентируясь на луговой севооборот на мелиорированном болоте, можно значительно удешевить осушку путем более редкого размещения осушительных канав или дрен.

Особенно выдвигается значение луговых трав как основной культуры на торфяниках в условиях сурового климата. Последнее бросается в глаза при сравнении средних за ряд лет финансовых результатов посева нижеуказанных культур на Новгородской и Минской опытных станциях.

Культуры	Валовой доход		Расход		Чистый доход		Процент чист. дохода к затрат.	
	Минская	Новгородская	Минская	Новгородская	Минская	Новгородская	Минская	Новгородская
	В рублях на 1 *га*							
Сено	160	120	88	50	72	70	82	140
Рожь озимая	162	124	113	99	49	25	43	25
Овес	185	132	109	97	76	35	61	36
Ячмень	165	94	112	90	53	4	47	5
Турнепс	300	150	249	130	51	20	20	15
Капуста	384	210	258	150	126	60	50	40
Картофель	370	175	184	147	186	28	101	20
Вика с овсом	133	100	117	91	16	9	15	10
Лен	—	156	—	134	—	22	—	16

[1] В стране строящегося социализма, где колхозы смогли в одном 1930 г. поднять 7 млн. га нови (плюс покрытие недосева кулачества), масштабы конечно совершенно другие, и массив в 2.500 га не является значительным.

Мы видим, что в условиях более мягкого и теплого климата, более интенсивного ведения хозяйства, более густой дренажной сети и, очевидно, также более высоких продажных цен на продукты валовой доход от всех культур на Минской станции был выше, чем на Новгородской. То же и в еще большей степени относится к чистому доходу, определяющему общую рентабельность мелиорации. Тем не менее рентабельность многолетних луговых трав на обеих станциях почти одинаковая, что особенно подчеркивает возрастающую роль этих культур при мелиорации в суровых климатических условиях. Далее бросается в глаза, что по абсолютной величине чистого дохода с гектара культура многолетних трав на обеих станциях значительно выгоднее культуры колосовых, причем размер этой разницы для более северной Новгородской станции значительно выше, чем для более южной Минской станции. Характерно, что на первой станции культура трав значительно рентабельнее и льна. Последний момент требует однако дальнейшего выяснения в виду той большой роли, которая в наметках перспективного плана по справедливости отводится посевам льна на мелиорируемых болотах. Следует отметить еще, что даже по размеру валового дохода травы почти не уступают колосовым и льну. Культурами, способными конкурировать с травами на торфяных почвах, являются овощи и корне-клубнеплоды. Урожаи корнеплодов на культурных торфяниках, обильно удобренных, могут достигнуть громадной высоты. Так проф. Ремер считает нередкими урожаи брюквы и кормовой свеклы на низинных торфяниках Германии в 1 200 центнеров с гектара. По его словам бывают и урожаи в 1 600 центнеров, или почти в 2½—3 раза выше, чем нормально-высокие урожаи на культурных почвах в Германии. Тем не менее в более суровых условиях Новгородской станции многолетние травы оказались рентабельнее и турнепса, и картофеля, и даже капусты.

Непременным условием рентабельных урожаев на торфяных почвах является однако обильное их удобрение, в особенности — минеральными туками. Потребность торфяных почв в удобрении подчас недооценивается экономистами. Экономисты часто попадают под влияние техников-мелиораторов, которые в своих проектах усиленно подчеркивают, что низинные болота являются копилкой, в которой природа в течение тысячелетий накопляла элементы питания для растений. Но дело в том, что ни на каких почвах моменты богатства и плодородия не расходятся между собой так сильно, как на торфяных почвах.

О сравнительной отзывчивости к удобрениям минеральных и торфяных почв можно судить по следующим двухлетним (1928—1929 гг.) опытам сети НИУ:

Средняя прибавка к урожаям в процентах к неудобренной делянке

	От фосфора	От калия	От азота
На подзолистых почвах	+ 36	+ 23	+ 58
На торфяных почвах	+215	+204	+116

Мы видим, что прибавка к урожаю выше на торфяных почвах по сравнению с минеральными: по азоту — в 2 раза, по фосфору — в 6 раз, по калию — в 9 раз. Следует при этом отметить, что навозное удобрение на торфяных почвах имеет два серьезных недостатка: во-первых, торфяная почва не нуждается в органическом веществе навоза, во-вторых, благодаря навозному удобрению существующая на торфяных почвах опасность засорения посевов еще более усиливается. Впрочем навоз обладает способностью к микробиологическому оживлению биологически неактивной почвы. В первые годы после осушки болота эта способность навоза перевешивает выше отмеченные его недостатки, особенно, если хозяйство возделывает колосовые культуры только в порядке предварительных культур, имея в виду дальнейшее залужение земли. Опыты Новгородской станции вообще показали, что прибавки от навозного удобрения на торфяных почвах могут быть очень большими. В Западной Европе навоз время от времени всегда вносится в торфяные почвы (в целях повышения биологической активности их). В наших условиях навоз пока является кроме того наиболее дешевым источником азотистого удобрения, в котором торфяная почва в первые годы своей эксплоатации нуждается повидимому не меньше, чем в калифосфатном удобрении.

К сожалению однако именно в первые годы ведения хозяйства на мелиорированных землях испытывается острый недостаток в навозном удобрении, запас которого в это время не только еще не успевает возрасти, но часто даже сокращается, поскольку мелиорируемая площадь, служившая раньше сенокосом, в переходный период перестает давать сено. Поэтому именно в первые годы требуются минеральные удобрения, чтобы дать почве нужную зарядку.

В виду возможного отставания туковой промышленности от темпов мелиорации и, учитывая потребность в навозе для активизации вновь мелиорируемых почв, следует включить в оперативные планы мелиорации и мероприятия по увеличению навозного дебета старого хозяйства, прежде всего путем рационализации навозохранения и усиления кормодобывания всеми доступными хозяйству методами.

Удобрение торфяных почв является только одним из приемов культуртехнического их освоения на ряду с корчевкой, перепашкой и пр. Без культуртехнического освоения польза от осушки болот — очень ограниченная. Урожайность сенокоса после одной осушки в большом числе случаев заметно падает (напр. в Бобруйском округе БССР почти в 50% всех случаев). Что же касается улучшения качества травостоя, то некоторые авторы расценивают его не очень высоко (напр. Ф. Баландин). Материалы обследования экономики мелиорации в Белоруссии наоборот показывают, что и от экстенсивной осушки качество сена заметно улучшается. При обследовании здесь был поставлен вопрос, как оценивается (в ценах 1925 г.) сено с осушенных участков и как оно оценивалось бы (в тех же ценах) до осушки. Полученные данные к сожалению не совсем убедительны. Во многих случаях население повидимому неправильно поняло вопрос и старалось припомнить довоенные цены на болотное сено (со времени осушки прошли уже десятки лет). Так в одном районе цена хорошего лугового сена указана в 64 к., болотного — в 25 к., сена с осушенных участков — в 40 к., а то же сено до осушки почему-то стоило только 13,3 к.; в другом районе луговое сено стоит 70 к., болотное — 47 к., с осушенных участков — 44 к., а то же сено до осушки — 33 к. Повидимому оценка сена по его состоянию до сушки в ряде случаев преуменьшена. Если до осушки цена в среднем по всем показаниям примерно на ¼ ниже, чем после нее, то фактически — при учете ошибочных показаний разница не так велика и вероятно уложится в 10—15%. При этом не нужно забывать, что за долгое время, прошедшее с момента осушки, травостои осушенных участков смогли уже вполне выявить свои положительные возможности.

На Архангельском болотном опытном поле проводилось наблюдение над участком болота, который в 1917 г. был осушен канавами

и расчищен от зарослей, но потом оставлен без внимания до 1926 г. Н. И. Беневоленский отмечает, что растительность, развившаяся на этом участке, «не имеет почти никакой практической ценности и служит доказательством того, что работы на переходном болоте нельзя ограничивать только осушкой и расчисткой поверхности от зарослей»[1].

М. Рынкевич в работе о «Влиянии осушки болота на его растительность по данным наблюдения на Кузяевском болоте Волоколамского уезда Моск. губ.»пишет: «В осушенной полосе мы имеем, с одной стороны, улучшение качества травостоя, обогащение его злаками, хотя и посредственными в кормовом отношении, а с другой стороны — уменьшение растительной массы вследствие ослабления развития болотных представителей. По словам крестьян по всему захваченному осушкой району травостой бывает очень низок, так как в нем, хотя и в группировках со злаками, все же превалируют осоки, а последние в обезвоженном торфянике превращаются в карликовые формы, дающие ничтожный урожай».

С указанной точки зрения можно констатировать как очень слабую до сих пор сторону нашей крестьянской мелиорации, что культуртехника очень медленно поспевает за осушительными работами (в Ленинградской области на 1929 г. осушено 130 тыс. га, освоено только 25 га).

Что же касается мелиорации, сопровождаемой культуртехническим освоением, то она бесспорно рентабельна в районах, где цена сладкого сена стоит примерно на уровне 3,60—4,80 руб. за центнер. Детальный расчет этой операции дает Н. Шерстобаев на «основании средних данных практики многих мелиоративных товариществ Ленинградской области».

1-й год

Расход		Доход	
Осушка	35 руб.	Урожай осочного сена 6,6 *ц* по 1 р. 50 к.	10 руб.
Мосты	5 „		
Вырубка кустарника, корчевка, выравнивание и выкашивание	20 „	Убыток 1-го года	57 „
Первая вспашка	25 „		
Всего расходов	85 руб.		

2-й год

I. Расход		Доход	
Дискование	8 руб.	Урожай овса:	
Удобрение 5 *ц* по 6 руб. за *ц* (3 ц суперф. и 2 *ц* калия)	30 „	а) 10 *ц* семян по 12 р.	120 руб.
Семена овса (2 *ц* по 12 руб)	24 „	б) 15 *ц* соломы по 1,2 р.	18 „
Весен. удобрение и заделки	3 „	Итого	138 руб.
Боронование	3 „		
Уборка урожая	20 „		
Итого тек. расх.	88 руб.		
II. Накладные расходы			
8% на текущие расходы	7 руб.		
8 % на основные „	5 „		
2½% на износ полевого инвентаря	3 „		
Погаш. основных затрат (на осуш. каналы, корчевку, ремонт капит. и пр.)	10 „		
Итого	25 руб.		
III. Убыток от пр. года	75 руб.		
Всего расходов	188 руб.	Убыток после 2-го года	50 руб.

[1] Обзор работ Архангельского болотного опытного поля за 1914—1928 гг., 1930 г., стр. 26.

3-й год

I. Расход		Доход	
Вспашка	12 руб.	Урожай вико-овсяного сена 41,6 *ц* по 3 руб. 60 коп.	150 руб.
Дискование	6 „		
Удобрение	30 „		
Семян овса 1 *ц* по 12 руб. и вики 1 *ц* по 15 руб.	27 „		
Внесен. в задел.	3 „		
Боронование	3 „		
Уборка урожая	20 „		
Итого текущ. расх.	101 руб.		
II. Накладные расходы			
По тому же расчету, что и в первый год	26 руб.		
Убыток от прошлого года	50 „		
Всего расходов	177 руб.	Убыток по 3-му году	27 руб.

4-й год

I. Расход		Доход	
Вспашка, дискование, удобрение	48 руб.	Урожай овса на зеленый корм 33 *ц* по 3 руб.	100 руб.
Семена овса	20 „		
Семена трав (33 *к*)	55 „		
Весеннее боронование	6 „		
Уборка овса	17 „		
Итого тек. расходов	146 руб.		
II. Накладные расходы			
По расчету прошлого года	29 руб.		
Убыток от прошлого года	27 „		
Всего расходов	202 руб.	Убыток по 4-му году	102 руб.

5-й год

Расход		Доход	
Уборка сена	10 руб.	Урожай сена 41,6 *ц* по 4 р. 80 к. за *ц*	200 руб.
Накладные расходы	28 „		
Убыток прошлого года	102 „		
Всего расходов	140 руб.	Чистая прибыль	60 руб.

На 6-й, 7-й и последующие годы чистая годовая прибыль будет не ниже 100 руб. на гектар.

П. С. Савкин на основании данных Новгородской болотной станции считает, что уже на третий год культура болот дает прибыль в 25 руб. с гектара, а с четвертого года прибыль достигает 85 руб. Б. Д. Оношко считает, что и при неблагоприятных условиях мелиоративные расходы товарищества окупаются на шестой год возделывания болота.

Кроме мелиорации торфяных болот в разрешении кормовой проблемы большую роль должна сыграть мелиорация болотных или полуболотных сенокосов с минеральными почвами. Последние в известной части могут быть после осушки введены в общий полевой севооборот и способны дать большой выход хорошего качества бобового сена и без применения минеральных удобрений. Если же эти сенокосы представляют собой заливные луга, в которых при отсутствии мелиорации полые воды плохо стекают, то после исправления этого недостатка возможен более ранний сенокос, отчего и качество травостоя и получаемого сена значительно улучшается.

По делу осушки заболоченных минеральных почв в последнее время в Западной Европе были сделаны серьезные технические успехи, особенно в форме развития так называемого кротового дренажа.

Последний основан на том, что с помощью плуга особой конструкции в земле проводятся ходы, на подобие кротовых, которые и выполняют роль дрен. При этом достигается более интенсивная осушка, чем в случае трубного дренажа, ибо расположение кротовых ходов более частое, чем дренажных труб (3—6 м). При системе кротового дренажа трубами выкладываются одни только водосборные канавы. Указанный способ осушки чрезвычайно дешевый: 1 трактор в 23 HP и три рабочих в состоянии сделать в день 4 000 м ходов и освоить 2—3 га площади при стоимости в 2—3½ коп. за метр. Вместе со сборными канавами расход на гектар составляет в германских условиях 20—40 руб. при стоимости гончарного дренажа в Германии в 300 руб. на гектар. Основной принцип кротового дренажа в том, что прорытые в земле ходы сохраняются в целости в течение очень долгого времени. В Англии подобие кротового дренажа практикуется уже давно и имеется опыт сохранения ходов в земле в течение 40 лет. Опыт Голландии в применении новейших методов кротового дренажа также дает прекрасные результаты. Однако кротовый дренаж применим не на всякой почве, а только на почве тяжелой, вязкой и лишенной камней.

На основании вышеизложенного можно сделать следующие практические выводы планового характера:

1. Осушение никоим образом не должно быть оторвано от культурно-технического освоения осушенных болот.

2. Планы мелиорации торфяных болот должны быть увязаны с планами развития туковой промышленности.

3. Широкая мелиорация торфяных болот по колхозной системе должна увязывать свои конкретные проекты с проектами расширения выхода навоза со старых хозяйственных площадей (силосование бросовых кормов, улучшение системы навозохранения, увеличение скармливания покупных кормов и особенно поворот полеводства в сторону специализации на кормодобывание за счет продовольственного клина).

4. Осушенные торфяные болота в «потребляющей полосе» не смогут служить как плацдарм для возможного развертывания работы Зернотреста по соображениям рентабельности. Животноводство, а вблизи потребляющих центров и культура овощей, всегда окажется рентабельнее зерновых культур. С точки зрения требований животноводства главное значение осушенных торфяников — в доставлении ими дополнительного грубого корма, создающего базу для экстенсивного роста стада. В ближайшие годы значительного увеличения спроса на мясо экстенсивный рост крупного рогатого стада в «потребляющей» полосе должен принять форму не только увеличения молочного поголовья, но и стопроцентного выращивания на месте бычков, забиваемых в настоящее время в молодом возрасте (проекты переброски этих телят для доращивания на восток в засушливые степи не представляются достаточно реальными). Здесь будет уместно отметить, что на мелиорированном торфяном болоте «Бременская опытная станция» (Германия) получает в год 4 центнера с гектара живого привеса. Такой привес крупного скота потребовал бы расходов 40 центнеров зерна или продукцию минимум 2 гектаров поля.

5. Общая рентабельность мелиорации болот в наших условиях определяется не только высотой местных цен на хорошее луговое сено, но и наличием в колхозах свободной рабочей силы и материалов, необходимых для осуществления мелиорации, удобствами завоза минеральных туков и необходимостью концентрации стада на ограниченной площади.

Последний момент играет решающую роль в совхозной мелиорации, в то время как рабочая проблема играет решающую роль в колхозной мелиорации. Во всяком случае к нашему хозяйству неприложимо представление о безусловном падении рентабельности мелиорации при переходе от интенсивных к экстенсивным районам.

ОТДЕЛ IV

Экономика и статистика

А. Боярский

О центрографии как „новой статистике“ и о центрографах[1]

Основы так называемой науки центрографии положены еще Менделеевым. В настоящее время существует центрографическая «лаборатория» им. Менделеева при Ленинградской академии наук, состоящая из одного человека (Святловский), и до 20 ячеек в различных пунктах Союза. Вокруг центрографии поднята возня, шум, выражающийся в десятках докладов, рассылаемых тезисах, печатаемых и присылаемых для печати статьях. Этот сильнейший напор работников центрографии заставляет отнестись к критике этой лженауки несколько серьезнее, чем мы относились до сих пор. Право на звание науки приобретается не сложностью и трудностью построений, а их содержанием, наличием об'екта и достаточностью того интереса, который может вызвать изучение этого об'екта. Несмотря на всю сложность, математичность ее методов, астрология была не наукой, а лженаукой, так как изучала несуществующее влияние расположения звезд на человеческую судьбу. Нам придется поэтому остановиться и на философских основах центрографии (поскольку они имеются) и на об'екте ее (поскольку он имеется). В основу нашего критического рассмотрения мы положим труды главных героев и апологетов методов центрографии — Мительмана («Вопросы фиксации наблюдения и центрографический метод». «Плановое хозяйство», № 10, 1929 г.) и Святловского (ряд тезисов и материалов).

Основная идея центрографического метода заключается в следующем. Вычисляя среднюю величину какого-нибудь признака для коллектива индивидуумов, мы уравнимаем все эти индивидуумы в отношении этого признака. Коллектив разных величин, характеризующих этот признак у разных индивидуумов, мы заменяем рядом повторений одной и той же средней величины, повторений, число которых равно количеству индивидуумов в коллективе. Центрографический метод означает также уравнение индивидуумов, но не в отношении величины какого-нибудь признака у них, а в отношении их расположения на поверхности. Следовательно, в результате вычисления центров эти географически рассеянные индивидуумы заменяются рядом таких же индивидуумов, сконцентрированных в одной точке. Эта точка и будет центром. Такая замена представляет громадные выгоды в механике. Так, если мы имеем тело, состоящее из ряда частиц, каждая его частица притягивается к земле (если говорить о частном случае, именно о действии земного притяжения) с определенной силой. Эти силы различаются по величине, поскольку частицы этого тела не одинаковы по весу, и различаются точками своего приложения, поскольку частицы тела пространственно рассеяны. Если мы можем представить совокупное действие этих сил и приложенной в известной точке, называемой центром тяжести, то такая замена дает нам значительнейшие выгоды. Именно вместо тысяч и миллионов сил притяжения мы каждый раз будем иметь дело с одной их равнодействующей. Аналогичные

[1] От редакции. Редакция в основном стоит на позициях, изложенных т. Боярским. Этой статьей открывается обсуждение данного вопроса.

понятия представляют собой и те центры, которыми занимается центрография. Поэтому в дальнейшем нам придется еще рассмотреть, дают ли они какую-нибудь выгоду или нет.

В теории средней, как и везде, марксизм сталкивается с идеализмом и далее «с агностицизмом всевозможных оттенков», в первую очередь, махизмом. Если для марксизма средняя полезна лишь постольку, поскольку она дает возможность легкого меневрирования количеством индивидуумов для перехода к суммам, то для махиста она не служит ничем, кроме как сконцентрированным описанием данной совокупности. Такое сконцентрированное описание для него исчерпывает все цели науки, задача которой лишь экономно, стенографически зафиксировать опыт. Хотя имя Маха нигде в работах центрографов не упоминается, но дух его витает над ними беспрерывно. Уже в заголовке статьи Мительмана чувствуется нечто от Маха, от научного закона, как рутины опыта, и т. д.

«В ряде наук, пишет он в самой статье, в частности в группе научных отраслей, об'единяемых понятием социальной инженерии (??), вопросы наблюдений становятся вопросами основного рабочего метода». Не будем уж придираться к таким терминологическим «мелочам», как «социальная инженерия» и т. п. Каждому вольно конечно называть совокупность социально-экономических дисциплин социальной инженерией. Но наблюдение, становящееся основным рабочим методом, представляет уже собой далеко не такую безобидную вещь. Собирание (пусть «фиксация») наблюдений действительно является основным рабочим методом науки, но лишь на первой ступени ее развития. (В «Линнеевском» периоде биологии например). Значит они не могут «становиться» основным рабочим методом на какой-нибудь стадии развития. Наоборот. Как только материал накоплен, собирание наблюдений становится делом второстепенным, иллюстративным или вопросом применения уже созданной научной системы.

Если же «становятся» только неудачно употребленный глагол и Мительман думает, что социально-экономические дисциплины находятся еще в донаучном периоде своего развития, то надо ему просто посоветовать прочитать кой-какие сочинения Маркса и его последователей. Переходя затем к самой центрографии, центрографы «раз'ясняют», что «в центрографии как науке дело идет о том, чтобы сделать эти понятия (точки, точки опоры, отправного пункта, центра тяжести) краеугольным камнем познания действительности. Перед нами здесь обобщение, синтез и анализ всего многообразия — прежде всего многообразия массовых экономических явлений». Не говоря о большой определенности и понятности «понятий», которые делаются краеугольным камнем познания, нельзя не похвалить центрографов за строгую логичность. Если наблюдение — основной рабочий метод, а центрография — наилучший способ фиксации его результатов, то она действительно должна лечь краеугольным камнем. Но это означает не больше не меньше, как замену теоретической экономии центрографией, т. е. замену марксистского метода преодоления «дурной бесконечности» действительности путем теоретического осмысливания ее многообразия простой свалкой всех фактов в одну кучу, называемую центром. Если даже считать такую свалку синтезом, то где же анализ? И сколько ни повторяй на разные лады «точка опоры», «отправной пункт» и т. д., от этого еще не станет более понятным, что же именно кладется в основу познания действительности.

С махизмом конечно тесно связана и составляет один из его «краеугольных камней» и пресловутая экономия мышления. «Значение

уплотнения и осреднения материала чрезвычайно велико: оно совмещает точность математических формул (насколько мы еще увидим дальше. А. Б.) с экономичностью термина». Конечно тяжеловесному мозгу махиста гораздо легче воспринять и запомнить «ощущение» одной точки — центра, нежели всю массу точек, распределенную на поверхности с различной густотой. Конечно гораздо «экономнее» мыслить себе весь добываемый в Европе и Америке уголь, извлекаемый из Саргассова моря, куда пришелся бы наверное центр добычи угля обоих этих контингентов. Это было бы очень приятно для учащихся — легче запомнить одну цифру, отнесенную к Саргассову морю, чем десятки цифр добычи угля по различным странам Европы и Америки, но трудно предположить, чтобы из учащихся, имевших дело с такими учебниками с «уплотненным» и «осредненным» материалом, вышли хорошие работники. «Экономичностью термина» центрографы выдают себя с головой. Ею обладает не только центр, но и вообще средняя. Значит вся задача средней заключается в том, чтобы не утруждать наше мышление различиями в коллективе, к которому они относятся. Средняя значит — не наполненная содержанием абстракция, а пустая фикция, призванная лишь «указать» положение ряда распределения на чертеже (Митропольский — не центограф, но поп от статистики). Правда, к великому огорчению Мительмана и других, необходимо сообщить, что так понимаемая задача вычисления средней лишена всякой «математической точности». Дело в том, что уже общеизвестно, что так поставленная задача может решаться средней любого вида. Следовательно она может равняться любой величине между наибольшей и наименьшей, а в отношении географического центра явления — лежать где угодно внутри многоугольника, охватывающего все пространство, на котором данное явление распределено.

Нельзя поэтому назвать иначе, как шарлатанством, настойчивые требования и Мительмана и Святловского географической конкретности статистических данных и показателей, полноты их содержания и смысла. Но географическую конкретность имеет как раз то и только то многообразие, которое уничтожается в центре. Если данное явление сконцентрировано в двух пунктах А и В и его величина в А есть α, а в В β, то центр его будет естественно находиться на прямой линии, соединяющей А и В, причем тем ближе к А, чем больше α по сравнению с β. Пусть это будет точка Х. «Осреднив» таким образом материал, мы представляем себе дело так, как если бы единственным местом данного явления был пункт Х, причем в этом пункте оно измерялось бы величиной $\alpha+\beta$. Ясно, что географической конкретностью, как места распространения данного явления, обладают только А и В, но не Х.

Требование географической конкретности означает, что если мы даем например цифру добычи угля по Союзу, мы должны ее дать районированной, т. е. указать, сколько добывается по районам. Между тем центрография заботится только о том, чтоб прикрепить общую союзную цифру к какой-то точке на карте. Так ею понимается географическая конкретность. Ясно, что эта конкретность превращается в фиктивность — центр добычи угля СССР окажется скорей всего в каком-нибудь месте, где можно рыть сто лет и ни одного грамма угля не извлечь.

Как вычисляется «центр»? Для махизма характерно механическое перенесение целых «кусков» одной научной отрасли в другую. И больше всего поставщиком этих «кусков» является прекрасно «застенографированная» механика. И центр тяжести центрографов, примененный к области социально-экономических явлений, представляет собой механическое перенесение методов из области механики, абсолютно непригодных в тех вопросах, о которых идет речь. Но, как известно, центр тяжести изогнутого тела может легко прийтись в точку вне этого тела. В виду изогнутости земной поверхности оказалось, что все центры тяжести находятся под землей, и центрографы сами «запротестовали» против механического перенесения формул. Но эти протесты были вызваны конечно не принципиальной неверностью «заимствований» из другой науки. Поэтому надо было лишь наложить еще известное условие, не менее фиктивное, чем самый центр, чтобы он не пришелся в недрах. Ведь если будущий центрографический институт заслуживает почетную резиденцию в центер мира, то при таком способе определения местонахождения этого центра результат может оказаться не совсем приятным по соображениям климатическим. Выход — мыслить себе не только все явления сконцентрированными в одной точке, но и самую землю — плоской. Это гораздо экономнее, сколько бы нам ни твердили, что «земля имеет форму шара».

В конце концов Вейнберг дает для центра тяжести или «среднего» центра следующую формулу

$$\bar{\varphi}=\frac{\Sigma Q\varphi}{\Sigma Q} \qquad \bar{\lambda}=\frac{\Sigma Q\lambda\cos\varphi}{\Sigma Q\cos\bar{\varphi}}$$

где φ широта точек данного явления, $\bar{\varphi}$ — широта центра, λ и $\bar{\lambda}$ — то же долготы, Q — величина, измеряющая концентрацию явления в данном пункте. Святловский же дает

$$\varphi=\frac{\Sigma Q\varphi}{\Sigma Q} \qquad \lambda=\frac{\Sigma Q\,dS}{s\,\Sigma Q}$$

где S — длина градуса параллели на широте данного пункта (φ), а S то же на широте центра $(\bar{\varphi})$.

Тут уместно будет спросить—где ты «математическая точность»? Определенность?... Обе формулы дадут тождественные результаты только при том условии, если S и Q — две независимые случайные переменные в классическом смысле слова. Но этого разумеется нет.

Ничего конкретного ни то ни другое не выражает. Это средние, хотя и имеющие определяющие функции (таковые могут быть подогнаны под любую среднюю), но совершенно лишенные определяющего свойства. Такие средние либо представляют абсолютно никчемные фикции (или среднесмешанные, как их называют статистики, не лишенные дара остроумия), либо выражают в непонятной отвлеченной форме общеизвестные тривиальности. Центр населения СССР например был в 1913 г. около Марксштадта, в 1920 г. — северней Пензы, а в 1926 г. — снова около Марксштадта. Что отсюда вытекает? Узнает ли человек на основании этих трех центров, что в 1920 г. значительная часть нашей территории была отрезана? Вряд ли. Между тем это движение центров не выражает собой ничего, кроме этого общеизвестного факта, гораздо лучше и конкретнее иллюстрируемого картами гражданской войны. Центр населения СССР вблизи Марксштадта не выражает сам по себе ровно ничего. Но если взять центр грамотного населения, то оно окажется несколько севернее (на 90 км) и западнее (на 200 км). Что это выражает? Ничего, кроме той простой, в конце концов тавтологической истины, что грамотность различных районов различна. Что же касается центра например ДВО, то в силу изогну-

тости территории он оказывается в Манчжурии [1]. Разве это не аналогично менделеевским центрам, приходившимся под землею? Если к центру ДВО центрографы и относятся сами довольно кисло, то почему они так восторжены центрами, хотя и приходящимися на данную территорию, но в месте наименьшей сконцентрированности, даже полного отсутствия данного явления?

У Мительмана же хватает еще мужества предложить изучать с помощью методов центрографии историю революционого движения (!).

В комментариях к полученным центрам вскрывается и кой-что от социально-политического лица авторов. Мительман например ужасно доволен тем, что центр тяжести населения после всех передряг революции «вернулся к исходной точке 1913 г. и теперь продолжает движение по прежнему направлению». Как большевики ни ломайте все старое, а движение центра тяжести вам не сломать! К счастью то же произошло и с центром посевных площадей. Все вернулось в прежнее равновесие и значит все благополучно. Как это «равновесие» у Святловского фигурирует как диалектическое противоречие (об'ясненное дальше — «т. е. условия равновесия»!) — секрет автора. Очевидно, что на это его толкнула политическая обстановка и ничего более. Как на другое политическое откровение, можно указать на встречающиеся у Святловского определение империализма, который оказывается всего только «международным разделением труда» и т. д.

О политическом лице центрографов весьма красноречиво говорит и понимание ими плана как статистической экстраполяции, с которым мы до сих пор ведем борьбу в наших спецовских кругах. «Фиксация наблюдения призвана продолжать явление вне его конкретной обстановки», пишет курсивом Мительман. И пишет очевидно не для того, чтобы у читателя встали дыбом волосы, а для того, чтобы через несколько страниц возвестить: «по данным пятилетнего плана центр посевных площадей для 1932/33 г. оказывается еще восточнее, что подтверждает соответствие проектировок естественному (!!!) движению центра». Итак наша пятилетка небесами и центрографической лабораторией утверждается. Спасибо и на том.

Не вовсе лишен смысла так называемый «центр сходимости», «т. е. такая точка, при которой сумма расстояний всех элементов от нее была бы наименьшей». С подобной задачей, или по крайней мере сходной, мы встречаемся в некоторых вопросах организации сельского хозяйства у Вебера (теория штандарта) и др. Но если Вебер учитывает вес, транспортные тарифы и ряд других элементов, то центрографы берут и эту задачу в наиболее плоском виде. Имеется ряд элементов в точках (x_1y_1), (x_2,y_2) и т. д. Требуется найти minimum функции.

$$\sum_{i=1}^{i=S} \sqrt{(x_i - x)^2 + (y_i - y)^2}$$

Дело сводится к решению системы уравнений.

$$\begin{cases} \sum\limits_{i=1}^{i=S} \dfrac{x_i - x}{\sqrt{(x_i - x)^2 + (y_i - y)^2}} = 0 \\ \sum\limits_{i=1}^{i=S} \dfrac{y_i - y}{\sqrt{(x_i - x)^2 + (y_i - y)^2}} = 0 \end{cases}$$

[1] Мительман, стр. 12.

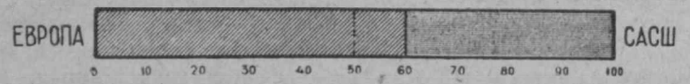
Но так как решить эту задачу чрезвычайно трудно, то центр сходимости заменяется серединным центром (аналог медианы) на основании того, что будто бы «серединный центр и центр сходимости практически совпадают». У нас к сожалению не имеется в распоряжении «доказательства» этого совпадения или того, что называют доказательством центрографы. Но ясно, что это совпадение — полный аналог пресловутого, насквозь идеалистического и неверного «правила трех сигм». Недаром теорема Беркулли кладется Святловским в основу методологии планирования. В основе этого «доказательства» не может не лежать известное предположение о характере географического распределения явления по территории. Это ясно хотя бы уже по тому одному, что сильнейшее передвижение по радиусу от центра какого-нибудь одного элемента не окажет никакого влияния на серединный центр, но весьма и весьма скажется на центре сходимости.

Если бы даже 1) центр сходимости вычислялся честно, 2) расстояние до элементов было бы для нас важно именно в его чисто геометрическом виде, то и тогда центр сходимости еще не означал бы «краеугольного камня» планирования. Метод нахождения лучшего (при данном расположении клиентов) местонахождения телефонной станции также далек от построения «новой статистики» или основного костяка методологии планирования, как аэрофотосъемка от путей коллективизации сельского хозяйства. Возможно, что при указанных двух условиях он действительно мог бы принести некоторую пользу в решении некоторых глубокочастных и не слишком большой значимости задач.

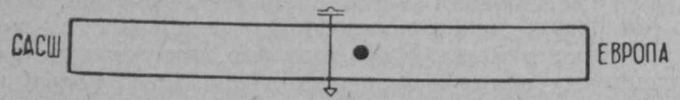
Перейдем теперь к «средним радиусам» и расстояниям. Мительман приводит пример использования среднего радиуса (r) среднего расстояния поверхности от ее центра d_a и среднего расстояния населения от его центра d_p. Хорошо известно из математики, что для круга $d_a = {}^2/_3 r$. Сравнивая d_a и r, Мительман судит об «округленности» территории. Именно территория считается тем более округленной, чем $d_a : r$ ближе к ${}^2/_3$. Нельзя, конечно, слишком настойчиво возражать против такого способа определения округленности, но спрашивается, какое полезное употребление мы можем из нее сделать? Мительман правда, оставаясь верным себе (вспомним центр населения СССР в 1920 г.), пробует «об'ективно» открыть с помощью отношения $d_a : r$ начало империализма в колониальной политике САСШ. Но он при этом забывает об одной очень элементарной вещи — $d_a : r$ могло стать большим не только благодаря захвату Филиппин, но и в результате захвата какой-нибудь другой страной хорошего куска Америки. В частности отношение $d_a : r$ для Германии, можно с уверенностью сказать, после войны возросло (всякие «корридоры» и т. д.). Далее вычисляется отношение $d_p : d_a$, **которому Мительман придает** значение «насыщенности» территории. На самом деле это просто величина, которую можно толковать и как насыщенность окраин и как показатель наличия на этих окраинах озер, снеговых гор и т. п. и чего угодно еще; совершенно непонятно почему, получив $\frac{d_p}{d_a} = 0{,}79$, **Мительман** пишет, что «следовательно» около 80% населения сконцентрировано». А если будет $d_p = 1{,}5\ d_a$? Неужели это будет означать, что 150% населения сконцентрировано? Нам кажется, что здесь скорей **наоборот — чем больше $\frac{d_p}{d_a}$, тем менее сконцентрировано население и** то при условии, что оно концентрируется только в одном пункте — в

своем центре. Ляпсус Мительмана об'ясняется конечно не недостатком образования у его автора. Наоборот. Автор достаточно учен и натренирован, можно даже сказать, изощрен. Но категории, с которыми приходится ему иметь дело, настолько лишены «содержания и смысла», что разобраться в них становится делом слишком трудным и для тонкого ума.

Теперь о центрограммах. На стр. 20 Мительман дает ряд центрограмм распределения угля и чугуна между САСШ и Европой (верхняя часть). С виду это кажется ужасно хитрой штукой. Ни формул, ни цифр, легших в основу центрограммы, Мительман не дает. Но вся хитрая механика довольно просто заменяется обыкновенной столбиковой диаграммой, вполне с ней идентичной. Если в 1913 г. в САСШ добывалось 40% всего угля (САСШ + Европа), то это изображается, как известно, так:



Дело не станет яснее, если мы заменим чертеж таким



и кроме того переместим зачем-то названия стран [1].

(Читатель, обрати внимание на знак, которым заменяется ни в чем неповинная и ни на что не претендующая цифра 50. Прямо даже с внешней стороны смахивает на астрологию).

В этом же духе — не менее тривиальные вещи, но в еще более хитрых нарядах — и центрограммы движения золота и государственного долга на стр. 23. Следует однако отметить, что эти диаграммы, в которых сам чорт три ноги сломит, приводятся Мительманом как примеры... ясности и удобопонятности.

Не будем перечислять все самохвальство наших шаманов от науки. Достаточно сослаться на стр. 20, 24 и еще 24 у Мительмана, «В поисках новой статистики» Святловского, где например имеются такие (далеко не единственные) перлы: «Центр обещает стать основным методом величайшей науки будущего —науки о мировом хозяйстве и его плане» или там же «Новая статистика — будущая центрография», и т. д. Здесь и спекуляция именем Сталина, термином «диалектика» и просто демагогия.

Приходится удивляться. Но не тому, как думают Мительман и другие центрографы, что этой «науке» до сих пор уделяется так мало внимания. Приходится удивляться скорей тому, что такая квазинаука появилась. И если она исчезнет, то это вместо удивления вызовет только одобрение.

[1] „Центр" делит конечно „расстояние" между Европой и Америкой в пропорции 6 : 4, но он от Америки дальше, так как Европа притягивает его к себе с силой в полтора раза большей.

Основные показатели народного хозяйства в особом квартале

Таблица 1

Основные показатели контрольных цифр на особый квартал 1930 г.

Показатели	Абсолютные величины				Отношение ос. квартала 1930 г.	
	1929/30 г.			Особый квартал 1930 г.		
	Год	I кв.	IV кв.		к I кв. 1929/30г.	к IV кв. 1929/30г.
I. Труд (несельскохозяйств. сектор)						
1. Численность лиц наемного труда (в среднем тыс. чел.)	11.580	—	12.523	12.673	—	101,2
В том числе:						
В промышленности цензовой	3.835	—	4.144	4.597	—	110,9
На транспорте (ж. д.)	1.026	—	1.126	1.086	—	96,4
В строительстве	1.321	—	1.765	1.514	—	85,8
В народном просвещении	882	—	894	988	—	110,5
2. Зарплата лиц наемного труда (ср.-мес. в руб.)	—	—	244	250	—	102,5
В том числе:						
В промышлен. цензовой	—	—	264	267	—	101,2
На транспорте (ж. д.)	—	—	254	261	—	102,8
В строительстве	—	—	281	294	—	104,6
В народном просвещении	—	—	220	246	—	111,7
3. Фонд зарплаты лиц наемного труда (млн. руб.)	—	—	3.060,9	3.168,9	—	103,5
В том числе:						
В промышлен. цензовой	—	—	1.193,4	1.227,4	—	112,3
На ж.-д. транспорте	—	—	286	283 5	—	99,1
В строительстве	—	—	496	445 0	—	89,7
В народном просвещении	—	—	196,7	242,8	—	123,4
II. Капитальные вложения в основные фонды (обобщ. сект. в млн. руб. с учетом снижения цен)	—	—	—	3.080	—	—
В том числе:						
1. Электростроительство	—	—	—	175	—	—
В т. ч. районные электростанции	—	—	—	150	—	—
2. Промышленность	—	—	—	1.111 [1]	—	—
3. Сельское хозяйство	—	—	—	750	—	—
4. Транспорт	—	—	—	605 [2]	—	—

[1] В том числе 120 млн. руб. — стоимость стройматериалов, оплаченных в истекшем году и переходящих на особый квартал.

[2] Сверх того 150 млн. руб. — дополнительные строительные работы на остатки стройматериалов и оборудования, переходящие на особый квартал из истекшего года.

Таблица 1 (продолжение)

Показатели	Абсолютные величины				Отношение ос. квартал 1930 г.	
	1929/30 г.			Особый квартал 1930 г.	к I кв. 1929/30 г.	к IV кв. 1929/30 г.
	Год	I кв.	IV кв.			
III. Снижение стоимости строительства (в процентах)	—	—	—	— 8,0	—	—
IV. Энергетика						
1. Выработка электроэнергии всеми станциями (в млн. квтч)	8.000	1.868	—	2.950	157,9	—
2. То же без фабр.-зав. станций	4.150	1.008	—	1.700	168,6	—
В т. ч. районные станции	3.300	763	810	1.400	183,5	172,8
V. Планируемая промышленность						
1. Валовая продукция (в млн. руб.)	17.077	—	4.038	5.915	—	146,9
2. То же (без пищевой)	15.653	—	3.784	5.028	—	132,2
В том числе группа „А“	8.862	—	2.348	3.174	—	135,1
„ „ „ „Б“	6.791	—	1.436	1.854	—	129,0
Группа „Б“ (включ. пищев.)	8.215	—	1.690	2.742	—	162,1
3. Число рабочих (включая пищевую промышленность) в средн. за мес. (тыс. чел.)	2.281	—	2.314	2.563	—	110,8
4. То же (без пищевой)	2.169	—	2.240	2.350	—	104,9
5. Выработка 1 рабочего (вкл. пищев. в руб.)	547,9	—	508,5	666,9	—	131,2
То же (без пищевой)	521,8	—	487,8	602,0	—	123,4
6. Число рабочих, переведенных на 7-час. раб. день (на конец периода в процентах к общ. числу рабочих)	45,5	23,4	45,5	62,3	—	—
7. То же перевед. на непрерывное производство	67,3	—	67,3	82,8	—	—
8. Снижение себестоимости по промышленности ВСНХ (по отнош. к ср.-годов. 1929/30 г.)	—	—	—	— 7,0	—	—
В том числе группа „А“	—	—	—	— 8,2	—	—
„ „ „ „Б“	—	—	—	— 5,3	—	—
9. То же по промышлен. НКТорга	—	—	—	—10,0	—	—
VI. Транспорт						
1. Вся погрузка ж. д. (в млн. тонн)	235,0	56,0	60,8	65,0	116,1	106,9
В том числе:						
Хлеб	23,1	7,40	7,3	10,0	135,1	137,0
Уголь	40,7	9,77	8,7	12,5	127,9	143,7
Нефтяные продукты	12,8	2,74	3,6	3,7	135,0	102,8
Дрова	15,4	3,25	2,3	3,5	107,7	152,2
Лесоматериалы	30,3	5,32	9,1	6,0	112,8	65,9
2. Приведенная работа жел. дор. (в млрд. т/км)	179,3	42,8	48,9	48,8	114,1	99,8
В том числе грузовая	132,8	33,1	33,4	36,2	109,4	108,4
„ „ „ пассажирская	46,5	8,6	16,4	12,6	146,2	76,8
VII. Финансовый план (расходн. часть в млн. руб.)	—	—	—	7.432[1]	—	—
В том числе:						
Финанс. н-р. хозяйства	—	—	—	5.368	—	—
Социал.-культ. строительство	—	—	—	1.318	—	—
Управлен. и оборона	—	—	—	581	—	—
Прочие	—	—	—	245	—	—

[1] Сверх того 80 млн. руб. — кредиты по госбюджету, переходящие на следующий год.

Таблица 2

Численность и зарплата лиц наемного труда
(несельскохозяйственный сектор)

Отрасли труда	Численность (в тыс. чел.)			Средняя зарплата (в черв. руб.)		Фонд зарплаты (в млн. руб.)		Численность ос. кв. в % к ср.-год. 1929/30 г.	Особый квартал 1930 г. в процентах к IV кв. 1929/30 г.		
	Ср.-год. за 1929/30 г.	IV кв. 1929/30 г.	Особый квартал 1930 г.	IV кв. 1929/30 г.	Особый квартал 1930 г.	IV кв. 1929/30 г.	Особый квартал 1930 г.		Численность	Средняя зарплата	Фонд зарплаты
I. Промышленность	4.243	4.552	4.977	258	262	1.174,6	1.303,0	117,3	109,3	101,6	110,9
1. Цензовая	3.835	4.144	4.597	264	267	1.093,4	1.227,4	119,9	110,9	101,2	112,3
В т. ч. рабочие (с учениками)	3.335	3.596	4.021	246	250	884,6	1.006,0	120,6	111,8	101,6	113,7
В т. ч. служащие	358	399	419	458	462	182,7	193,6	117,0	105,0	101,0	105,9
В т. ч. мл. обсл. персон.	142	149	157	175	177	26,1	27,8	110,6	105,4	101,0	106,6
2. Нецензовая	408	408	380	199	199	81,2	75,6	93,1	93,1	100,0	93,1
II. Строительство	1.321	1.765	1.514	281	293,9	496,0	445,0	114,6	85,8	104,6	89,7
III. Транспорт и связь	1.542	1.734	1.692	262	266,0	454,6	450,2	109,7	97,6	101,5	99,0
1. Жел.-дор. транспорт	1.026	1.126	1.086	254	261,1	286,0	283,5	105,8	96,4	102,8	99,1
2. Водный „	130	161	137	310	308,5	49,9	42,3	105,4	85,1	99,5	84,7
3. Местный „	284	341	352	271	271,0	92,4	95,4	123,9	103,2	100,0	103,2
4. Нарсвязь	102	106	117	248	248,0	26,3	29,0	114,7	110,4	100,0	110,4
IV. Торговля	795	814	814	224	224,0	182,3	182,3	102,4	100,0	100,0	100,0
V. Кредит	121	122	122	276	276,0	33,7	33,7	100,8	100,0	100,0	100,0
VI. Народное просвещение	882	894	988	220	245,7	196,7	242,8	112,0	110,5	111,7	123,4
VII. Здравоохранение	463	467	486	189	208,8	88,3	101,5	105,0	104,1	110,5	115,0
VIII. Прочие учреждения	1.241	1.242	1.157	283	283,0	351,5	327,4	93,2	93,2	100,0	93,2
IX. Прочие отрасли труда	108	109	110	200	205,8	21,8	22,6	101,9	100,9	102,9	103,8
Итого (I—IX)	10.716	11.699	11.860	256	262	2.999,4	3.108,5	110,7	101,4	102,4	103,6
X. Переменно-поденные	453	413	402	95	95	39,2	38,2	88,7	97,3	100,0	97,3
XI. Домашние работницы	411	411	411	54	54	22,2	22,2	100,0	100,0	100,0	100,0
Всего (I—XI)	11.580	12.523	12.673	244	250	3.060,9	3.168,9	109,4	101,2	102,5	103,5

Таблица 3

Капитальные вложения в основные фонды обобществленного сектора нар. х-ва СССР на особый квартал 1930 г. (с учетом снижения цен)

Отрасли народного хозяйства	Млн. руб.	Отрасли народного хозяйства	Млн. руб.
I. Промышленность . . .	1.111[1]	VI. Обмен и распределен.	257
В т. ч.: 1) госпромышленность	961	В т. ч.: НКТорг	130
Из нее:		Потребкооперация . .	127
а) планируемая ВСНХ	890	VII. Здравоохранение . . .	49
„ вкл. лесн. пром.	901	VIII. Соц. обесп. и охр. труда	9
б) прочая госпромышленность	60	IX. Просвещение	100
2) кооперативная	30	1. Массовое просвещение . .	67
II. Электрификация . . .	175	2. Кадры	28[4]
В т. ч.: районные станции . .	150	Сверх того финанс. др. отрасл.	46
Вместе с финансир. промышл.	162	Итого по кадрам	74
III. Сельское хозяйство .	730	3. Научно-исследов. дело . .	5
В т. ч.: Совхозы	324	X. Управление	8
Колхозы	330	XI. Коммунальное х-во . .	56
МТС		XII. Жилстроительство . .	35
Госмероприятия	76	1. Исполкомы	19
IV. Транспорт	503[3]	2. Кооперация	16
В т. ч.: Железнодорожный . .	337	Сверх того по др. отраслям .	151
Речной	46	Итого по жилстроительству.	186
Морской	37		
Безрельсовые дороги .	65	Всего по обобщ. сектору нар. хозяйства	3.080
Авио-транспорт . . .	20		
V. Связь	45		
Вместе с финансированием др. отраслями	50	То же без стройматериалов промышлен., переход. из истекш. года	2.960

Таблица 4

Выработка главнейших изделий планируемой промышленности в натуральном выражении

Наименование изделий	Единица измерения	Абсолютные величины				Особый квартал 1930 г. в процент.		
		1929/30 г.			Особый квартал 1930 г.	К I кв. 1929/30 г.	К IV кв. 1929/30 г.	К средн. квартальн. 1929/30 г.
		Год	I кв.	IV кв.				
1. Топливная								
Каменный уголь .	млн. тонн	47,49	11,89	9,48	21,27	178,9	224,4	179,2
Нефть	„ „	17,67	3,97	4,87	5,30	133,5	108,8	120,0
2. Горнодобывающая.								
Железная руда .	„ „	10,10	—	2,80	3,63	—	129,6	142,3
Асбест	„ „	46,0	—	15,3	16,9	—	110,5	147,0
3. Металлопромышл.								
Чугун	тыс. тонн	4.969	1.167	1.247	1.546	132,5	124,0	124 5
Сталь	„ „	5.552	1.323	1.366	1.802	135,2	131,9	129,8
Прокат	„ „	—	1.012	1.065	1.500	148,2	140,8	—
Медь	тонны	51.000	7.762	10.000	13.000	167,5	130,0	102,0
Цинк	„	4.400	1.052	1.450	2.000	190,1	137,9	181,8
Свинец	„	9.300	870	—	4.000	460,0	459,8	172,0
Паровозы сер. Э .	шт.	531	—	133	213	—	160,2	160,5
Турбины паровые.	тыс. квт.	195,7	—	85,0	107,0	—	126,0	218,7
Двигатели	шт.	85,0	—	32,0	48,0	—	150,0	225,9
Котлы	тыс. м²	121,2	—	28,3	34,0	—	118,0	112,2

[1] В т. ч. стройматериалы, оплаченные в истекшем году и переходящие на особый квартал в сумме 120 млн. руб.

[2] В т. ч. 40 млн. руб. — резерв.

[3] Сверх того 150 млн. руб. — дополнительные строит. работы на остатки стройматериалов и оборудования, переходящих на особый квартал из истекшего года.

[4] Включено строительство НКЗ, НКПС, НКТорга и НКПиТ.

Таблица 4 (продолжение)

Наименование изделий	Единица измерения	Абсолютные величины				Особый квартал 1930 г. в %		
		1929/30 год			Особый квартал 1930 года	К I кв. 1929/30 г.	К IV кв. 1929/30 г.	К среднему кварталу 1929/30 г.
		Год	I кв.	IV кв.				
4. Электротехнич.								
Машины пост. тока	тыс. шт.	10,2	1,9	3,0	3,9	205,3	130,0	152,9
	тыс. квт	94,5	17 4	27,9	32,1	184,5	115,1	135,9
		83,3	15.3	24,6	41,6	272,0	169,1	199,8
„ перем. „	то же	365,0	104,2	167,5	256,5	246 2	153,2	181,6
		5,63	1,03	1,62	2,45	238,0	151,0	174,1
Трансформаторы .	„ „	1300,0	239,0	384,0	545,0	227,7	141 9	167,7
		57,0	10.0	17 0	24,0	240,0	141,2	163,4
Турбогенераторы	„ „	292,0	53,8	86,5	143,5	266,7	165,9	196,6
Лампы всех типов	млн. шт.	32,4	5,9	9,6	11,4	193,3	118,8	140,7
5. Строит. материал.								
Цемент	млн. боч.	19,4	4,0	5,7	6 5	162 3	113,9	133,8
Кирпич	млн. шт.	2.550	690	900	1.175	170,3	130,5	189,3
Шамот	тыс. тонн	735	199	221	238	119,6	107,7	129,5
Динас	„ „	158,0	51,0	56,2	60,2	118,0	107,1	15-,4
Стеклян. изделия	„ „	433,8	102,2	102,5	126,0	123 3	122,9	116,2
6. Лесная и деревообрабатывающая								
Деловой лес. . .	млн. м³	108,0	29,8	—	65,0	218,2	—	240,8
Дрова	„ „	69,0	19,9	—	35,0	175,9	—	203,0
Пиломатериалы .	„ „	23,35	3,85	—	5,90	153,3	—	101,1
Бумага	тыс. тонн	474,4	103,9	—	137,3	132,2	—	115,8
7. Химическая „А“								
Серная кислота .	„ „	360	75	95	138	184,0	145,3	153,3
Суперфосфат . .	„ „	400	74	116	170	229,8	146,3	170,0
Фосфоритн. мука	„ „	195	—	58,5	108,6	—	185,7	222,8
Сода кальцинированная	„ „	255	64	—	80	125,0	—	125,5
Кокс	„ „	6.037	—	1408,5	1.681,6	—	119,4	111,4
8. Текстильная								
Хлопчатобумажные ткани . .	млн. м	2.594,1	—	272,4	662[1]	—	243,0	102,1
Шерстяные ткани	„ „	128,9	26,8	33,5	33,0	123,1	98,5	102,4
Льняные ткани .	„ „	200,0	50,9	39,7	60,1	118,1	151 4	120,2
Шелковые ткани	„ „	18,7	—	5,4	5,6	—	103,7	119,8
9. Кожевенно-обувная								
Обувь	млн. пар	—	13,5	17,4	18,7	138,5	107,5	—
10. Химическая „Б“								
Галоши	„ „	42,70	12,55	—	15,0	119,0	—	140,5
Покрышки . . .	в услов. ед.	486,500	112,000	—	140,000	125,0	—	115,1
Спички	тыс. ящ.	9,500	2.161	2.260	2.507	116,0	110,9	105,6
Мыло хозяйствен.	тыс. тонн	203	55	40	60	109,1	150,0	118,2
11. Пищевкусовая								
Сахарный песок.	„ „	836	821	—	1.465	178,4	—	701,0
Масло растительн.	„ „	335,0	111,2	50 1	96,0	86 3	191,6	114,6
Папиросы . . .	млрд. шт.	61,1	16,2	13,5	16,4	101,2	121,5	107,4
Махорка	тыс. ящ.	3.067	909	598	1.000	110,0	167,2	130,4
Консервы	млн. банок	214,7	38,8	113,5	130,0	335,5	114,5	142,2

[1] С товарным суровьем — 722 млн. метров.

Таблица 5

Валовая продукция планируемой промышленности
(в млн. рублей, в ценах 1926/27 г.)

Отрасли промышленности	Абсолютные величины				Особый квартал 1930 г. в %		
	1929/30 г.			Особый квартал 1930 г.	К I кв. 1929/30 г.	К IV кв. 1929/30 г.	К средн. кв. 1929/30 г.
	Год	I кв.	IV кв.				
I. Топливная	1309,1	311,9	338,1	481,7	154,4	142,5	147,2
Каменноугольная	489,7	124,9	98,1	210,0	176,1	222,7	179,7
Нефтяная	819,4	187,0	239,3	261,7	139,9	109,4	127,8
II. Горнодобывающая	147,2	—	41,2	48,1	—	116,7	130,7
Железорудная	55,0	—	15,5	19,0	—	122,6	138,2
Марганцево-рудная	22,3	—	5,0	3,0	—	60,0	53,8
Асбестовая	15,7	—	4,7	5,8	—	123,4	147,8
Неруд. ископаемые и мин. сырье	54,2	—	16,0	20,3	—	126,5	149,8
III. Металлопромышленность	3343,8	—	886,0	1157,3	—	130,6	138,4
Черная металлургия	1009,0	—	238,7	312,5	—	130,9	123,9
Цветная металлургия	258,8	57,2	74,5	106,0	185,3	142,3	163,8
Общее машиностроение	1038,2	—	282,8	356,2	—	126,0	137,2
Судостроение	181,0	—	58,3	66,2	—	113,6	146,3
Метиз	448,0	—	118,0	135,0	—	114,4	120,5
С.-х. машиностроение	343,5	—	90,0	138,7	—	154,1	161,5
Авто-тракторостроение	65,3	—	23,7	42,7	—	180,2	261,6
IV. Электротехническая	472,8	87,0	139,0	172,3	198,0	124,0	145,8
V. Строительные материалы	418,4	93,6	143,9	153,8	164,3	106,9	147,0
Цементная	111,1	23,7	32,6	37,1	156,5	114,0	133,5
Кирпичная	121,0	32,5	59,5	50,6	155,7	85,1	167,3
Известковая	33,8	7,3	9,2	14,3	195,9	155,5	169,3
Огнеупорная	43,5	9,2	12,5	14,3	155,4	114,4	131,5
Дорожные и нерудные	70,5	12,5	17,5	19,7	157,6	112,6	111,8
Новые материалы	6,8	0,9	2,8	6,0	666,7	214,3	350,0
Кровельные материалы	31,7	7,5	9,8	11,8	157,3	120,5	148,9
VI. Стекольная	170,0	33,9	37,8	48,8	144,0	129,1	114,8
VII. Лесная и деревообрабатывающ.	1932,9	327,0	469,6	749,3	229,1	159,6	155,1
Лесная	1257,0	184,5	288,0	524,2	284,1	182,0	166,8
Деревообрабатывающая	675,9	142,5	181,6	225,1	158,0	124,0	133,2
VIII. Бумажная	246,1	53,0	62,3	71,0	134,0	114,0	115,4
IX. Химическая „А“	638,5	143,5	179,2	227,3	158,4	126,8	142,4
Основная химическая	180,0	36,2	51,0	67,4	186,2	132,2	149,8
Лако-красочная	106,1	24,6	26,5	44,0	178,9	166,0	165,9
Анилино-красочная	77,7	19,6	20,5	25,5	130,1	124,4	131,3
Лесо-химическая	38,6	5,6	21,6	12,0	214,3	55,6	124,4
Костеобрабатывающая	21,0	4,9	5,3	6,5	132,7	122,6	123,8
Коксовая	117,2	25,1	27,5	35,3	140,6	128,4	120,5
Коксо-бензольная	44,5	15,3	11,6	15,1	98,7	130,2	135,7
Сланцевая	3,1	1,1	1,1	1,6	145,5	145,5	206,5
Искусственное волокно	9,7	1,7	3,4	6,2	364,7	182,4	205,7
Гослаборснабжение	15,3	3,4	3,7	6,1	179,4	164,9	159,5
Оптико-механическая	25,3	6,0	7,0	7,6	126,7	108,6	120,2
X. Первичная обработка	183,2	—	50,9	64,0	—	125,7	139,7
Льно-пенько-сырье	22,5	—	3,8	4,6	—	121,1	81,8
Шелкомотальная	49,9	—	15,6	15,4	—	98,7	123,4
Кардолента	26,3	—	5,5	9,2	—	167,3	139,9
Техно-ткань	84,5	—	26,0	34,4	—	133,8	164,7
Итого по гр. „А“	8862,0	—	2348,0	3174,3	—	135,2	143,3

Таблица 5 (продолжение)

Отрасли промышленности	Абсолютные величины				Особый квартал 1930 г. в %		
	1929/30 г.			Особый квартал 1930 г.	К I кв. 1929/30 г.	К IV кв. 1929/30 г.	К средн. кв. 1929/30 г.
	Год	I кв.	IV кв.				
I. Текстильная	3765,4	1074,2	609,6	984,7	91,7	161,5	104,6
Хлопчатобумажная	2358,7	715,3	256,3	615,0	86,0	240,0	104,3
Шерстяная	589,5	149,5	153,0	131,7	88,1	86,1	89,4
Льняная	252,0	76,9	50,5	75,7	98,4	149,9	120,1
Пенько-джутовая	128,6	38,0	33,8	35,0	92,1	103,5	109,4
Шелковая	96,9	22,7	27,7	29,7	130,8	107,2	122,6
Валяльная	55,3	13,9	12,4	16,3	117,3	131,4	117,9
Трикотажная	285,0	57,9	75,9	81,3	140,4	107,1	114,1
II. Швейная	951,4	219,5	283,2	283,2	129,0	100,0	119,1
III. Кожевенная	1189,0	255,5	323,0	333,0	130,3	103,1	112,0
IV. Фарфоро-фаянсовая	65,0	15,5	17,1	21,4	138,1	125,2	131,7
V. Полиграфическая	138,0	39,5	37,3	45,0	113,9	120,7	130,4
VI. Химическая „Б“	656,0	162,2	152,6	180,3	111,2	118,2	109,9
Резиновая	283,0	72,0	66,2	78,5	109,0	118,6	111,0
Жировая	230,0	57,5	50,5	58,1	100,0	115,0	101,0
Химико-фармацевтическая	68,1	16,0	18,0	21,0	131,3	116,7	123,3
Спичечная	58,9	14,2	14,1	15,5	109,2	109,9	105,3
Фото-химическая	16,0	2,5	3,8	7,2	288,0	189,5	180,0
VII. Пищевая	1423,7	542,6	254,3	887,2	163,5	348,9	249,2
Сахарная	429,9	300,6	—	529,5	176,1	—	492,1
Маслобойная	181,9	56,9	26,0	50,0	87,9	192,3	110,0
Консервная	60,0	15,0	30,0	39,0	260,0	130,0	260,0
Табачная	161,6	42,5	35,0	41,0	96,5	117,1	101,5
Махорочная	34,9	10,4	6,8	11,3	108,7	166,2	129,5
Кондитерская	301,8	60,0	100,0	124,0	206,7	124,0	164,3
Крахмало-паточная	18,5	4,9	2,3	8,2	167,3	356,5	177,3
Винокуренная	79,6	29,3	4,6	40,3	137,5	895,6	202,0
Пивоваренная	68,7	12,5	18,9	19,5	156,0	103,2	113,5
Безалкогольная	36,4	0,2	18,2	8,2	4100,0	45,1	90,1
Дрожжевая	15,1	3,9	3,4	5,1	130,8	150,0	195,0
Макаронная	29,5	6,4	7,1	8,2	128,1	129,6	111,2
Маргариновая	5,8	—	2,0	2,9	—	145,0	200,0
VIII. Соляная	26,4	6,5	12,9	6,7	103,1	51,5	101,5
Итого по гр. „Б“	8214,9	—	1690,0	2741,5	—	162,2	133,5
Итого по гр. „Б“ без пищевой	6791,2	—	1435,7	1854,3	—	129,2	109,2
Всего по гр. „А“ + „Б“	17076,9	—	4038,0	5915,1	—	146,5	138,6
Всего по гр. „А“ и „Б“ без пищевой	15653,2	—	3783,7	5027,9	—	132,9	128,4

Таблица 6

Число рабочих планируемой промышленности [1]

(в среднем за месяц в тыс. чел. без мл. обсл. персонала и учеников)

Отрасли промышленности	1929/30 г.		Особый квартал 1930 г.	Особый кв. 1930 г. в процентах	
	IV кв.	Средн. за год		К IV кв. 1929/30 г.	К средн. за 1929/30 г.
Группа „А“					
1. Топливная	252,3	281,2	354,2	140,4	126,0
Каменноугольная	211,8	242,2	313,0	147,8	129,2
Нефтяная	40,5	39,0	41,2	101,7	105,6
2. Горнодобывающая	68,2	67,5	70,8	103,8	104,9
Железорудная	30,4	30,6	34,5	113,5	112,7
Марганцевая	11,5	11,2	6.0	52,2	53,6
Нерудн. ископаемые	6,0	5,8	7,0	117,0	116,7
Асбестовая	8,5	8,6	8,6	101,2	100,0
Минер. сырье	11,8	11,3	14,7	124,6	130,1
3. Металлопромышленность	564,9	513,1	610,0	108,0	118,9
Черная металлургия	203,8	193,0	209,4	102,7	108,5
Цветная	29,0	28,5	39,0	134,5	101,3
Общее машиностроение	95,7	174,5	210,0	107,3	120,3
С.-х. машиностроение	76,1	66 4	91,0	123,9	142,0
Автотракторостроение	11,7	8,2	12,0	114,5	163,4
Судостроение (морское и речное)	48,6	42,5	48,6	100,0	114,4
4. Электротехническая	61,5	49,4	60,0	97,5	121,4
5. Стройматериалы	174,5	151,5	164,8	94.4	108,8
Цементная	28,5	25 4	28,9	101,4	113,8
Огнеупорная	12,8	11,8	13,2	103,1	111,9
Кирпичная	60.7	42,7	46.6	76,8	109,1
Известково-алеб.-меловая	9,9	8,9	13,5	136,4	151,7
Стекольная	62,6	62,7	62,6	100,0	99,8
6. Деревообрабатывающая	106,1	108,2	119,5	112,6	110,4
7. Бумажная	30,0	29,4	29,4	98,0	100,0
8. Химическая „А“	45,3	44 3	47,6	106,4	107,4
Основн. химическая	16,1	16 2	16,7	103,7	103,1
Лакокрасочная	3,5	3,4	3,3	94,3	97,1
Анилокрасочная	4,1	4,0	4,6	112,2	115,0
Лесохимическая	1,7	1,5	1.8	105,9	120,0
Костеобрабатывающая	2,4	2,4	2,2	91,7	91,7
Коксо-химическая	12,7	12,6	13,0	102,4	103,2
Фото-химическая	0,5	0,5	0,6	123,0	123,0
Искусственное волокно	0,9	0,9	1,2	133,3	133,3
Гослаборснабжение	2,9	2,3	3,6	124,1	131,0
Сланцевая	0.5	0,5	0,6	126.0	124,0
Итого по гр. „А“	1.302,8	1.244,6	1.456,3	111,8	117,0

[1] Численность рабочих приводится по суженному кругу отраслей (без метиза, дорожных, кровельных и новых стройматериалов, первичной обработки волокна, валяльной, галантерейной и сезонных отраслей—лесной и торфяной).

Таблица 4 (продолженне)

Отрасли промышленности	1929/30 г.		Особый квартал 1930 г.	Особый кв. 1930 г. в процентах	
	IV кв.	Средн. за год		К IV кв. 1929/30 г.	К средн. за 1929/30 г.
Группа „Б“					
1. Текстильная	559.5	577,5	539,7	96,5	93,5
Хлопчатобумажная	366,1	393,0	366,0	100,0	93,1
Шерстяная	64,7	63,8	56,5	87.3	88,6
Льняная	87,9	86,4	83,5	95,0	96,7
Пенько джутовая	31.3	25,6	23,8	76.0	93,0
Шелковая	9,5	8,7	9,9	104,2	113,6
2. Трикотажная	34,4	32,9	34,3	100,0	104,3
3. Швейная	85,1	74,1	80,1	94,0	108,1
4. Кожевенная	123,6	111,1	118,0	95,5	106,2
5. Фарфоро-фаянсовая	25,2	24,5	25,0	99,2	102,0
6. Полиграфическая	32,5	32,5	34,8	107,1	104,3
7. Химическая „Б“	63,4	64,7	55,2	87,1	85,3
Резиновая	31,0	31,0	25,1	81,0	81,0
Спичечная	22,8	22,8	20,2	88,6	88,6
Жиро-парфюмерная	7,6	7,6	8,0	105,3	105,3
Химико-фармацевтическая	2,0	3,3	1,9	95,0	57,6
8. Пищевкусовая	74,0	112,3	213,6	288,6	190,2
Сахарная	—	36,5	124,4	—	340,8
Маслобойная	8,0	11,0	8,2	102,5	74,5
Винокуренная	2,9	8,4	12,8	441,4	152,4
Кондитерская	21,5	20.0	26,6	123 7	133,0
Консервная	8,4	5,4	9,4	111,9	174,1
Махорочная	2,8	3,5	3.1	110,7	88,6
Табачная	12,0	12,4	10,5	87,5	84,7
Пивоваренная	9,0	6,7	8.2	91,1	122,4
Крахмало-паточная	1,9	2,5	3,5	184,2	140,0
Дрожжевая	1,2	1.4	1,8	150 0	128,6
Макаронная	2,1	2,1	2,0	95,2	95,2
Безалкогольная	3,2	2,4	2,9	90,6	120,8
Маргариновая	—	—	0,2	—	—
9. Соляная	13,0	7,0	6,3	48,5	90,0
Итого по гр. „Б“	1.010,7	1.036,6	1,107,0	109,5	106,8
Итого по гр. „Б“ без пищевой	936,7	924.3	893,4	95,4	96,7
Всего по гр. „А“+„Б“	2.313,5	2.281,2	2.563,3	110,8	112,4
Всего по гр. „А“+„Б“ без пищевой	2.239,5	2.168,9	2.349,7	104,9	108,3

Таблица 7

План капитальных работ промышленности на особый квартал 1930 года

(в млн. руб.)

Отрасли промышленности	Об'ем работ по всей промышленности			В т. ч. по промышл. общесоюзн. значен.		
	В ценах 1929/30 г.	С учетом удешевления		В ценах 1929/30 г.	С учетом удешевления	
		Финансируемый об'ем	За сч. соб. запасн. стр. матер. и оборуд.		Финансируемый об'ем	За сч. соб. запасн. стр. матер. и оборуд.
Группа „А"						
1. Каменноугольная	100,00	83,96	11,00	100,00	83,96	11,00
В том числе уголь	71,87	59,78	8,50	71,87	59 78	8,50
„ „ „ востокоуголь	28,13	24,18	2 50	28,13	24,18	2,50
2. Нефтяная	61,97	44,88	14,00	61,97	44,88	14,00
3. Торфяная	18,76	15.27	2,00	17,68	14,27	2,00
4. Коксо-химическая	40,91	32 64	5.00	40,91	32,64	5,00
5. Сланцевая	2,16	2,00	—	—	—	—
6. Промышленность неметалл. ископ. (минер.)	9,17	8,43	—	6 29	5,78	—
7. Черная металлургия	161,43	127,13	18,50	161,43	127,13	18,50
В том числе сталь	92,43	74 63	9,00	92,43	74,63	9,00
„ „ „ востокосталь	69,00	5 ,50	9,50	69,00	52,50	9,50
8. Цветная металлургия	32,70	25,75	4,50	32, 0	25,75	4 50
9. Тяжелое машиностроение	39 15	3 .52	4,50	39,15	31,52	4,50
10. Среднее „	11,25	8,55	1,80	11, 5	8,55	1,80
11. Паровозо-вагоно-дизельн. об'единен.	19,55	15,10	2,50	19, 5	15,10	2,50
12. Рагаз	1,20	1,10	—	1 20	1,10	—
13. Реммаштрест	1,28	1,17	—	1,28	1,17	—
14. Укрмето	6.30	4,80	1,00	—	—	—
15. Ромп	16,40	14,25	1,00	—	—	—
16. Проч. респ. об'един. машиностроен.	1,00	0,90	—	—	—	—
17. Союзстанкоинструмент	8,47	6,79	1,00	8,47	6,79	1,00
18. Котлотурбина	10,03	7.73	1,50	10,03	7,73	1,50
19. Речное судостроение	5,60	4,90	0,25	5,60	4,90	0,25
20. Метиз	0,60	0 55	—	0,60	0,55	—
21. С юзнефть	5,70	5,24	—	5,70	5,24	—
22. Сельхоз. машиностроение	21,40	17,69	2,00	18,90	15,39	2,00
23. Авто-тракторостроение	41,70	30.60	7,00	41 70	30,60	7,00
24. Электротехническая	16,58	15,26	—	16,52	15,20	—
25. Химическая „А"	72,62	54,50	11,00	69,45	51,55	11,00
26. Гослаборснабжение	1,00	0,90	—	1,00	0,90	—
27. Костеобрабатывающая	0,72	0 66	5,00	—	—	—
28. Строительные материалы	84,00	72,04	—	7,49	6,31	0,50
29. Стекольная	5,80	5,34	—	0,40	0,37	—
30. Лесная	77,51	66,31	5,00	77,51	66,31	5,00
31. Бумажная	9,00	8,28	—	0,40	0,37	—
32. Текстильная „А"	7,70	7,09	—	3,50	3,22	—
В том числе шерсть	0,51	0,47	—	0,51	0,47	—
„ „ „ туркшелк	1,55	1,43	—	1,55	1 43	—
33. Дубильно-экстрактовая	3,47	3,17	—	3,47	3,17	—
34. Искусств ное волокно	5,32	4,90	—	5,32	4,90	—
35. Каучуконосы	1,50	1,38	—	1,50	1,38	—
36. Пластмасстрой	0,40	0,36	—	0,40	0,36	—
37. Чиатурский марганец	1,85	1,70	—	—	—	—

Таблица 7 (продолжение)

Отрасли промышленности	Об'ем работ по всей промышленности			В т. ч. по промышл. общесоюзн. значен.		
	В ценах 1929 30 г.	С учетом удешевления		В ценах 1929 30 г.	С учетом удешевления	
		Финансируемый об'ем	За сч. соб. запас. стр. матер. и оборуд.		Финансируемый об'ем	За сч. соб. запас. стр. матер. и оборуд.
38. Донбассводтрест	10,00	9,20	—	10,00	9,20	—
39. ГПУ	9,70	9,30	—	9,70	9,30	—
40. Геодезическое управление	2 56	2,45	—	2 56	2,45	—
41. НИС	3,24	3,00	—	3 24	3,00	—
42. Главпромкадр	7,20	6,66	—	7,20	6,62	—
43. Электросталь	1,35	1,25	—	1,35	1,25	—
44. Рудметаллторг	1,00	0,90	—	1,00	0,90	—
Итого по группе „А"	939,25	765,56	98,55	806,42	649,81	92,05
Группа „Б"						
1. Текстильная „Б"	22,17	20,41	—	14,00	12,85	—
2. Швейная	1,27	1,17	—	—	—	—
3. Кожевенно-обувная	4,62	4,25	—	1,76	1,62	—
4. Химико-фармацевтическая	1,71	1,58	—	1,49	1,37	—
5. Жировая	0,70	0,64	—	—	—	—
6. Резиновая	7,25	6,67	—	7,25	6,67	—
7. Спичечная	1,08	1,00	—	—	—	—
8. Фарфоро-фаянсовая	1,08	1,00	—	—	—	—
9. Фото-кино-промышленность	3,74	3,44	—	3,74	3,44	—
10. Полигр фическая	1,80	1,66	—	—	—	—
11. Культпромоб'единение	0,80	0,76	—	—	—	—
12. Соляная	1,89	1,74	—	0,04	0,04	—
Итого по группе „Б"	48,11	44,31	—	28,28	25,99	—
Всего по гр. гр. „А"+„Б"	987,36	809,87	98,55	834,70	675,30	92,05
Сверх того						
Золото-платиновая	10,20	8,38	1,00	10,20	8,38	1,00
Стр йконторы	15,60	14,34	—	10,20	9,38	—
Комбинатские расходы	7,35	4,60	2,00	7,35	4,60	2,00
Финансирование жилкооперации и дорожного строительства	6,00	5,50	—	6,00	5,50	—
Андезит ЗСФСР	0,65	0,61	—	—	—	—
Прочие	20,00	17,40	1,00	20,00	17,40	1,00
Орга-тара	0,33	0,30	—	0,33	0,30	—
Итого	1.047,49	861,00 [1]	102,55	888,78	721,36	96,05
Резерв	43,48	40,00	17,45	43,48	40 00	17,45
Всего	1.090,97	901,00 [1]	120,00	932,26	761,36	113,50

[1] В том числе 11 млн. руб. по лесному хозяйству.

Таблица 8

Тракторо- и машиноснабжение на особый квартал 1930 г.

(в млн руб. по продажным ценам)

Наименование организаций	Тракторы		С.-х. машины	Трансп. средства	Ром. обор.	Зап. частн.	Автотранспорт
	НР	Млн. руб.					
Союзн. совх., НКЗ	42.825	10,14	22,87	5,13	1,75	3,19	1,18
Республ. совх.			1,0	0,2	—	—	0,07
Госмероприят.			0,6	0,4	—	0,05	—
МТС	42.150	9,89	26,9	4,5	1,0	2,21	0,11
Колхозы	—	—	30,89	10,26	—	0,15	—
Прост. об'ед. и индив.	—	—	7,0	2,0	—	—	—
Всего по НКЗ	84.975	20,03	89,26	22,49	2,75	5,6	1,36
Совх., не идущ. по НКЗ	13.025	3,12	4,98	0,47	0,25	0,4	0,04
Резерв (в опт. ценах)	—	—	34,74	5,19	—	—	—
Кроме того промышленность	4.000	0,68	0,02	—	—	—	—

Таблица 9

Распределение минеральных удобрений по республикам на особый квартал 1930 г.

(включая импорт)

Республики	В переводе на стандарты в тыс. тонн.					
	Азотистые 20%	Калийные 15%	Раствор фосф. 14%	Фосфорн. мука	Томас шлак	Всего
РСФСР	4,4	6.5	70,5	117,0	—	198,4
УССР	2,2	3,0	85,2	10,0	15,0	115,4
БССР	0,7	3,6	9,5	15,0	3,6	32,4
ЗСФСР	13,3	1,3	12,1	—	—	26,7
Ср.-аз. республики	78,1	0,6	40,3	—	—	119,0
СССР	98,7	15,0	217,6	142,0	18,6	491,9
В т. ч. совхозы	97,4	14,9	106,6	42,0	18,6	279,5
колхозы	1,3	0,1	111,0	100,0	—	212,4

Примечание. Минеральные удобрения под хлопок как совхозных, та и колхозных посевов поступят в ведение ГКХ.

Таблица 10

Финансовый план сельского хозяйства на особый квартал 1930 г.[1]

(в млн. рублей)

Организации и мероприятия	Вложения				Источники финансирования							
	Капитальные	Некапитальные	Прирост оборотных средств	Итого	Собствен. средства совхозов и хоз. организ.	Собственные и привл. средства населения	Местный бюджет	Прирост кредита Госбанка	Средства Союзколхозбанка	Единый госбюджет: Союзный	Единый госбюджет: Республиканский	Единый госбюджет: Итого
1. Совхозы союзного значения	267,9	7,1	71,5	346,5	18,4	—	—	56,4	—	271,8	—	271,8
2. Обслуживающие тресты и организации	8,4	—	4,5	12,9	0,1	—	—	4,5	—	8,3	—	8,3
3. Совхозы республиканского значения	47,2	2,0	11,0	60,2	4,9	—	—	6,1	—	—	49,2	49,2
4. Колхозы	240,1	14,7	—	254,8	—	176,9	9,0[2]	—	66,2	0,3	2,4	2,7
5. Трактороцентр	85,0	0,2	12,0	97,2	—	40,0	—	12,0	45,0	—	—	—
6. Кооперативно-инд. сектор	5,0	4,0	—	9,0	—	—	0,4	—	8,6	—	—	—
7. Госмероприятия	76,4	53,5	—	129,9	—	9,0	30,5	—	—	39,2	51,2	90,4
В том числе ирригация	52,4	18,8	—	71,2	—	9,0	2,9	—	—	30,8	28,5	59,3
Итого	730,0	81,5	99,0	910,5	23,3	225,9	39,9	79,0	120,0	319,6	102,8	422,4
Покрытие задолженности, дотации и убытки прошлых лет	—	199,6	—	199,6	—	—	—	—	—	199,6	—	199,6
Прирост кредитов Главхлопкома по заготовительным операциям	—	—	257,0	257,0	—	—	—	257,0	—	—	—	—
То же по сельхозснабжению	—	—	63,0	63,0	—	—	—	63,0	—	—	—	—
Всего	730,0	281,1	419,0	1.430,1	23,3	225,9	39,9	399,0	120,0	519,2	102,8	622,0

[1] В план не включено финансирование науки и кадров (капит. и некапит.) по сельскому хозяйству и водному делу; в сводном финплане из суммы финансирования по госбюджету (619 млн. руб.) исключены отчисления на строительство (15 млн. руб.).

[2] В том числе дотация колхозам на агросеть 6 млн. руб., землеустройство колхозов—3 млн. руб.

„Сельское хозяйство" № 10-11

Таблица 11

Основные экономические и технические показатели работы жел.-дор. транспорта

Наименование показателей	1929/30 год			Особый квартал 1930 г.	Особый квартал в %	
	31 год (предв.)	1 квартал	IV квартал (предв.)		К I кварталу 1929/30 г.	К IV кварталу 1929/30 г.
1. Эксплоатац. длина ж.-д. сети (в тыс. *км*)	77,0	76,71	77,0	78,2	101,9	101,6
2. Грузооборот ж. д. (в млн. тонн)	235,0	56,02	60,8	65,0	116,1	106,9
В том числе:						
Хлеб	23,1	7,40	7,3	10,0	135,1	137,0
Уголь	40.7	9,77	8,7	12,5	127,9	143,7
Нефтепродукты	12,8	2,74	3,6	3,7	135,0	102,8
Дрова	15,4	3,25	2,3	3,5	107,7	152,2
Лесоматериалы	30,3	5,32	9,1	6,0	112,8	65,9
Черн. металл.	8 3	1,89	2,1	2,0	105,8	95,2
Руда	10.5	2,66	2,4	2,5	94,0	104,2
Прочие грузы	93,9	23,02	25,3	24,8	107,7	98,0
3. Работа ж. д. (в привед. млрд. *т-км*)	179,3	42,78	48,9	48,8	114,1	99,8
а) грузовая (в *т.-км*)	132,8	33,1	33,4	36,2	109 4	108,4
б) пассажир.	46,5	8,62	16,4	12,6	146,2	76,8
4. Ср. дальн. пробега 1 тонны груза (в *км*)	566	592	549	558	94,3	101,6
5. Ср. нагрузка на ось вагона тов. и пасс. парка (в тоннах)	4,94	4,89	5,1	5,05	103,3	99,0
6. Ср. населен. пасс. вагона (чел.)	7,85	6,71	8,37	7,0	104,3	83,9
7. Ср. сост. поезд. тов. движения (осей)	104,0	102,0	105,1	110,0	107,8	104,7
8. „ „ „ пасс. „ „	40,9	40,0	42,1	42,0	105,0	99,8
9. Ср.-сут. пробег паровоза (в *км*)						
а) пасс. дв. *км*	217,7	205,1	233,2	267	130,2	112,1
б) тов. „ „[1])	156,3	154,8	161,4	190	122,7	117,7
10. Ср.-сут. пробег вагона (в *км*)						
а) пасс. парка	320,0	—	340,3	325	—	95,5
б) тов. „	95,3	95,7	92,0	135	139,6	146,7
11. Числен. раб. экспл. ж. д. (в тыс. чел.)	951,9	859,2	1.055,7	939 8	109,4	89,0
12. Число рабочих на 1 км. сети	—	11,20	—	12,02	107,3	—
13. Ср. расх. топлива на паровозе (в *т* на 10.000 *км* брутто)	0,283	0,293	0,256	0,271	91,9	105,9

[1] Средн. пробег паровозов в товарн. движении дан по старому способу исчисления.

Таблица 12

Основные показатели народной связи

Показатели	Единица счета	1929/30 г.			Особый квартал 1930 г.	Отнош. особ. кв. 1930 г.	
		За год	I кв.	IV кв.		К I кварт. 1929/30 г.	К IV кварт. 1929/30 г.
А. Продукция связи							
1. Почтовый обмен	млн. отпр	3.407	613,2	931,9	1.244,6	190,5	133,6
В т. ч. период. издан.	млн.	3.273	417,5	615,3	895,0	214,4	145,5
2. Платных телеграмм	млн. отпр.	43,0	8,7	13,1	16,6	190,8	126,7
3. Телефонных переговоров	„ „	23,2	4,87	6,58	9 08	186,4	138,0
4. Абонентов городских телеф. сетей (без низовой связи)	тыс.	275,4	—	275,4	285,6	—	103,7
5. Общ. почт.-телегр. и телефон. обмен в учетн. единиц.	млн.	6.827	1.483	н. св.	2.498	168,4	—
Б. Средства связи		На 1/X 1930 г.	На 1/I 1930 г.	На 1/V 1930 г.	На 1/I 1931 г.		
I. Почтовая связь							
1. Контор, город. и сельск. отд.	един.	4.139	3.768	4.139	5.838	154,9	141,0
из них отд. на селе	„	2.731	2.293	2.731	3.550	154,8	130,0
2. Штатных агентств	„	5.607	4.901	5.107	8.180	166,9	145,9
из них на селе	„	4.801	4.699	4.881	8.180	174,1	167,6
3. Нештатных сельск. аг-в	„	4.768	5.106	7.582	8.400	164,5	110,8
4. Сельских письмоносцев	„	30.950	22.908	30.950	38.900	169,8	125,7
5. Годовая частота хода почт в сельск. местности	дн. в году	156	—	—	255[1]	—	163,4
II. Электросвязь							
1. Провода и междунар. телегр. сообщение	тыс. км	1.10 ,4	н. св.	1.102,4	1.113,3	—	101,0
из них железных	„ „	1,033	„	1.033	1.053	—	101,9
из них бронзовых	„ „	49.6	„	49,6	60,3	—	121,6
из них на низ. телеф. сети	„ „	340	„	340	356	—	104,7
2. Городск. телеф. сетей	един.	680	„	680	680	—	100,0
3. Монтированная емкость коммутаторов центр. станций	тыс.	319	„	319	338,3	—	106,1
из них МБ	„	115,0	„	115,0	115,0	—	100,0
из них ЦБ	„	198,0	„	198,0	182,0	—	91,9
из них Автоматич.	„	6,0	„	6,0	41,3	—	688,3
4. Приемо-передающ. р-ций коммерч. связи	един.	90	„	90	210[2]	—	233,8
Передатчиков на них	„	158	„	158	280	—	177,2
5. Число радиовещат. станций	„	47	„	47	47	—	100,0
Мощность их	квт	464,1	„	464,1	504,1	—	108,6
6. Рад овещат. приемн. точек	тыс.	1.340	587,9	1.340	1.800	340,2	149,3
В том числе:							
а) радиоприемники	„	800	420,9	800	1.000	285,1	150,0
из них детекторные	„	600	342,1	600	725	263 1	150,0
из них ламповые	„	200	78,8	200	275	380,7	150,0
б) трансляционных точек на проволоке	„	540	167	540	800	479,0	148,1
из них НКП и Т	„	340	87,4	340	500	572,1	147,1
из них Друг. организаций	„	300	79,6	200	300	376,9	150,0
В. Основной штатный контингент	един.	84.459	—	104,500	115.300[3]	—	110,6

[1] В части улучшения качества работы народной связи поставлено задачей — ускорить прохождение корреспонденции от адресата до получателя, добившись полного выполнения установленных контрольных сроков прохождения почтовой и телеграфной корреспонденции.

[2] Число радиостанций в особом квартале показано с низовыми радиостанциями.

[3] На особый квартал указан среднеквартальный штат.

Таблица 13

Единый финансовый план на особый квартал 1930 г. (в млн. руб.)

ДОХОДЫ

Источники средств	Всего	В том числе			
		Собств. средства [1]	Из них		
			Прибыль	Амортизация	Прочие
I. Средства обобществленного хозяйства					
1. Промышленность					
а) промышленность ВСНХ	783,0	743,0	599,0	144,0	40,0
б) кустарно-промысловая кооперация	87,5	66,0	61,0	5,0	21,5
в) инвалидная кооперация	12,2	9,2	8,7	0,5	3,0
г) прочая промышленность (аренд. и район.)	20,0	15,0	—	—	5,0
Итого	902,7	833,2	668,7	149,5	69,5
2. Электрохозяйство	53,6	33,0	20,0	13,0	20,6
3. Сельское хозяйство	261,2	248,9	—	—	12,3
4. Лесное хозяйство	12,4	12,4	—	—	—
5. Коммунальное и жилищное стр-во	126,1	—	—	—	126,1
6. Торговля					
а) организации Наркомторга	182,3	160,1	110,8	44,9	22,2
б) потребительская кооперация	154,0	127,0	112,0	12,0	27,0
Итого	336,3	287,1	222,8	56,9	49,2
7. Транспорт	743,6	652,8	500,1	152,7	90,8
8. Связь	37,3	37,3	37,3	—	—
9. Кредитные учреждения	109,0	109,0	109,0	—	—
10. Начисления в культфонд	76,0	—	—	—	76,0
11. Начисления хозорг. и коопер. на соц.-культурн. цели	123,7	—	—	—	123,7
12. Прочие:					
а) особо-товарный фонд	290,0	—	—	—	290,0
б) оборотные по сельскому хозяйству	133 0	—	—	—	133,0
в) прочие	112,3	—	—	—	112.3
Итого	535,3	—	—	—	535,3
ВСЕГО	3.317,2	2.213,7	1.557,9	372,1	1.103,5
II. Налоги					
1. Сельскохозяйственный налог	175,0	—	—	—	175,0
2. Налог с оборота	2.141,4	—	—	—	2.141,4
3. Таможенный доход	80,0	—	—	—	80,0
4. Прочие государственные налоги	98,4	—	—	—	98,4
5. Местные налоги и сборы	64,5	—	—	—	64 5
Итого	2.559,3	—	—	—	2.559,3
III. Средства гос. страховых органов					
1. Соцстрах	453,1	—	—	—	453,1
2. Госстрах	187,1	—	—	—	187,1
Итого	640,2	—	—	—	640,2
IV. Привлеченные средства населения					
1. Займы	350,9	—	—	—	350,9
2. Самообложение	151,9	—	—	—	151,9
3. Вклады и паи	389,6	—	—	—	389,6
4. Возврат ссуд в ВКК Банк	350.0	—	—	—	350,0
5. Прочие средства	39,4	—	—	—	39,4
Итого	1.281,8	—	—	—	1.281,8
V. Средства проф. союзов	119,1	—	—	—	119,1
VI. Нераспределенные средства	42,8	—	—	—	42,8
ВСЕГО по единому финплану	7.960,4	2.213,7	1.557,9	372,1	5.746,7

[1] Сумма прибылей и амортизации не во всех случаях равна итогу собственных средств, так как последние учитывают, кроме того, мобилизацию прочих ресурсов вступит. взносы, мобилизационные ресурсы и пр.).

Таблица 14

Единый финансовый план на особый квартал 1930 г.

(в млн. руб).

РАСХОДЫ

Назначение средств	Всего	В том числе		
		Капитальные вложения	Усиление оборотн. средств	Операционные и прочие расходы
I. Народное хозяйство				
1. Промышленность				
А. Регулирование промышленности	4,3	—	—	4,3
Б. Финансирование „				
а) промышленность ВСНХ	1.344,0	890,0	446,0	8,0
б) прочая промышленность	55,0	55,0	—	—
в) кустарно-промысловая кооперация	76,0	26,0	50,0	—
г) инвалидная кооперация	14,0	4,0	10,0	—
д) промышленность низов. подчинения	5,0	5 0	—	—
Итого по „Б“	1.494,0	980,0	506,0	8,0
Итого „А“+„Б“	1.498,3	980,0	506,0	12,3
2. Электрификация	180,1	175,0	5,1	—
В т. ч. районные станции	—	150,0	—	—
3. Сельское хозяйство				
А. Регулирование сельского хоз-ва	7,1	—	—	7,1
Б. Финансирование „ „	1.274,5	730,0	330,0[1]	214,5
В том числе оборотных	133,0	—	—	133,0
Итого	1.281,6	730,0	330,0	221,6
4. Лесное хозяйство	27,0	11,0	—	16,0
5. Коммунальное и жилищное хоз-во	99,5[2]	91,0	—	8,5
6. Торговля				
А. Регулирование торговли	2,3	—	—	2,3
Б. Организации Наркомторга	1.244,6	130,0	1.1 0,3	4,3
В. Потребительская кооперация	347,0	127,0	220,0	—
Итого	1.593,9	257,0	1.330,3	6,6
7. Транспорт	564,4[3]	503,5[3]	25,0	35,9
8. Связь	76,2	45,0	30,0	1,2
9. Прочие расходы	47,0	—	38,0	9,0
Итого по народному хозяйству	5.368,0	2.792,5	2.264,4	311,1
II. Социально-культурные мероприятия				
1. Просвещение	805,1	100,0	—	705,1
2. Здравоохранение	233 8	49,2	—	184,6
3. Организация охраны труда и социальное обеспечение	279,5	9,6	—	269,9
Итого	1.318,4	158,8	—	1.159,6
III. Управление и оборона	580,9	8,0	—	572,9
IV. Запасные и страховые фонды	105,1	—	—	105,1
V. Прочие	139,3	—	—	139,3
Итого	7.511,7	2.959,3	2.264,4	2.288,0
Исключаются кредиты по госбюджету, переходящие на следующий год	80,0	—	—	—
Итого расходов по единому финплану	7.431,7	—	—	—
Превышение доходов над расходами	528,7	—	—	—
ВСЕГО	7.960,4	—	—	—

[1] Общая сумма ассигнований на усиление оборотных средств сельского хозяйства составляет 419 млн руб. и покрывается: в сумме 4 млн. руб. за счет собственных хозорганов, в сумме 16 млн. руб. по госбюджету и 399 млн. руб. средств Госбанка (учитывая уменьшение задолженности с.-х. кооперации Госбанку на 85 млн. руб.).

[2] Подлежит дальнейшему уточнению.

[3] Общая сумма капитальных вложений в транспорт—505 млн. руб., из них 1,5 млн. рублей показаны в разделе „Охрана труда“. Общий об'ем капитальных вложений по транспорту, считая вложения за счет неиспользованных ресурсов, перешедших с истекшего года, выразится в сумме 655 млн. руб.

Таблица 15

Единый государственный бюджет на особый квартал 1930 г.

Доходная часть		Расходная часть	
Статьи дохода	Тыс. руб.	Статьи расхода	Тыс. руб.
I. Налоговые доходы		**I. Народное хозяйство**	
Единый сельскохозяйственный налог	175.000	Промышленность (включ. Союззолото)	863.400
Налог с оборота	2.141.400	Электрификация	121.850
Подоходный налог	61.000	Платежи по займу хозяйствен. восстановления	30.100
Налог валсверхприбыль	2.000	Сельское хозяйство	622.000
Промыслов. налог с частного сектора	35.000	Лесное „	27.057
		Торговля	340.600
Итого	2.414.400	Транспорт (включ. воздушный)	878.300
		Народная связь	107.310
Таможенные доходы	80.000	Прочие мероприятия	9.000
Пошлины и сборы	400	Итого (I)	2.999.617
Итого налогов. доходов (I)	2.494.800	**II. Регулирование нар. х-ва**	8.797
		III. Социально-культурные мероприятия	
II. Неналоговые доходы		Просвещение	278.686
Доходы от государств. имуществ и предприятий		Здравоохранение	12.210
		Охрана труда и соц. обеспечен.	10.415
Государственная промышлен.	267.600	Итого (III)	301.311
Изъятие из прибылей местной промышленности	81.650	**IV. Администрирование соц.-культ. мероприятий**	2.182
Электростроительство	3.000	**V. Управление и оборона**	522.315
Предприятия НКТорга	77.300	**VI. Запасные и резервные фонды**	
Государственная торговля	302.000		
Банки	49.000	Резервные фонды Совета Народных Комиссаров	51.000
Сел.-хоз. предприятия	8.000	Госхлебфонды	127.000
Прочие гос. имущества	4.000	Прочие фонды	5.000
Госстрах	57.000	Итого (VI)	183.000
Потребительская кооперация	50.000	**VII Расходы по гос. займам**	125.000
Промысловая „	5.000	**VIII. Средства, передаваемые в другие бюджеты и финпланы**	
Инвалидная „	200		
Итого	904.750	Отчисления на социальное страхование рабочих и служащих	9.000
Доходы от возврата ссуд и от поступл. % по ним	7.000	Пособия и фонды	1.350
Доходы разного рода	28.685	Возмещение расх. местн. бюдж. по учр. бывш. Цутранпроса	23.050
„ от выпуска монеты	5.000	Отчисления от гос. доходов в местн. бюджет	319.410
Итого неналоговых доходов (II)	945.435	Средства, передаваем. Госстраху	31.000
		Итого (VIII)	383.810
III. Отчисления в культурн. фонд	50.000		
IV. „ от госзаймов	420.000	**IX. На усиление средст. Госбанка**	50.000
Итого госдоходов без НКПС и НКПиТ	3.910.235	**ВСЕГО (I—IX)**	4.576.032
Итого (I—IV)		**X. Кредиты, переход. на следующий бюджетный период**	80.000
V. Доходы от транспорта	1.091.600	**ВСЕГО (I—X)**	4.496.032
VI. Доходы от почты, телеграфа, радио и телефона	105.600	**XI. Накопление на расчетном счете НКПС в Госбанке**	108.500
		XII Резерв	502.903
ВСЕГО (I—VI)	5.107.435	**ВСЕГО (I—XII)**	5.107.435

Таблица 16

Кредитный план Государственного банка на особый квартал 1930 г.

Ресурсы	В млн. руб.	Направление ресурсов	В млн. руб.
I. Прибыль	85,0	1. Промышленность	159,5
II. Текущи счета	340,0	2. Предприятия НКТорга	795,0
В т. ч. Местный бюджет	—15,0	3. Предприятия НКЗема	296 4
В т. ч. НКФ	—	4. С.-х. кооперация	—161,0
В т. ч. Госстрах	95,0	5. ВКК банк	—321,0
В т. ч. Цусстрах	80,0	6. НКПочтель	30,0
В т. ч. Сберегат. кассы	110,0	7. Транспорт	—108,5
В т. ч. Профсоюзы	25,0	8. Вся кооперация (кроме потребительской и с.-х. кооперации)	— 24,0
В т. ч. Прочие	45,0	9. Потребительская кооперация	4,0
III. Расчеты с НКФ	307,1	10. Отчисления НКФ (из прибыл. 35 + 5 по мон. доходу)	40,0
В т. ч. Заем хоз. восстановления	30,0	11. Прочие	38,0
В т. ч. Госхлебфонд	127,0	Итого	748,4
В т. ч. БДК	100,0		
В т. ч. Пр. гарантии и платежи	50,0		
Итого	732,1		
VI На усиление средств Гос банка	50,0	12. Временно нераспределенные	33,7
Всего	782,1	Всего	782,1

ПЛАНХОЗГИЗ

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ И ПОСТУПИЛИ В ПРОДАЖУ НОВЫЕ КНИГИ

Б. Ястремский, В. Хотимский, В. Старовский и А. Боярский. Теория математической статистики. Стр. 368. Цена без перепл. 3 р., в перепл. 3 р. 25 к.

Борьба с потерями в народном хозяйстве. Сборник под редакц. И. Кана. 2-е изд. Стр. 287. Цена 1 р. 70 к.

Животноводство СССР. Динамика скотоводства. Кормовая база, Мясной баланс. Под ред. А. И. Гайстера. Стр. 261. Цена 2 р. 25 к.

Единые нормы выработки по строительному производству. Стр. 368. Цена 2 р. 25 к.

Колхозы в 1929 г. Итоги сплошного обследования колхозов. Стр. 274. Цена 2 р. 80 к.

Виленц-Горовиц Е. Жилищное строительство. Стр. 70. Цена 28 к.

Кабаков О. И. Местная промышленность. Стр. 80. Цена 35 коп.

Зарзар В. А. Автомобилизация и дорожное строительство СССР. Стр. 112. Цена 35 коп.

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ: в Книгоцентр ОГИЗ РСФСР (Москва, ГСП, 1, Ильинка, Богоявленский пер., 4), а также во все отделения и магазины Книгоцентра и Кооп-книги.